

9206
11 152

Книга Галенко

РАЗГАДКА УЗЛА
ГАРМО

госиздат
1934

60
Я 206
152

Н. В. КРЫЛЕНКО

РАЗГАДКА
УЗЛА ГАРМО

9045

38-2378

1934

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1724 242

с

2000011764

55-2672

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая книжка является последней из серии выпущенных нами книжек об экспедициях по Памиру.

С 1928 по 1933 год почти ежегодно, за исключением лишь 1930 года, когда экспедиция, по независящим от нас причинам, не состоялась, автор этих строк систематически проводил свои «отпуска» среди горных хребтов и ледников Памира. Вместе с группой преданных и самоотверженных товарищей из года в год мы систематически и последовательно проникали в наиболее отдаленные и наименее доступные углы Памира, шаг за шагом отвоевывая от суровой природы все новые пространства, последовательно раскрывая ее тайны и занося на карту до сих пор никем не посещенные ущелья и долины, ледники и горные вершины. Случайное участие в советско-германской экспедиции 1928 года в качестве туриста-альпиниста положило начало этому моему увлечению Памиром.

Это случайное посещение уже в следующем—1929—году переросло в последовательное изучение неизвестных до сих пор районов, а затем в систематическую, из года в год, научно-исследовательскую работу по географическому и геологическому обследованию наименее доступных мест.

Выпуская эту книжку, автор с полным основанием может сказать, что задача, которую он себе ставил все эти годы, может считаться сейчас разрешенной целиком. Натолкнувшись в экспедиции 1928 года на недопустимый факт, что на территории нашей страны, и не так уж далеко от населенных пунктов, всего в трех днях пути от Ферганы,

где проходит железная дорога, имеются неисследованные пространства, где еще никогда «не ступала человеческая нога», — автор поставил своей задачей ликвидацию этого «белого пятна» и прежде всего — с элементарно-географической точки зрения. Эта задача была тем более интересной, что как раз на пространстве этого «пятна», оказалось, поднимают свои вершины величайшие пики гор СССР—пик Ленина в семь тысяч сто двадцать семь метров высоты и пик Сталина—семь тысяч четыреста девяносто пять метров. Трудность и малодоступность района только подогревали исследовательский энтузиазм и альпинистский задор участников экспедиции. Экспедиция 1933 года закончила пятилетнюю работу.

Крупнейшую, неоценимую поддержку встретил автор в этих своих исследованиях со стороны прежде всего Академии наук, в лице ее виднейших работников и знатоков Средней Азии—академика Ферсмана и профессора Д. И. Щербакова. Финансово-материальную помощь оказали хозяйственные организации, заинтересованные не менее, чем автор, в геологическом изучении высокогорных районов. Наконец, Центральный совет Общества пролетарского туризма дал самое необходимое для организации экспедиций—живую рабочую силу, молодой туристский актив, готовый рисковать, если нужно, жизнью для разрешения поставленных задач.

Ближайший контакт, который автор поддерживал с неутомимым организатором Среднеазиатских экспедиций 1932 и 1933 годов Н. П. Горбуновым, взявшим на себя тяжелую обузу снабжения экспедиций, также сыграл не последнюю роль и обусловил успех.

Итоги своих исследований автор и предлагает вниманию читателей в настоящей книжке.

Не все читатели знакомы, однако, с предыдущими нашими книгами¹.

Это заставляет нас, чтобы было понятно дальнейшее изложение, дать несколько вводных замечаний географии исследуемого района и о последовательности и содержании проведенных в 1928, 1929 и 1931 годах работ.

¹ «По неисследованному «Памиру», М. Огиз, 1929 г. «В неизведанные выси», М., Огиз, 1930 г. «Узел Гармо», М., Огиз, 1932 г.

Для тех, кто читал ранее выпущенные книжки, эти строки покажутся, конечно, повторением.

Мы считаем все же необходимым предпослать их нашему рассказу.

Два гигантских горных хребта отделяют с севера высокогорный Памир от остальной территории Союза. Это хребты Алайский и Заалайский. Оба они тянутся в широтном направлении с востока на запад, оба берут начало в крупнейших средоточиях горных узлов Гималаев и Тянь-Шана. Между обоими хребтами лежит красавица Алайская долина с рекою Кзыл-су. На середине Заалайского хребта высится пик Ленина. К югу идет собственно Памир—высокогорная песчаная пустыня, поднятая на четыре тысячи метров высоты, прямоугольник, запертый со всех сторон высочайшими горами. С востока его запирает хребет Сарыкол, по которому идет наша граница с Китаем. С юга идут отроги Гималая, и тянется по рекам Памиру и Пянджу наша граница с Афганистаном. А с запада Памирскую пустыню отделяет от населенных кишлаков предгорного Таджикистана высокий горный хребет, до 1928 года не имевший никакого названия. В советско-германскую экспедицию 1928 года ему было присвоено название хребта Академии.

Все пространство по правую и по левую сторону хребта Академии на восток и на запад представляло собою громадное «белое пятно», о котором никто ничего не знал. Было только известно, что есть через этот хребет два высокогорных перевала—перевалы Кашал-аяк и Танымас (Язгулям). И было известно, что где-то севернее этих перевалов, приблизительно в месте стыка Заалайского хребта и хребта Академии, поднимается вершина пика Гармо, достигающая примерно шести тысяч метров высоты, как тогда думали; но точно никто не знал ни его местоположения, ни точной высоты. Обо всем этом районе было известно только, что немного южнее Заалайского хребта параллельно ему тянется еще один хребет, открытый в 70-х годах—хребет Петра Первого. Между этим хребтом и Заалайским бежит бешеная река Муук-су. Хребет Петра Первого тянется от стыка хребта Академии с Заалайским хребтом на запад гораздо дальше Заалайского хребта; последний, наоборот, сходит постепенно на-нет и исчезает совершенно

в месте слияния рек Кзыл-су и Муук-су. Зато хребет Петра Первого представляет собою гранитную ледяную стену, высотой до трех километров, совершенно неприступную с своей северной стороны. Как гигантская баррикада, он охраняет доступ в район пика Гармо.

В 1928 году советско-германская экспедиция проникла впервые с востока в «белое пятно» по руслу и затем ледникам реки Большой Танымас и открыла хребет Академии. Она открыла вместе с тем, что вдоль всего хребта Академии тянется громадный ледник свыше семидесяти километров длиной—ледник Федченко. Все пространство на восток от этого ледника Федченко было изучено, заснято и перенесено на карту немецкими учеными Финстервальдером и Бирзаком. С этих пор одна половина «белого пятна» была расшифрована целиком. Но только одна половина.

Правда, в экспедицию 1928 года как раз русская группа альпинистов при участии автора этих строк отыскала, прошла и нанесла на карту оба старинных перевала через хребет Академии. Спустившись перевалом Кашал-аяк через хребет Академии в долину реки Ванча, она вторично пересекла хребет Академии немного южнее, поднявшись на этот раз с запада на восток по долине реки Язгулям через перевал Танымас. Это было крупнейшее открытие экспедиции 1928 года, но оно помогло восстановить и начертить карту западной части «белого пятна» только южнее долины реки Ванча. Вся же часть между рекой Ванч с юга, хребтом Академии—с востока и хребтом Петра Первого—с севера оставалась совершенно неизвестной. А между тем именно здесь возвышался пик Гармо, и здесь было средоточие крупнейших горных вершин, и, наконец, здесь же, по словам таджиков, брала начало золотonosная река Гармо-Хингоу.

Однако организованная нами в следующем же 1929 году экспедиция первоначально направила свое внимание не сюда. Недостаточно исследованной оставалась сверх того часть южного склона Заалайского хребта в непосредственной близости к пику Ленина. С южной стороны хребта здесь протекала река Саук-сай, впадавшая затем

в Муук-су. Эта река также несла золотой песок. В долине этой реки когда-то, давным-давно работали по золоту капиталистические предприниматели.

Сюда направилась экспедиция 1929 года, организованная Геологическим комитетом СССР и Центральным советом Общества пролетарского туризма. Она прошла всю долину Саук-сая, вплоть до ледников и фирновых полей около пика Ленина, и после двухкратной неудачной попытки восхождения на пик на высоте пяти тысяч семисот метров пересекла Заалайский хребет и спустилась в Алайскую долину. Экспедиция, кроме геологического обследования, уточнила карту всей долины Саук-сая и северо-восточной части «белого пятна».

Эта экспедиция описана нами в книжке «В неизведанные выси».

Только после этого мы взялись за неизученную, самую трудную и малодоступную часть, о которой мы сказали выше,—район высокогорного узла Гармо.

После несостоявшейся экспедиции 1930 года туда направилась экспедиция 1931 года. Сначала мы думали проникнуть туда через северный склон хребта Петра Первого, для чего обосновались в урочище Алтын-мазар («Золотая могила»), расположенном как раз против выхода реки Муук-су из языка ледника Федченко. Но каменные и ледяные громады хребта Петра Первого и бешеные волны Муук-су не пропустили экспедицию в этот район. Большим обходным путем проникли мы в него через ущелье ледника Сагран—самое последнее и самое западное из ущелий и ледников, стекающих с северного склона хребта Петра Первого, и через мало посещаемый Пеший перевал пересекли хребет Петра Первого. В свое время этим же перевалом в 1913 году прошла немецкая экспедиция Рикмер-Рикмерса, впервые вообще посетившая этот район. По ее следам пошла экспедиция 1931 года. Экспедиция открыла и обследовала прежде всего ледник Гандо, тянувшийся, как оказалось, за хребтом Петра Первого и параллельно ему с востока на запад.

Экспедиция открыла и установила, что за ледником Гандо подымается новый хребет, который она назвала хребтом ОПТЭ. Наконец, экспедиция проникла в долину реки Гармо, расположенную к югу от хребта ОПТЭ и

тянувшуюся параллельно все так же с востока на запад. В этой долине, кроме немецкой экспедиции 1913 года, побывала в 1916 году экспедиция бывш. Императорского географического общества под руководством астронома Беляева. Беляеву удалось пройти долину реки Гармо и открытым им Пулковским перевалом через следующий горный хребет—Дарваз—перевалить в долину реки Ванч.

Но ни немцы в 1913 году, ни Беляев в 1916 году не обследовали этого района до конца, не установили местонахождения пика Гармо, не дали точной карты этого района. Все это выпало на долю экспедиции 1931 года. Она первая прошла до конца ледник Гандо и ледник Гармо со всеми основными прилегающими ледниками. К сожалению, основной задачи — по связи карты этого района с немецкой картой 1928 года и восточной частью «белого пятна» от хребта Академии и с картой северного склона хребта Петра Первого от реки Муук-су—экспедиция 1931 года не разрешила. Для этого нужно было обязательно взойти и на хребет Академии и на хребет Петра Первого. Без этого отдельные части «белого пятна» оставались несвязанными.

Работы этой экспедиции описаны в книжке «Узел Гармо».

Предлагаемая книжка содержит описание экспедиции 1932 и 1933 годов, двух экспедиций, которые потребовались, чтобы разрешить эту задачу. В какой последовательности они были разрешены—об этом говорится в дальнейшем. Раньше еще несколько слов по поводу некоторых терминов и названий.

Нами приложены к книжке карты.

Первая карта (карта всего Советского Памира) показывает размеры неисследованной до 1928 года территории Северного Памира («белого пятна»).

Десятиверстная карта, которой пользуются до сих пор, дает в этом районе только намеки на наличие здесь ледников.

Вторая карта рисует итоги всех наших работ, когда связались разрозненные части и полностью удалось восстановить карту всего «белого пятна». Красные линии показывают последовательный ход экспедиций 1928, 1929, 1931, 1932 и 1933 годов.

Экспедиция 1932 года прошла всю долину реки Гармо и все ледники этой долины и, взойдя на перевальную точку хребта Академии, фактически связала карту своих исследований с немецкой картой. Мало того, по следам Беляева она прошла ледником Ванч-дара через Пулковский перевал в долину Ванча и, повторивши путь экспедиции 1928 года, перевалом Кашал-аяк вторично пересекла хребет Академии и спустилась в долину ледника Федченко. По леднику Федченко она поднялась затем на север и по Бивачному леднику, на этот раз с востока на запад, снова подошла к хребту Академии с намерением взойти еще раз на ту же точку, где уже однажды была, чтобы еще раз проверить и еще раз связать обе половинки карты. Эту задачу, к сожалению, довести до конца экспедиции не удалось по причинам, которые указаны в первой части настоящей книжки.

Не удалось экспедиции в 1932 году полностью разрешить и задачу установления перевальной связи с севера на юг через хребет Петра Первого между долиной Гармо и долиной Муук-су. С юга не оказалось вовсе подступов к ледяной стене хребта, а с севера работавшая группа экспедиции, не зная рельефа горных хребтов, запуталась среди них и не смогла найти выхода и перевала на юг.

Экспедиция 1932 года допустила и еще одну ошибку: точное местоположение пика Гармо, к которому она стремилась, она установила, но, ошибочно отнеся его расположение километров на тридцать к северу, подобно немецкой экспедиции 1928 года, смешала его с другой неизвестной до сих пор вершиной, действительно высочайшей вершиной СССР. Эту последнюю немцы в свою очередь считали пиком Гармо, хотя она пиком Гармо не была. Эта вершина, которую одновременно атаковала с востока группа Горбунова, была названа нами в последствии, после установления ошибки, пиком имени т. Сталина. Она именно оказалась главенствующей над всем высокогорным районом. Установить это удалось только благодаря геодезическим работам группы Москвина, работавшей по северному склону хребта Петра Первого.

Работы экспедиции 1932 года описаны в первой части этой книги под названием «В узле Гармо».

По следам Москвина и пошла поэтому экспедиция

1933 года и проникла в самый центр «белого пятна». По леднику Фортамбек она прошла «пятно» все целиком с севера на юг, с востока на запад и с запада на восток и установила связь и на юг с долиною Гармо, и на восток с пиком Сталина и ледником Федченко, и на запад с ледником Гандо и ледником Сагран и Пешим перевалом. Одновременно группа Н. П. Горбунова атаковала пик с востока от ледника Федченко и 3 сентября 1933 года взшла на его вершину. Этим была закончена расшифровка узла Гармо.

Работы экспедиции 1933 года описаны во второй части под названием «Разгадка узла Гармо».

Автор выражает горячую признательность своим товарищам по работе и в особенности гг. Арику Полякову, Дорофееву и Л. Бархашу, разрешившим использовать их фотоснимки для настоящей книжки.

Москва.

Январь 1934 г.

I

В УЗЛЕ ГАРМО

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ТАДЖИКИСТАН

ГЛАВА I
ГАРМ

24 августа

Я опоздал. Мне надо догонять. Неожиданные препятствия задержали мой выезд из Москвы. Уже давно, больше месяца тому назад, все мои спутники уехали из Москвы в Ош, все в тот же Ош, который вот уже из года в год служит отправным пунктом наших экспедиций. На этот раз Ош явился базой крупнейшей экспедиции из всех, которые имели место за истекшие годы.

Неутомимый Н. П. Горбунов—инициатор советско-германской экспедиции 1928 года—взялся на этот раз организовать экспедицию в размерах, превосходивших в несколько раз все прежние, взятые вместе. Несколько десятков отрядов должны были выступить из Оша по всем направлениям Таджикистана для изучения его во всех возможных отношениях—географическом, геологическом, гидрометрическом, метеорологическом, этнографическом, ботаническом и пр. и пр.

На мою долю, как руководителя одной из групп экспедиции, выпала гораздо более скромная задача—продолжать наши исследования в области высокогорного узла Гармо, завершить не оконченную в 1931 году работу, расшифровать до конца—а мы думали, что это нам удастся сразу,—знаменитое «белое пятно» в этом наименее доступном уголке Памира

Мои спутники выступили из Оша пятнадцатого июля.

Увы! Сегодня уже двадцать четвертое августа, а, по договоренности в Москве, к двадцать пятому августа мы должны были встретиться в кишлаке Пашимгар—последнем населенном пункте высокогорного Памира, к западу от района Гармо. Мы были все в Пашимгаре в экспедицию 1931 года. Мы знали там все шедшие оттуда основные направления в горы и ледники. Вот почему в Пашимгаре мы назначили место встречи.

Сегодня утром я вылетел из Ташкента через Самарканд на самолете, чтоб попасть во-время, и сейчас вдвоем со своим спутником, доктором Пислегиным из Ферганы, мы только что сошли с самолета в маленьком, заброшенном среди гор городишке Гарме. И все-таки опоздал.

Что же такое Гарм и почему именно здесь мы оказались?

Гарм—это один из районных центров горной части Таджикистана, Таджикской советской республики. Еще в прошлом году, в экспедицию 1931 года, в Пашимгаре нам говорили, что от Пашимгара до Гарма всего пять дней пути, а в Гарм можно проникнуть на самолете. Вот почему вместо того, чтобы по проторенным маршрутам из Оша или Ферганы семь или восемь суток трястись верхом до Пашимгара через Дараут-курган, Девсиар и перевал Гардани-кафтар, путь, которым мы вернулись в прошлом году¹, я решил догнать своих спутников этим кратчайшим путем,—поэтому сейчас мы оказались в этом городишке Гарме. И все же опоздали.

Нелегко нам дался этот сокращенный путь. Правда, вылетевши сегодня утром из Ташкента в шесть утра, самолет в восемь опустился в Самарканде и около десяти утра уже был в столице Таджикистана—Сталинабаде, прежнем Дюшамбе. Но так скоро добраться до Сталинабада мы сумели лишь потому, что из Самарканда рискнули лететь на Сталинабад прямо через горный хребет на высоте больше четырех тысяч метров. На обычный путь по речной долине потребовалось бы еще два часа. Мы рискнули итти так, без дороги, только по компасу, потому что сильный встречный ветер грозил перейти в очень опасный для нормального движения самолета вихрь, именуемый «афган-

¹ См. «Узел Гармо».

цем» (т. е. ветер, дующий от Афганистана), продолжающийся не меньше сорока восьми часов и подымающий с собою тучи пыли и песка на высоту больше двух тысяч метров. Чтобы уйти от этого «афганца», мы рискнули без дороги лететь прямо через горный хребет.

Мы счастливо перелетели это препятствие. Но все же, когда разверзлись под ногами бездонные пропасти горных ущелий, когда со всех сторон снизу потянулись заостренные зубья снежных и бесснежных скал, когда вдруг стало до боли ясно, что малейшая неосторожность летчика—и спасения никакого нет, потому что нет никакой надежды на посадку,—поневоле захолонуло сердце. И был один момент, когда казалось, что гибель неотвратима. Это было при перелете через гребень: крылья самолета, мнилось, вот-вот зацепят за каменные зубья, и самолет рухнет вниз кучей обломков.

Чтобы избежать столкновения, наш летчик резко взял сразу вверх и плавно описал полный круг. Мы оказались снова там, где уже были, но на несколько десятков метров выше. Самолет выправился и снова пошел по прежнему направлению. Зубчатые пики уже были позади, а внизу, в глубокой лощине, вдоль которой теперь шла машина, зазмеилась серебристой ленточкой река—наш проводник и показатель дороги.

Этим не все было еще исчерпано. В самом Сталинабаде нам пришлось пробыть не больше двух часов, а в двенадцать мы опять поднялись, чтобы снова через горы, правда теперь по уже известному ущелью, добраться до Гарма.

Обычно верхом от Сталинабада до Гарма нужно ехать трое суток. Наш самолет покрыл это расстояние в пятьдесят пять минут. Зато, как только мы вылетели, навстречу нам из ущелья поднялась большая сизая туча, другая такая туча скоплась на западе, и сильный ветер начал бросать, рвать и толкать наш самолет.

Если бы мы попали в грозу в этих горных ущельях, наш самолет был бы прижат, как говорят летчики, к земле, что сулило тоже мало приятных перспектив.

Доктор Пислегин впервые летел на самолете, и его ментально укачало. Занятый фотографированием, я обратился к нему с просьбой чуточку подержать занавеску кабинки, чтобы легче схватить открывавшуюся панора-

Вид горных вершин с аэроплана при перелете от Ташкента до Сталинабада.

му, и вдруг заметил, что мой доктор сидит весь зеленый, а на дне кабинки—последствия горной болезни. Бедный доктор оправился лишь тогда, когда летчик направил самолет вниз на видневшуюся нам сверху сравнительно небольшую площадку в глубине ущелья, покрытую мелким камнем и невысокой травой. Горы здесь раздвинулись, и площадка оказалась достаточно широкой, чтобы превратить ее в примитивный аэродром.

Белый круг, выложенный на площадке, показывал место посадки самолета. Два деревца, глиняная сакля, большая белая палатка и, наконец, антенна радиостанции— вот было все, что характеризовало проникновение сюда, в это царство гор, индустриальной культуры и «цивилизованного» человека.

Было около часу дня, когда мы сошли с самолета. Кругом нас уже были горы. Азия встречала своих гостей. Мы прилетели в Гарм.

Самолет поднялся раньше, чем мы успели дойти не-

сколько сотен шагов до глиняной избушки и белой палатки. Самолет торопился вернуться обратно в Сталинабад до наступления бури.

Ни в сакле, ни в белой палатке мы не нашли, к нашему удивлению, никого, кто бы нас ожидал. Несколько таджиков на лошадях, двое-трое русских рабочих, работавших при аэростанции, и радист — вот были все, кого мы тут нашли. Оказалось, что мы еще не в Гарме, — что самый Гарм отстоит еще на восемь километров от аэродрома.

Лошади, которые должны были, по уговору в Ташкенте, встречать нас здесь, еще не приходили. Пришлось поневоле самим заботиться о себе. Но нам немедленно предложили местных лошадей, взявши по десяти целковых за лошадь. Наши лошади встретили нас на полдороге.

Проводники нам сообщили по пути, что они уже настолько привыкли к сообщению на самолете, что пользуются им при всяком возможном случае. Несмотря на сравнительную дороговизну (свыше ста рублей) за один час полета, это все же обходится дешевле, чем трехдневное путешествие верхом. Самолет приходит сюда два и три раза в сутки, каждый раз забирает от четырех до шести пассажиров. Все это, конечно, уже достижения советской культуры.

Такое же смешанное впечатление культурных завоеваний и старых «восточных» нравов произвел и сам Гарм.

Город, если можно, конечно, назвать городом три-четыре двухэтажных белых дома среди двух десятков глиняных избушек с типичными плоскими крышами, расположен в горной долине, со всех сторон закрытой хотя и бесснежными, но сравнительно высокими горами. Река Сурхоб, на которой лежит Гарм, тянется дальше на восток. Всюду подымались высокие тополи и зеленели фруктовые рощи. Склоны гор, сжимающие реку, золотились ячменными полями. Выше начинались травяные склоны и еще выше мрачные черные утесы.

В самом Гарме, так же как и на аэродроме, мы не нашли первоначально никого. Нас должен был встречать один местный товарищ, П—кий, но он отсутствовал по делам службы. Заменявший его товарищ ничего не знал ни об

экспедиции, ни о нашем прибытии. Он сообщил нам только, что рядом, в помещении школы, расположился прибывший недавно другой отряд нашей же Таджикской комплексной экспедиции—географический отряд т. Макеева, но что ни лошадей, ни охраны, которую мы рассчитывали найти в Гарме, пока еще нет. Поневоле пришлось остаться до вечера и дожидаться приезда отсутствовавшего т. П—го.

От нечего делать мы с доктором отправились в гости к географам. Их было четверо—двое мужчин и две женщины, все ленинградцы. Сам т. Макеев уже больше полутора месяцев скитался по району как географ и этнограф. Его сотрудницы работали—одна по ботанике и другая по геологии (коллекторша). Четвертый спутник был молодой инженер Маслов, исправлявший обязанности «старшего конюха». Только на этих условиях он был принят, как оказалось, в отряд. Конюх все же он был плохой.

На крутом перевале две лошади вместе с запасами провианта свалились в пропасть, и отряд сидел сейчас уже пятые сутки в Гарме, ожидая денег, чтобы наново обзавестись транспортом.

Географы ужасно обрадовались, увидев нас, и эта радость перешла в восторг, когда мы сообщили, что сможем их вывести из беды, ссудивши необходимые им полторы тысячи рублей. Это давало им возможность выехать уже на следующий день. Мы с ними условились, что постараемся встретиться недели через две уже непосредственно на ледниках.

Лишь поздно ночью вернулся т. П—кий, и выяснилось недоразумение с лошадьми. Он, оказалось, был предупрежден о нашем приезде, но лошади все же запоздали. Их нужно было ждать. Лошади действительно пришли из Сталинабада только на следующее утро. С ними прибыли пять красноармейцев, прикомандированные к нашей экспедиции для охраны. Чтобы дать им отдохнуть, пришлось поневоле остаться еще на один день в Гарме.

25 августа

Зато Гарм за этот и следующий день мы изучили, что называется, во всех подробностях. Первое, что характерно

для Гарма, это—малярия. Несмотря на то, что город расположен на высоте почти двух тысяч метров, малярия свирепствует тут во-всю. Почти две трети местного населения, а европейцы чуть ли не все целиком были малярики. Малярия свирепствовала по кишлакам и, что было страшнее всего, косила свои жертвы вплоть до смертельного исхода. На мой вопрос, как поставлена медицинская помощь, мне сказали, что в Гарме есть аптека. Но аптекарь, больной старик с распухшими от ревматизма ногами, сообщил нам, что запас хины у него небольшой, его не хватает, и население поэтому лечится у знахарей.

Утром, вставши рано, мы двинулись с доктором на базар. Несмотря на то, что было только двадцать пятое августа, мы нашли очень много винограда. Народу, однако, было мало.

Таковы были наши первые впечатления от города Гарма.

Самым важным и существенным продуктом «европейской» культуры была гармская почта. Связь по радио была единственной связью, которая соединяла этот уголок с внешним миром. Радиосвязь, однако, не работала, вернее работала сюда и не работала отсюда. Телеграммы приходили по радио, а отправлялись на самолете. Но и те телеграммы, которые были для меня из Москвы, пришлось отыскивать в течение целого дня. Зато с телеграфистом мы условились о том, что, как только связь будет налажена, он обязуется неукоснительно передавать наши телеграммы нам с первой же оказией.

ГЛАВА II

В ПУТИ

26 августа

Я назначил выезд в семь часов утра, но, конечно, выехать в семь часов нам не удалось. Лошади из Сталинабада—верховая и вьючная—пришли только для меня. Для доктора лошади не оказалось, и ее пришлось доставать. Затем не оказалось веревок для вьюков. Пришлось будить людей и добывать веревки. Мы тронулись только в восемь часов.

Так как путь был известен, сравнительно безопасен и мы ехали налегке, мне хотелось за день пройти как

можно больше. Поэтому ночлег ориентировочно был назначен в следующем районном центре—в городе Тавиль-даре, уже в долине реки Хингоу, километров за шестьдесят от Гарма. Это было далеко не мало, тем более, что от долины реки Хингоу нас отделял перевал около трех тысяч метров высоты. Как раз на этом перевале отряд Макеева потерял своих двух лошадей. Путь оказался впрочем достаточно интересным с точки зрения быта горного Таджикистана 1931 года.

Не успели мы выехать из Гарма, как неожиданно отряд наш увеличился. На пути нам попались два всадника, из которых один оказался моим старым знакомым—курдом Муссой, встречавшим меня в 1931 году, когда мы возвращались из Пашимгара в Девсиар через перевал Гарданикафтар¹. Мусса ехал теперь в Тавиль-дару в качестве проводника местного уполномоченного Наркомвнешторга по заготовке пушнины. Он заявил, что дальше поедет вместе со мною, так как его спутник едет только до Гарма, откуда дальше полетит на самолете.

Наш отряд, таким образом, вырос до восьми человек—четыре красноармейца, я, доктор Пислегин, Мусса и пограничник Назаров. В таком составе мы скоро свернули от долины Сурхоб и стали подыматься в горы по широкой, сплошь избитой копытами лошадей тропе к перевалу Камчурак.

Жара очень скоро дала себя знать. К двенадцати часам мы все уже измаялись, а подъем шел все выше и выше.

Вдоль тропинки шли телеграфные столбы, и, как правило, на каждом из них сидели, отливая всеми цветами радуги, по две, а то и по три сизоворонки. Тропинка пошла почти по самой грани перевального хребта. Хотя кругом шли все еще заселенные районы, только три встречи остались у меня за весь день в памяти. Сначала навстречу нам попалась одиноко ехавшая молодая девушка, видимо русская, а не таджичка. То, что она ехала одна, либо должно было характеризовать местность как спокойную, либо свидетельствовать о недюжинной храбрости путешественницы.

¹ См. «Узел Гармо».

Вторая встреча была с уполномоченным ОГПУ Тавиль-дары, ехавшим вместе с милиционером,—оба были вооружены. Это уже более соответствовало характеру района.

Третья встреча была еще с каким-то русским,—эта встреча произошла уже по ту сторону хребта. Других встреч не было...

Но туземцев мы не встретили никого, как и не нашли наверху ни хороших горных пастбищ, ни больших гуртов скота. Только в одном месте натолкнулись мы на десяток яков и, может быть, полсотню овец.

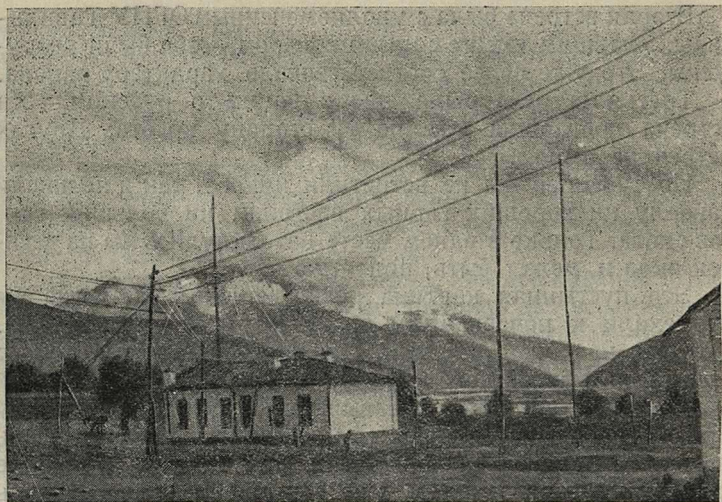
Это пустынная картина резко изменилась, когда мы подъехали к начавшемуся сразу крутому спуску вниз. Это был как раз тот спуск, где произошла катастрофа с лошадьми макеевского отряда. Спуск шел по узенькой каменистой тропинке, чрезвычайно крутой, по самому краю пропасти, куда скатиться действительно было очень легко. Спуск шел сначала очень круто вниз, к ложине реки Чиль-дары и затем уже совершенно полого вдоль реки, до ее впадения в реку Хингоу, по которой дальше шел наш путь.

Бросив товарищей, я выехал один далеко вперед, желая как можно скорее выбраться в широкую ложину к кишлаку, чтобы найти место для остановки и обеда.

Кишлак оказался расположенным уже в долине Хингоу—бурной и мощной реки, с обеих сторон сжатой крутыми, высокими, скалистыми хребтами. В небольшой фруктовой роще приютилась чайхана. Среди деревьев приветливо шипел самовар, и местные таджики чинно расположились перед ним прямо на земле. В глубине белели две больших походных палатки. Последние меня заинтересовали.

В белых палатках могли быть только европейцы. Кто это были? Я нашел в палатках пять человек, из которых только один сидел, а остальные лежали вповалку в жесточком приступе малярии. Это была партия работников по прокладке шоссе. Малярия скосила их всех до одного. Начальника партии вовсе не было. Его месяц назад, по словам оставшихся, отправили в больницу...

Подъехавший за мною доктор взялся за выполнение своих обязанностей по оказанию помощи больным, остальные расположились в чайхане. Однако отдохнуть решили

Почта и радиостанция в Гарме.

только час, чтобы сегодня же добраться до намеченного пункта. Но мы рассчитывали, что оставшиеся тридцать километров пройдем гораздо скорее, так как никаких гор по дороге не предполагалось, а самая дорога шла по широкой равнине вдоль реки.

На всякий случай я послал т. Назарова вперед, предупредить в Тавиль-даре об организации надлежащего ночлега. Повторять сцену гармского приема не хотелось.

Но только к девяти часам вечера, т. е. через пять часов пути, мы добрались до Тавиль-дары. Как ни была сравнительно легка дорога, первые тридцать километров по хребтам и скалам сказались, и уже в полной темноте мы подъезжали к мосту через реку, которая нас отделяла от Тавиль-дары. Выехавшие нам навстречу два милиционера сказали, что нас ждут в Тавиль-даре местные товарищи и что нам приготовлены отдых, ночлег и ужин.

Последние два километра, несмотря на темноту, мы проскакали галопом.

Тавиль-дара еще менее заслуживает право называться городом, нежели Гарм. Если в Гарме было три-четыре каменных дома, здесь их было только два; в одном—райисполком и местное отделение милиции, в другом—контора Южцветметзолота. Затем пять-шесть глиняных домиков—и это все.

Тавиль-дара расположена исключительно интересно—непосредственно у подножья гигантской каменной скалы. К этой скале прижимаются домики Тавиль-дары. С другой стороны ее омывает бурная река. Хрупкий, ненадежный мост является единственной связью с проезжей дорогой по долине.

На широкой площадке между скалой и рекой белел круг аэродрома. Но самолет только один раз рискнул здесь опуститься,—поломал шасси и с тех пор сюда не залетал...

В самой Тавиль-даре, в столовой мы встретили почти все местное общество из двадцати двух «европейцев», как себя называют местные пришлые работники в отличие от туземных. К сожалению, это обидное разделение далеко еще не изжито.

О нашем приезде, как оказалось, они знали и нас ждали.

Странное впечатление произвела встреча с местными товарищами. В «столовой ответственных работников», в маленьком, далеко не опрятном помещении, освещенном керосиновыми лампами, в одежде и шапках за столами сидело пятнадцать-двадцать человек. Из разговоров выяснились тяжелые, неприглядные условия работы в этом заброшенном районе, летом отделенном горами, а зимой совершенно отрезанном глубокими снегами, засыпающими долину. Люди тут поневоле дичали, а новые кадры из местного населения подымались и росли очень медленно. Воевать приходилось за элементарную грамотность и изживание самых диких предрассудков. И все же тут люди работают, живут, не складывают рук...

Герои!—хотелось сказать им, несмотря на ряд грубейших иной раз с их стороны ошибок и самых недопустимых перегибов. Подрастающей смене будет уже гораздо легче.

На ночь нас поместили в сравнительно чистенькую

комнату управления милиции, но предупредили, чтобы мы береглись комаров (малярия), клещей (персидский тиф), вшей (сыпной тиф), не говоря уже о блохах, крысах, тараканах и т. д. и т. п.

Когда я и доктор остались одни, мы первым делом взялись за хинин. Но как только потушили лампу и легли на койки, со всех сторон послышалось жужжание комаров, шуршание на потолке бегающих крыс, а руки, ноги и бока начали зудеть от бесконечных укусов.

В конце концов доктор мне заявил, что он желает плевать на всякие мероприятия по самообороне, за полной бесполезностью таковых, и будет спать. Чтобы хоть несколько ослабить атаку злобных насекомых, я соорудил себе ложе из одних голых табуреток. Но и это не помогло.

В пять часов утра мы поднялись, почти не спав всю ночь. Как оказалось после, все меры предосторожности не помогли, и из восьми человек нашего отряда только двое не заболели. Остальные все пали жертвой малярийных комаров Тавиль-дары.

27 августа

На следующий день мы выехали утром, чуть свет, еще при луне. Пунктом остановки я назначил теперь местечко Лянгар, тот самый Лянгар, от которого в прошлом году на обратном пути мы повернули к перевалу Гардани-кафтар. В среднем до Лянгара было также от шестидесяти до семидесяти километров.

И точно так же, как вчера, через какой-нибудь час после того, как мы выехали, нас стала донимать невозможная жара. Новым препятствием для быстрого продвижения, которого я никак не ожидал, явился тут мой собственный кавалерийский отряд.

Начальник отряда был, видимо, глубоко разочарован в своих надеждах встретить во мне покладистого начальника, а во всей своей командировке—увеселительную прогулку. Темпы передвижения, которых я требовал, ему совсем не нравились, и в особенности ему не нравилась перспектива останавливаться один раз в день на два часа, да и то, как я запроектировал на этот раз,—не в кишлаке, а в поле.

«Как так не в кишлаке? Почему не в кишлаке? Зачем так скоро ехать? Почему надо так гнать?»— вот вопросы, которые были все время написаны на его физиономии.

Ровная широкая тропа тем временем превратилась в узенькую тропинку, змеившуюся по довольно крутым склонам, и когда стемнело, ехать стало просто не безопасно. Около восьми часов вечера я решил остановиться на ночь тут же прямо на дороге. До намеченного пункта в Лянгаре мы все же доехать не успели.

Это уж совсем не понравилось моему командиру.

— Как так, стать на ночь прямо на дороге? Не в кишлаке? Почему?

Тут я окончательно вспылил:

— Вы баба, а не командир,— сказал я ему.— Я буду ночевать здесь, а вы, если угодно, можете отправляться в кишлак.

К моему удивлению, он действительно хотел отправиться. Тогда вмешались в дело Мусса и Назаров.

— Ты охрана,— сказал Назаров командиру.— Изволь оставаться, иначе я сообщу в вашу часть.

Эта угроза подействовала.

Я решил наутро поговорить с ним более серьезно.

Первая ночь в палатках была действительно настоящей походной ночью. Было холодно так, что зуб на зуб не попадал. Только горячий чай скрасил несколько положение. И поднялись мы куда раньше солнца.

28 августа

До Лянгара, как оказалось, мы не дошли всего каких-нибудь четыре километра. До Пашимгара оставалось еще километров семьдесят, т. е. третий день надо было идти тем же аллюром, даже еще более ускоренным. Поневоле пришлось подумать о том, как бы не переборщить. Обычно на такой путь таджики тратят не меньше двух дней. Но я не мог не торопиться, так как, по моим сведениям, последняя часть экспедиционной группы во главе с проф. Щербаковым уже должна была притти в Пашимгар через перевал Гардани-кафтар, у подножья которого мы теперь находились. Либо они уже пришли—и в таком случае мы

должны были их догонять, либо они должны были притти сегодня, и в таком случае мы должны были спешить к ним навстречу. Нам нельзя было медлить.

Сведения, которые мы получили в местечке Лянгар, были неутешительны. Нам говорили о каких-то прошедших партиях, но что это за партии—трудно было выяснить, и мы решили двигаться без остановки до кишлака Лойджирк, где в прошлом году останавливались у фельдшерицы. Никакой фельдшерицы в этом году мы там не нашли. Больница оказалась закрытой, фельдшерица с мужем куда-то уехала. Никого мы не нашли и в кооперативе и в местном совете. Зато по середине кишлака оказалось помещение конторы Южцветметзолота, руководившей старательскими работами по золоту. В этой конторе мы решили остановиться, чтобы поесть и отдохнуть (мы выехали утром, не позавтракав) и окончательно разузнать о партии Щербакова.

Заведующий конторой встретил нас очень приветливо и сообщил, что дальше на запад работает от нашей экспедиции только партия инженера-геолога Вологодина, находящаяся сейчас в кишлаке Арзынг, не доезжая восьми километров до Пашимгара, и что Щербаков не проходил. Сам он работал здесь несколько месяцев.

Успеем ли мы за день добраться до Пашимгара—на этот счет заведующий выразил сомнение, так как до Пашимгара он считал те же семьдесят километров.

— Первые тридцать пять километров вы проедете,—говорил он,—до кишлака Сангвара, т. е. до поворота, где Хингоу поворачивает налево и превращается из Хингоу в реку Гармо.

— Мы это знаем.

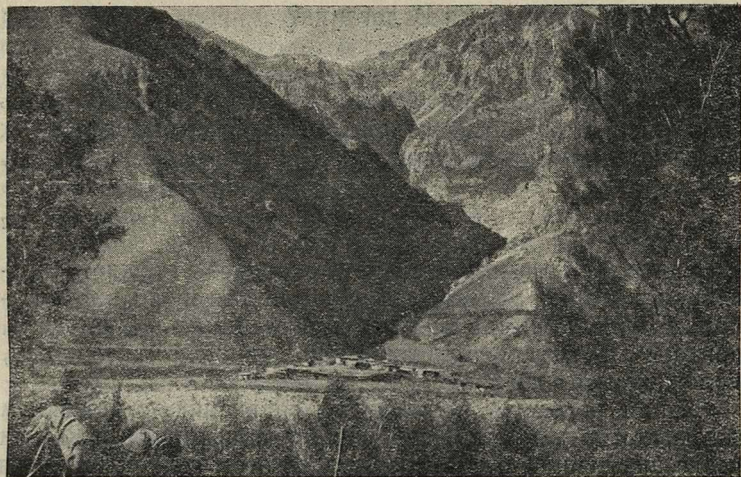
— Ну, а там еще километров тридцать пять. В Сангваре, если вам что-нибудь нужно, обратитесь к некоему Стамлихо. Это местный таджик, очень умный и хитрый, который держит в лапах все население.

— Почему же он держит?

— Как вам сказать? Традиции старые в горах еще сильны. Он чуть ли не бывший чиновник эмира бухарского,—во всяком случае его слушают.

— Странно!

— Что делать: такие тут порядки.

Кишлак Пашимгар.

После Лойджирка дорога пошла известной нам узенькой тропкой по самому берегу реки. Склон от реки уходил круто вверх. Оттуда свисали страшные нагромождения гранита. У самого Сангвара тропинка выходила на широкую террасу километра в полтора в поперечнике. Ехать становилось совсем легко. Здесь же кончалась по существу золотопромышленная зона. Дальше река шла в глубоком глинистом ущельи, стены которого подымались от уровня реки иной раз больше чем на сто метров.

Заведующий конторой оказался прав. Доехать до Пашимгара нам не удалось.

Стало уже совсем темно, когда мы прибыли в кишлак Арзынг, где была расположена партия инженера Вологодина.

— Где урус адам? Бар урус (есть ли русские)?— обратились мы к первой попавшейся старухе.

— Бар, бар,— и она указала пальцем в сторону от кишлака, вниз к реке.

У самой реки действительно горели огоньки костров. Мы поскакали. Навстречу нам от костров поднялись люди с винтовками.

— Стоп. Это партия Вологодина?

— Мы. А вы кто?

— Свои, свои.

Нас немедленно пригласили ужинать и ночевать. Ехать дальше не было никакого смысла. Мы не доехали в срок до места восемь километров.

29 августа

Партия Вологодина была уже четвертой группой европейцев, которых мы встретили за три дня пути: географический отряд Макеева, малярики-шоссейники в Чиль-даре, контора Южцветметзолота в Лойджирке и, наконец, вологодинская партия.

Какая огромная разница по сравнению с прошлым годом, когда мы были чуть ли не первыми европейцами после шестнадцати лет перерыва. В этом году, благодаря кипучей энергии, развитой Н. П. Горбуновым, экспедиционные отряды колесили по Таджикистану в самых разнообразных направлениях, и в течение всех последующих месяцев мы либо непосредственно сталкивались с ними, либо натыкались на их следы.

Сам Вологдин, коренастый, крепкий, еще совсем молодой человек вместе с двумя коллекторами работал уже два месяца по Хингоу и ее притокам. Он сообщил мне о своих работах и о тех трудностях, которые приходилось преодолевать, в частности с продовольствием и рабочей силой. Здесь, как и Южцветметзолоту, на помощь ему пришел таинственный Стамлихо из кишлака Сангвара, которого-де удивительно слушались таджики. Только через Стамлихо удавалось доставать и лошадей и баранов по сравнительно сносным ценам. И здесь выявилась далеко еще не законченная борьба старого и нового, двух культур и двух миров. После рассказа Вологодина Стамлихо стал для меня еще более подозрительным, в особенности, когда Вологдин рассказал, что сам Стамлихо называет себя чуть ли не коммунистом и в то же время тесно связан с местным духовенством.

Договорившись с Вологдиным о дальнейшем контактировании работы, рано утром мы с доктором впереди нашей «охраны», которая теперь, по существу, была не нужна,

двинулись к Пашимгару, куда мы торопились добраться как можно скорее, чтобы встретить, как я полагал, ожидавшую меня мою группу...

Чтобы не сбиться с дороги, хотя я проезжал ее в прошлом году днем, мы поехали прямо вдоль русла реки, а не по горной тропинке, которая вела по склону. Через два часа мы были в Пашимгаре.

Я добрался-таки до него в три дня.

Тут нас ждало новое разочарование. От первых же таджиков мы узнали, что «урус-адамы» разбили лагерь еще на два километра дальше, за рекой, у самого выхода ущелья Гармо. В прошлом году в половине сентября переправа через эту реку представляла большие трудности, а теперь был только конец августа. Искать броду одним было нелегко.

Не успели, однако, мы подъехать к реке, как заметили еще одного «европейца», ехавшего нам навстречу.

Кто бы это мог быть?

К нашему удивлению и радости всадник оказался Бархашом. Он ждал меня, оказывается, уже с двадцать первого августа. Солидный и предусмотрительный, он решил, что раз меня так долго нет, то что-нибудь случилось, и выехал навстречу.

С двадцать первого августа он уже успел не только организовать прочную базу у выхода в ущелье, но и побывать на леднике Гармо в ущелье Аво-дары, где, как было условлено еще в Москве, должна была быть организована постоянная опорная база всей экспедиционной группы. Перетащив туда провианта на целый месяц, он перебросил туда людей из альпинистской группы и проложил дорогу прямо по леднику для лошадей. Туда же он переправил двух годовалых бычков в качестве живых запасов мяса. Теперь путь по этой дороге, который отнимал раньше два дня, можно было сделать в одни сутки. Там им были оставлены два московских альпиниста—т. Воробьев и Цаг, а на пашимгарской базе он ждал меня вместе с закавказским альпинистом Маурашвили и поваром Мамаджаном.

Переправа через реку, по его словам, была пустяковой, так как воды в этом году, несмотря на раннее время, было почему-то очень мало.

Неприятным известием, которое он сообщил, было то, что кроме альпинистской группы на базе никого не было. Щербаков со своими геологами, которого я полагал уже найти здесь, еще не прибыл, не прибыла и геодезическая группа. На базе оказывались одни только альпинисты.

Мы должны были теперь либо ждать их, либо пускаться в путь только для элементарных первых разведывательных работ. Моя спешка оказалась излишней. План работ нарушался с самого начала.

Переправа действительно оказалась пустяковой, и через двадцать-тридцать минут мы уже слезали с лошадей в нашем основном пристанище, на пашимгарской базе. Далекий путь окончился. Мы были на месте.

ВО ЛЬДАХ ГАРМО

ГЛАВА I

НА БАЗЕ.

База оказалась расположенной действительно в укромном и уютном уголке. Большая тенистая роща со всех сторон окружала и закрывала палатки. Их было четыре. Самая большая служила складом провианта. На базе нас встретил наш старый, знакомый, наш главный повар Мамаджан, участник и прошлой нашей экспедиции, и альпинист Леван Маурашвили. Последнего я завербовал в экспедицию во время моего посещения Закавказья, встретив его случайно у подножья Казбека. Он был опытный альпинист и сведущ в геологии.

С Леваном (мы его будем так называть в дальнейшем), Бархашом, доктором и поваром Мамаджаном нас было теперь пять человек. Двое были отправлены, как уже сообщил Бархаш, вперед. Тем временем подъехала наконец и наша «охрана».

Теперь скорее нужно было заботиться, чтобы охранять ее. На двух красноармейцах буквально не было лица, их жестоко трепала малярия. Сойдя с лошадей, они тут же легли на землю и до утра не вставали.

Пока Мамаджан хлопотал с обедом, мы с Бархашом собрали тут же быстро военный совет, чтобы решить, что же теперь делать. Основные из принятых решений сводились к следующему.

Красноармейцев, если только они смогут двигаться, мы решили завтра же отправить назад. Оставлять здесь больных было нельзя. Левана и доктора Пислегина ре-

шили тоже завтра послать вперед в Аво-дару с заданиями по первоначальной разведке. Это было лучше, чем оставлять их болтаться здесь без дела. Я сам с Бархашом решил ждать геологов—Щербакова и его группу и топографическую группу Дорофеева. Сегодня было двадцать девятое. Мы решили ждать еще два дня, а первого сентября, если не дождемся, тоже двинуться дальше. Они могли притти и сегодня вечером и завтра утром.

Оставшееся время мы решили использовать для отдыха и подготовительных работ. Как-никак—мы за три дня сделали путь, на который обычно требуется не меньше пяти дней.

Задания для отправляющихся были написаны и вручены. Горячий бараний суп и вкусные пироги с изюмом были наградой, приготовленной нам Мамаджаном за перенесенные трудности. С завтрашнего дня должны были начаться уже новые заботы.

29 августа—1 сентября

Наши расчеты не оправдались. С утра тридцатого уехали красноармейцы, кроме Назарова, и Леван Маурашвили с Пислегиным. А мы еще целых три дня болтались на базе без всякого толку,—ни двадцать девятого, ни тридцатого, ни тридцать первого не пришел никто. Тридцатого числа вечером, правда, нас посетил Вологдин, отправившийся в один из своих маршрутов со своими парнями. Но это не имело никакого отношения к нашим планам. Мы должны были бить баклуши или заниматься такими скучными занятиями, как бритье, мойка, дележка белья, текущий ремонт снаряжения и обуви. Один только Мамаджан был рад,—иначе ему пришлось бы остаться одному. Он закармливал нас по этому случаю супом и бараньими котлетами.

В лагере нас все время посещали таджики—наши старые знакомые по прошлому году: и председатель сельсовета с перебитым носом, и прошлогодние проводники: бородач и Лоик, и стерегшие соседнее ячменное поле маленькие таджичонки.

От нечего делать мы излазили с Бархашом и Вологдиным все окрестные горы в поисках пиритов и кварцевых жил, но это все было не дело.

В конце концов тридцать первого августа мы решили отправить Назарова навстречу Щербакову вниз по Хингоу, по пути, по которому мы пришли, с тем, что если он никого не встретит, то вернется еще вечером, а первого числа утром двинуться в путь самим.

Тридцать первого ночью т. Назаров вернулся с сообщением, что проехал километров пятнадцать и никого не встретил.

Первого числа утром мы решили выступить одни. Время шло, и отправленные вперед товарищи должны были уже приступить к работе.

Чтобы читателю были понятны теперь и наши планы и наши действия, мы должны потратить некоторую толику времени на скучное дело—ознакомление наших читателей с географией района, нашими планами и основными направлениями наших путей. За эти скучные страницы мы просим нас извинить.

На запад несет свои пенящиеся волны бурная Гармо-Хингоу... Параллельно ей, но отделенная зубчатыми пиками и снежными твердынями хребта Петра Первого, также на запад катит свои гневные волны река Муук-су. В своих верховьях Муук-су уходит в ледниковые массы ледника Федченко, круто загибающего к югу. Из самых верховьев его вырывается еще одна река в том же направлении—на запад, параллельно Гармо и Муук-су—река Ванч. Эти три реки составляют как бы три параллельных концентрических полуовала, разделенные горными хребтами. Между долиной реки Муук-су и реки Гармо лежит хребет Петра Первого; между долиной реки Гармо и долиной реки Ванча тянется хребет Дарваз. Ледник Федченко служит как бы соединительной дугой. Но сразу к нему тоже нельзя проникнуть. Верховья всех трех рек переходят в огромные ледники. Эти ледники, постепенно повышаясь, упираются в горный хребет, и только за этим хребтом змеится ледяной дорогой ледник Федченко. Это—хребет Академии.

Долина реки Гармо является средней из этих трех речных систем. Она вводит прямо в центр всего района и, повернув, загибает затем непосредственно к стыку хребта Академии и хребта Петра Первого. В этом узле перекрещивающихся горных хребтов высился, как мы по-

лагали, сам таинственный пик Гармо. Никто еще не восходил на его вершину, никто его даже не видел как следует вблизи. Именно сюда стремились мы проникнуть.

Что же знали европейцы об этом пике и всем этом таинственном районе?

В 1913 году экспедиция немецких исследователей под руководством Вилли Рикмерса впервые проникла в долину Гармо через Пеший перевал. Отсюда, от кишлака Пашимгара, взобравшись на одну из возвышавшихся перед ними вершин, они увидели таинственный пик и, со слов туземцев, назвали его пиком Гармо по имени реки Гармо и ущелья Гармо. Но они не смогли точно определить его местоположение. Сами туземцы, по их словам, не могли точно сказать, как подойти к этому пику. Они говорили только, что он «там», и указывали при этом в глубь ущелья. И действительно, от самого Пашимгара и дальше по долине реки Гармо-Хингоу можно было отчетливо видеть далеко в глубине ущелья возвышающийся белый гигант в виде неправильной формы усеченной пирамиды, вернее трапеции. Эта трапеция расположена прямо поперек ущелья. Но от Пашимгара особенно отчетливо видно было лишь ее северное усеченное ребро.

Эту вершину таджики называли и нам в прошлом году пиком Гармо.

В 1916 году по пути немцев, но гораздо дальше их проник в глубь ущелья астроном Беляев—руководитель экспедиции Императорского географического общества. Он дошел до ущелья реки Аво-дары, где определил астрономический пункт, и, пройдя дальше по ущелью, дошел почти до конца ледника, до места, где, упершись в хребет Академии, ледник разветвлялся затем на два рукава—северо-восточный и юго-восточный. Беляев не исследовал этих рукавов. Пиком Гармо он назвал вершину, в которую уперся ледник. Он не заметил при этом поворота ущелья и того, что пик, который так отчетливо был виден от Пашимгара, тем самым отодвинулся резко на юг. Во всяком случае он назвал пиком Гармо не ту вершину, которую таджики называли Гармо.

В 1931 году этой же дорогой проникла вслед за беляевской экспедицией наша экспедиция 1931 года. Мы нашли и восстановили астрономический пункт Беляева в ущельи

Тов. Бархаш разбирает экспедиционное барахло.

Аво-дары. Мы прошли также до конца ледника Гармо, до разветвления его на два рукава — Беляевский, как мы назвали северо-восточный ледник, и Вавиловский, как мы назвали его юго-восточную ветвь.

Мы исправили ошибку Беляева, но сами вместе с тем впали в другую. Стремясь проникнуть к пику Гармо, который мы видели от Пашимгара, а еще раньше с высот ледников Гандо¹, мы оставили без исследования северный рукав и все внимание устремили на ледник юго-восточный. Мы прошли его до конца и подошли к самому подножью пика, который таджики назвали пиком Гармо. Мы прошли, таким образом, до самого хребта Академии, но на него не взошли и лишь ориентировочно установили возможный путь для восхождения. Мы установили лишь, что наш ледник подводил нас вплотную к северному ребру пика и к перевальному пункту его северного плеча. В поисках более легкого перевального пункта мы исследовали затем открытый Беляевым боковой ледник Шокальского. Он нас не привел никуда. Но мы оставили неисследо-

¹ См. «Узел Гармо».

ванным большой ледник, который шел на юг прямо против ущелья Аво-дары, впадая в основной ледник Гармо. Это ледник, который Беляев называл ледником Ванч-дара. Мы видели, что он поворачивает затем снова на восток, к тому же хребту Академии. Мы полагали, что, быть может, он нас подведет опять к пику Гармо, но уже со стороны его южного плеча. Но этот путь остался неизученным. Окончательная расшифровка его и была одной из целей экспедиции 1932 года.

Отсюда сами собой вытекали следующие задачи.

Первая задача. Ее можно было формулировать так:

Проникнуть к леднику Гармо до его разветвления, повернуть по Вавиловскому леднику и попытаться пересечь хребет Академии у северного плеча, чтобы затем спуститься оттуда вниз к леднику Федченко, где, как мы знали, работали другие группы экспедиции Горбунова, работавшие, однако, уже не под моим началом.

Вторая задача—проникнуть туда же, но не по основному леднику, а по леднику Ванч-дара, подойдя к южному плечу пика Гармо, пересечь вновь хребет Академии и спуститься опять-таки на ледник Федченко.

Третья задача. Так как неисследованным оказывался и северо-восточный, или Беляевский, рукав и так как в экспедицию 1931 года мы установили, что самый хребет Петра Первого, отделявший долину Гармо от долины Муук-су, не представляет собою одного горного хребта, а пересечен в свою очередь глубоким ущельем ледника Гандо, исследованным нами в экспедицию 1931 года до конца, то задачей оставалось пересечение хребта Петра Первого из долины Гармо в долину Муук-су.

По первым наблюдениям, это было почти невозможно, — так труден был подъем с ледника Гармо на хребет Петра Первого и в особенности на возвышавшуюся вершину, которую мы считали пиком Евгении Корженевской и которую, как мы думали, мы видели в свое время с хребта по левой стороне реки Муук-су.

Чтобы облегчить разрешение третьей задачи, нами в этом году была создана еще одна экспедиционная группа. Идя по следам экспедиции 1931 года, она должна была работать в районе реки Муук-су. Она имела задание одно-

временно с изучением золотоносности района Муук-су подняться на хребет Петра Первого, в частности по леднику Фортамбек, оставшемуся неизученным нами в 1931 году, и оттуда, взойдя на хребет Петра Первого, найти возможный спуск к нам, в долину Гармо. Подобно тому, как группы экспедиции Горбунова, работавшие на леднике Федченко, могли явиться там нашей базой,—эта группа, возглавляемая инженером Москвиным, должна была служить в долине Муук-су опорной базой для нас, если бы нам удалось из долины Гармо через хребет Петра Первого найти спуск в долину Муук-су, как и мы для нее, если бы группе Москвина удалось из долины Муук-су через тот же хребет спуститься к нам.

Эта последняя, третья задача была самая трудная. В связи с этим мною и Бархашом были приняты следующие первоначальные шаги по организации нашей научно-исследовательской работы.

С уходившими доктором Пислегиным и Леваном Маурашвили мы послали альпинистам Воробьеву и Антону Цагу следующее задание: взявши с собою на восемь дней провианта, выступить первого сентября вверх по леднику Гармо и, дойдя до разветвления ледников, повернуть на Беляевский ледник, на север, изучить Беляевский ледник весь по возможности, найти подъем на хребет Петра Первого и пик Евгении Корженевской (повторяю, так мы называли вершину, возвышавшуюся до семи тысяч метров высоты над цирком Беляевского ледника).

Если бы удалось им подняться на самую вершину, они должны были найти возможный перевал по ту сторону хребта, в долину реки Муук-су, или по крайней мере наметить этот перевал. После этого они должны были вернуться на базу в ущелье Аво-дары.

Доктор Пислегин и Леван Маурашвили, повезшие им это задание, в свою очередь должны были не позже первого числа выступить в путь для изучения ледника Ванч-дара, впадавшего, как мы уже сказали, немного выше ущелья Аво-дары в основной ледник с южной стороны. Они должны были пройти весь ледник до поворота, повернуть налево и, подойдя им к хребту Академии, попытаться найти перевальный пункт на хребет Академии с юга от пика Гармо, или, как мы говорили, около его южного

плеча. Изучив подъем и ориентировавшись в возможных спусках на ту сторону хребта, они должны были вернуться восьмого числа.

На нашу долю—мою и Бархаша—мы оставили юго-восточный рукав, или Вавиловский ледник. Мы были там уже вдвоем с Бархашом в 1931 году и думали закончить его исследование, поднявшись намеченным нами в прошлом году путем по леднику № 5¹ к перевальному пункту у северного плеча Гармо. Через восемь дней мы также должны были вернуться.

Этот план давал возможность сразу ориентироваться в трех направлениях и, с другой стороны, позволял не тратить ни капли времени даром. После прихода геологов и топографов мы могли бы найти один наилучший путь, чтоб отправиться им уже всей экспедиционной группой в полном составе.

Таков был наш генеральный план.

ГЛАВА II

ВВЕРХ ПО ГАРМО

Мы выехали с опозданием, часов в девять утра, я, Назаров и вызвавшийся вновь сопровождать нас наш старый знакомый по экспедиции 1931 года таджик-носильщик Лоик.

Тронулись из лагеря вверх по ущелью. Эта половина пути была нам хорошо известна. Здесь было много переправ через причудливо извивавшиеся рукава реки, но нигде они не представили особых трудностей даже для увязавшихся за нами двух больших собак из кишлака. Мы с любопытством смотрели, как умные животные сначала растерянно метались некоторое время по берегу, затем храбро бросались в воду. В бурных волнах их начинало крутить и бросать. Тем не менее гораздо ниже места, где они бросались в воду, они все-таки выбирались и с громким лаем, отряхиваясь, бросались за нами.

К двум часам дня мы уже подъезжали к знакомой медвежьей избышке в девственном лесу. Здесь

¹ См. «Узел Гармо».

был намечен кратковременный отдых¹. Неожиданно тут свалился от малярии Назаров. Это была уже третья жертва из маленького отряда, выехавшего из Гарма. Назарова донимали одновременно и озноб и жар. Бедный парень так и не оправился от болезни до самого конца нашей экспедиции.

Через два часа, отдохнув, тронулись дальше. К языку ледника подъехали около шести часов. Здесь мне вздумалось посмотреть место прошлогодней ночевки и в особенности оставленную мною в прошлом году надпись. Место я нашел, нашел даже брошенную нами в прошлом году консервную банку, но от надписи не осталось и следа: эмалевая краска не выдержала даже одного года.

На ночь остановились в лесочке, непосредственно у самого выхода ледникового языка. Этот лесочек я также помнил с прошлого года, как помнил, что вокруг очень много горных куропаток. Пока ставили палатки и готовили чай, я успел тут же неподалеку, шагах в ста, убить двух курочек. Они также пошли на ужин.

Неприятной неожиданностью были тучи, заполнившие ущелье, и мелкий снег, который начал сыпать под вечер. Это было скверным предзнаменованием для нашей будущей работы.

2 сентября

Утром еще две куропатки стали нашей добычей. Дичи было так много, что можно было стрелять, не отходя от палатки.

В девять с половиной часов утра мы начали подниматься на ледник. В отличие от прошлого года мы шли по уже проложенной тропе и шли с лошадьми; тропа, правда, мало чем смягчала трудности пути. Все же она показывала уже проверенный путь.

Бархаш и Лоик шли впереди, я с полубольным Назаровым тащился сзади. Вверх и вниз по покрытым щебнем ледяным холмам мы двигались часа три, пока выбрались на более или менее ровный путь по боковой террасе. Очень скоро пришлось вновь спускаться вниз и опять нырять

¹ См. «Узел Гармо».

среди ледяных гор и камней. Несколько раз я останавливался в изнеможении,—так тяжел был этот путь по леднику Гармо. Нового опять-таки он ничего не представлял. Единственным занятием было отыскивание надписей, сделанных в прошлом году. Увы, ни прошлогодних камней, ни надписей мы не нашли. И только к трем часам мы подошли к ущелью Аво-дары.

Читатели «Узла Гармо» помнят, что туда не так легко было проникнуть. Для этого нужно было сначала спуститься вниз, в глубокий ледяной провал, сделанный речонкой Аво-дары, и потом подняться к водопаду, шумевшему среди камней и скал в глубине ущелья. Перейдя бурный, пенящийся ручей с риском по пояс выкупаться в холодной воде, приходилось карабкаться по камням вверх добрую сотню шагов, и лишь потом вы оказывались на уютной широкой площадке, покрытой мягким песком, почти пылью; и окруженной со всех сторон каменной террасой, укрывавшей нашу стоянку от любопытных взоров. Только поднятый на высоком шесте на самом гребне каменной террасы красный флаг показывал идущим по леднику, что здесь находится база, т. е. стоянка и отдых.

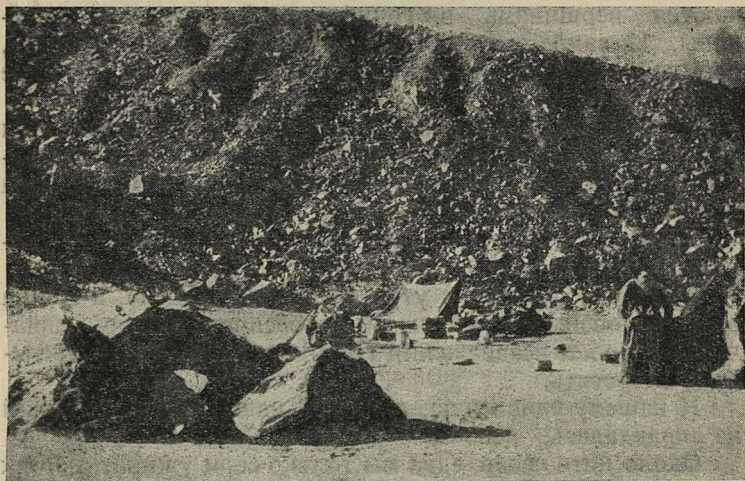
Но вот и площадка, вот и база, белеют наши палатки. Вот и рассеявшийся камень с желтой надписью, начертанной Беляевым еще в 1916 году.

Но площадка была молчалива, никто нас не встретил. Отправленные вперед товарищи, видимо вчера еще, согласно посланному распоряжению, ушли для исследования ледников.

Три палатки оказались разбитыми в глубине площадки—одна под провиант, другая под жилье, третья тоже жилая, из ярко-белого полотна. Она была расположена несколько выше, на склоне каменной террасы. К ней вели тщательно уложенные из каменных плит ступеньки.

Сбросив с плеч мешки, товарищи направились к палаткам, я же—к беляевскому камню. Как и в других местах, надпись, сделанная мною в прошлом году, была еле-еле заметна. Весенний снег, дождь и ветер быстро справились с краской. Зато беляевская надпись была цела...

Итак, мы снова в Аво-даре, снова на льду, снова в прежней и до известной степени сделавшейся уже привычной обстановке.

База на Аво-даре.

На переднем плане камень, на котором сохранилась надпись, сделанная экспедицией Бельева в 1970 году.

С чувством глубокого удовлетворения я забрался в белую палатку и растянулся на своем спальном мешке. Мы ее с тех пор называли «штаб-палаткой», так как обычно в ней протекали заседания нашего «реввоенсовета».

Хорошо в горах вообще, но еще лучше в горах на стоянке. Суровая природа, с которой, быть может, завтра придется вступить в борьбу, еще не заставляет вас напрягать весь запас умственной и физической энергии. Вы еще полны сил и бодрости, а в то же время уже далеко-далеко ушли от вас все прежние заботы и горести. Даже окружающие вас товарищи, все преданные и испытанные люди, здесь в горах как-то невольно утрачивают личные недостатки и отрицательные качества.

Все знают, что здесь можно жить, только помогая друг другу, знают, что горные экспедиции не терпят склок, ссор и личной неприязни. Да и мало людей вокруг вас. Зато много прекрасных картин природы.

Как бы наряженные в свой праздничный наряд, упи-

раются вершинами в голубое небо снежные великаны. И самое солнце греет и нежит как-то особенно, посылая вам сквозь разреженный воздух свои горячие лучи.

Хорошо в горах и ночью, когда кругом мерцают звезды или светит луна и когда даже самый лютый мороз оказывается бессильным перед вами, согретым теплым пуховым мешком и наброшенным сверху полушубком.

Лежа в палатке, я обдумывал план завтрашнего похода.

Назарова я решил с утра отправить обратно, а Лоика взять с собой. Других людей до восьмого числа—назначенного срока возвращения групп—мы уже не рассчитывали встретить.

К нашему удивлению, эта часть наших предположений не оправдалась.

Около пяти часов, едва мы только сели ужинать, Лоик объявил нам, что он видит наверху двух «урус-адамов», которые идут к нам по леднику, по пути, по которому мы сами только что пришли.

Кто бы это мог быть? Все бросились к биноклям.

Из глубины подъема на площадку действительно показались две фигуры. Это были опоздавшие Щербаков и один из работников его партии—геолог Арапов.

Мы вышли из пашимгарской базы первого утром. Они пришли туда первого вечером, заночевав, не дойдя пятнадцати километров до пашимгарской базы. Посланный навстречу им Назаров либо не доехал до них одного километра, либо просто не нашел их, так как для ночевки они сошли с дороги. Узнав от Мамаджана, что мы уехали только утром, Арапов и Щербаков немедленно же пешком отправились за нами и в одну ночь без отдыха прошли все расстояние. Вышли они с пашимгарской базы вчера вечером около пяти часов.

Догнать меня им было нужно, чтобы условиться о работе. Мы потащили их пить чай. Не успели окончить чаепитие, как на площадке появилась еще одна фигура. На этот раз это был молодой ученый-геоморфолог из той же щербаковской группы—Константин Константинович Марков, или, как мы его называли, Кин Кинич. Он тоже решил нас догнать и, когда Арапов и Щербаков ушли,

через два часа отправился следом за ними и также шел всю ночь. Он пришел, чтобы отправиться с нами. Свою работу по геоморфологии района он решил начать с самых верховьев ледника.

Кин Киныч был еще совсем молодой, белобрысый, с добрыми голубыми глазами, с мягким характером, приветливый и милый товарищ. Перед отъездом он только что женился и потому (мы узнали об этом впоследствии) страшно тосковал, но в экспедицию все же поехал.

Наши планы не встретили возражения со стороны Щербакова. Было решено, что, пока мы будем производить нашу разведку, он завтра же вернется назад и расставит свои геологические группы: часть направит в район ледника Гандо, часть в район ледника Финстервальдера,— а к девятому точно так же вернется на базу на Аводару. К этому времени, он полагал, подойдет и геодезическая группа Дорофеева, которая так-таки до сих пор не пришла. Тогда геологи и топографы пойдут проторенным разведчиками путем для более точного исследования района в геологическом и геодезическом отношении.

Утром решено было разойтись: Щербаков, Арапов и Назаров—назад, я, Бархаш, Лоик и Марков, который обязательно хотел идти с нами,—вперед. От Пашимгара Назаров должен был отправиться верхом обратно в Гарм с тем, чтобы к десятому вернуться к нам и привезти почту.

3 сентября

Рано утром Щербаков, Арапов и Назаров уехали: Часов в одиннадцать четвергом тронулись из Аводары и мы.

Воробьев и Цаг недаром просидели тут с двадцать первого числа, ожидая нас. Кроме оборудования базы, они уже исходили ближайшие ледники и расставили всюду по льду туры или каменные пирамидки на некотором расстоянии одну от другой,—пирамидки указывали наиболее доступный и менее трудный путь.

Больше полагаясь на собственную память, чем на воробьевские туры, я повел товарищей вверх по леднику по каменной боковой террасе, желая как можно позже перейти на ледник, где идти было гораздо труднее. Но

терраса скоро окончилась там, где ледник поворачивал более резко на север; она превратилась здесь в высокую крутую осыпь, внизу которой громоздились массы черного льда и камней и синели громадные ледяные озера. Таких препятствий не помнили тут ни я, ни Бархаш.

Когда мы спустились вниз, итти стало во много раз труднее. В одном месте мы забрели в тупик, из которого, казалось, не было выхода,—со всех сторон подымались ледяные или каменные стены, а по берегу озера, заполнявшего ледяную впадину, путь шел только по небольшому ледяному излому. Затем опять начинались скалы и камни... Чтобы облегчить путь, повернули к середине ледника, где тянулась длинная морена и путь, по всем данным, был гораздо ровнее.

По ту сторону ледника прямо против нас выходило ущелье ледника Шокальского, где в прошлом году мы точно так же карабкались по льду среди ледяных скал. Поэтому мы решили перейти основной ледник несколько наискось, оставляя ледник Шокальского справа. По прошлому году мы с Бархашом помнили, что путь мимо Шокальского будет не менее трудным и что нужно стараться обойти выход этого ледника. Опять-таки по памяти мы знали, что за ледником Шокальского дальше вверх будет выходить сбоку еще один ледник, который мы в прошлом году именовали «висячим» ледником, и лишь потом, на той стороне, путь пойдет по сравнительно ровной террасе уже без перебоев вплоть до разветвления основного ледника, где в прошлом году над самым поворотом мною была водружена на черном камне белая мраморная доска с надписью. У этой доски на зеленой траве, на высоте четырех тысяч метров, была в прошлом году наша ночевка. Там же мы думали заночевать и сегодня.

Но мы не рассчитали времени. Сравнительно благополучно пересекши ледник, мы все-таки попали на той стороне его в такое тяжелое и трудное место, что пришлось пускать в ход ледорубы, чтобы пробиться через ледяные трещины и скалы до гранитных выступов противоположного склона ущелья.

Это было не все. Мы вышли правильно, почти как раз против висячего ледника. Но когда стали подыматься на противоположный склон в высохшее русло горного ручья,

оно оказалось сплошь загроможденным каменными глыбами белого, розового и серого гранита. Карабкаясь через камни, мы измучились вдребезги и, выбившись из сил, еле-еле добрались до боковой террасы. Но пройти весь намеченный участок не хватило ни времени, ни сил.

Мы помнили лишь, что эта терраса должна была вывести нас на такую же закрытую песчаную площадку, какая была у Аво-дары, что на этой площадке будет озеро прекрасной холодной ключевой воды, и мы стремились скорее добраться до него, чтоб там заночевать. Но у нас не хватило сил дойти и до озера. Когда уже совсем стемнело, мы вышли на еще одну закрытую песчаную площадку, но без озера. Мы так замучились, что решили дальше не идти и остаться здесь, благо спать на мягком песке было удобно, а воду, вероятно, можно будет найти где-нибудь вблизи. Это «вблизи» оказалось далеко не близко, но все же воду нашли.

В наскоро разбитых двух палатках мы залегли спать. Выплывший из-за скал молодой месяц пожелал нам спокойной ночи...

4 сентября

Чтобы наверстать вчерашнее невыполнение плана, мы вышли утром чуть свет и вскоре оказались на второй площадке, на той самой, где вчера предполагали остановиться на ночь. Так же, как в прошлом году, мирно плескалось синее озеро. Так же отчетливо были видны на мягком песке многочисленные следы горных кииков, а кое-где когтистые следы барса, и отовсюду слышался свист горных индеек и клекот каменных куропаток.

В прошлом году мы шли этим путем домой от Вавиловского ледника и теперь помнили, что здесь нам должно встретиться еще одно препятствие. Нашу террасу должен был скоро перерезать крутой каменный спуск соседнего горного отрога. Через отрог придется подыматься по отвесным скалам. Только за этими скалами должны были начаться мягкие травянистые склоны к развилке ледников и черной скале с мраморной доской.

Так и оказалось: очень скоро терраса кончилась, и перед нами поднялись черные обрывистые скалы, на которые нужно было лезть.

Общий вид ледника Беляева.

Слева вершина, которую экспедиция считала пиком Евгении Корженевской, впоследствии названная пиком Зинаиды Крыленко. Высота 6 600 метров.

Полезли. Впереди Бархаш, затем Лоик, затем я и за мною Марков. Бедный малый, который сам нам говорил о том, что до сих пор он никогда не поднимался «выше пяти метров», был несколько смущен. Как-никак он находился уже на высоте четырех тысяч метров, а еще нужно было лезть на отвесную скалу. Но держался таким молодцом, что вызывал у нас восхищение: ни одной жалобы не сорвалось у него, хотя вчерашний день дался ему с трудом.

А Бархаш все лез вперед, прижавшись к скале, цепляясь руками и ногами, к более мягкому выступу горы, который открывал обходную дорогу на зеленую площадку. За Бархашом быстро пролез Лоик. Когда пришла моя очередь, на миг я задержался, но отступать было нельзя. И через несколько секунд опасное место было пройдено. Маркова мы подтянули за руки и ледорубами. Зато как хорошо было вступить на мягкую зеленую площадку, всю покрытую к тому же диким луком—этим нашим лакомством среди каменных масс.

А к двенадцати мы подходили уже к развилке, к месту нашей прошлогодней стоянки. Впереди на выступе, на самом повороте поднялась черная скала и забелела мраморная доска. С надписью здесь обстояло лучше,—ее можно было легко разобрать, хотя и она в значительной степени пострадала. Дальше шел уже поворот непосредственно по юго-восточному Вавиловскому леднику. Но против плана мы уже опаздывали на полдня. И потому, не давши себе большого отдыха, через полчаса мы уже двинулись в дальнейший путь.

С вершины выступа открылась знакомая картина: вот резкий поворот ледника направо, вот прямо на той стороне ледника возвышается черная вершина, запирающая собою весь ледник Гармо, вот уходящая налево причудливая чешуйчатая змея Беляевского ледника, куда направились Воробьев и Цаг. Вот подымающийся высоко-высоко свою трехгранную вершину пик, который мы считали пиком Евгении Корженевской. Вот спускающаяся от него вправо, все понижающаяся линия хребта Петра Первого...

Прямо перед нами, на той стороне ледника, за сравнительно невысокой черной скалистой вершиной горделиво поднялась выше шести тысяч метров белая шапка еще одной трехглавой вершины. От нее сверху на лежавший перед нами Вавиловский ледник свисал ледник, который мы в прошлом году назвали ледником №1. Параллельно ему правее шли ледник №2 и ледник №3, по прошлогодней нашей номенклатуре. Эту трехголовую вершину мы решили назвать пиком т. Молотова.

Налюбовавшись вдоволь на знакомые места, мы стали быстро спускаться вниз прямо на Вавиловский ледник. И этот путь был нам знаком по прошлому году; мы знали, что попадем сейчас опять в переплет ледяных ям и скал. Поэтому решили держаться сначала ближе к склону нашего ущелья, чтобы затем при первой же возможности перейти на середину ледника, где итти будет ровнее. Ледник Вавилова отнюдь не шел ровной дорогой на юг. Он шел туда большим изгибом, напомилавшим знак ∞ , которым в математике изображают бесконечность.

До поворота мы шли, держась боковой стены ущелья, и только около трех часов остановились, чтобы передох-

нуть и пообедать. Начали переходить на середину Вавиловского ледника, приблизительно против ледника № 3, впадавшего в наш ледник с противоположного склона.

Этот третий ледник, напирая широкой полосой на наш ледник, как всегда нагромоздил горы на горы. Мы стремились поэтому не подходить близко к противоположному склону, а держаться середины.

Эта середина была теперь уже вся из блестящего белого льда и шла дальше в глубь ледника большими ледяными холмами; лишь к самому концу переходила она в ровное фирновое снежное поле и упиралась в замкнутый цирк, закрытый со всех сторон громадной, подымавшейся на километровую вершину ледяною стеной. Эта ледяная стена была уже подножьем самого гигантского Таджикского Гармо.

После третьего бокового ледника должны были быть еще четвертый, пятый и шестой. Против пятого ледника мы намеревались остановиться, потому что здесь находился намеченный нами в прошлом году, возможный, как мы думали, хотя и трудный, подъем на хребет Академии, к северному плечу пика Гармо.

Все эти наши предположения оказались правильными, кроме одного. Путь по середине был гораздо легче только в том отношении, что не приходилось прыгать со скалы на скалу. Он шел по пологим ледяным холмам. Но эти холмы были так огромны, ледяные лоцины между ними так глубоки, а в отдельных местах склоны этих лоцин были так круты, что нам, уже прошедшим за этот день достаточное количество километров, пришлось очень туго. А в одном месте мы прямо заблудились и остановились в недоумении—куда идти? Только направление *вперед* оставалось отчетливым и ясным, но прямо перед нами была впадина, метров в сто глубиной и метров пятьдесят в поперечнике, после чего дальше подымался очередной ледяной холм. А когда мы взобрались на него, перед нами разверзлась следующая такая же глубокая лоцина. И то же самое было и вправо и влево. Вверх и вниз, вниз и вверх—таков был уготованный нам путь. Но другого пути не было.

И все-таки мы старались держаться все более и более

к левой стороне ледника, пересекая ледник наискось от правой стороны к левой. Как это ни было трудно, мы хотели во что бы то ни стало днем дойти до пятого ледника. Снова вынуждены были остановиться, не дойдя до намеченного пункта. Мы стали на ночь против выхода четвертого ледника на небольшой морене, у берега маленького ледяного озера.

Здесь, прямо на льду, мы наскоро уложили из черных сланцевых плит более или менее ровную площадку, на которой разбили палатки. Высота, по нашим подсчетам, была уже больше четырех тысяч метров.

5 сентября

Место, где мы остановились, было расположено, даже не доходя до четвертого ледника, спускавшегося с хребта Академии на Вавиловский ледник.

С момента, когда мы повернули от ледника Гармо направо, мы все время шли уже вдоль хребта Академии. Он поднимался теперь перед нами слева, перпендикулярно леднику Гармо.

По ту сторону хребта Академии—мы это знали—шел ледник Федченко. Любым из боковых ледников, которые спускались бы с хребта Академии, мы могли бы туда выйти. Мы были, таким образом, почти у цели. Мы видели дальше, что ледник, которым мы шли, скоро окончится, и мы знали, что пик Гармо, тот самый, который мы видели из Пашимгара, возвышается теперь перед нами в каких-нибудь двух километрах; мы знали, наконец, что к его северному ребру ведет ледник № 5.

Отсюда вытекало задание—йти вперед до поворота на пятый ледник и затем подыматься им. Но мы знали также, что пятый ледник (мы дошли до него в прошлом году) шел вверх, весь пересеченный глубокими поперечными трещинами.

С другой стороны, четвертый ледник невольно привлекал наше внимание. Четвертый ледник выходил на основной ледник, где мы стояли, большим широким ущельем. По левому его склону, покрытому мягким камнем и песком, можно было подыматься без труда. Подъем шел приблизительно на пять тысяч метров, после чего открывалось фирновое поле, переходившее затем в отвесную

стену хребта Академии. Хребтик, отделявший четвертый ледник от пятого ледника, был также невысок; на него можно было легко подняться и затем опять спуститься в ущелье первого ледника.

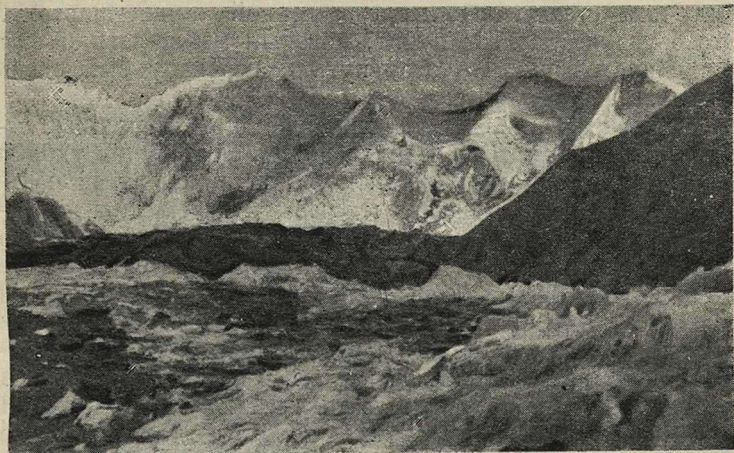
Этим путем мы избегли бы и утомительного движения по льду до выхода пятого ледника и еще более утомительного подъема по пятому леднику и его трещинам. Вот почему мы решили проникнуть на пятый ледник не непосредственно по основному леднику, а через четвертый ледник, путем, который казался таким легким.

Поэтому утром, оставив весь наш лагерь на том месте, где мы стояли, только с легкими мешками на плечах и с небольшим запасом провианта мы двинулись сначала на разведку. Путь мог оказаться и труднее. Мы предполагали, поднявшись метров на пятьсот, решить уже на месте—пойдем ли мы через хребтик на пятый ледник, или пойдем по основному леднику, как шли до сих пор. Наконец, хотелось поглядеть, нет ли какого-либо удачного подъема на хребет Академии прямо из цирка четвертого ледника.

Мы не ошиблись в расчете. Через какой-нибудь час с лишним пути мы уже были на высоте четырех с половиной тысяч метров, на грани фирнового поля и каменистых осыпей, пересеченных неглубокими оврагами, где бежали горные ручьи. Около одного из этих ручьев местность была настолько ровной и, кроме того, оттуда открывался такой легкий путь на гребень, разделявший четвертый и пятый ледники, что мы решили немедленно перенести сюда наш лагерь, перетащивши все наше барахло снизу. За барахлом были откомандированы Кин Кинич и носильщик Лоик. Не дожидаясь их, мы с Бархашом отправились дальше в разведку на пятый ледник.

Скоро хребтик, отделявший четвертый ледник от пятого, несмотря на некоторые трудности, был взят. Лишь в одном месте пришлось потрудиться над подъемом по обледенелому снегу. Зато, взобравшись на хребтик, мы могли оттуда рассмотреть всю панораму пятого ледника. Она была действительно интересна.

Пятый ледник весь был теперь внизу под нами, своим чешуйчатым хвостом он уходил в основной Вавиловский ледник. Вниз к нему надо было спускаться по большой

Общий вид ледяного цирка Вавиловского ледника. Ледяная стена подымается на высоту более 5 000 метров.

осыпи, покрытой мелким щебнем. Спуск был крутой, но не опасный. Но мы не сразу попадали на пятый ледник. Раньше надо было преодолеть еще один невысокий хребтик, после которого мы наконец оказывались на леднике. Ледник шел затем вверх, также весь пересеченный черными трещинами, подымаясь все выше и выше к хребту Академии. Но, подойдя вплотную к хребту, он внезапно раздваивался.

Отходивший от хребта Академии большой каменный отрог до пятисот метров высоты разрезал ледник на две части: основная часть продолжала подыматься на восток и упиралась в конце концов в огромную, почти отвесную стену хребта Академии с нависшими сверху снежными навалами в несколько сотен, а то и тысяч пудов весом.

Между этими снежными навесами и навалами можно было подняться на хребет Академии только под угрозой ежеминутных лавин и обвалов и, следовательно, гибели, пока не удалось бы выбраться на более ровный подъем. Таков был один путь. Сам перевальный пункт

был нам отсюда виден вроде ровной линии наверху. Это был как раз тот пункт, который мы наметили еще в прошлом году. Но этот путь к перевалу был очень опасен.

Другой путь не был нам виден до конца. Каменный отрог отрезал от пятого ледника рукав. Этот рукав уходил вправо, затем рукав упирался в крутой снежный подъем и потом загибал налево к хребту Академии за каменным отрогом, но как он загибал, куда он шел, можно ли им было куда-нибудь выйти и вообще итти,—нам не было видно. Видно было лишь, что этот путь, как он ни крут, в своей начальной стадии менее опасен, чем первый. Правда, и тут была возможность обвалов с вершины каменного отрога. Огромные, в несколько десятков кубометров навалы упавшего сверху снега загромождали узкий проход бокового рукава, но все же там итти было легче.

Вывод был один: нужно спуститься вниз к разветвлению пятого ледника и затем посмотреть: прямоком или боковым рукавом пятого ледника следует итти дальше? Пока что нужно итти было вниз, и мы почти бегом пустились вниз по осыпи...

На некоторое время мы остановились на отдых, когда, перейдя невысокий хребтик, вступили на лед пятого ледника. Второй раз мы остановились уже против ответвления бокового рукава.

Стоя как раз против ответвления ледникового поля, мы думали отсюда увидеть, куда ведет рукав. Но больше, чем мы видели сверху, мы ничего не увидели. Боковой ледник оставался все так же закрытым после поворота...

Часам к шести, почти при закате солнца, мы вернулись в лагерь. Там нас ждали и Кин Киныч и Лоик. Оба хорошо отдохнули за время, пока мы ходили на разведку.

Мы решили завтра двигаться открытым нами путем прямо к разветвлению пятого ледника. Единственной неприятностью было то, что к вечеру снова пошел снег. Мы заснули, убаюканные его мягким шуршанием о полы палатки.

НА ХРЕБТЕ

6 сентября

Снег шел всю ночь и продолжал сыпать утром, когда мы проснулись. Мокрый и мелкий, он слепил глаза, забирался за воротник, таял на одежде, струйки воды проникали в палатку. Сплошной туман застилал ущелье. Сквозь его пелену солнце казалось матовым светящимся шаром. В такую погоду никому не хотелось подыматься и собираться в дорогу. Но нужно было идти. Вчерашняя разведка дала возможность идти более или менее уверенно, и мы решили за сегодняшний день во что бы то ни стало перебраться на пятый ледник до его разветвления на два ледника. Путь до хребтика, отделявшего пятый ледник, вверх на хребтик и вниз на ту сторону занял около двух часов, и приблизительно к двенадцати мы оказались уже на первой морене пятого ледника. А когда перешли морену и стали на чистый лед, взяли направление прямо вверх по течению ледника, полагая, что это будет самый кратчайший и самый верный путь. Это было и верно, поскольку вообще несомненна геометрическая истина о том, что прямая есть кратчайшее расстояние между двумя точками, и неверно, поскольку идти пришлось через постоянно пересекавшие путь трещины, которые требовалось обходить и уже поэтому идти зигзагом. Этих трещин было очень много, а продолжавший сыпать снег еще более затруднял возможность ориентироваться. Одно время думали остановиться, не дойдя до намеченного пункта,—так тяжел был путь. Потом все-таки двинулись и наконец остановились почти против самого выхода ответвления ледника. Снег к этому моменту прекратился. Это дало нам возможность более спокойно, не торопясь, выбрать место для остановки. Мы выбрали его на площадке между двумя большими ледяными расщелинами в два десятка метров глубины. Но наша площадка по крайней мере была без трещин. Зато весь наш дальнейший путь, намеченный на завтра в глубь ледникового рукава, шел по снежному полю, сплошь пересеченному трещинами, большая часть их была сверху засыпана свежим снегом. Но об этом нужно было думать завтра.

Сегодня можно было отдыхать, тем более, что опять пошел снег.

Но мы были на льду, где не имелось никакого топлива. Наши запасы керосина не были так богаты, чтобы можно было постоянно жечь его в примусе. На случай возможного мороза мы решили отправить поэтому Лоика обратно на базу в Аво-дару, чтобы принести немного арчи. Мы предложили ему вернуться с этой арчей через два дня и сложить ее на месте первой стоянки, против четвертого ледника. Если бы через два дня он нас там не застал, то должен был подняться с арчей сюда. Лоик согласился, и скоро его фигура исчезла в тумане среди сыплющегося снега.

Теперь нас осталось только трое.

А снег все продолжал идти...

К вечеру сильно похолодало, настолько, что Бархаш чуть ли не первый раз со времени отправления из Оша тоже решил забраться в палатку. На пространстве в каких-нибудь полтора метра ширины мы легли втроем с нашими полушубками и спальными мешками. А тут еще Кин Кинич Марков решил заряжать свои кассеты фотопластинками.

И целый час прошел, пока он с ними возился в темноте, толкая нас то руками, то ногами. Но настроение у всех было спокойное, бодрое. И только когда вдруг под нами раздавался резкий звук треснувшего льда и как бы расходился волнами в глубь ледяных массивов, невольно приходила мысль: «а вдруг провалимся»; или: «и занесло же нас сюда на ледяные вышки!» Наконец заснули.

А снег все сыпал...

7 сентября

Мороз разбудил нас утром. Зато о вчерашнем снеге не было и помина. Солнце ярко освещало вершины снежных гор, искрилось и играло на снежных полях. Ни облачка не было кругом. Это всем придало бодрости, и мы быстро начали снаряжаться в дорогу. С собой мы брали теперь только самое необходимое; палатку и провиант решили бросить тут; теплые куртки надели на себя с тем, чтобы также их сбросить по дороге. Единственно, что нас смущало,—это то, что с нами не было альпийской веревки. Путь сразу шел

по засыпанным снегом трещинам, и мы не знали, что еще ждет нас впереди.

Осторожно пошел вперед Бархаш, шупая ледорубом каждый шаг. Опасность провалиться должна была уменьшаться по мере того, как мы переходили снежное поле и продвигались к узкому каменистому ущелью, в которое уходил правый рукав ледника. Среди двух каменных теснин ледник шел круто вверх, образуя небольшой ледопадик затем пошел уже не так круто и наконец уперся в подымавшуюся в конце ущелья снежную стену, очень крутую, почти отвесную. Здесь нужно было либо лезть прямо на нее в лоб, либо повернуть влево, тоже по крутому подъему, но все же более пологому. Куда выйдет этот подъем — нам, как и вчера, не было еще видно.

Часа через полтора-два мы подошли к повороту; высота была уже около пяти тысяч метров.

Теперь, когда мы стояли внизу у поворота, нам было ясно, что подняться прямо вверх по замыкавшей ущелье стене было невозможно. Наоборот, подъем налево был хотя крут, но вполне возможен; только раньше надо было перебраться еще через один ледопад, — его острые ледяные скалы заполняли все пространство у подножья каменной скалы. Солнце уже поднялось высоко, становилось жарко. Поэтому в одной из ледяных расщелин мы сбросили наши куртки, чтоб двинуться дальше в одних теплых свитерах... Чтобы смягчить несколько крутизну подъема, мы пошли теперь зигзагами, глубоко втыкая в снег на поворотах ледорубы. Больше всего мы опасались за Маркова; с непривычки ему итти было труднее, но он шел молодцом, хотя пыхтел так, что нам было слышно. Больше часа продолжался этот подъем. И когда наконец он сделался более мягким, что дало возможность итти с меньшим напряжением, мы были совершенно измучены. К часу дня мы поднялись все же на сравнительно ровную площадку и считали, что самый трудный участок был позади.

Мы стояли теперь на гребне еще одного хребта, отделявшего, как оказалось, наш пятый ледник от последнего, шестого ледника, подымавшегося от Вавиловского ледника к хребту Академии. Этот шестой ледник шел рядом большой глубокой расщелиной и своим верховьем подходил вплотную к стене того самого снежного гиганта, к которому мы

так безрезультатно и безуспешно стремились подойти в прошлом году и к которому сейчас мы подошли вплотную. Это был знаменитый искомый нами пик Гармо, тот самый, который был виден нами еще из Пашимгара, а впервые был замечен с высоты шестого «Эльбрусенка», с ледника Гандо, в 1931 году. Мы не сомневались в тот момент ни одной секунды, что мы стоим у самого знаменитого пика, высоту которого немцы в 1928 году определили в семь тысяч четыреста девяносто пять метров, как высочайшую вершину в СССР.

Мы действительно не ошиблись, что подойдем к нему вплотную. Гигантская вершина вида усеченной пирамиды подымалась прямо перед нами в северо-восточном направлении, и ее неправильная форма трапеции резко выделялась над всеми остальными пиками хребта. Северное плечо трапеции было гораздо выше южного плеча, а от южного плеча хребет шел, резко понижаясь сначала к югу, а потом круто заворачивал на запад, образуя своей волнистой линией верхнюю границу ледяной стены, замыкавшей собою громадный снежный цирк, в который упирался Вавиловский ледник. Дальше от этой стены отделялся и шел на север противоположный склон Вавиловского ледника. В месте, где этот склон примыкал к стене, видна была выемка, через которую можно было проникнуть в ледник Шокальского. Мы наблюдали эту выемку в прошлом году, когда стояли внизу, в цирке ледника. Дальше подымались далекие вершины хребта Дарваз.

— Вся эта панорама—и пика Гармо, и дальнейшей изломанной линии хребта Академии, и ледяной стены, и противоположного склона ущелья, и далеких гор—была так величественна и хороша, что мы немедленно ее засняли: я—«лейкой», а Кин Киныч—своим фотоаппаратом.

Главное внимание наше привлекал, конечно, сам Гармо, в особенности перевальный пункт у подножья его северного плеча. Какой путь предстоял нам теперь? В этом был весь вопрос.

Нечего было, конечно, и думать забраться на самый пик,—его склоны были так круты и скалисты, нависшие тысячепудовые обвалы так грозны, что самая мысль о таком подъеме была безумием. Но мы туда и не стремились. Там, где подножье северного плеча смыкалось с линией хребта,

был виден мягкий полуовал. Путь к нему шел по крутому бесснежному подъему, которым можно было бы подняться, если б удалось добраться до начала этого подъема. Но чтобы добраться до него, раньше надо было подняться с того места, где мы стояли, по сравнительно легкому подъему до подножья черных скал, затем по этим скалам, и наконец пройти поперек большой снежный склон, очень крутой, где пришлось бы идти с постоянным риском поскользнуться и упасть; в случае падения сорвавшийся полетел бы вниз сначала по крутому склону, а потом рухнул бы в пропасть шестого ледника на острые зубья скал и ледяных провалов. Да и самый подъем, если б удалось перейти крутой склон, пришлось бы делать по обледенелому щебню и камню, что опять-таки грозило падением и смертью.

Вот почему, посоветовавшись, мы с Бархашом отказались от этого пути. Мы решили избрать более далекий, но менее опасный путь. Подойдя к скалам и забравшись на них, мы решили дальше идти к перевальному пункту не поперек снежного склона, а прямо вверх по нему до самой его грани, чтоб потом по этой грани подняться на вершинку, соседнюю с перевальным пунктом. Она была выше перевального пункта, но зато путь к ней был гораздо легче.

Кин Киныча мы решили оставить тут на площадке,— брать его с собой в такое рискованное путешествие мы не хотели. А пока достали хлеб и консервы и сели завтракать. Плотно закусив, мы тронулись дальше уже только вдвоем—я и Бархаш.

Сначала мы двинулись вверх по снежному полю к подножью черных скал. Туда мы добрались через час. Бархаш пошел тут вдоль скал по снегу, а не непосредственно у самого их подножья. Предусмотрительный, как всегда, он видел, что обледенелый снег уже не будет там служить опорой. Он повернул к скалам только тогда, когда подошел к началу крутого склона который шел к перевальному пункту.

Теперь вверх на скалы.

Тот, кому случалось карабкаться по скалам на большой высоте,—а мы были уже на пяти тысячах четырехстах метрах,—тот знает, какую неверную опору представляют зубчатые гребни выветрившихся и расшатанных вечными вихрями скал. Твердый камень превра-

щается в рассыпающуюся ветошь, сланец расслаивается на ровные тесаные плитки, любой выступ шатается под вашими руками, как негодный, готовый вывалиться зуб, нет ни одной твердой точки опоры под ногами. Вот по таким скалам нам пришлось лезть. С большим трудом, но влезли.

Теперь осталось последнее препятствие—крутой подъем по снежному склону на ледяную стену. На первый взгляд это препятствие казалось пустяком. Подъем шел хотя и круто, но не отвесно, снег глубокий, ноги и ледоруб держались превосходно.

И мы быстро двинулись вперед, считая, что мы почти уже у цели.

И вдруг... Приблизительно на середине пути подъем вдруг сделался настолько крут, что уже и речи не было о том, чтобы идти свободно. Теперь приходилось подыматься, как на лестницу, ставя ноги прямо одна над другой и до половины вонзая в снег ледоруб. Еще хорошо, что снег переходил в лед не сразу и таким образом давал возможность утрамбовать ступеньки.

Мы двигались теперь очень медленно, а пройдя еще несколько метров, совсем стали. Я оглянулся вниз: «Вот так фунт!..» Мы висели над бездной. Подъем превратился в стенку с еле заметным уклоном; держаться можно было, только глубоко запустив руки в ледяные щели из льда и снега; ноги стояли на еле заметном уступе, а вверху над головами навис ледяной снежный карниз, на который нельзя было взобраться иначе, как прорубив в нем себе дорогу. Подняться прямо было невозможно, так как карниз закрывал всякий путь.

Вниз тоже не сойти, потому что повернуться было не на чем.

А тут еще перчатки остались в куртке. За лед приходилось держаться голыми руками.

— Эй, что же теперь делать?—крикнул я Бархашу.

Вместо ответа тот, крепко уцепившись одной рукой за глыбу льда, другой с силой взмахнул ледорубом и с размаху ударил им в ледяной карниз.

— Рубить буду!—бросил он сверху.

Рубить, так рубить. Поскольку я был внизу, я не мог ему ни в чем помочь и старался только не мешать. А он

методично наносил удары, все больше и больше врубаясь в лед, чтобы проложить дорогу.

Кин Киныч Марков потом нам рассказывал, как он ужасался, наблюдая снизу две висящие сверху маленькие человеческие фигуры и сверкающий на солнце ледоруб. Я лично в тот момент думал только об одном: долго ли продолжится эта работа. О себе я особенно не беспокоился, так как ноги стояли устойчиво и крепко. Опаснее было двигаться, тем более, что не было веревки, а руки окончательно заоченели.

А Бархаш все рубил. Наконец остановился.

— Жди меня, я вперед полезу.

— Ладно.

И крепко прижавшись к ледяной стене, он полез. Еще шаг. И еще шаг. И еще шаг. И еще... И, упершись плечом в карниз, прижавшись к одной стороне прорубленной щели и упираясь рукою в другую, он влез в прорубленную дорожку. Еще немного усилий—и я вижу, как он хватается за грань стены, и через несколько секунд он уже наверху.

Моя очередь. По следам Бархаша мне было, конечно, легче лезть, а у самого карниза помог протянутый мне ледоруб.

Но этим еще не кончилось. Представьте себе свое ощущение, если б вам пришлось подняться, скажем, на колокольню и очутиться затем на куполе без перил с угрозой свалиться оттуда каждую минуту. Вот в таком положении оказались теперь мы, потому что за снежной гранью начинался новый подъем, и его поверхность представляла как бы купол.

Как можно скорее мы пустились подальше от опасной грани. И опять вверх. Вот мы подошли, уже по снегу, к зубчатым скалам—последним скалам, венчавшим собою хребет Академии. Вот Бархаш уже на скалах, и вот скалы уже позади него. Через две-три минуты я был рядом с ним. За скалами открылась снежная площадка с небольшим замерзшим озерком во впадине. Дальше снова подымались зубья скал, а за этими зубьями шел спуск, но уже вниз по ту сторону хребта. Мы достигли цели. Мы были на перевале.

Сильный вихрь, какой всегда бывает на перевальных пунктах, начал сразу трепать нас со всех сторон. Ветер был

такой, что поневоле мы бросились за зубья искать пристанища. Но куда мы вышли? Какая высота?

Прямо перед нами подымался гигантский склон северного плеча громадного пика. Нас от этого склона отделял перевальный пункт, находившийся ниже нас метров на сорок. По ту сторону хребта шел сначала скалистый спуск, подобный тому, которым мы только что поднялись, затем шел большой пологий спуск, превращавшийся потом в широкое фирновое поле. Это фирновое поле переходило в ледник, шедший между двумя каменными теснинами. Дальше ледник поворачивал, упираясь в другой большой ледник—ледопад. От нас влево шла грань нашего хребта, переходившая затем в ровную снежную линию без зубцов, как нам казалось, ту самую, которую мы видали с пятого ледника.

От нас зависело—возвращаться назад или спуститься по ту сторону хребта на пологий фирн расстилавшегося внизу под нами ледника, уходившего затем дальше на восток.

Все, что можно было требовать от разведки, было нами достигнуто. Оставалось зафиксировать точные результаты. Я посмотрел на альтиметр. Он показал пять тысяч семьсот метров. Это сильнейшим образом нас смутило. Когда еще в Москве мы исследовали высоту точки на первой выемке хребта Академии, к северу от пика Гармо, мы тогда определяли эту высоту, по точным данным немецкой карты 1928 года, в шесть тысяч семьсот метров. Таким образом, расхождение с показаниями моего альтиметра было на один километр. Мы знали прекрасно, что альтиметр и его показания обычно ненадежны, но ошибка могла быть в двести или триста метров, а четыреста метров—это уже ошибка недопустимая. Но километр?—Такой ошибки быть не могло! Это означало либо, что мой альтиметр испорчен и врет, либо—что ошиблись немцы при исчислении математическим путем высоты пика Гармо, либо, наконец, мы находились не там, где предполагали, и перед нами был не пик Гармо. Последнее объяснение было, однако, нами отброшено сразу. Так ошибиться было нельзя! В течение двух лет мы изучали этот пик Гармо, в течение двух лет мы искали к нему путь и наконец нашли. Другого Гармо мы не видали, именно этот

*Пик Гармо (таджикский), который экспедиция долго смешивала с пиком Сталина (немецкий пик Гармо). Высота 6700 метров.
Слева отмечен крестиком перевальный пункт на хребте Академии, достигнутый экспедицией 7 сентября 1932 года.*

пик возвышался, как нам казалось, выше всех остальных, на протяжении всего хребта. И, наконец, то, что мы видели по ту сторону хребта, тоже подтверждало правильность наших предположений. Ледник, который расстилался перед нами, не только полого уходил на восток, как и следовало по немецкой карте, но заворачивал затем направо и сливался с другим ледником—ледопадом, тянувшимся параллельно также на восток,—и это соответствовало немецкой карте.

Правда, было уже поздно, и не было времени подробно изучить и исследовать направление этих ледников, но в основном их направление совпадало. Вот почему, отложивши пока дальнейшие рассуждения в сторону, мы поспешили использовать остаток времени для производства необходимых фотосъемок. Я быстро защелкал «лейкой», стараясь схватить и запечатлеть, пока еще было светло, и контуры ледника, который шел по ту сторону, и общий вид северной грани пика Гармо. Наконец, я послал Бархаша на самую высшую точку пика, на котором мы находились, и заснял его там, стоявшего на вершине диких скал. Самый этот пик я решил тотчас же назвать пиком Бархаша. Он был первым человеком, который поднялся на этот пик.

Надо было торопиться, да и озябли мы отчаянно, несмотря на краткость времени, которое мы пробыли на перевальном пункте. Вихрь хлестал и рвал со всех сторон; мы дрожали, и от холода зуб на зуб у нас не попадал.

— Скорее теперь вниз, домой!

Но как?

Мы поневоле остановились. Итти назад старой дорогой—это значило, пройдя снежный купол, снова подвергаться риску опасного крутого спуска по обледенелой стене, еще более опасного, чем подъем, как это всегда бывает при крутых спусках,—а ведь у нас не было с собой веревки. Я предложил Бархашу попытаться пойти вдоль грани и спуститься путем, которой мы намечали еще сегодня утром, как другой путь для подъема. Но Бархаш воспротивился.

— Там путь,—сказал он,—неизвестен совершенно.— Мы не знаем, возможен ли он вообще и куда мы попадем; возвращаться будет поздно, а ночевать здесь нельзя.

— Ну, а как все же? Старым следом?

— Старым следом, как-нибудь сойдем.

— Смотри, опасно.

— Пойдем!

И мы пошли.

Поднимаясь, мы оставили глубокие следы в снегу, и теперь они безошибочно указывали нам путь к месту, где мы врубались в ледяной карниз. Вот мы уже у ледяного карниза. Теперь вниз.

Каюсь, невольная дрожь пробежала по спине, когда я поглядел вниз. Обледенелые ступеньки, которыми мы поднялись, виднелись отчетливо, но прочность их была сомнительна. Я еще раз поэтому заикнулся о том, что, быть может, лучше пойти поискать другого спуска. Но Бархаш уже не слушал; через несколько секунд его голова оказалась на уровне ледяного карниза. Схватившись руками за лед, ногами он осторожно прощупывал наши ступеньки. Еще через минуту голова скрылась совсем внизу, а через две минуты он мне оттуда крикнул:

— Лезь, я стою прочно, держись по моим следам, дальше спуск уже не так крут.

Действительно страшны были только эти первые несколько шагов. Надо было лишь суметь цепко схватиться во-время за ледяные уступы и во-время и на место поставить ноги. Только руки коченели без перчаток.

Когда я добрался до Бархаша, он дальше полез вниз. Но теперь идти было действительно легче. Хотя спуск был очень крут, тем не менее это был спуск, на котором нога прочно держалась. Не приходилось по крайней мере висеть и не нужно было держаться руками.

Странно и оригинально в такие критические минуты работает сознание. Мне много раз случалось наблюдать, что в моменты, когда вся воля напряжена на преодоление физического препятствия и весь остальной мир точно не существует, в сознание почему-то втемяшится мысль, фраза, логически никак не связанная с данными обстоятельствами. Само преодолеваемое препятствие представляется обычно в виде некоего одушевленного существа, причём разговариваешь с ним и называешь его, как правило, совершенно не подходящим словом. Так и теперь.

У меня сохранилось в памяти одно: каждый раз, когда я опускал ногу вниз для того, чтобы найти опору на крутом спуске, я повторял:

— А ты все-таки не граф!

И с этой фразой шаг за шагом спускался вниз. Если бы я себя спросил, почему именно эта фраза возникла в моем мозгу, ответить на это я бы не смог, но именно ее я повторял до самого конца спуска, пока не стал на более пологий склон, по которому можно было уже спокойно и почти бегом направиться вниз к черным скалам. Через некоторое время мы с Бархашом уже стояли на их обветренных черных зубьях. Это была половина спуска до площадки, где мы оставили Кин Киныча.

Читатель помнит, что эти скалы дались нам не без труда при подъеме. Не без труда они дались нам и при спуске. Точно так же срывались под ногами и руками выветренные камни, точно так же пришлось в двух или трех местах повиснуть, точно так же мелькала мысль о том, нет ли какого-либо иного пути, и точно так же в конце концов мы двигались старым, пройденным путем.

Спустившись со скал на фирн, мы уже бегом бросились к площадке, где оставили днем нашего спутника. Вот и его следы. Но самого его уже нет здесь. Он, видимо, вернулся. Отдохнуть на этом месте мы позволили себе не больше пяти минут. Надо было торопиться. Было уже больше половины восьмого.

Мы спустились вниз бегом, иногда скользя по крутому склону на наших ботинках, как на лыжах, подымая вокруг себя облака снежной пыли, управляя ледорубом, как рулем. Раза два мы падали и летели кубарем, пока не зарывались в глубокий снег. Встав, снова бежали и снова падали. Ничего страшного в этом, конечно, не было, потому что трещины ледопада мы оставили теперь в стороне и бежали вниз как раз по середине крутого склона.

Когда мы вступили в расщелину ответвления пятого рукава, солнце уже зашло, и нас сразу охватил холод.

Первой нашей заботой теперь было отыскать наши куртки, спрятанные нами здесь в глубине ледяных трещин.

Одевшись, мы быстро прошли последнюю часть пути по ровному снегу, пересеченному глубокими трещинами.

Теперь трещины не смущали нас: на снегу был четко виден наш утренний след.

— Ого-го-го!—закричал Бархаш, как только мы вышли на пятый ледник.

— Ого-го-го! Кин Киныч!

— Ого-го-го!—послышалось издалека.

Мы различили фигуру нашего спутника, махавшего нам не то флагом, не то куртой около нашей палатки, примерно в четверти километра от нас.

К восьми с половиной часам мы были уже дома у палатки, где заботливый Кин Киныч приготовил для нас чай и ужин.

День седьмого сентября мы с полным основанием занесли в свои книжки как день исключительных трудностей, но в то же время и успешной разведки.

8—9 сентября

Гордые успехом, прежде чем заснуть вечером, мы долго еще толковали о выводах и итогах своего восхождения.

Но нас теперь увлекали другие планы. В основном мы остановились на следующем дерзком замысле.

Сейчас итти скорее вниз на стоянку. Затем вернуться сюда же с запасами провианта и одной группой по установленному нами пути, через северное плечо, перевалить через хребет и спуститься на ту сторону, на Бивачный ледник, потом на Федченко, затем пройти по леднику Федченко на север, к выходу ледника Малого Танымаса, у самого устья бешеной Муук-су. Другая группа в то же время должна была вернуться обратно в Пашимгар и прошлым путем через Пеший перевал спуститься в долину той же Муук-су, но гораздо западнее, чтобы затем, соединившись с группой Москвина, по северному склону хребта Петра Первого подняться к пику, который мы считали пиком Евгении Корженевской, и оттуда по неизведанным путям пройти к верховьям того же Танымасского ледника навстречу первой группе. Путь этой второй группы был чрезвычайно рискован, но если бы он удался, все наши задачи были бы разрешены. Трудности и риск этого плана для обеих групп заключались в том, что оба маршрута были очень тяжелы

и длительны. В обоих случаях важно было иметь с той стороны хребта готовые базы с запасами провианта. Но мы знали, что на той стороне работают другие группы экспедиции. Важно было раньше установить с ними связь. Но как? Для обсуждения всех этих вопросов нужно было скорее попасть вниз. Кроме того другие разведочные группы могли принести иные новости... На этом и порешили. Только Кин Кинич Марков заявил, что он хочет еще остаться и поработать в верховьях Гармо, чтобы закончить съемку. Это было геройское решение, так как он был первый раз во льдах и оставался совершенно один. Но мы уже видели, что он был крепкий парень и не трус...

В семь часов утра мы с Бархашом быстро зашагали вниз по пятому леднику, намереваясь пройти за день до раздвоения основного ледника, сиречь километров пятнадцать-двадцать. Желая сократить путь, мы пошли на этот раз не через перевальный хребтик к четвертому леднику, а прямо вниз, хотя и знали, что внизу нас встретят ледопад и глубокие поперечные трещины. Мы очень скоро были наказаны за это решение. Мы оказались в таком лабиринте совершенно непроходимых трещин, что должны были повернуть назад к спасительным моренам и боковому склону ледника, чтобы найти дорогу. На блуждание среди трещин мы потратили лишних добрых два часа, а у самого выхода ледника наткнулись на такой ужасный ледопад, что снова должны были искать обходных путей, взбираться опять на камни и скалы и лишь с большим трудом только часам к одиннадцати утра попали на главный Вавиловский ледник.

Только на старом месте ночевки мы с облегчением вздохнули; сбросив с себя мешки, принялись готовить завтрак. И целых полтора часа мы пробыли на остановке.

Солнце жарко грело нас, и после трудного пути совсем не хотелось двигаться дальше. Когда же мы собрались, произошла новая неожиданная, хотя и очень приятная, задержка. На соседнем ледяном холме вдруг обрисовались две человеческие фигуры. Это были Лоик и доктор Пислегин. Вернувшись раньше нас с разведки и узнав, что Лоик отправляется нам навстречу, доктор решил идти к нам, чтобы изучить и этот участок пути.

В альпинистском шлеме, в зеленой ватной куртке, в очках, с большим рюкзаком за плечами и полным альпинистском снаряжении он представлял собою довольно комичную картину. Мы были ему все очень рады и засыпали расспросами об итогах их разведки. Из его слов мы, впрочем, мало что могли уяснить себе. Подробные расспросы пришлось поэтому отложить, пока увидим карту, которую, как он говорил, они начертили.

Лоик должен был отправиться в помощь к Кин Киничу, мы же дальше тронулись втроем. Так как путь предстоял еще очень трудный, а мы достаточно потеряли времени,—решили торопиться во-всю. И снова нас постигла неудача: мы решили идти посередине ледника, не уклоняясь ни вправо, ни влево, где были ледопады, и опять заплутались среди ледяных гор.

В результате мы опять не успели попасть во-время на ночевку. Пришлось искать ночлега посреди ледника. Заботились только о том, чтобы лечь не прямо на лед, а где-нибудь на морене на мелких камнях. В одной из глубоких ложбин мы устроились на ночь почти за километр до конца ледника. Почему-то вдруг стало страшно холодно, и нас несколько согрел чай. Чтобы не мерзнуть, решили скорее уснуть, зато завтра как можно раньше встать...

Утром оставшийся путь до основного ледника мы одолели без особого труда. Однако, когда мы в конце блестящего льда попали снова в район покрытых камнями ледяных бугров,—как ни старались мы идти быстро, темпы наши пришлось сильно снизить. Только часам к двенадцати или даже к часу мы вышли на основную и главную цепь холмов, тянувшуюся посередине ледника, и на каменные туры, поставленные тт. Цагом и Воробьевым. В конце концов за какие-нибудь полчаса до дому мы вынуждены были сесть отдохнуть. Ноги гудели, голова гудела, все тело ныло, а проклятый груз больно резал плечи...

Наконец тропинка, вившаяся по террасе, змейкой побежала вниз. Большая скала, закрывавшая лощину Аводары, отодвинулась в сторону, и наш лагерь весь предстал как на ладони.

Он поразил нас своим размером и многолюдством. На полянке бродили лошади, до десятка палаток белели в

разных концах, а сколько людей было! Я успел различить Арика и Стаха, с диким криком бросившихся мне навстречу.

— Арик, Стах! Черти косолапые, здорово!

За мальцами двинулись Дорофеев, Ленка Покровский, длинный, долговязый парень из его партии, затем наши— Воробьев, Цаг и Леван Маурашвили, потом геологи— Щербаков, Татьяна Боровская и оказавшаяся почему-то тут же жена Москвина, маленькая «Нина—одна штанина», как ее прозвали мальцы еще в экспедицию 1931 года. Четыре носильщика замыкали шествие,—итого в лагере было теперь шестнадцать человек. Оказалось, что Дмитрий Иванович, уйдя обратно второго, вернулся в Аводару с Боровской и Ниной четвертого. Леван и доктор пришли пятого, Цаг и Воробьев вернулись из своей разведки шестого. Дорофеевская группа пришла вчера.

ГЛАВА IV

ПЕРВЫЕ ИТОГИ

Чтобы установить какой-либо порядок подведения итогов, решили отнести обсуждение результатов всех трех разведок на вечер, где начальники групп должны были доложить их на общем совете устно, одновременно представив письменный доклад и карту пройденных мест. О своих триумфах мы все-таки не преминули рассказать, хотя и вкратце.

Арик моментально вступил в свои обязанности генерального повара, которые он исполнял с большим усердием и талантом. После обеда мы начали приводить себя в порядок—бриться и мыться. И лишь поздним вечером собрались все в штаб-палатку на «реввоенсовет». К этому времени наша компания пополнилась еще одним гостем,—неожиданно вернулся Лоик: Марков отослал его обратно со всем грузом, оставшись один производить свои работы. Это едва ли было благоразумно с его стороны, но делать было нечего.

Совет собрался уже при огне.

В маленькой палатке собрались начальники групп—я, Щербаков, Дорофеев, Воробьев и Леван Маурашвили;

остальные расположились кто мог в палатке, кто мог у входа: в тесноте, да не в обиде. На коленях у каждого были разостланы карты, и первым слово получил Воробьев как начальник первой, или северной, группы разведчиков.

Его повествование было кратким, хотя письменный отчет занимал добрый десяток страниц. Итоги первой разведки были неутешительны. Воробьев и Цаг исполнили максимум того, что они могли сделать. Они прошли от поворота основного ледника на север весь громадный амфитеатр Беляевского ледника и подошли вплотную к запиравшей цирк ледника отвесной ледяной стене. Взобраться на нее не оказалось никакой возможности. По их словам, только в одном месте была некоторая возможность подъема, но этот подъем проходил по узкой каменной щели, по которой постоянно сыпались лавины. Подыматься по этой щели—значило рисковать восьмидесятью шансами из ста быть сшибленными с ног, засыпанными и убитыми. Парни благоразумно отказались от подобного эксперимента. Южный склон хребта Петра Первого оказывался, таким образом, со стороны ледника Гармо неприступным. Разведчики не удовлетворились, однако, этим результатом и поднялись на одну из вершин, примыкавшую к ледяной стене, почти на шеститысячную высоту. С большим трудом можно было перебраться с этой вершины на главный хребет. Это не было сопряжено с значительным риском, но требовало большего времени, нежели располагали разведчики. Обрыскав вдоль и поперек весь цирк Беляевского ледника, они вернулись на шестой день, когда у них иссякли все припасы.

Таковы были итоги первой разведки.

Затем слово получил Леван Маурашвили, вместе с Пислегиным исследовавший ледник Ванч-дара, куда они были направлены в поисках подхода к южному плечу Гармо.

Итоги этой разведки были также мало утешительны, хотя уже не в силу «объективных» причин. Прежде всего, разведка вернулась пятого, а вышла второго. Таким образом, всего-навсего они были в путешествии четыре дня вместо восьми. По словам Левана, они прошли весь ледник Ванч-дара, который затем поворачивал налево. Про-

шли весь ледник после поворота и уперлись точно так же в замкнутый цирк. Они обнаружили перевал от этого цирка направо, который сочли за Пулковский перевал, известный со времени экспедиции Беляева 1916 года. Затем они поднялись, по словам Левана, на хребет, замыкавший ледник, увидели по ту сторону хребта новый цирк какого-то другого ледника и видели затем оттуда не южное, как мы ожидали, плечо Гармо, а перевал по ту сторону хребта Академии. Этот последний перевал был целью их разведки. Они, однако, не обследовали его вовсе и, удовлетворившись нанесением его на кроки, вернулись.

Подобное поведение разведчиков вызвало немедленно крайне резкую отповедь со стороны Бархаша.

— Вас посылали не гулять, — сказал Бархаш, — а работать. У вас время было. Вы обязаны были исследовать перевал, тем более, что его существование вызывает целый ряд сомнений, ибо не укладывается вовсе в наше представление о районе, куда вас посылали.

Леван пытался оправдываться, ссылаясь на свои познания в области топографии. Я поддержал, однако, Бархаша целиком. Было ясно, что разведчики просто слентяйничали. И времени и продовольствия у них было достаточно. Разведка не сделала того, что она должна была сделать. То, что она сообщила, было нам известно и до этого по экспедиции Беляева, а то, что искали — перевал через хребет Академии, — оставалось неизученным. Эти выводы были формулированы мною со всей резкостью.

После этого мы начали излагать наши достижения и наши планы, о которых мы условливались седьмого вечером после восхождения на северное плечо. Обе части моего плана и в особенности наметка движения второй группы через хребет Петра Первого встретили однако сильнейшие возражения буквально всех. И Дорофеев, и Воробьев, и Щербаков — все указывали на чрезвычайную трудность движения через северное плечо с грузом и носильщиками, на большую опасность, рискованность пути для второй группы, которой я хотел руководить сам. Кроме того, группа могла не найти Москвина по ту сторону хребта Петра Первого, могла не взойти на пик, который мы считали пиком Евгении Корженевской, могла не найти спуска в Танымасские ледники, могла разми-

нуться с первой группой на леднике Федченко. Я возражал и не хотел сдаваться.

В результате горячих споров мы не пришли ни к какому решению. Организовать этот поход против желания всех я тоже не решался. В конце концов я прекратил дальнейшие споры словами:

—Ладно, решим потом.

По существу этой отсрочкой я хотел выгадать время, чтобы продумать еще раз весь план и посоветоваться в более узком кругу. В палатке Бор.вской поздно вечером я созвал «малый совет»,—присутствовали только Щербаков, я, Бархаш, Воробьев и Дорофеев.

Я предложил тут новый вариант. Ввиду неудачи разведки южного плеча—всем идти вновь в эту разведку. Мы же с Бархашом вдвоем отправимся вдогонку москвинской группе, и опять-таки на пик Корженевской, но уже без задания спускаться к ледникам Танымаса и встречи с первой группой.

Но и этот план встретил такой же отпор. Щербаков, Воробьев, Дорофеев вновь категорически высказались против. Один Бархаш молчал. Но и он, видимо, колебался.

И опять не было ничего решено. И снова я отложил решение, чтоб еще раз все продумать.

10 сентября

Окончательное решение пришлось принять, уже когда все легли спать. Рядом со мною в моей беленькой штаб-палатке спал Щербаков, вытянувшись во весь свой рост и едва прикрывшись коротеньким полушубком. А я продолжал думать.

Основной вопрос заключался вот в чем: отказаться или не отказываться от попытки по-серьезному проникнуть на хребет Петра Первого вместе с москвинской группой с северного склона, чтобы оттуда связаться с ледником Федченко и ледником Гармо. Или, отказавшись пока от всего этого района, попытаться, в первую очередь, проникнуть на неисследованный второй группой рукав ледника Ванч-дара и попытаться оттуда еще раз подойти к южному плечу Гармо и оттуда на ледник Федченко? Но отказаться от первой попытки—значило целиком возложить

ее на Москвина. А если у того ничего не выйдет? А не отказываться—значило дробить силы, нужные для исследования Ванч-дары, и главное—пускать вторую группу в очень рискованное предприятие...

В конце концов все же пришлось остановиться на компромиссе. И я немедленно стал будить и Щербакова и Бархаша, чтобы предложить им новое решение.

План сводился теперь к следующему: одного человека я предложил направить назад в Пашимгар и через Пеший перевал к Девсиару, оттуда вдогонку группе Москвина. Посланный должен был связаться с Москвиным, поручив ему работать самостоятельно, затем самому в одиночку пройти, если удастся, к Малому Танымасу по берегу Муук-су и по леднику Федченко, уже с той стороны хребта Академии, подняться к выходу Танымасского ледника.

Там к двадцать пятому сентября он должен был организовать для нас встречную базу провианта и всего необходимого для отдыха и подкрепления сил.

Вся наша группа должна была выступить в ближайшие же дни по следам второй разведки к южному плечу и к восемнадцатому числу вернуться обратно, разведав его до конца.

Если бы удалось найти путь к южному плечу, все вместе должны были бы опять двинуться этим путем с тем, чтобы перейти хребет Академии, спуститься по Бивачному леднику к двадцать первому сентября на ледник Федченко, разрешив первую задачу, и затем по леднику Федченко спуститься к двадцать пятому на подготовленную базу у истоков Танымаса. Так разрешалась вся задача при двух условиях: 1) если бы Москвину удалось за тот же срок выполнить свою задачу разведки северного склона хребта Петра Первого и 2) если бы нам удалось найти путь к южному плечу пика, который мы считали за Гармо. Плюсом этого плана было то, что мы не разбивались бы на две группы. Товарищ же, который пошел бы к Москвину, пошел бы окружным путем без всякого риска—в крайнем случае можно было бы отправить еще одного в помощь.

Этот план встретил всеобщее одобрение. Больше всего не хотелось разбиваться на две группы. Теперь эта пер-

спектива отпала. Но кого послать к Москвину? Надо было теперь приниматься за распределение людей. Выступление назначили на одиннадцатое.

Для отправки к Москвину были названы две кандидатуры: первая—Арика Полякова, как наиболее ловкого и опытного в снабженческих делах по организации баз,—но он был нужен в основной группе; вторая—доктора Пислегина. Правда, доктор не знал дороги, но ему в помощь можно было дать Васю Рубинского. Но против этого восстала Татьяна, которой Вася Рубинский был нужен как коллектор в ее геологических работах. В конце концов решили пустить доктора одного, снабдив его проводником из таджиков.

В повторную разведку южного плеча была определена следующая группа: я, Бархаш, Цаг, Воробьев—наиболее спешаяся и выверенная группа. Маурашвили был отправлен в распоряжение Дмитрия Ивановича в качестве альпиниста по геологической части.

Дорофеев с обоими мальцами был присоединен к группе Щербакова, но получил совершенно самостоятельное задание: все они впятером (при двух носильщиках) должны идти в район ледника Вавилова и ледника Беляева для геологических и топографических работ по всему леднику Гармо. Они должны были отправиться сначала на северный цирк, затем на южный цирк обоих рукавов. К шестнадцатому числу они должны были вернуться.

После того, как были укомплектованы основные группы, в отношении остальных много думать не приходилось. Татьяна и Нина были отправлены обратно в Пашимгар для геологических работ, вернувшийся накануне К. К. Марков вместе с ними должен был идти в долину реки Хингоу продолжать свои работы по геоморфологии района. Так должен был опустеть весь лагерь, и лишь Садыр оставался для охраны имущества и заготовки новых запасов провiantа.

Выработанный план после окончательного утверждения был объявлен всем и всеми принят.

Целый день после этого шла подготовка к выступлению. Эти дни отдыха, когда вы все вместе,—они всегда врезаются в память как наиболее светлые промежутки в экспедиционно-быту. Все много ели, пели, бегали, смеялись;

хлопотали. Единственно, что отравляло мне удовольствие,—это болезнь губ. Частые посетители ледников знают, что это за скверная штука. Растрескавшиеся губы болят так, что к ним нельзя прикоснуться, нельзя ни есть, ни пить. Одним из средств в борьбе с заболеванием является заклеивание губ тонкой папиросной бумагой, но к этому нужно привыкнуть, чтоб не сдирать постоянно бумагу языком и губами. Пить приходилось тоже только через резиновую трубочку. Против болезни лучшим средством является простое коровье масло, которым нужно постоянно смазывать растрескавшиеся места.

У меня для хранения масла была с собой маленькая металлическая коробочка, которую я всегда носил в кармане. К сожалению, днем масло превращалось в жидкую массу, а за ночь становилось твердым, как камень.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ВТОРАЯ РАЗВЕДКА

ГЛАВА I

ПО ВАНЧ-ДАРЕ

11 сентября

С утра началось отправление групп согласно установленной программе. Первыми около десяти часов выступили: Татьяна, Нина, Марков, Покровский и д-р Пислегин. Они двинулись по направлению к Пашимгару, остальные проводили их до конца площадки. Маленький караван из двух верховых и трех пешеходов постепенно удалялся вниз по громадным темносерым ледяным холмам. По сравнению с холмами люди казались пигмеями. Караван то скрывался, то вновь появлялся из глубоких ложбин и выемок, разделявших ледяные холмы, и наконец скрылся.

В одиннадцать часов двинулась вторая группа, тоже из пяти человек, но в прямо противоположную сторону: Дорофеев, два мальчика и два носильщика. Нагруженные тяжелыми ношами, согнувшиеся под вещевыми мешками, опираясь на ледорубы, они гуськом двинулись вверх по морене, и скоро их тоже стало не видно, как только они поднялись на каменный хребтик, закрывавший нашу стоянку.

Теперь настала наша очередь. Четвертой и последней группой должны были выступить Щербаков и Маурашвили. Они думали догнать дорофеевскую группу, так как отправлялись налегке, с небольшим грузом.

Наша группа вышла в одиннадцать с половиной часов. Если первые две группы отправлялись в противоположные стороны—одна вниз, другая—вверх по леднику, то наша

группа взяла путь прямо наперерез ледника немного наискось на восток, к ущелью Ванч-дары. Дмитрий Иванович проводил нас к красному флагу, развевавшемуся на стоянке, до места, где мы стали спускаться по каменным уступам вниз на лед, на среднюю морену ледника.

Этот путь теперь для нас не представлял никаких затруднений. По поставленным Воробьевым и Цагом турам мы быстро вышли к средней морене, повернули на восток и некоторое время шли параллельно дорофеевской группе, шедшей по боковой террасе. Нас разделяли какие-нибудь полкилометра, и мы отчетливо видели друг друга. Больше того, мы видели, как дорофеевская группа, дойдя до конца террасы, там, где нужно было спускаться на лед, попала в тяжелое положение, так как крутая осыпь, падавшая вниз, представила для них с их грузными мешками за плечами препятствие не из легких. Антон Цаг даже побежал им помогать. Мы же, усевшись наверху, на гребне морены, наблюдали спуск.

Отсюда мы должны были повернуть резко вправо и, спустившись с морены, потерять товарищей из виду.

— Прощайте! Прощайте!

Обе группы махали друг другу руками, платками, ледорубами. Высокие ледяные холмы сейчас должны были снова разделить нас на несколько дней.

Через минуту люди той группы уже не были нам видны.

И как раз в эту минуту почему-то резко изменилась погода. Откуда-то набежавшие большие тучи заволокли горизонт. Сильный ветер рвал теперь на нас одежду, сверху вдруг повалил мелкий, а потом и крупный снег.

Теперь мы начали нырять среди холмов то вверх, то вниз, пробираясь к противоположной стене ледника Гармо и выходу ледника Ванч-дара. Всего два с половиной километра ширина ледника в этом месте, и это расстояние мы шли два с половиной часа. И только к двум часам оказались на той стороне, в месте, где река, вытекавшая из ущелья Ванч-дара, снова пропадала в ледяной пещере и где нагроможденные, благодаря выходу ледника, массы льда образовывали собою такие громады гор с полированными отвесными стенами, что для того, чтобы попасть в

Ледник Ванч-дара у поворота на восток.

ущелье, мы должны были пробраться на противоположный склон ледника гораздо ниже входа ледника Ванч-дара и потом снова пробираться к ущелью по усыпанному щебнем склону. Наконец мы вошли в ущелье и у самой реки сели отдохнуть.

Ветер свистал по ущелью, снег сыпал, не переставая, затем повалил хлопьями и наконец перешел в мелкий дождь.

Пройдя не больше двух километров от выхода ущелья, мы снова стали на отдых. Река здесь снова пропала в ледяной пещере. Затем снова появлялась и бурлила между камней, чтобы наконец опять, и на этот раз навсегда, пропасть в новой горной ледяной пещере. Дальше ледник шел уже всерьез.

Воробьев, взявший на себя хозяйственные функции, приготовил чай и роздал нам по куску холодного мяса. Это была последняя остановка перед ночлегом, так как было уже после трех часов и мы прошли гораздо меньше, чем предполагали.

Но и дальше дорога была не легче; ледяные холмы становились все больше, кое-где заблестали уже снежные пятна, подъем становился все круче, камни, через которые приходилось перелезать, все крупнее. Иной раз, наоборот, нога почти тонула в мягком иле, когда случалось идти вдоль ледяных ручьев. А снег опять пошел все сильнее и сильнее.

Во время одной из коротких остановок мы заметили на щебне, к нашему удивлению, несколько поленьев арчи. Это было чрезвычайно важное открытие. Мы немедленно снарядили одного из наших двух носильщиков сложить в кучу эти неизвестно откуда принесенные поленья, чтобы использовать их на топливо в случае необходимости.

Последняя часть пути, которую мы проделали, когда уже начинало темнеть, была еще труднее. В конце концов мы стали на ночлег, далеко не дойдя до поворота ледника, у маленького озера, синевшего на поверхности морены. Долго пришлось работать по расчистке места для установки палаток, а когда они были поставлены, холод заставил подумать о том, как быть с нашими таджиками, — у них палатки не было. Мы отдали им два больших брезентовых покрывала, соорудивши из них прикрытие от ветра.

Под продолжающийся шорох падающего снега и холодный, пронизывающий насквозь ветер, усталые и измученные, мы завалились спать.

Первый день путешествия ничего нам не дал для нашей разведки. До намеченного пункта мы не дошли не менее двух километров.

12 сентября

А наутро опять, как это было и на Вавиловском леднике, от вчерашней непогоды не осталось и следа. Как будто ее вовсе не было. Солнце сияло и горело тысячами блесков на снежной пелене, открывшейся перед нами. Мы не дошли вчера до нее каких-нибудь четверть километра. Впереди, немного левее нас, возвышался, замыкая ущелье, неизвестный пик. У его подножья ледник поворачивал налево. Прямо против нас шел куда-то крутой ледяной подъем. Подъем этот потом становился пологим и затем поворачивал вправо. Может быть, он вел к какому-то перевалу. Но куда и к какому? Возможно, что

это и был путь, которым шел Беляев шестнадцать лет назад и который он назвал Пулковским перевалом. В таком случае ледник налево должен был итти к южному плечу Гармо.

Всем хотелось скорее итти. Не меньше загадок открывалось и сзади.

Мы шли вчера целый день и поднялись уже до четырех тысяч метров. Все пройденное ущелье Ванч-дары лежало теперь за нами длинной узкой ложбиной, черной и грязной от камней и льда. Далеко внизу блестела Ванч-дара, вытекавшая из-под льда.

Но не это нас интересовало. Нас интересовали пики вершин, подымавшихся над ущельем по леднику Гармо, откуда мы пришли. Наша база на Аво-даре была расположена по ту сторону этого ущелья. Мы не могли поэтому видеть оттуда пиков, возвышавшихся над ней. Теперь же нам видна была полностью снежная цепь хребта ОПТЭ, возвышавшаяся над Аво-дарой. И мы жадно всматривались в эти впервые открывшиеся перед нами вершины, стремясь узнать в них пики, изученные нами в 1931 году.

Прямо под нашей стоянкой-базой шла большая снежная выемка; видно, это был снежный цирк какого-то ледника. Справа от него подымалась черная двугорбая вершина. Еще дальше вправо высился тычком, как белый палец, новый снежный пик, и за ним вдалеке стояли новые вершины—высокий остроконечный зуб, лишенный на своих крутых склонах снежной пелены, и правее—круто подымавшаяся трапеция, являвшаяся высшей точкой всего хребта... Да, мы узнали всех их. Мы их узнали, хотя и не подозревали, что мы на нашей базе на Аво-даре были от них так близко. Снежный амфитеатр ледника, расположенный на втором этаже над базой, и двугорбая гора справа—это был наш «Перевал трех», или наша «Терраса трех», где мы стояли в 1931 году¹. Двугорбой горой был пик Верблюда. Островерхий пик—пик Однозуб и, наконец, крутая трапеция—наша «Женичка», или пик, который мы считали пиком Евгении Корженевской, к которому так стремились Цаг и Воробьев, когда шли в разведку Беляевского ледника. Он отстоял от Аво-дары

¹ См. «Узел Гармо».

на добрых тридцать километров, но нам отсюда казалось, что от выхода нашего ущелья до него «рукой подать»...

Снежный палец был не чем иным, как седьмым «Эльбрусенком», крайним слева из «цепи Эльбрусят»... В ответах на все эти вопросы мы сошлись без споров.

А что ждало нас впереди? И мы зашагали скорее от места нашей ночевки к снежному покрову ледника.

Мы взобрались на снег и двинулись вверх, держа направление прямо к подножью «левого пика»,—так мы его и назовем,—немного наискось, так, чтобы выйти на середину ледника к началу его поворота налево. Держаться ближе к краю ледника было не нужно. Как всегда на поворотах, там высились остроконечные ледяные массы, зияли ледяные пропасти и трещины...

Но середина оказалась на самом деле вовсе не ровной, а пересеченной глубокими снежными впадинами, выемками, и цепи ледяных холмов постоянно сменяли одна другую. Приходилось то опускаться в ложбины, то подыматься вновь по скатам холмов, «нырять», как мы называли это, а когда «нырянье» прекратилось, фирн оказался весь изрезанным продольными трещинами, тянувшимися чуть ли не через всю ширину ледника. И видно было, что эти трещины так и будут задерживать нас все время до самого конца фирнового поля, на всем протяжении ледника. Итти было очень утомительно.

Когда ледник окончательно повернул, мы остановились для ориентировки. Было уже около двенадцати часов.

Куда же вел наш ледник после поворота? Первое впечатление было очень неутешительное. Ледник замыкался километрах в трех от нас, как и все ледники этих мест, опять-таки снежным цирком—тупиком. Не только перед нами не открывалось никакого перевала, но он не приводил нас даже к нашей цели—пику Гармо и его южному плечу. Он замыкался двумя зубчатыми вершинами—одной пониже, другой—гораздо более высокой. Между ними зияла выемка. Через эту выемку, быть может, возможно пройти. Но куда? Дальше опять подымались какие-то вершины, нам совершенно незнакомые по внешнему виду. Но не Гармо.

Вправо от выемки и гораздо ниже открылась еще одна снежная линия хребта, замыкавшая наш ледник с правой стороны; после того, как мы повернули от «левого пика»,

она шла, все понижаясь, и в самом конце ледника образовывала эту выемку почти на уровне ледника—вровень с ним. Таким образом, открывался перевал, но не на восток, как мы стремились, а на юг. За выемкой тянулась темная пропасть спуска куда-то вниз, а слева подымалась еще одна вершина, очень высокая и совершенно круглая (мы ее назвали «кумпол»). Быть может, пройдя перевал, можно было у ее подножья найти путь и на ту сторону—на восток.

Вот все, что мы увидели, когда миновали поворот. Эта картина заставила нас призадуматься, так как два пути теперь открывались перед нами: на выемку прямо между двумя вершинами и на выемку вправо—на южный перевал. Да был еще не исследован оставленный нами позади перевал на запад, т. е. в прямо противоположную сторону. Решили поэтому организовать где-нибудь стоянку, так, чтобы она служила центром и базой для исследования во все стороны. Поэтому, двинувшись дальше, мы, к двум часам уже остановились для организации центральной базы.

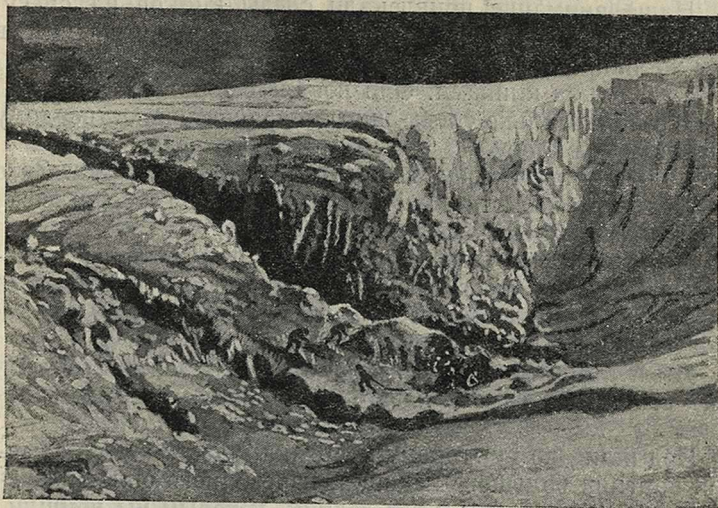
Мы выбрали для этого одну из глубоких снежных ям-ложбин. Это была глубокая кратерообразная выемка—метров сорок глубины и до пятидесяти метров в диаметре. На дне ее было замерзшее озерко. На льду этого озерка мы и расположились—расставили палатки.

Воробьев сейчас же опять собрался стряпать. Он вообще любил покушать и по возможности ни в чем себе не отказывал. Это определило его судьбу. На этот раз мы решили оставить его и обоих носильщиков, а самим немедленно, не теряя времени, отправиться на исследование первой выемки—восточной. Условились, что пойдем налегке и к вечеру вернемся...

Только с ледорубами в руках, кошками за спиной и альпийской веревкой—Бархаш, я и Цаг—мы пустились в путь и быстро выбрались из ямы...

Путь был очень трудный. Трещины теперь шли сплошными параллелями. Только что одолеешь одну—буквально через несколько шагов тянется другая, за ней третья и т. д. Они тянулись, постоянно переплетаясь, разветвляясь одна от другой.

Кое-где открывались засыпанные снегом провалы. При-

*Стоянка экспедиционного отряда на леднике Ванч-дара
в ледяной впадине.*

шлось связаться и идти очень осторожно. Впереди шел Цаг, как наиболее опытный альпинист. Он шел медленно, ледорубом пробуя каждый шаг пути.

Скоро всем это надоело. Выемка лежала перед нами, казалось, вот-вот. На самом деле до нее было около двух километров. Подымалась она после конца фирнового поля сразу очень круто. Решили свернуть налево, прямо к стенке цирка, замыкавшего ледник, и подняться по ней вверх, к меньшей вершине над выемкой. Этим, во-первых, сокращалось движение по трещинам, путь влево до стенки был гораздо ближе, чем прямо к выемке; во-вторых, подъем на стенку был менее крут, там можно было подыматься зигзагами по снежному склону, и, в-третьих, поднявшись на вершину, мы оказывались выше и, следовательно, могли больше увидеть, что делается на той стороне.

Но от этого не стало легче идти. Трещины и тут затрудняли путь. А чем ближе мы подходили к склону ущелья, тем становилось труднее. Фирн сменили опять навороченные глыбы льда и бездонные ямы.

Наше внимание привлекали следы кииков на снегу. Они шли ровной строчкой между трещинами и уходили в том же направлении к склону ущелья.

— Идем за кииками. Они покажут дорогу.

И действительно следы шли по сравнительно твердому снежному покрову.

Только к пяти часам мы подошли к стенке цирка. Зато подыматься, несмотря на крутизну, было гораздо легче, чем скакать через трещины.

И около шести часов мы были уже на хребте, замыкавшем ледник. А в шесть часов двадцать минут, цепляясь за скалы, мы поднялись уже на меньшую вершину над выемкой на восток. Мы были у цели...

Я взглянул на альтиметр—пять тысяч метров. А ведь мы стоим на самой низкой вершинке. Что же впереди?

Под нами, по ту сторону хребтика, расстилалась обычная картина большого ледника, изрезанного сплошь трещинами. Ледник, как и тот ледник, которым мы пришли, шел с севера, затем загибал, так же, как и наш, на восток, и кончался опять таким же тупиком, как и наш, и тоже имел перевальный хребтик на восток и такой же перевальный хребтик на юг. Вторая вершина нашего ледника, от которого нас отделяла выемка, теперь была правее нас и представляла собою замыкающую стену цирка этого нового ледника. А перевальный хребтик на юг вел, как и наш хребтик, куда-то в средоточие новых пиков, новых вершин и новых неизвестных ледников.

Бархаш первый прервал молчание.

— Это ледник Шокальского,—сказал он,—где мы были в прошлом году.

— Да, это ледник Шокальского. Ледник Ванч-дара привел нас не в обход ледника Шокальского к южному плечу Гармо, а в тыл Шокальского. А Гармо оказывался за ним. Его мы отсюда даже не видели.

Левая большая вершина была не одна. За ней подымалась еще одна большая вершина. А дальше виднелись еще и еще... Но все они были нам незнакомы. Мы попадали в совершенно неизвестные места. И никакого Гармо тут не было. Досаднее всего было то, что мы не мог-

ли даже рассмотреть, куда шел перевал из ледника Шокальского на юг и был ли вообще там перевал?

Зато отсюда хорошо был виден нам наш перевал на юг от ледника, которым мы пришли. Перевал шел вниз в бесснежное ущелье и далеко-далеко внизу выходил еще в одно ущелье, тянувшееся параллельно ущелью Гармо. Нетрудно было, зная мало-мальски карту, его узнать. Это было ущелье реки Ванч, то самое, куда мы вышли в 1928 году через перевал Кашал-аяк и куда вышел в 1916 году Беляев. Дорогу на юг мы теперь знали.

Было уже шесть часов двадцать минут, и надо было спешить домой. Но не хотелось опять идти по трещинам. И так ровно шел снежный фирн вдоль склона ущелья. Казалось, что, идя вдоль склона, мы миновали бы все пространство с трещинами. Только в конце придется перейти от каменной стенки к середине ледника через ледяные горы и пропасти.

Авось, перейдем!

— Перейдем, что ли?

— Перейдем!

— Так вдоль склона?

— Вдоль склона.

И мы пустились вниз по фирну бегом.

И действительно, хорошо было бежать вниз по твердому снегу. Тем более, что и солнце на этой высоте еще светило и ласкало нас своими последними лучами. Но внизу уже стало холодно. А когда через час мы подошли к ледопаду, — темные тени приняли нас со всех сторон в свои холодные объятия. Мрачно выдвинулись вперед черные выступы скал... Ни солнца, ни тепла тут не было и в помине.

Цепляясь руками за камни, мы пробирались теперь поодиночке под скалами, нависшими сверху, к расщелине между каменным склоном и ледяными стенами ледопада. Между ледяными массами шли трещины, такие, что те, через которые мы скакали днем, против них были пустячками. Но всего труднее было перебраться от скал на лед. Да и дальше ледопад шел такой, что не было никакой гарантии в том, что там вообще можно будет передвигаться. Но ведь не возвращаться же назад?

И мы, цепляясь за скалы, пробирались в трудных местах чуть ли не ползком. Несколько раз путь становился совершенно невозможным и вынуждал идти в обход.

На наше счастье взошла полная луна. Мы уже взобрались на ледяную площадку метрах в пяти от скал и утесов. Но справа и слева, впереди и кругом, нас окружали новые напасти. Наша площадка отделялась от соседних большой ледяной трещиной. Отвесные стенки трещины падали в ледяную пропасть метров на тридцать глубины. Следующая площадка также была окружена пропастями, ледяными зубьями, стенками и переходами. Такой ледолом тянулся метров двадцать-тридцать, а потом начинался опять ровный лед. Но эти двадцать метров надо было пройти...

— Тут нельзя пройти,—заявил Бархаш. Тут сплошная яма. Надо вниз.

— Куда вниз? В пропасть, в трещину?

— Да, в трещину.

— Как же?

— На веревке. Я спущусь вниз на веревке и вылезу на ту площадку.

— Да ты же не достанешь дна.

— Я повисну, а вы держать будете. А там есть выступы с обеих сторон.

Другого выхода действительно не было. Мы были отрезаны трещинами со всех сторон.

Мы пустили вперед Бархаша. Веревка крепко обмотала его у подмышек. Мы оба держали ее из всех сил сверху. Вскоре он уже стоял на ледяном выступе в расщелине на глубине человеческого роста, так что его голова приходилась немного ниже поверхности нашей площадки. Ледоруб заработал, углубляя выступ и ступеньки в противоположной стене.

Рывок—и веревка уже оказалась на той стороне. Вот он уже вылез на площадку.

— Валяй второй!..

Вторым пошел я. Скользнул вниз. Ноги ищут опоры... Опоры нет... Наконец встал... Но если голова Бархаша была немного ниже площадки, то моя пришлась почти на метр ниже. Как же быть дальше? Шагнуть к противоположной стенке я тоже не смогу...

Первый Пулковский перевал с ледника Ванч-дара в долину реки Ванч.

— Готово?—закричали сверху.

— Не смогу перешагнуть.

— А ты упрись руками...

Действительно: раз!—и руки через пропасть уперлись в лед.

— Теперь тащите!

Веревка сильно натянулась.

Два!—и обе ноги стали на противоположный ледяной выступ. Вскарabкаться наверх было уже нетрудно.

Третьим полез Цаг. Теперь мы вдвоем его держали на веревке. Наконец и он оказался вместе с нами.

Но это было только первое серьезное препятствие. А дальше опять пошли мостики и трещины, ледяные стены и ямы. А луна попрежнему играла и сверкала на льду, и мороз все крепчал.

Мы подошли наконец к концу ледопада.

Твердый фирн был уже вот-вот перед нами. Но к нему можно было пробраться, только пройдя по острой, как

бритва, стенке и затем спустившись еще в одну выбоину, неглубокую, но по очень крутому ледяному склону. Мы решили по стенке пролезть верхом, а потом прямо съехать на брюхе или тыльной части вниз...

— Ого-го-го!..—донеслось в это время до нас.

— Ого-го-го!..

Это Воробьев, обеспокоенный нашим долгим отсутствием, подавал голос. Это означало, что мы недалеко от дома.

— Ого-го-го!

— Ого-го-го!..—опять заорал он.

— Да ну тебя к чорту. Будет. Не ори! Слышим. Сейчас будем...

Но он все продолжал.

— Ого-го-го!

Переправились верхом. Спуск тоже пошел благополучно.

— Который час?

— Одиннадцатый.

Итак, каких-либо пятьдесят-сто метров ледопада заняли у нас почти три часа.

В начале двенадцатого мы подходили к нашей стоянке в яме. Луна давала возможность ориентироваться в пути, да и Воробьев продолжал кричать.

Он ждал нас с горячим ужином уже больше двух часов и никак не думал, что мы пойдем через ледопад.

За ужином был обсужден план следующего дня.

Цага и Воробьева было решено отправить на южный перевал на Ванч. В их задание входило изучить его и по возможности перевалить на восток, если такой перевал найдется, или, во всяком случае, попытаться подняться на какую-либо вершину хребта Академии для изучения подступа к пику Гармо с юга. Я с Бархашом решил идти к «левому пику», подняться на него и изучить перевал на запад, подымавшийся из ущелья Ванч-дары еще до поворота всего ледника налево. Срок был определен для каждой группы в три-четыре дня и встреча обусловлена непосредственно на базе Аво-дары. Носильщиков решили взять в нашу группу и оставить внизу у подножья «левого пика». По существу разведка только что началась.

ПУЛКОВСКИЙ ПЕРЕВАЛ

13 сентября

Ночь была очень тяжелая. Несмотря на незначительную высоту, мороз был очень крепок. В особенности туго пришлось носильщикам, у которых не было палаток. И утром, пока не было солнца и кипятили чай,—все дрожали от холода. Часов в десять Цаг и Воробьев первые выбрались из выемки. Скоро они скрылись за первым же ледяным бугром.

Мы вышли гораздо позднее и вчетвером быстро зашагали назад по уже проторенному пути. Носильщики бегом едва поспевали за нами.

Мы шли теперь прямо по направлению к подножию «левого пика», чтобы по прямой линии подойти к подъему на перевал. Мы остановились, только пройдя «левый пик», непосредственно у начала крутого подъема к перевалу.

Здесь мы решили основать вторую временную базу и оставить на ней излишки провианта. Чтобы их легче было потом найти, на вершине большого копча из глины и камней мы водрузили аршинный кусок красного кумача. У подножья свалили запасы провианта. Одного носильщика послали вниз за дровами, собранными нами еще тогда, когда мы шли наверх. После этого он мог отправиться домой. Лоика же решили пока взять с собой, чтоб помочь нам втащить наше барахло по крутому ледяному скату.

Тем временем надвинулись снова облака, и наш подъем мы начали в тумане. Туман исчез только тогда, когда мы взойшли на первую грань подъема. Это дало нам возможность еще раз внимательно изучить окрестность. Вчерашний ледник весь теперь был позади нас. Вернее, мы оставили его слева, и его черные зияющие трещины казались нам теперь длинными извилистыми черными полосками. Другой ледник, основной—ледник Ванч-дара, которым мы пришли сюда, наоборот, шел вниз к Аводаре большой серой массой. А впереди перед нами снова шел подъем, правда значительно более пологий, чем до сих пор, но тем не менее подъем, который требовал достаточного напряжения сил и достаточного количества времени. Мало того, оказалось, он вовсе не вел прямо

к перевалу. От вершины «левого пика» шла обычная отвесная стенка льда и снега, в самом перевальном пункте она упиралась волнистой ломаной линией в гряду обнаженных черных скал. Подняться к этим скалам было нельзя—ледяная стенка падала отвесно. За черными скалами стенка снова подымалась снежной полосой и шла к новой вершине, расположенной уже значительно правее. В свою очередь от этой второй вершины начинался новый снежный цирк, большим амфитеатром охватывавший все пространство вправо от нас. Сюда-то, вправо, и поворачивало теперь фирновое поле. Подъем шел ровно и наверху переходил в такую же ровную линию перевального снежного поля. С совершенной очевидностью было ясно, что именно сюда, направо, на запад, а не непосредственно на юг шел наш перевал. Но идти на запад—значило идти назад, вдоль реки Гармо, которой мы пришли от Пашимгара. На карте, составленной Беляевым в 1916 году, этот перевал направо совершенно не был показан. Карта сохраняла лишь указание, что тут, возможно, проходил второй Пулковский перевал. Но второй Пулковский перевал, так же, как и первый, должен был идти на юг, а не на запад. Наш же шел именно на запад,—прямо на юг пути не было.

Мы решили повернуть на запад и остановиться на ночь где-нибудь на камнях, около черных скал, подымавшихся с правого склона фирна.

К нашему удивлению, мы снова встретили трещины. Они пересекали наше фирновое поле точно так же, как пересекали вчерашний ледник. Но их все же было меньше. И хотя опять пришлось связываться веревкой, к четырем часам мы уже добрались до правобережных камней, где решили обосноваться на ночь.

Лоик теперь начал проситься отпустить его, чтобы идти домой. Он, как и все таджики, не любил льдов и снега. И любо было смотреть, с какой быстротой и ловкостью он бегом отправился вниз, прыгая через трещины по снежному полю.

Тем временем мы с Бархашом решали, что делать дальше. Было только четыре часа с небольшим.

Мы решили использовать остаток дня, чтобы по возможности разведать западный перевал.

В четыре часа сорок минут мы уже вышли. Пошли без мешков, налегке, и через час с четвертью поднялись не только к первой перевальной линии, но, пройдя оказавшийся за ней большой крутой подъем, вступили в верхний цирк и подошли вплотную к замыкавшей этот цирк зубчатой каменной гряде. На нее можно было легко подняться. Глубокий снег служил прекрасным упором для ног, каждый шаг оставлял выемки, по которым можно было подниматься, как по лестнице.

Через полчаса мы уже стояли на перевале.

Высота была четыре тысячи пятьсот метров, направление прямо на запад.

Вниз шел крутой бесснежный спуск по осыпи, покрытой мелкой зернистой галькой и песком. Глубоко внизу осыпь кончалась, и дальше шел большой ледник в направлении на север к основному леднику Гармо. С противоположной стороны подымались неизвестные снежные вершины, и с них спадал ряд других больших и малых ледников.

Несомненно это было ущелье, соседнее с Ванч-дарой, помеченное у Беляева под названием Мамбуни-дара. В основной ледник Гармо оно выходило прямо против нашей стоянки на Аво-даре. Заходившее солнце ярко освещало снежные вершины, играло на сверкающем льде боковых ледников. За ними подымались еще новые вершины—справа и слева, снежные и обнаженные, черные, скалистые и пологие. Ущелье Гармо тянулось сбоку большой темной расщелиной. Все это было очень красиво, но все это было известно или во всяком случае ничего не говорило о том, что нам хотелось знать.

Ледник Мамбуни-дара запирался закрытым цирком и перевала на юг не давал.

Разочарованные, мы устремили свои взоры на тот ледник, которым мы пришли. Крутой снежный подъем, по которому мы добрались до перевальной стенки, шел дальше влево от нас так же круто в южном направлении. Вверху он давал полуовал, от которого можно было подняться по выбору направо или налево к двум вершинам,—левая была как раз та, в которую упиралась волнистая линия, шедшая от «левого пика». Этот полуовал является, таким образом, новым перевалом на юг.

Вид на ледник Мамбуни-дара с перевального пункта Ванч-дара.

Было уже шесть часов. В нашем распоряжении оставался едва ли один час времени. Продолжать подъем приходилось по крутому склону в глубокому снегу по колено. Но мы решили не отступать. И ровно через час мы взяли крутой подъем. А еще через двадцать минут поднялись на левую вершину.

Это была та самая вершина, которую мы видели снизу от нашей палатки, вправо от «левого пика». Южный перевал был взят.

Спуск вниз был крут, но нетруден. Он был, как подбает южному склону, бесснежным, покрытым мелким щебнем и песком. Ниже шли снег и льды, затем начинались снова бесснежные морены и камни, из-под которых в конце концов вырывалась река. Еще дальше внизу она шла уже среди альпийских лужаек и скал, пока не пропадала в большом каменистом ущельи. Наконец, совсем-совсем внизу каменистое ущелье упиралось перпендикулярно в другое, тянувшееся с запада на восток параллельно хреб-

ту, на котором мы стояли. За ущельем снова подымались высокие скалистые горы и хребты.

Ущелье явно было долиной реки Ванча. Хребет, подымавшийся за ущельем, отделял ее от долины реки Язгулям, где мы тоже были в 1928 году. Речка, которая бежала вниз, была речкой Оби-мазар, показанной на карте Беляева. Путь на юг, таким образом, был открыт и вместе с ним открыт второй Пулковский перевал, который только предполагал Беляев. Теперь мы стояли на этом перевале.

С тем большим любопытством обратились мы к востоку.

Увы, тяжелые облака заволакивали эту часть горизонта. И того, что нам было всего нужнее—Гармо и его плеча,—мы опять не увидали.

Но и того, что мы видели, было достаточно. Ясно было, что этим путем мы могли попасть только на Ванч и никак не могли попасть к Гармо. К нашей цели наш перевал нас не приводил. Мы открыли путь только на юг.

Правда, это был новый путь на юг. Беляев шел в 1916 году нижним путем или первым Пулковским перевалом, об этом пути он только слышал. А между тем это был очень удобный путь. Вот почему мы с полным правом закрепили за ним название второго Пулковского, или Ванчского перевала.

Пока мы занимались фотографированием, время шло, и только в семь часов пятьдесят пять минут мы повернули назад и бегом пустились вниз по фирну к нашей палатке. А через час мы были уже «дома».

За ужином мы подвели итоги.

Собственно, нам нечего было больше делать. Можно было бы еще подняться на «левый пик». Но что это даст? Более точную карту хребта Академии? Но это задача Цага и Воробьева, которую они, конечно, выполняют.

И мы решили с утра итти скорее на базу в Аво-дару.

Это была, конечно, ошибка,—исследователь не должен оставлять непроверенными свои выводы никогда, если есть возможность еще раз их проверить. Но мы слишком надеялись на Цага и Воробьева. Свою же работу мы исполнили всю.

А утро на следующий день, как нарочно, было исключительно хорошим, чистым и ясным. И так манила вершина «левого пика»... Но мы перерешать не хотели. Тогда же мы наметили в основном и дальнейшую программу работ. Так как мы южного плеча Гармо не нашли, единственным выходом, если, конечно, не идти через северное плечо, оставалось всем идти по открытому нами пути к Ванчу, по Ванчу подняться через перевал Кашал-аяк к леднику Федченко и оттуда опять подняться к хребту Академии по Бивачному леднику. Там нас должен был встретить доктор Пислегин. По Бивачному леднику мы смогли бы подойти опять к Гармо, но уже не с запада, а с востока. Мы подошли бы опять к тому же месту, где мы были седьмого сентября, и таким образом соединили бы наконец западную и восточную карты. Остаток времени можно было бы употребить на то, чтобы спуститься еще ниже к выходу ледника Федченко, повернуть у самого выхода снова на запад по леднику Малого Танымаса и попытаться еще раз выйти к северному цирку Гармо и «Женичке», на встречу москвинской группе. Это было сложнее, чем план, который мы разработали раньше, но, видимо, приходилось с этим мириться. Разве что Воробьев и Цаг найдут путь к южному плечу.

Но все это были пока проекты; ведь мы только разведка,—окончательно будем решать потом.

Только одно уже было ясно, что к южному плечу хода нет. Так как один отряд во всяком случае пришлось бы пустить обходным путем по Пулковскому перевалу, мы решили оставить здесь у самого его подножья нашу палатку, чтобы не таскать ее туда и обратно, укрепив ее покрепче, положив в нее лишнее: пищу, одежду и снаряжение.

И четырнадцатого рано утром мы отправились с Бархашом «домой».

На следующий день часам к пяти мы подошли уже к нашей базе на Аво-даре, к красному флагу на террасе.

На базе было тихо и мертво. Никто нас не встретил. Мы были первым вернувшимся отрядом.

Даже Садырбая и таджиков, оставленных на базе, мы не застали,—они ушли куда-то за дровами.

А когда они вернулись, то рассказали, что в наше отсутствие на базе были гости. В наше отсутствие к нам на базу заезжал географический отряд Макеева, того самого, которого я встретил в Гарме. Они ушли обратно только сегодня утром. С ними был и Вологдин, вернувшийся с Саграна; он тоже ушел с ними только сегодня утром.

Было очень досадно, что мы их не застали. Догонять их, конечно, было поздно.

И мы решили пока что ждать остальных, отдыхать и ничего не делать.

ГЛАВА III

СНОВА ВМЕСТЕ

15—16—17 сентября

И целых три дня мы блаженствовали и отдыхали, хотя последний день уже поневоле.

Сначала мы думали, что шестнадцатого, как условлено, все уже будем в сборе.

Но пришли совершенно неожиданные гости.

С утра мы бездельничали, бегали в трусах и без трусов, готовили себе самые изысканные блюда, играли в шахматы и пр. Около двух часов Садыр нам объявил, что к нам движутся по дороге из Пашимгара «урусы» и между ними одна «марджа» (женщина). На тропинке действительно виднелись три фигуры: две мужские, одна женская. Когда они подъехали ближе, ими оказались: Ленька Покровский из дорофеевской группы, проводник Ахунбай и Надежда Викторовна Тагеева, геохимик из группы Щербакова, о которой он так много рассказывал, как об очень ученой и в то же время своеобразной и до невозможности упрямой женщине.

Пока гости взбирались по тропинке с ледника и перебирались через ручей, я сверху внимательно приглядывался к Тагеевой. Зачем ее сюда принесло? Я видел ее только один раз в Москве на вокзале в день отъезда, много слышал о ней от Дмитрия Ивановича и других участников экспедиции хорошего и плохого, но все это не оправдывало ее появления здесь. Тут она была совершенно не нужна.

Наконец она появилась на полянке.

Все остальные наши девчата носили, как правило, брюки галифе. Тагеева была в восточном костюме—широких шароварах; за поясом у нее висел маленький кинжал. Одним словом, она была одета «с претензией». Мне вспомнилась по этому поводу встреча на Алайском хребте с Поярковой, ее обтрепанный, непритязательный вид и горячий энтузиазм. Тагеева была, видно, из другого теста. Тем не менее мы все поспешили ей навстречу и постарались обставить ее наилучшим образом: дали отдельную палатку притащили ужин. Все-таки она была гость и новый человек. Она принимала все это, как должное.

Стали расспрашивать о новостях и, конечно, об основном—зачем приехали. Ленька сообщил и Тагеева подтвердила, что они приехали, чтобы итти вместе с нами.

— Куда?

— Туда, куда и вы.

— Зачем?

— Хочу быть с альпинистами.

— То есть как это так «хочу»? А если мы не хотим, зачем вы нам нужны?

И дальше последовал строжайший допрос.

— Ложка есть?

— Нет.

— Кружка есть?

— Нет.

— Ботинки есть?

— Нет.

— Так как же вы хотите итти?

— А так и пойду.

Нашу беседу внезапно прервал еще новый гость.

На полянке показался еще один всадник. Он был в милицейской форме. Как оказалось, его послали из Гарма передать нам письма и телеграммы. Увы, их было немного—всего две, да и те достаточно давнего происхождения.

Милиционер ехал, как и подобает таджикам, с прохладцей, чуть ли не десять дней вместо пяти. Нас стало, таким образом, уже девять человек...

С утра милиционера отослали обратно. Тагеева с Ленькой для практики отправились лазить по соседним скалам, остальные снова стали ждать с нетерпением прихода наших отрядов, в особенности Щербакова. Но Дмитрий

Иванович не пришел и в этот день. Зато опять совершенно неожиданно вернулся пограничник Назаров. Он побывал в Гарме и, вернувшись, также привез почту. Теперь он привез очень много писем, но мне не было ни одного. Сам он пропал совсем от малярии, которая его нещадно трепала. Только к концу дня, часам к пяти, пришли Цаг и Воробьев.

По их словам, они прошли весь первый Пулковский перевал, установили им хороший и ровный спуск в долину Ванча. Но они мало что могли сообщить по самому интересному для нас вопросу: о перевале через хребет Академии на восток. Вернее, они ничего не могли сообщить по этому поводу. Они поднялись на вершину чуть ли не в шесть тысяч метров высоты, но перевальной точки на хребет не установили. Итог нашей двойной разведки свелся, таким образом, в конце концов только к установлению двух перевалов на Ванч; южного плеча Гармо и подступов к нему Цаг и Воробьев не нашли. Сбывались самые худшие наши предположения. И снова у меня возродились старые планы—итти через северное плечо. Я их оставил однако пока что при себе.

Зато, «сдавши отчет», Воробьев принялся готовить еду. В кулинарном искусстве он был мастак и закатил нам такие бифштексы и такой компот, каких мы уж давно не едали.

А Дмитрия Ивановича Щербакова все не было, и в этот день он также не пришел.

Так наступил третий день нашего ничегонеделания. Это было уж действительно много.

Погода стояла превосходная, и тем обиднее было вынужденное безделье.

Тагеева тем временем все умоляла взять ее с собой. Для тренировки она вздумала отправиться в соседнее ущелье Мамбуни-дара. Я разрешил с условием, что через два-три часа она вернется. Этого времени было достаточно, чтобы только перейти основной ледник. Пускать ее дальше одну в ущелье было рискованно,—там был уже нужен опыт хождения по льдам, какого у нее, конечно, не было. Она ушла в одиннадцать часов одна, категорически отказавшись от провожатого... И опять потянулось скучное безделье.

Так прошли целых пять часов. Щербакова все не было, и мы начали уже серьезно волноваться.

Волнение усугубилось тем, что куда-то запропала и Тагеева. Она обещала вернуться через два-три часа, а прошло уже около четырех, ее не было. Напрасно я с нашей сторожевой вышки у флажка вглядывался через бинокль во все впадины и возвышения ледника. Никого не было. В четыре часа я выслал в Мамбуни Лоика и Ленку Покровского.

Только вечером, около шести часов, на льду показались первые таджики-носильщики дорофеевской группы. Они сообщили, что все идут.

И действительно, еще через полчаса показались все—и Дмитрий Иванович, и мальцы, и Дорофеев, и Маурашвили. И в этот же момент мне сообщили, что идет и Тагеева.

Всем было, впрочем, не до Тагеевой... Мы с интересом слушали первые сообщения Дмитрия Ивановича об итогах их работ, о съемке ими обоих рукавов ледника Гармо, о причинах задержки.

После ужина опять все собрались в палатку, надо было решать, как быть.

Я снова изложил положение вещей и поставил все тот же основной вопрос, куда и как идти: через северное плечо или кругом?

И снова я категорически высказался за северное плечо. Этим путем мы сразу пересекали хребет, спускались на Бивачный ледник и связывали нашу работу с картой 1928 года.

На худой конец я предложил разделиться на две партии и пустить одну кругом, другую через северное плечо, чтобы сойтись у выхода Бивачного ледника на Федченко, где должен был по условию нас ждать доктор Пислегин.

И опять все высказались против моего плана. Повторилась полностью картина совещания девятого числа. Один Бархаш опять молчал. И, наоборот, все остальные опять высказывались за единую группу и путь кругом. Плюсом в этом случае было то, что мы шли бы все вместе и медленно, но безопасно достигали, как казалось, цели.

В конце концов пришлось согласиться, и было решено идти всем кругом.

Но поздно вечером, когда все уже разошлись по своим палаткам, ко мне подошел Бархаш и предложил свои услуги.

На одной из вершин ледника Ванч-дара—на втором Пулковском перевале, открытом экспедицией. Высота 5 000 метров.

— Я пойду с кем-нибудь через северное плечо,—сказал он,—остальные пусть идут с тобой.

Это был действительно выход. Но Бархаш должен был идти вдвоем. Надо было серьезно подумать, кого послать с ним, так как это было уж очень рискованным предприятием. Провианту они должны были взять с собой по меньшей мере на десять дней. Мы могли не сразу попасть с нашими запасами провианта на Бивачный ледник с той стороны, они могли не сразу спуститься на Бивачный. Пислегин же должен был нас ждать только у Танымаса. Все было бы иначе, если бы мы знали, где найти на той стороне людей Горбунова. Но мы этого не знали.

Нельзя было, кроме того, тут приказывать кому-либо идти. Человек шел, быть может, на смерть, надо было найти охотника.

И я по очереди предложил идти Цагу, потом Воробьеву. Оба согласились, но оба с неохотой и лишь в порядке экспедиционной дисциплины. В этих условиях я не решился их

послать. Тогда я предложил себя с тем, что круговую группу поведет Воробьев. Против этого восстали все, в том числе и Бархаш. С носильщиком я также не решался его пустить.

Так отпала последняя возможность организовать движение через северное плечо.

Много раз пришлось потом жалеть об этом. В итоге решили идти кругом все вместе. Выступление было назначено на утро восемнадцатого числа. Группа окончательно сформировалась сначала в составе четырех человек—я, Бархаш, Цаг и Воробьев. Потом присоединили сюда Стаха Ганецкого, который упросил Дорофеева дать ему возможность превратиться опять из геодезиста в альпиниста. Лоик и Наби должны были сопровождать нас в качестве носильщиков. Вторую группу составили: Дорофеев, Щербаков, Маурашвили, Покровский и Тагеева. Они должны были вслед за нами отправиться через Пулковский перевал для его съемки и затем, выйдя в долину Ванча, повернуть не к леднику Федченко, куда пойдем мы, а на запад и по реке Бохуд обратно к Пашимгару. До Москвы мы их больше не должны были увидеть.

Наконец, Арик и Назаров должны были прямо отправиться к Пашимгару, чтобы подготовить к выступлению транспорт. Назаров в свою очередь должен был привести наших лошадей к первому октября в Алтын-мазар, куда мы хотели выйти через ледник Федченко.

Так окончательно определились наши планы и приблизительный конец экспедиции. Если бы эти планы удалась, мы закончили бы этим исследование узла Гармо, найдя вторично перевал через хребет Академии с востока после того, как мы не нашли его с запада.

Наступал последний, кульминационный пункт работы.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

КОЛЬЦЕВОЙ ПОХОД

ГЛАВА I

НА ВАНЧ

18 сентября

Наша группа выступила в одиннадцать часов утра. Все остальные группы провожали нас до тех пор, пока мы не вступили на ледник, — ведь больше мы не должны были встретиться до Москвы.

Путь этот все мы проходили уже в третий раз, поэтому шли уверенно и быстро. Через два часа ледник был уже перейден, и мы вступили снова в ущелье Ванч-дары. А к семи часам вечера мы подошли уже к красному флагу, оставленному нами у начала крутого подъема на второй Пулковский перевал.

Мы решили идти все-таки через второй перевал. Этот путь казался вернее и спокойнее, чем скакать по трещинам к перевалу Цага и Воробьева, тем более, что наверху мы бросили палатку.

У красного флага лежали нетронутыми оставленные нами сложенные в кучу арча и запасы провизии.

К сожалению опять начала портиться погода, — пошел мелкий снежок и завернул холод. Эту перемену можно было, впрочем, предвидеть, так как с четырнадцатого числа стояла безоблачная, ясная погода, и должно было ждать перемены. Пока готовили чай, я забрался в палатку и тут вдруг заметил, что со мной делается что-то странное.

Голова была тяжелая, пробирал озноб, и появился

странный сухой кашель. Аппетита не было никакого... А между тем мы шли в длинный и трудный поход, и болеть вовсе не пристало. Но особенного значения этому недомоганию я не придал.

19 сентября

И ночь и утро выдались очень холодные. Мы вышли в восемь часов и, пользуясь морозцем, очень быстро пошли вверх по подмерзшему льду. Несмотря на крутизну, идти было легко, так как даже маленькие камушки и ледяные выступы хорошо держали.

Таким темпом можно было надеяться пройти до появления солнечных лучей весь подъем. Через два часа мы уже подошли к оставленной палатке и сделали привал.

В одиннадцать часов тронулись дальше.

Так как погода была опять превосходная и небо безоблачно, то все свое внимание мы устремили на изучение хребта Академии. Он весь теперь открывался перед нами по мере того, как мы поднимались все выше и выше. Все горы на восток были открыты, и наконец, когда мы поднялись на фирновые поля, нам открылся пик Гармо. Гигантский пик был теперь отчетливо виден, но расположенным он оказался далеко-далеко за стенкой и цирком ледника Ванч-дара. Если вообще от нас до него было километров тридцать-сорок, то от цирка Ванч-дары он отстоял километров на пятнадцать. Зато он возвышался теперь подобно гигантской пирамиде на целую голову выше всех остальных пиков. Но на проклятый, все время волновавший нас вопрос, можно ли подойти к нему с юга, все-таки мы не могли получить ответ. Само южное плечо нам было видно, но как подойти к нему и есть ли там подход,—видно не было. Мы надеялись это увидеть, когда взойдем на самый перевал и вершину, где уже мы были с Бархашом в первую разведку.

К часу дня мы все уже были наверху.

Теперь нам был виден весь хребет Академии, начиная от пика Евгении Корженевской на севере и кончая пиком Гармо на юге. Я тщательно заснял всю панораму.

Вот они все, гиганты, по очереди: Однозуб и «Женичка», как мы тогда полагали, и пик, который мы тогда хотели

назвать пиком Калинина, и рядом пик Молотова, и еще ряд пиков, и дальше, наконец, сам Гармо.

К сожалению, «левый пик» закрывал нам самую важную часть—ближайший рельеф хребта справа от Гармо, т. е. подход к его южному плечу. Еще раз пришлось пожалеть, что четырнадцатого числа мы не взойшли на «левый пик».

Зато внизу вся долина Оби-мазар и путь в долину Ванча были как на ладони...

Начали спускаться.

Со льдами теперь приходилось проститься надолго. Мы опять шли вниз, к зелени, птицам, зверям и людям.

Спуск вниз по осыпи и затем по снегу пошел быстро. Несмотря на крутизну, это был очень легкий и приятный спуск. Один раз только пришлось внизу помудрить, пока миновали слишком крутые и отвесные склоны. Но к трем часам мы уже сидели на берегу ручья, среди камней. Рядом уже начиналась трава. Хотя высота была еще около четырех тысяч метров, южный склон уже давал себя знать. Дальше дорога пошла сначала по камням вдоль ручья, затем по зеленым лужайкам. Мы шли быстро и весело, и все вниз и вниз.

Внизу наш ручеек превращался в речку и соединялся с другой речушкой, вытекавшей из двух больших синих озер, расположенных справа. Это были озера, уже однажды описанные Беляевым. Приблизительно в месте слияния речушек я наметил ночевку. Речку скоро одели каменные скалы, и мы пошли теперь по верху, по каменистой круче.

На зеленой лужайке, около брошенного каменного загона для скота, стали на ночь. Видимо, люди здесь уже бывали. Но кругом все еще не было ни кусочка дерева, и рядом по скалам кое-где еще лежали вдоль реки бурые полосы нестаявшего снега. Кипятить чай пришлось за неимением дров на сухой траве. Кое-как это удалось.

И все-таки мы были уже внизу.

Мы полагали, что дальше теперь путь пойдет уже совсем легкий. Единственно, что беспокоило нас,—это как бы не нарваться на такое узкое и скалистое ущелье, где было бы невозможно продвигаться по берегу речки. Гарантией, что этого не случится, было только то, что ведь однажды уже Беляев прошел этим путем. На всякий случай мы перебрались рано утром на ту сторону ре-

Пик Гармо с Пулковского перевала.

чушки Оби-мазар и двинулись по ее правому берегу, который казался шире и положе. Скоро появились большие зеленые кусты. Речушка бежала уже теперь бурным потоком и скоро стала совершенно недоступной для переправы. Если мы ошиблись, перейдя на другую сторону, это должно было скоро сказаться. Но риск был совершенно одинаков: оба берега речушки шли ровно, и обоих берегов мы одинаково не знали.

На первый отдых мы остановились около двенадцати часов.

Сначала мы думали, что к трем часам уже дойдем до долины Ванча. Но скоро идти стало гораздо труднее. По обе стороны речушки вместо мелкой гальки теперь были навалены всюду громадные камни. Лишь изредка удавалось спускаться к реке и идти по отмелям меж кустами. Места были совершенно дикие. Один раз, едва мы вышли из каменного хаоса на зеленую площадку, стадо диких козлов сорвалось чуть ли не в двадцати шагах от нас. Семеро из них бросились вверх по косоугору, а трое—прямо к речушке. Еще миг—и они уже плыли среди

белой пены. Вскоре, грациозно отряхнувшись, они пустились вверх по скалам противоположного склона. Пять жалких выстрелов из браунинга прогремели им вслед...

А итти становилось все труднее и труднее. Я уже думал о том, чтобы хоть до вечера добраться до долины Ванча. Между тем появилась новая опасность.

Уже не речонка, а река бурлила внизу. Высокие скалы выстроились с обеих сторон по обоим берегам. Мы опять шли высоко по верху над скалами, по альпийским лугам. Спуск к реке представлялся очень трудным, а между тем только по реке шел наш путь. Следовало опасаться, как бы спуск не стал совсем невозможным.

По карте Беляева мы знали, что должны были выйти в долину Ванча к маленькому кишлаку Пой-мазар. В 1928 году мы тоже вышли к этому кишлаку, когда спустились в долину Ванча через перевал Кашал-аяк. Кишлак был расположен на той стороне реки Ванча, приблизительно против выхода ущелья, которым мы сейчас приближались к Ванчу. На этой стороне мы должны были найти лишь несколько глиняных мазанок. Через реку должен был быть мост. Все это я отлично помнил,— вот почему, думали мы, нам надо выйти именно ущельем к реке. Между тем оно становилось все более узким и трудно проходимым. Наверху по лугам было итти легко, внизу—почти невозможно. Бархаш также разделял мои опасения. Около четырех часов мы подошли к выходу из ущелья. Сверху нам теперь был виден выход реки. Она выходила из узкого скалистого каньона и разливалась потом несколькими широкими рукавами. Между рукавами реки желтели поля ячменя, и были видны глиняные мазанки, о которых я говорил. Видно было даже, как около мазанок копошились быки и люди.

На той стороне Ванча белел Пой-мазар. Мы были у цели...

Но как спуститься? Ведь мы были наверху. Как пройти скалистый каньон реки?

Можно было бы, конечно, итти дальше по альпийским лугам и искать другого спуска, повернувши вправо по хребту гор, но куда бы мы тогда пришли и как скоро нашли бы спуск? А тут все было рядом перед нами и под нами.

И мы решили спуститься к реке в скалистое ущелье.

Ноги срывались на крутом спуске. Кусты нещадно царапали лицо и руки, щебень, пыль, песок и скользкая трава попеременно мешали правильно направить путь... Вот и прибрежные камни. Но спуск был очень трудный, помогали только кусты, за которые можно было держаться. Внизу у реки мы совсем приуныли. Река бурлила страшно. Скалы нависали со всех сторон по ущелью. Пути не было никакого. Напрасно Воробьев пытался организовать переправу, надеясь найти путь по той стороне реки. Переправа была невозможна. Лоик и Бархаш, отправившись под скалы в разведку, сообщили, что скалы стоят там отвесно, а итти по воде нельзя,—собьет. Вышло, что спускались к реке напрасно.

— Но что ж, опять вверх назад?

— Назад.

Полезли назад вверх.

Измученные, изодранные, исцарапанные, кое-как мы забрались наконец на прежнее место. Подходило уже к шести часам.

— Так по лугам?

— По лугам.

Но и по лугам уже было трудно итти. Крутые косогоры пересекали дорогу. Густые кусты заполняли теснины. А когда мы вышли наконец на склон, господствовавший не над нашей рекой, а непосредственно над долиной Ванча, и увидели опять внизу Пой-мазар, оказалось, что и тут спуска не было. Правда, перед нами зазмеилась небольшая тропинка, но она шла не вниз в долину, а уходила вправо, подымалась по зеленым склонам хребта еще выше и затем шла вдоль хребта и вдоль долины поверху куда-то вдаль.

Бархаш решил попытать еще раз счастья и спуститься. Три четверти спуска было видно, последняя четверть была скрыта. Может быть, там был обрыв и каменный отвес, а может быть, пологий спуск. Остальные сели ждать. Через полчаса он закричал снизу, что спуск есть, но очень крутой.

— Катай наверх!—закричал я в ответ.—Пойдем по тропинке! Близка ночь...

Но тропинка увела нас еще выше, и около семи часов вечера у первой воды мы поневоле остановились. До Пой-мазара мы в этот день так и не дошли.

Пока хлопотали насчет ужина, Бархаш решил исследовать тропинку. Он вернулся уже в сплошной темноте и сказал, что прошел почти два километра, тропинка все идет по гребню склона и не спускается вниз. В двух километрах находится брошенная таджиками летовка, около которой он нашел тлеющий костер.

Утром решили итти дальше по тропинке.

21 сентября

Тронулись рано, около семи часов. Через сорок минут подошли к летовке. Это был обычный каменный шалаш, каких много в горах. Но следы свежего костра показывали, что тут только недавно были люди. Пока остальные отдыхали, Бархаш опять отправился в разведку. На этот раз он принес известие, что тропинка заворачивает наконец вниз, а внизу—деревня и люди.

Тропинка хорошо разработана, видимо ею пользуются часто. Пошли.

К десяти часам вышли на косогор, где уже желтели поля. До реки еще было достаточно, но от Пой-мазара мы ушли уже на добрых четыре километра. На ячменном поле работало двое таджиков.

— Гой, уртак (здорово, товарищ)! Какой кишлак внизу?

— Ман-Ван!

— Кай-са-иол? (Где дорога?)

Таджик показал на тропинку.

Но и до Ман-Вана было не менее двух километров.

Правда, теперь мы шли уже по мягко спускавшемуся склону. По существу мы уж были внизу. Тропинка скоро юркнула в тенистую рощу. Груши и яблоки протягивали теперь к нам свои ветви, отягченные плодами. Стоги скошенного сена распространяли кругом душистый аромат. Потом тропинка превратилась в дорожку и наконец в дорогу. Мы уже встретили две пары быков, запряженных в сани-волокуши. Встречные таджички прятались от нас за деревья... Наконец мы вышли к жилью. Две большие глиняные мазанки скрывались в густых деревьях, росших у дороги. Перед мазанками, в

Пик Сталина и пик Молотова с Пулковского перевала.

тени, на разостланном ковре сидели люди. Увидев нас, они тотчас же встали и знаками просили нас сесть. Старик-таджик вышел навстречу, остальные помогали нам снять с плеч тяжелые рюкзаки. Был ли этому причиной наш измученный, усталый вид или то, что мы — европейцы, знали ли они, наконец, о нашем приходе, предупрежденные кем-либо, — этого мы так-таки и не узнали. Но мы были рады радушному приему и с наслаждением опустились на траву...

А хозяйева тащили нам молоко, лепешки, фрукты — дыни, груши...

Угощенье было весьма кстати: молока и фруктов мы давно уже не видали.

С нашего пригорка нам была очень хорошо видна вся долина реки с ее рукавами и отмелями, покрытыми мелкой галькой. И вдруг на одной из этих отмелей появилось трое всадников. Они были далеко, но по обличию нельзя было ошибиться. Это были красноармейцы. Вскоре один из них остановился, и видно было, как он в бинокль осматривал окрестность. Кто же это мог быть? Я схватил

рубашку, которую недавно снял, потому что она была мокрая от пота, и изо всей силы начал махать ею. Затем выстрелил из револьвера два раза в воздух. Всадники обернулись в нашу сторону.

— Стах! Вали скорее к ним. Бегом, узнай, кто это! Стах помчался.

Хозяин сообщил, что здесь урусов много, они стоят в соседнем кишлаке, и с ними семь кзыл-аскеро́в (красноармейцев). Через полчаса гости явились.

Это оказался отряд военного топографа Кудрявцева, из подчиненных Дорофееву. Его задачей была работа по съемке долины Ванча. Кудрявцев кончил эту работу и ждал теперь дальнейших распоряжений. Сюда же, как оказалось, он ждал начальника всей Таджикской комплексной экспедиции Н. П. Горбунова, который должен был, по его сведениям, притти со стороны Федченского ледника к двадцатому числу.

Так как с Кудрявцевым были еще три лошади, мы решили немедленно двигаться дальше. От Пой-мазара нас отделяло пять километров, а только в Пой-мазаре можно было, по слова Кудрявцева, пополнить запас провианта. Наше мясо и хлеб были на исходе. В расчете на Пой-мазар мы взяли этих продуктов только на три дня, а уже шел четвертый. Мои ребята, впрочем, здорово наелись у наших хозяев. Стах уже опасался за свой живот.

Перед отъездом в качестве селяу (подарок) мы отдали нашему хозяину полфунта чаю и просили притти в Пой-мазар, где мы будем распаковывать наши мешки. В багаже у нас были две пары запасных брюк, одну из них мы решили отдать хозяину,—это был для него самый лучший подарок. Все население кишлака было одето в лохмотья, от штанов висели одни клочья, а рубах не было ни на ком вовсе.

Поневоле встал целый ряд бытовых вопросов.

— Откуда вы берете такие вещи, как соль или железо? Кооператива ведь у вас тут нет? По нашим сведениям, он в ста километрах.

В ответ старик показал пальцем на яму сзади лачуги. Яма была метра в два глубины, метр в диаметре и по вертикали выложена камнем. На дне валялся древесный уголь и железный шлак. Таджики сами плавил в этой

самодельной домне железную руду. Что касается соли, то они ее добывали в своих горах, где-то около дна пути от кишлака. Около домны я увидел известное мне по 1928 году орудие и охоты и самозащиты—большой деревянный лук с веревочной тетивой.

Такого же характера были земледельческие орудия: сани-волокуши и странное приспособление, игравшее роль орудия для молотьбы хлеба. Пара волов лениво шагала по кругу, на котором был разбросан ячмень, и тащила вязанку прутьев. Оборванный мальчуган шел рядом, погоняя их длинным прутом.

Такова примитивная культура горных таджиков.

Когда мы тронулись, я обратил внимание еще на одно сооружение. Среди фруктовых деревьев, на высоких сваях был укреплен деревянный настил, над которым высилась соломенная хижина. Залезать на настил надо было по лесенке. Это летнее обиталище таджиков. Все эти черточки быта мы зафотографировали.

Между тем мы подъехали к мосту через Ванч. Таджики заявили, что лошадей надо переправлять вплавь, так как мост очень хрупок и ненадежен. Обычный таджикский мост без перил, высоко поднятый на каменных устоях по берегам над рекой, действительно не внушал доверия. Он качался даже от шагов человека. Мы перешли мост поодиночке и стали наблюдать переправу через бурный Ванч.

Красноармейцы просто бросились на лошадях вплавь. Видно было, что это им не впервые. В особенности молодцом работал один,—он переправил чуть ли не всю пятерку наших лошадей. Зато с одним из таджиков чуть не случилось несчастье. Заарканив лошадь и пустив ее вилась, он сам побежал по мосту. Течение сбilo лошадь и понесло, и сам таджик чуть не был стянут в реку. Он выпустил аркан, и лошадь сразу быстро закрутило в волнах. Она выбралась на берег метров на полтора ниже.

Новая напасть нас ожидала на том берегу. Все ущелье Ванча представляло собой длинный узкий коридор между двумя горными хребтами, удобную сквозную трубу для долинных ветров. Внезапно поднявшийся сильный вихрь буквально засыпал нас песком, и мы едва успели укрыться от него в лачугах Пой-мазара. Старики и дети,

мужчины и женщины нас окружили. Они что-то быстро лопотали. Оказалось, что они меня все узнали, потому что лачуга, в которой мы остановились, была та самая, в которой мы останавливались тридцатого августа 1928 года. Приглядевшись, я таки действительно ее узнал. Вот и садик, где мы ночевали, вот и шумящий арык, а вот тут стояли наши палатки и пылал костер, у которого т. Россельс распевал свои романсы под аккомпанемент таджикской двухструнной балалайки¹. Но сейчас мне было не до балалайки. Мне почему-то вдруг стало снова нё по себе, появились озноб и жар. Когда палатка была готова, я забрался в нее, чтобы как-нибудь согреться. Меня вскоре разбудили товарищи с известием, что пришли новые европейцы. Это были работники из геологического отряда, работавшие в долинах Ванча и Язгуляма, во главе с геологом Сауковым. Они тоже уже окончили свои работы и тоже ждали прихода Горбунова. По их словам, он должен был явиться со дня на день, и сюда же должен был подойти снизу его главный караван. Отсюда все они должны вместе двинуться в обратный путь. Сауков передал нам о своих успехах по геологической работе. Он открыл большие залежи асбеста, полевого шпата и, наконец, горного хрусталя, столь необходимого нам для нашей радиопромышленности. Отдельные хрусталики он показал мне чуть ли не в три сантиметра длиной. Неприятным во всей этой истории было одно. Невольно это скопление «европейцев» падало тяжелой обузой на таджиков. Мука и консервы у нас были свои, но мясом должны были снабжать пой-мазарцы и ман-ванцы, а тут еще должны были подойти новые люди.

Вот почему мы решили уйти как можно скорее. Но как раз ночью мое недомогание разыгралось во-всю. Это уже было не недомогание. По существу это был второй приступ неизвестной болезни. Озноб и жар трепали одновременно. Мучил сухой кашель. Поздней ночью появился бред. Я принял все до одного порошки от кашля, которые мне дал Бархаш. Легче стало только к утру, когда я здорово вспотел, накрытый товарищами всеми запасами одежды, которая у нас была.

¹ См. «По неисследованному Памиру», изд. Огиза, 1929 г.

Кишлак Ман-Ван в долине реки Ванч.

22 сентября

А утром нужно было немедленно трогаться в дорогу. Благодаря любезности Кудрявцева, весь груз был навьючен на двух лошадях, мне была подана специальная верховая. Остальные шли пешком.

Кроме наших таджиков с нами пошли еще двое. Один из отряда Кудрявцева и один местный охотник, крепкий, здоровый мужчина. Он, между прочим, мне рассказал, что в 1928 году нашел выкинутым на берег мой ледоруб, сапоги и шляпу, которые у меня унесло водой во время переправы через реку Ванч¹. Но на вопрос, где же они теперь, — он замялся и не ответил.

Скоро Пой-мазар остался позади. Мы снова покидали населенные пункты, снова подходили к льдам. И опять надолго.

Часам к двенадцати мы были уже далеко. Мне очень хотелось найти и посмотреть то место, где мы тонули в

¹ См. книжку «По неисследованному Памиру».

1928 году. По памяти я приблизительно помнил рельеф берега, количество рукавов реки и островов. Ничего подобного теперь я не нашел. Река совершенно изменила свое русло. Вместо трех рукавов был только один, да и через тот переправа была не так трудна. Правда, сегодня было уже двадцать второе сентября, то есть мы шли на месяц позже, нежели в 1928 году, а в здешних местах в эту пору для рек и неделя очень много значит.

Остановившись, я стал поджидать наших пешеходов. И вдруг мы снова встретили людей. Ванч вытекает из ледника Географического общества. Так назвал Горбунов ледник, идущий с перевала Кашал-аяк в долину Ванча. При самом конце ледника Ванч принимает в себя реку Абду-кагор, вытекающую справа из ледника и ущелья того же имени. Слияние рек происходит у самого выхода ледника Географического общества. И именно тут, на месте слияния, я заметил человеческие фигуры. Людей было много, человек двенадцать.

Впереди шли с большими палками таджики-носильщики, человек восемь. За ними все без поклажи шли «европейцы».

— Стой, кто такие?

— Мы из партии Горбунова.

— А он сам?

— Он сам повернул двадцатого числа по леднику Федченко к Бивачному леднику и пику Гармо навстречу партии Крыленко, который должен пересечь хребет Академии с запада.

— Да это и есть я.

— Как так?

Скоро дело разъяснилось. Это была часть горбуновского отряда: художник Худоносков, фотограф Лебедев и участник экспедиции т. Майский. Возвращаясь с Южного Памира вместе с ними три дня назад, Горбунов по пути, которым мы шли в 1928 году, поднялся на ледник Федченко, и там они разделились. Часть двинулась сюда, а Горбунов с доктором Розенцвейгом¹ и группой из четырех альпинистов повернул на север по Федченко, к Бивачному леднику и пику Гармо. Он был, ко-

¹ См. «Узел Гармо».

нечно, прав в своих ожиданиях, что встретит меня спускающимся по Бивачному же леднику с той стороны хребта Академии. А теперь я оказался сзади, а он впереди. Если бы мы двинулись северным плечом, мы бы встретились на Бивачном.

— Ах! Если бы мы знали, что нас будут встречать со стороны Федченко, мы обязательно бы пошли через северное плечо и как раз двадцать третьего были бы уже на той стороне. Но теперь жалеть об этом было поздно, надо было догонять.

— Как переправа через Абду-кагор?

— Утром было пустяки, сейчас скверно, — воды сильно прибавилось.

— А что вы будете делать?

— Ждать Горбунова в Пой-мазаре.

— Ладно.

А сам подумал: бедные пой-мазарцы! А какими баррами путешествуют горбуновцы. Все налегке. Восемь носильщиков на трех.

Через полчаса мы подъезжали к Абду-кагору.

Было около часа дня, и река шумела и бурлила.

Верхом я вскоре был уже на том берегу. Тем временем подошли пешеходы. Я закричал им, чтоб они ждали, пока кто-нибудь переправится за лошадью и поодиночке перевезет всех. Бархаш немедленно разделся и пошел в воду.

Но перейти пешком Абду-кагор было не легко. Вода была Бархашу уже выше колен, захлестывала по пояс. Два раза он покачнулся и еле устоял на ногах. Всею силой опираясь на ледоруб, он все заботы направлял на то, чтоб удержаться на месте. Каждую секунду его могло сбить.

Тогда таджик-охотник бросился в реку. В момент он достиг до Бархаша и, схватив его под руку, особым таджикским способом, быстрыми скачками, грудью разбивая волну, перешел реку, увлекая за собой Бархаша на неглубокое место.

Оба, мокрые, вылезли около меня и взяли лошадь.

На лошади переправа остальных не представила большого труда, и к трем часам мы вступили на лед ледника Географического общества.

По уговору здесь мы должны были бросить лошадей. Но мы решили идти с лошадьми, несмотря на протесты таджиков. В нескольких километрах впереди на скалах виднелись зеленые травяные площадки, куда можно было пустить на ночь лошадей кормиться и стать на ночевку самим.

Палатку разбили прямо на морене, среди камней, чтобы не взбираться наверх. Приблизительно тут же мы ночевали и в 1928 году, когда спустились с Кашал-аяка.

23 сентября

Поганое холодное утро... Ледник встречал нас крайне неприветливо. Дождик накрапывал с самого утра, а на вершинах гор шел снег. Тяжелые тучи заволакивали впереди все ущелье. Еще вчера в Пой-мазаре мы видели, как снег крутил по вершинам гор. Но это были отдельные вылазки непогоды. Теперь же тучи заволакивали горные вершины кругом сплошь. Впрочем, по направлению к Пой-мазару долина Ванча вся была освещена солнцем. Непогода была вся впереди, и именно по направлению к тяжелым серым тучам, клубившимся в ущельи, шел наш путь.

В таких условиях мы двинулись дальше. Впереди шел Воробьев, отыскивая среди камней удобный путь для лошадей. Лошадей вели таджик-охотник и таджик кудрявцевского отряда. Последний говорил довольно сносно по-русски и носил европейский костюм. Тем не менее это был типичный таджик. Так же, как и его собрат, он был очень недоволен тем, что пришлось идти по льду, и всячески тормозил и саботировал движение. В одном месте он прямо лег на землю и заявил, что дальше не пойдет. Мотив он выставил следующий: он напился слишком много холодной воды, и она у него в животе замерзла; он говорил, что он чувствует, что у него в животе лед.

— Скажи ему, что он может лежать до тех пор, пока у него лед в животе не растает,—сказал я Лоику,—а мы пойдем вперед.

Таджик-«европеец», кряхтя, поднялся.

Мы поднимались очень медленно и только к часу дня

добрались к месту, где кончалась бурая морена и начинался сплошной блестящий белый лед. Это было как раз напротив выхода того бокового ледника, которым мы вышли на ледник Географического общества в 1928 году. Тогда мы открыли два кашал-аякских перевала—один главный, которым прошли немцы и которым мы думали идти сейчас, и другой—боковой, который прошли мы. Наш был более высок и труден. К повороту к нему теперь мы подошли.

До сих пор, стремясь пройти прямо к главному перевалу, мы держались все время середины ледника. Сейчас, когда мы вступили на блестящий лед, начинались глубокие трещины и ледопад, обычные всегда в месте соединения двух ледников. Лошадей здесь во всяком случае приходилось оставить. Мы остановились, несмотря на снег и дождь.

Пока подходили остальные, Наби сбегал на береговой склон и приволок оттуда сухой арчи. Арча еще росла на береговых скалах.

Но оба таджика категорически отказались от чая и завтрака. Они торопились скорее назад, чтобы до ночи уйти со льда и добраться до реки.

Нас осталась теперь только наша семерка: пятеро альпинистов и двое носильщиков. Вдоволь напившись горячего чая, мы тронулись дальше.

Перевал виден был теперь впереди весь, в каких-нибудь пяти километрах от нас. Он ждал нас в виде громадного ступенчатого ледника-ледопада. По внешнему виду это был один из самых трудных и малодоступных перевалов. Приблизительно на середине подъема в ледопаде чернела большая груда скал, делившая ледник как бы на две части. Дальше подъем был уже более ровным и шел не так круто, без ледопада. Но нам не было еще видно, с какой стороны и каким путем легче будет подниматься. Поэтому мы ускорили шаги.

Но лабиринт ледяных масс, ям и трещин оказался так запутан, переплетение ледяных хребтов и хребтиков было настолько причудливо, трещины и провалы настолько глубоки и так далеко надо было их обходить, отдельные ледяные горы, которые пришлось брать, оказались настолько круты, что мы с большим трудом и страшным напряжением только к семи часам едва-едва добрались до подножья пе-

ревала. Стали на ночь в ледяной впадине у небольшого ледяного озера перед самым подъемом.

А снег все продолжал сыпать. Попрежнему со всех сторон горы были заволочены тучами, и мокрый ветер рвал и трепал наши палатки. А вечером у меня опять были и озноб и жар.

С этого дня, впрочем, кашель все более и более усиливался, и для нас всех уже было ясно, что дело обстоит серьезнее, чем мы полагали. Это новое препятствие повергло нас в новые заботы, вдобавок к снегу, ветру и тому, что мы так досадно разошлись с Горбуновым.

24 сентября

Насколько была ужасна погода вчера, настолько опять-таки она была хороша сегодня.

С утра сияло безоблачное небо, и в его лучах играли и смеялись горы. Такие резкие перемены мы наблюдали уже весь месяц. Это особенность сентября в этих широтах. Изменение погоды можно предсказать с определенной точностью.

С тем большим вниманием мы занялись изучением предстоящего подъема.

Мы наблюдали его с Дорофеевым в 1928 году. Но тогда нам не было нужды его так точно изучать, а теперь от этого зависело очень много.

Перевал представлял собою крутой, падающий ступенями ледник. Наверху большие фирновые поля шли вниз в нашу сторону сначала более или менее пологим спуском, затем вдруг падали крутым, но ровным скатом, а потом сплошным нагромождением ледяных скал, ступеней, валов, гор и утесов. К самому подножью этот хаос более или менее выравнивался в ряд крутых, падающих валов. На этот хаос мы должны были подняться. Этот подъем напомнил мне Язгуляльский ледник. Но Язгуляльский ледник был еще труднее¹.

Как же лучше было взобраться на перевал?

Сначала нас прельстили скалы с правой стороны ледника.

¹ См. «По неисследованному Памиру».

Перевал Кашал-аяк на ледник Федченко. Высота 4 200 метров.

От черных скал наверху вниз шла ровная осыпь до самого низа. По ней можно было взобраться метров на триста-четыреста до самых скал, но дальше не видно было, есть ли от них переход на лед и какой это переход. Можно было только предполагать, что там начнется переход на фирн. А вдруг нет? Если ровного перехода нет, тогда опять надо будет итти вниз и начинать подъем снова.

Вернее было подняться прямо по ледяным валам и по ледопаду. На половине подъема, метров приблизительно через триста, надо было свернуть к черной гряде скал, разделявшей ледопад, и опять наискось подниматься по снежному крутому склону наверх до перевальной точки и фирновых полей.

В конце концов остановились на этом варианте, возможно наиболее трудном. Зато путь тут был виден весь до самого верха.

Мы начали подниматься ровно в восемь утра, пока было еще морозно и жаркое солнце не растопило льда и ледяные скалы не сверкали так своей поверхностью.

Но мы все же не представляли себе, что те ледяные валы, на которые мы начали подниматься, будут такими гигантскими. Мы на них казались муравьями. Но итти пока было легко, и только в двух местах пришлось преодолеть большие трещины и при переходе с вала на вал рубить ступеньки.

После двух часов подъема мы остановились на первый отдых. Приблизительно треть подъема была позади. Теперь началась вторая, гораздо более крутая и самая трудная треть, подводившая нас по самой гуще ледопада прямо к черной гряде скал посреди ледника.

Это уже не были валы, это были либо крутые снежные ледяные скаты, либо сплошное нагромождение саженных ледяных колонн, отвесных стен и прочих прелестей. К тому же уже пошел одиннадцатый час, и солнце начало греть во-всю, в связи с чем увеличилась опасность ледяных и снежных обвалов и лавин, и трудности пути по меньшей мере удесятились. Мы тронулись, все связавшись веревкой и надевши кошки. Воробьев и Цаг шли вперед. Связав вместе две веревки, они бросили сверху шнур метров в пятьдесят. Держась за этот шнур, двинулись в подъем остальные. С мешками на плечах, с ледорубами, в кошках и все в очках-консервах, чтобы защитить глаза от ослепительного блеска снега и льда, мы напоминали скорее пресловутых «марсиан», а не обитателей нашей земли.

Я и Наби шли последними. В особенности врезался в память один момент этого подъема. Уже почти у цели, у гряды скал, пришлось, чтобы перейти со льда на каменный грунт, сначала подняться по ледяной расщелине между двух ледяных стенок на маленькую ледяную площадку, затем спуститься с ледяной вышки в черную грязную пропасть к скалам. Веревка крепко стягивала пояс и тянула кверху, но тяжелый мешок ни за что не хотел пролезать в узкую расщелину. Руки хватались за лед, весь мокрый от солнца, и скользили. Так один за другим карабкались мы, хватаясь за веревку, на вышку и затем уже сидя сползали и съезжали вниз в черную жидкую грязь под скалы.

К часу дня мы взяли и вторую треть пути и, расположившись на скалах, дали себе отдых.

Две трети пути было пройдено. Мы отдыхали поэтому полтора часа и, только как следует отдохнув и подкрепившись, двинулись дальше.

Третья часть представляла собою крутой снежный подъем по фирну. Итти можно было только одним способом: глубоко ставя ноги в снег, чтобы, образовав таким образом ступеньки, иметь точку опоры. Теперь я уже шел впереди.

Нельзя было, конечно, и сравнивать по легкости эту часть с уже пройденной. Только в одном месте встретилось серьезное препятствие: черные скалы врезались в этом месте в ледяной склон. Между скалами и ледяным покровом образовалось пустое пространство; оно было полузасыпано снегом, и в него можно было легко провалиться. Стах полез первым и застрял в снегу, провалившись по пояс. Кое-как он выкарабкался. Остальные прошли это место, связавшись веревкой. Зато дальше пошел уже пологий твердый фирн. И, легко вздохнувши, все бодро двинулись вперед.

Не тут-то было!

У всех силы были уже подорваны семичасовым подъемом, а фирн шел вверх, упорно подымаясь все выше и выше, и казалось, конца не будет этому утомительному ровному подъему. Только через полтора часа подъем достиг предельной точки, после которой началось такое же медленное, мягкое понижение—спуск на ту сторону.

На переломной точке мы остановились. Перевал был взят. Мы были по ту сторону хребта Академии. Водораздел, разделявший карты советско-немецкой экспедиции 1928 года и карты наших исследований 1931 и 1932 годов, был вторично перейден. Дальше шел широкий пологий спуск к леднику Федченко. Ледник уже виднелся внизу перед нами узкой длинной полосой, со своими извилистыми, как змеи, моренами. Было пять часов дня.

Но я хорошо знал, что вниз еще добрых пять километров, а потому и не торопил ребят,— пусть отдохнут. Самое трудное ведь было позади.

Воробьева и Цага мы отправили все же вперед; внизу при самом выходе от нашего перевала на ледник Федченко слева выступал острый ряд черных скал. Одна из боковых

Воробьев на грани перевала Кашал-аяк.

морен отсекала в том месте часть снежного поля и закрывала ее своим валом от ветра. Там именно, под этими скалами, я наметил ночевку и велел там разбить палатки. За два часа мы думали успеть до них добраться.

Но как ошибочны бывают иной раз расчеты в горах. Через час ходьбы мы, казалось, вовсе не приблизились к скалам, хотя путь шел все время вниз по твердому снегу и можно было идти очень быстро. И еще час прошел. А скалы все были далеко.

Тем временем со мной опять начало делаться что-то неладное. Итти было легко, а у меня вдруг почему-то не стало сил итти. Я буквально шатался и все чаще и чаще останавливался и отдыхал.

Мальцы и носильщик далеко ушли вперед. Со мной теперь остался только один Бархаш. На одной из остановок, не говоря ни слова, он взвалил себе на плечи еще и мой мешок.

Каюсь, — у меня не хватило мужества протестовать.

Как мы дотащились до ночевки — я не помню. Около палатки я рухнул в снег, как мешок.

Даже в палатку забраться не хватило сил. Потом начались озноб, жар и бред.

А тем временем ребята держали совет, как быть дальше.

Дело в том, что мы уже зашли слишком далеко, чтобы возвращаться. Мы были уже на леднике Федченко. До поворота на Бивачный ледник, по нашим расчетам, осталось не более двух дней пути. Назад идти было не меньше. Но неизвестно, когда и где встретим мы людей. Если бы я свалился совсем, пришлось бы сидеть на месте, пока подоспеет помощь. А провианту у нас уже становилось мало. Уже прошло три дня, как мы ушли из Пой-мазара. В результате Бархаш внес предложение отпустить носильщиков. До Пой-мазара они дойдут в два дня. Избавившись от лишних ртов, мы могли бы больше сэкономить продовольствия до встречи с людьми. Ведь доктор Пислегин должен же был заготовить нам встречную базу. Я согласился с предложением Бархаша. С утра следующего дня мы оставались, таким образом, впятером.

25 сентября

Товарищи из группы Горбунова сказали нам при встрече у Кашал-аяка, что Горбунов, повернув к северу по леднику Федченко, часть своего провианта оставил тут же, где-то на леднике Федченко, запрятав его на третьей морене прямо против выхода с кашалаякского фирна. Так нам сказал Майский. Отпустив носильщиков и снабдив их из наших запасов, мы рассчитывали теперь для пополнения использовать запасы Горбунова.

Вот почему с утра Бархаш и Воробьев отправились на третью морену искать запрятанный Горбуновым груз.

Тем временем таджики-носильщики собрались в обратный путь. Мы дружески, тепло попрощались с ними. С обоими мы успели подружиться, в особенности с Лоиком, уже второй год добросовестно переносившим с нами все тяготы экспедиции. Зато теперь он становился богачом: по расчету ему нужно было выдать одной мануфактуры до шестидесяти метров.

Они ушли и скоро оба превратились в едва заметные черные точки на снежном покрове. Вот уже и нет их...

Воробьев вернулся к одиннадцати часам; он ничего не нашел на морене.

По правде, я больше полагался на Бархаша, поэтому сообщение Воробьева принял без особенной тревоги. Но почему же нет Бархаша? Он был всегда точен и раз обещал быть к одиннадцати часам, так должен был прийти.

К двенадцати часам его еще не было. Это было уже настолько подозрительно, что я решил послать ему навстречу Цага.

Антон взял ледоруб и отправился.

Чтобы посмотреть, не идет ли Бархаш, мальцы забрались на скалы повыше. Но они вернулись оттуда с известием, что Бархаша не видно, но что кто-то очень недавно ночевал под скалами,—в укромном месте валялись консервные банки, обрывки бумаги, и чьи-то следы уходили от места ночевки вверх к перевалу. Кто же тут мог быть?

А Бархаша все не было, не было и Цага. Наконец мальцы закричали, что Бархаш идет. Он пришел только к часу.

Добравшись до третьей морены,—рассказывал Бархаш,—он обыскал ее всю. Нашел поставленную Горбуновым пирамиду, нашел следы ночевки, а провианта не нашел, так искусно он был запрятан. А когда пошел домой, то второпях неловко прыгнул через трещину и растянул себе какую-то жилу. Сейчас он сильно хромал и еле шел. Этого только еще недоставало.

— Что же теперь делать?—спросил я.

— Итти.

— А можешь итти?

— Пойду, не сидеть же тут.

Сидеть тут действительно было нечего.

Благодаря всем этим проволочкам мы вышли только в два часа.

По договору с доктором Пислегиным он двадцать четвертого числа должен был уже организовать нам встречу на леднике Федченко, но не у Бивачного лед-

ника, куда мы направлялись, а еще через день пути по леднику у выхода ледников Малого Танымаса. Это объяснялось тем, что, когда мы его отправляли одиннадцатого сентября, мы были твердо уверены, что выйдем на Бивачный, через южное плечо Гармо, а что мы не найдем южного плеча и пойдем кругом,—этого мы не допускали. Если мы не найдем горбуновских людей, мы, таким образом, могли рассчитывать только на самих себя и на запасы Пислегина у ледника Малого Танымаса, а не у Бивачного. Мы с Бархашом решили поэтому двух из наших—Цага и Стаха—отправить прямо к Малому Танымасу, минуя Бивачный, на пислегинскую базу. Они должны были, если мы никого не найдем у поворота на Бивачный, перенести к нам запасы провианта с пислегинской базы. На Бивачный, таким образом, мы решили идти только троим. Что касается болезни, моей и Бархаша, мы полагали, что сил у нас все-таки хватит,—меня моя болезнь трепала только по ночам, а Бархаш уверял, что у него скоро все пройдет. Ити решили без остановок, чтобы пройти как можно больше, Я решил остановить движение не ранее восьми часов вечера.

Ледник Федченко такой же широкий и красивый, каким мы его знали с 1928 года, расстилался теперь перед нами. В 1928 году я прошел этот путь до Алтын-мазара в три дня. До Бивачного я думал добраться теперь в полтора.

Мы остановились действительно только после пяти часов ходу. Да и то мы остановились потому, что наткнулись на поставленный кем-то тур. Под туром, в консервной банке, мы нашли записку. Она была подписана т. Коровиным, одним из ленинградских альпинистов, прикомандированным к группе метеоролога Попова, работавшего на леднике Федченко. Он извещал, что двадцать третьего числа он по приказу Горбунова отправился вверх по леднику Федченко и дальше через Кашал-аяк в Поймазар предупредить караван, что Горбунов запоздает. Коровин писал, что идет дождь и снег и что до поворота на Бивачный еще день пути.

Теперь нам стало ясно, чей ночлег мы отыскивали у черных скал и чьи следы шли к перевалу. Странно было только, как мы разминулись с ним на перевале. Сообщение Коровина, что до Бивачного еще день пути, нам не понра-

На перевале Кашал-аяк.

вилось. Но делать было нечего. Через час все равно пришлось бы остановиться,—было уже восемь часов.

Мы остановились тут же на морене в небольшом углублении, где поставили палатки. И тут же обнаружили досадную пропажу. Стах, на обязанности которого было носить мой бинокль, оставил его на ночевке у черных скал. Как я ни ругал его, поправить было нельзя. Единственной надеждой было то, что партия Горбунова, когда пойдет назад, через Кашал-аяк, найдет и подберет бинокль. Пропасть он, конечно, не мог, за это можно было быть спокойным.

И снова наступила морозная ночь. И снова меня трепали лихорадка, жар и озноб.

26 сентября

Утром мы поднялись в семь часов, чтобы опять пройти как можно больше. Мы опаздывали на два дня против срока. Провианта было мало, в особенности галет. Керосин тоже был на исходе. Надо было торопиться.

Погода опять была прекрасная. Она стояла такая уже третий день, с двадцать четвертого числа. С беспокойством посматривал я поэтому на небо. Кое-где уже появлялись маленькие беленькие тучки—признак, что завтра или послезавтра тучи будут большие. А нам сейчас это было совсем нежелательно. Мы приближались к Бивачному леднику, и хорошая солнечная погода нужна была нам дозарезу.

И мы торопились, как могли. Скорее хотелось узнать, что же нас ждет на Бивачном и кого мы встретим. Вот, наконец, впереди замаячил слева выход Бивачного ледника. Я знал его таким с 1928 года, а сейчас у нас в руках была точная немецкая карта, и по ней мы великолепно могли ориентироваться.

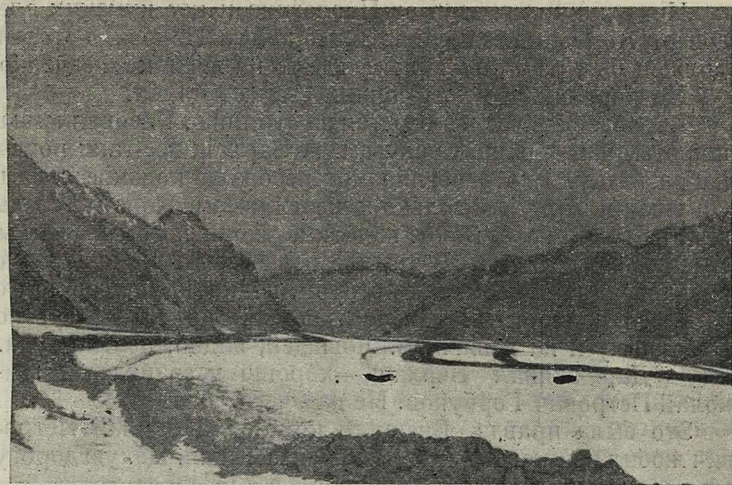
Между тем следы людей встречались все чаще и чаще. По морене, по которой мы шли, приблизительно через каждые двести-триста метров стояли туры. Это означало, что путь этот людьми был пройден не однажды. Они должны были быть здесь где-нибудь близко. Ведь Горбунов привык ходить с большим количеством людей, часть их он должен был оставить тут, наконец, где-то поблизости должна была работать метеорологическая группа профессора Попова, к которой принадлежал Коровин. Туры должны были привести нас, видимо, прямо к стоянке тех, кто их поставил. Мы остановились поэтому, чтоб отдохнуть опять только через три часа хода.

Затем туры вдруг пропали. Большой тур, поразивший нас своей высотой, видимо, был последний. Дальше туров не было. Это означало, что этот тур показывал поворот дороги с морены на лед, где не было камней и не из чего уже было строить туры. Видимо, нужно было перейти лед к береговому склону, а мы не догадались и прошли прямо.

Мы свернули поэтому теперь на лед наугад.

Сразу попали в пересечение ледяных валов. Шли так еще час, стараясь держаться все ближе и ближе к склону ущелья. Ледяные валы сменились громадными буграми, покрытыми камнем и щебнем,—типичный признак близости конца ледника.

Стоп! Опять туры! Значит, вновь нашли потерянную дорогу.

Ледник Федченко при выходе с перевала Кашал-аяк.

Что такое? Конский помет. И снова туры на хорошо разработанной тропе. Становище, видимо, где-нибудь рядом, раз тут проходили даже с лошадьми.

Тропинка вьется по камням и вдруг круто сворачивает вниз. А внизу под самым отвесом громадной каменной скалы, совсем прижавшись к ней, в маленькой узенькой ложбинке белеет палатка.

— Ура! Люди, наши, ура!

Полное молчание в ответ.

Вихрем несемся к палатке!..

Палатка пуста... Людей нет...

Ищем записку. Нет и записки!..

В палатке навалены вещи, лежат полушубки, запасные кошки, сумы, ящики, чемоданы, набитые доверху, масло, консервы, керосин, галеты, колбаса. Всего, одним словом, вдоволь. А людей нет!..

По вещам узнаем, кому они принадлежат.

Вещи Харлампыева и Гетье—двух альпинистов из группы Горбунова.

Вывод: все они отправились вверх по Бивачному леднику нам навстречу. Другого объяснения быть не может.

Нет никаких следов от Пислегина и нет никаких следов от Коровина и группы метеоролога Попова, который должен был работать тут же, где-то на леднике Федченко.

Но хорошо, что хоть нашли запасы пищи.

Воробьев сейчас же берется застряпню. Рисовая каша, шпроты, чай к нашим услугам. А Бархаш все-таки пошел на разведку. Его особенно интересовали конские следы. Он ушел и вернулся только к шести часам. Конские следы шли на всем его пути от палатки, уходя потом в ущелье Бивачного ледника. В ущелье вела все та же прекрасно разработанная тропа, над которой, видно, пришлось долго и много поработать. Конский помет Бархаш нашел по Бивачному и на Бивачном. Лошадей, видно, повели туда.

— Да,—заявил Бархаш,—хорошо устраивается Николай Петрович Горбунов. Не нам чета.

Это была правда. Внешний комфорт Николай Петрович любил и никогда в нем себе не отказывал. Целую дорогу соорудил и лошадей привел.

Стемнело.

Выйти мы решили завтра утром и завтра же отправить Цага и Стаха к Малому Танымасу навстречу Пислегину.

Но возвращаться с провиантом они больше не должны были, провианту теперь было достаточно. Они получили самостоятельное задание: пока мы будем рыскать по Бивачному леднику,—по возможности исследовать ледник Малого Танымаса.

О наших болезнях мы больше не думали; и они почему-то о нас в этот вечер забыли.

Место, где мы остановились, за его мрачный вид мы назвали «чортовым гробом».

ГЛАВА II

ПЕЧАЛЬНЫЙ ФИНАЛ

На этом месте прерываются мои записки по экспедиции 1932 года, которые я вел регулярно каждый вечер. Резко усилившаяся после двадцать шестого сентября болезнь, роковым образом сорвавшая в самый решающий момент окончание работ экспедиции, лишила меня возможности продолжать и ведение дневника. За продолжение записок

пришлось сесть только почти год спустя. В итоге невольно изгладились из памяти все детали, и лишь в основном удалось восстанавливать то, что было дальше.

Мало веселого представляет собой это дальнейшее. Помимо моей болезни, ближайшие дни принесли нам не разрешение поставленных задач, а еще большую неясность, окончательно перемешали все карты и завязали Гармо в еще более, казалось, неразрешимый узел.

Чтобы дать возможность читателю ориентироваться в происшедшем, мы должны несколько восстановить в его памяти основные вехи наших исследований и изысканий.

Читатель помнит, что наша попытка найти подход от ледника Гармо к пику Евгении Корженевской и перевал через хребет Петра Первого с юга на север окончилась неудачей. Причем этим пиком мы считали громадную белую вершину, возвышавшуюся непосредственно над ледником Беляева, являвшимся северным рукавом ледника Гармо. Мы не смогли, таким образом, разрешить задачу—связаться с группой Москвина, работавшей над той же проблемой, но не с юга на север, а с севера на юг.

По существу ничем окончилась и наша разведка северного плеча пика Гармо, хотя мы и взошли на это северное плечо седьмого сентября. Поисками перевала через хребет Академии с запада на восток мы хотели разрешить вторую нашу задачу—найти путь с ледника Гармо на ледник Федченко, чтобы связать в одну карты—на восток и на запад от этого хребта. Мы были седьмого сентября на хребте Академии.

Мы видели спуск вниз с хребта Академии, как мы полагали, на Бивачный ледник, но тогда на этот ледник не спустились. Пиком Гармо, как читатель помнит, мы считали громадную снежную вершину, замыкавшую собой южный рукав ледника Гармо, так называемый Вавиловский ледник.

Ничем окончилась затем наша попытка найти подход с запада к южному плечу пика Гармо по леднику Ванчдара и более удобный перевал на Бивачный ледник с хребта Академии. Но так как мы были все же убеждены, что мы правильно пытаемся пересечь хребет Академии именно у пика Гармо, то для того, чтобы разрешить нашу

задачу—связать данные карты немецкого исследования 1928 года с данными наших исследований 1931 и 1932 годов,—нам во что бы то ни стало было необходимо взойти на такую точку хребта Академии, с которой мы могли бы увидеть обе знакомые нам картины—и картину по эту сторону хребта Академии на восток и картину по ту сторону—на запад, известную нам по нашим экспедициям. Для этого, и только для этого, мы предприняли обходное движение через Пулковский перевал по Ванчу через перевал Кашал-аяк, по леднику Федченко и к Бивачному леднику.

И мы, казалось, были у цели. Мы находились уже на Бивачном. Оставалось только подняться по Бивачному до перевальной точки, найти и взять ее. Обе половинки карты будут тогда связаны, загадка разгадана, круг завершен. Тогда оставалось бы только связать исследование северного склона хребта Петра Первого, произведенное группой Москвина, с исследованиями по Малому Танымасу, куда мы послали Цага и Стаха Ганецкого. И все.

Но так только казалось.

Двадцать седьмого сентября наша тройка—я, Бархаш и Воробьев—вышла из «чортова гроба» и отправилась вверх по Бивачному леднику. Погода была сначала очень хорошая, да и идти было легко. Мы шли по хорошо разработанной дороге, постоянно натываясь на лошадиные следы. Время от времени мы встречали туры с подложенными под них записками. Оказалось, что еще до Горбунова восьмого-девятого сентября здесь прошла киногруппа экспедиции. Она засняла весь ледник и, дойдя до разветвления ледника на два рукава, вернулась. Около двенадцати часов мы неожиданно встретили людей, возвращавшихся от Горбунова, доктора Розенцвейга и двух альпинистов—«Гогу» и «Птенчика» (прозвища гг. Тимашева и младшего Харлампьева). Горбунов направлял их обратно через тот же Кашал-аяк на Южный Памир в Хорог с каким-то поручением. А доктор Розенцвейг шел вообще вниз. Они сообщили, что сам Горбунов находится впереди нас в двух днях пути, убежденный, что мы идем навстречу через перевал. Сам он решил отправиться по правому рукаву Бивачного ледника с тем, чтобы по нему попытаться взойти на пик Гармо. Далее

Общий вид Бивачного ледника.

Розенцвейг сообщил, что через несколько часов мы выйдем на площадку, где будут брошены три полушубка и стоит палатка, специально приготовленная для нас. Это место, известное с тех пор у нас под названием «у трех полушубков», расположено как раз против разветвления Бивачного ледника, у поворота направо, которым ушел к пику Гармо Горбунов.

Воспользовавшись случаем, я просил их поискать и подобрать бинокль, забытый нами на стоянке против перевала.

Теперь нас занимал только один вопрос: Горбунов, следовательно, пошел не только нам навстречу, он пошел еще за тем, чтобы подняться на пик Гармо. Но мы решили не менять ни в чем наших планов, искать нужную нам перевальную точку совершенно независимо от ее высоты.

Новое препятствие встало на дороге.

К пяти часам мы действительно подошли к «трем полушубкам». Тут снова меня схватил приступ лихорадки, и

резко усилился кашель. А к вечеру я совсем занемог. Погода тут опять испортилась и пошел снег.

Так как Горбунов пошел направо и нам не было никакого смысла его догонять, мы решили пойти по левому рукаву. Вдали было видно, что рукав кончался новым разветвлением, оба конца которого упирались в снежные замкнутые цирки. Правый был круче левого. По немецкой карте высота обоих не превышала пяти тысяч четырехсот метров. Мы решили направиться в левый цирк, взять перевальную точку в пять тысяч триста восемьдесят метров и с ее высоты ориентироваться на запад. Так мы легко могли связать обе половинки карты. Потом мы решили вернуться и пойти навстречу Горбунову. На все это мы думали потратить от трех до четырех дней. Горбунов за это время должен был тоже повернуть назад.

Двадцать восьмого сентября мы двинулись в поход в прескверную погоду. Снег шел с утра не переставая, мы двигались очень медленно и около пяти часов остановились. Между тем болезнь начала меня мучить теперь и днем, жар был все время, кашель мучил беспрестанно. Бархаш тоже шел с трудом,—нога у него, видно, сильно болела.

Двадцать девятого сентября к этому прибавился еще крайне трудный профиль ледника. Терраса, по которой мы шли, окончилась. Пришлось перейти на лед. Ледник же представлял собою сплошной и бесконечный ледопад. С большим трудом пробирались мы к середине ледника, где тянулась черная морена. По обеим сторонам морены ледник нагромоздил чудовищные глыбы, величиной в хорошие двухэтажные дома. Глубокие трещины и пропасти разделяли эти глыбы, ледяные иглы в человеческий рост торчали на дороге. Итти было крайне трудно. А снег все продолжал сыпать и сыпать, и болезнь делала свое дело, отнимая последние силы.

Около двух часов дня мы остановились в полном изнеможении. Еще двадцать восьмого на стоянке Бархаш и Воробьев уже подняли вопрос о том, что в таком состоянии дальше итти нельзя, и предложили вернуться. Я предложил им итти дальше без меня. До начала цирка оставалось не больше трех-четырех километров, или несколько часов ходу. Я мог их подождать дня два, но они

категорически отвергли мое предложение. Мы пошли опять.

Между тем морена окончилась, и дальше идти нужно было по сплошному льду. Он был весь расщеплен большими и малыми трещинами и покрыт иглами и буграми. Приходилось идти, поминутно отыскивая путь, а впереди уже чернели скалы, знаменовавшие начало цирка. Там можно было ночевать, и самый цирк был покрыт ровным фирном без трещин. Чтобы взойти на крутой, но все же возможный подъем, едва ли потребовалось бы больше дня. Но к четырем часам дня двадцать девятого сентября я совершенно выбился из сил и окончательно свалился.

Прямо на льду, среди ледяных игл во впадине мы остановились, несмотря на то, что было так рано. Я лежал пластом. А снег все продолжал сыпать, и раньше времени становилось темно. Гребень перевала был тоже в облаках.

И мы единодушно решили на следующий день повернуть назад. Другого выхода не было. Бросить меня одного товарищи не хотели, а со мной идти было нельзя.

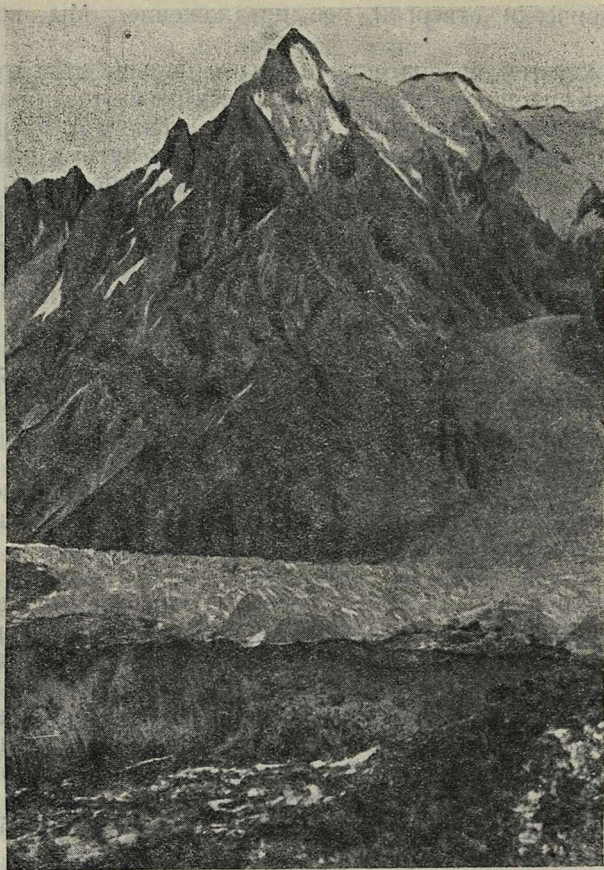
И тридцатого мы двинулись назад. Бархаш снял с меня и разделил между собой и Воробьевым все мое снаряжение: мешок, кошки, провиант. В особенности тяжело было во вторую половину дня, когда мы снова оказались в переплете ледяных трещин. Помню только, что, сидя на льду, когда товарищи искали дорогу, я вслух разговаривал с соседней ледяной скалой о метафизике, о влиянии строения скалы на судьбы мира и о чем-то еще. Бархаш и Воробьев угрюмо молчали.

Мы стали на ночь, не дойдя даже до «трех полушубков».

Ночью мне стало еще хуже. Помню, что Бархаш ушел ночью искать для меня воду и очень долго не приходил. Его самоотвержение и заботы прямо трогали. Ледяную воду я выпил залпом. Температура не падала.

А снег все продолжал идти.

И еще новая забота пришла утром. У «трех полушубков» мы полагали найти записку от Горбунова, который, как мы рассчитывали, должен был уже вернуться сверху. Записки не было, он не возвращался. Зато мы встретили старшего Харламьева, альпиниста, который был с Горбуновым и который почему-то вдруг приехал снизу с

Бивачный ледник.

Пик Постышева. Высота 5 600 метров.

ледника Федченко. Харламповец сообщил, что Горбунов тоже отправил его вниз, так как у Харламповца заболела нога. Горбунов его отпустил и остался наверху с альпинистом Гетье и двумя таджиками-носильщиками. По словам Харламповца, он оставил Горбунова три дня назад на высоте шести тысяч двухсот метров, где

Горбунов переждал непогоду (а снег все шел). Запаса хлеба у Горбунова было всего на три дня.

Это грозило уже несчастьем. Оставив записку Горбунову с указанием, что я сейчас же снизу вышлю ему в помощь вспомогательную спасательную группу, я сел на лошадь Харлампьева, и мы отправились вчетвером к «чортову гробу».

Харлампьев сообщил нам еще одну новость. Пислегин, оказалось, тут был, но почему-то решил, что он должен нас ждать не до двадцать четвертого, а до двадцать второго, и ушел к Танымасу, оставив для нас запасы провианта в группе Вл. Ив. Попова. Последний же, как оказалось, стоял на середине ледника Федченко всего в сорока минутах ходьбы от «чортова гроба».

А мы этого не знали.

Но у нас была теперь только одна забота: помочь Горбунову. Если погода не успокоится еще пару дней, без пищи он должен был там замерзнуть.

Вот почему, наскоро переночевав, мы первого октября рано утром выехали к середине ледника, к стоянке Попова. Она действительно находилась в сорока минутах хода.

Вл. Ив. Попов, энергичный и живой старик, немедленно согласился сделать все необходимое. Я условился с ним, что сегодня же отправлю к нему группу товарищей из лагеря, стоявшего у выхода ледника Малого Танымаса. Со своей стороны, он дал в группу двух человек. Харлампьев, знавший путь к месту, где находился Горбунов, должен был повести всю группу. О себе Владимир Иванович сообщил, что он работает на леднике Федченко очень удачно, и неудачно идет лишь постройка метеорологической станции на леднике Федченко против перевала Кашал-аяк. Ни стройматериалы, ни оборудование еще не доставлены из Алтын-мазара, строители же все стоят в лагере у ледника Малого Танымаса. Простившись, мы двинулись от Бивачного ледника вниз к выходу ледника Федченко и Алтын-мазара. На пути мы встретили доктора Розенцвейга. Он выехал опять из Танымаса к Попову и Горбунову. Я включил и его, как доктора, в спасательную группу и велел ждать у Попова остальных.

К шести часам вечера мы уже подъезжали к танымаскому лагерю.

В лагере мы нашли сотрудников строительства, Цага, Стаха, Пислегина, людей из геологической группы Д. В. Никитина, работавшей по Муук-су. Четырех человек во главе с Цагом мы тотчас же отправили вверх обратно. Цаг получил наказ за ночь дойти до стоянки Попова и завтра же утром выйти по Бивачному леднику на помощь Горбунову. В случае несчастья он должен был искать его десять дней, и только к одиннадцатому числу ему разрешалось вернуться. Через радиостанцию, стоящую в Алтын-мазаре при экспедиции, он должен был дать знать мне уже в Ташкент и в Москву о результатах своих розысков.

Несмотря на усталость, мы решили немедленно ехать в Алтын-мазар. Ледник Федченко тут кончился, и всего каких-нибудь пятнадцать километров нас отделяло от Алтын-мазара. Река Муук-су тоже была не страшна, лошадям вода была едва по колено.

В сплошной темноте в одиннадцатом часу вечера мы въехали в Алтын-мазар...

Так закончилась экспедиция. Вернее, закончилась наша экспедиционная работа.

Но напасти и неудачи продолжали нас преследовать и дальше. Правда, Цагу и его группе не пришлось идти спасать Горбунова. Второго октября они встретили Горбунова, благополучно спустившегося с вершины, после того как установилась погода, и направившегося затем прямо через Кашал-аяк в Пой-мазар к каравану. Узнал я об этом только в Ташкенте десятого или одиннадцатого октября. Мы не нашли затем сами своих лошадей в Алтын-мазаре. Назаров, который должен был привести их к первому числу, приехал без них. Моя записка почему-то не была передана Щербаковым в Пашимгар на нашу базу.

Сам Назаров приехал еле живой, с воспалением легких. Я уложил его рядом с собой и поручил заботам товарищей. Нам самим нужно было во что бы то ни стало спешить уехать. Мы выехали четвертого октября утром. Выехали в том же белье и костюме, в которых были на леднике, так как вместе с лошадьми не пришел и наш багаж.

В Дараут-кургане мы застали часть москвинской груп-

Ледяной цирк Бивачного ледника—пункт, до которого дошла экспедиционная группа 29 сентября 1932 года.

пы, направлявшейся в Алтын-мазар. Оказалось, что Москвин, который должен был исследовать с севера хребет Петра Первого, тоже не исполнил всего задания и не нашел перевальных точек ни на ледник Гармо, ни на пик Евгении Корженевской. То, что сообщил мне его сотрудник о его открытиях, было нам настолько непонятно, что выяснение действительного положения вещей пришлось отложить до личной встречи.

Только шестого числа вечером мы добрались до Уч-кур-гана и только седьмого утром—до Ферганы. Собравшиеся врачи констатировали у меня упорную малярию и... персидский тиф. С высокой температурой, сопровождаемый одним Стахом Ганецким, я добрался до Ташкента, где врачи констатировали уже не тиф, а воспаление обоих легких.

Семнадцатого октября я был уже в Москве. Разгадку тайны узла Гармо пришлось отложить до будущего года.

ИТОГИ

Неудовлетворенный читатель все же спросит: каковы же итоги? Так-таки никаких?

Нет, итоги оказались, но итоги оказались совершенно неожиданными, раскрытыми только в Москве и раскрытыми, как это ни странно, Москвиним.

Расшифровав теодолитную съемку своих блужданий по северному склону хребта Петра Первого и сопоставив ее с картами Дорофеева и немецкой картой 1928 года, Москвин установил, что:

1. Пик Гармо, на северное плечо которого мы взошли и южное плечо которого так безуспешно искали, если и оказался пиком Гармо, то не тем, который мы предполагали. Таджики называли его пиком Гармо. Он действительно был виден из Пашимгара, но его высота, во-первых, была всего шесть тысяч девятьсот метров, на немецкой карте он именовался пиком Дарваз, и от его вершины действительно шел отрог Бивачного ледника, но не тот, которым пошел Горбунов, и не тот, которым мы шли. А мы искали вершину не в шесть тысяч девятьсот метров, а в семь тысяч четыреста девяносто пять. Мы искали вершину, которую немцы видели с ледника Федченко в 1928 году, как самую высокую вершину, которую они принимали за Гармо. К этой именно вершине пошел Горбунов по правому рукаву Бивачного ледника в то время, как я пошел к таджикскому Гармо, принимая его за немецкий Гармо.

Этим объяснялось и то, что северное плечо, на которое мы взошли, было высотой всего пять тысяч семьсот метров, и то, что рельеф таджикского Гармо не совпадал с рельефом, который мы искали и который знали по немецкой карте. По соглашению с Горбуновым мы оставили за этим пиком наименование пика Гармо. Так его называли таджики, и не было никаких оснований менять это красивое и своеобразное местное название.

2. Пик, который немцами был назван Гармо, действительно являлся высочайшим пиком Памира, действительно лежит на левом рукаве Бивачного ледника, и Горбунов правильно шел к нему с востока, с запада нам он

тоже был виден, но мы никак не предполагали, что эта вершина, которую мы ищем, ибо с нашей стороны его рельеф представлял собою не трапецию, а как бы стул. Мы с Горбуновым назвали его как высочайшую вершину СССР пиком имени т. Сталина.

3. Не оказалась, наконец, пиком Евгении Корженевской и «Женичка». Москвину удалось установить, что хребет Петра Первого представляет собою два хребта: между обоими хребтами лежит ледник, который мы назвали ледником Москвина, пик Евгении Корженевской находится в северном отроге, а пик который мы считали пиком Корженевской, находится в южном отроге. Этот пик высотой в шесть тысяч шестьсот метров не имеет никакого названия. В отместку Евгении Корженевской мы назвали его пиком Зинаиды Крыленко.

4. Москвину удалось, наконец, подойти к немецкому Гармо, он же пик Сталина, с северо-запада почти вплотную. Определение им его местоположения совпало с немецкой и дорофеевской координатами с точностью до четверти километра, а высота оказалась по исчислению Москвина в семь тысяч шестьсот шестьдесят метров.

5. Наконец, оказалось, что имеется еще одно неисследованное пространство по ущелью Аю-джилга (Моджили) между Алтын-мазаром и ледником Мушкетова; оно должно было тоже приводить к пику Сталина. Новость и неожиданность всех этих открытий, ряд новых, возникших в связи с этим проблем,—все это поставило нас перед необходимостью поставить вопрос о еще одной, последней экспедиции для окончательного расшифрования узла Гармо. Нами были поставлены в связи с этим две основных задачи: Горбунов вместе со своей группой решил во что бы то ни стало пойти вновь по Бивачному леднику к пику Сталина и попытаться на него взойти для связи карты по обеим сторонам хребта Академии—на запад и на восток. Я лично поставил себе другую задачу. После открытия Москвина и устранения ошибочных представлений о местонахождении пика Гармо, после того, как таджикский Гармо оказался немецким Дарвазом, забота о связи двух половинок карты отпала. Карта связывалась сама собою. Гораздо важнее было взойти на точку, которую мы хотели взять,— пять тысяч триста восемьдесят метров, для проверки этой

связи, чем лезть на пик. Вот почему от этого ненужного по существу предприятия я отказался.

6. Вместо этого с Москвиным вместе мы решили пойти в 1933 году по проложенному им пути, чтобы окончательно расшифровать северный склон Петра Первого и установить:

во-первых, связь с севера на юг между ледником Фортамбек, по которому шел Москвин, и ледником Гармо по направлению к нашей стоянке в Аво-даре. Задача, которую не успел разрешить в 1932 году Москвин;

во-вторых, связь с пиком с севера на юг от ледника Фортамбек к пику Зинаиды Крыленко и леднику Гармо;

в-третьих, связь и возможность подхода тем же путем с севера к пику Сталина и отсюда через хребет Академии на ледник Федченко;

в-четвертых, связь между ледником Фортамбек через Аю-джилгу с ледником Малого Танымаса и опять к леднику Федченко.

Одновременно должны были быть проведены соответствующие геологические обследования района.

На немецкой сводной карте весь этот район помечен сплошным белым пятном с досадным знаком вопроса посередине. Это самый центр узла Гармо, самое средоточие и переплет высочайших пиков и хребтов. Расшифровать эту последнюю, оставшуюся неразгаданной часть таинственного узла Гармо поставили мы теперь своей задачей.

Как была проведена эта работа—расскажет следующая часть этой книжки.

ОПЯТЬ ПО ПРЕДГОРЬЯМ ПАМИРА

ГЛАВА I

ТЕМПЫ, ТЕМПЫ!..

17 августа

Бурно шумит река Сурхоб. Так называется здесь наша старая знакомая Муук-су. Вырвавшись из узкого скалистого ущелья хребта Петра Первого, она соединяется затем с Кзыл-су, выбегающей из Алайской долины. Около ста пятидесяти километров отделяет Гарм от места слияния обеих этих рек. Это и есть путь, который нам предстоит сейчас сделать. После слияния этих рек мы пойдем вверх уже по течению собственно Муук-су к кишлаку Девсиар, где мы стояли лагерем в 1931 году. Это будет еще около сорока километров. А затем пойдет уже участок пути от Муук-су вплоть до Алтын-мазара у ледника Федченко, вдоль хребта Петра Первого.

В этом году наша работа будет сплошь вестись по северному склону хребта Петра Первого. Мы будем атаковать неприступные вершины этого горного скалистого хребта непосредственно с севера—путем, который мы считали безнадежным и невозможным в 1931 году, но который оказался единственным для того, чтобы проникнуть в центр высокогорного узла Гармо. Именно там, около кишлака Девсиар, организована сейчас наша база, именно там ждут меня все остальные участники экспедиции, и именно туда мне необходимо возможно скорее проникнуть. Мы опять опоздали и опять спешили. Я, Стасик Ганецкий, четверо красноармейцев и двое киргиз-проводников—таков наш отряд.

Вот почему, чтобы поспеть скорее, я опять выбрал этот путь от Гарма. На путь, которым пошел основной караван, понадобилось бы не менее десяти дней, чтобы добраться от Оша до Девсиара. От Гарма же я через три дня, по опыту прошлого года, рассчитывал добраться к Девсиару по Сурхобу и Муук-су.

Большая дорога от Гарма идет правым берегом по течению реки.

Мы решили ехать по левому берегу. Дорога по этому берегу на карте не показана; была обозначена лишь тропа.

Тропа после ста километров уходила в горы от реки и через перевал спускалась к Девсиару. Этот путь, как говорили, был короче километров на двадцать или тридцать. Мы поехали тропой.

И вот уже пять часов, как мы выехали из Гарма. Пока трудно сказать—прогадали мы или нет...

Свирепо шумит Сурхоб. Его коричневые волны бегут, и пенятся, дробясь о скалы. Вся долина реки шириною километра в два сплошь пересечена отмелями и рукавами. Но около нашего берега прсходит главное русло. Тропа то забирается на каменные скалы, то бежит по зеленому косогору, то опускается вниз почти к самой воде. Узкая береговая полоска иной раз еле видна сверху, но лошади спокойно ступают над кручей, и всадники не смотрят на бушующие волны. Привыкли.

И мы не ошиблись в расчете. За целый день мы только раз остановились. Тропа вдруг оборвалась, и под копытами коня зазиял провал. Пришлось поворачивать лошадей назад, а потом, проехавши метров двести по зеленому крутому косогору над провалом, снова сводить их вниз на тропинку. Но это было единственное затруднение за целый день. Дальше Сурхоб ушел бурлить к противоположному берегу, и тропинка пошла по широким отмелям. А к вечеру дорога стала еще лучше, пошла широкой и ровной террасой.

Большие кишлаки, сплошь затопленные зеленью садов, один за другим потянулись нам навстречу. Их разделяли либо желтеющие поля ячменя, либо зеленые луга с копнами свежескошенной травы.

В одном из этих кишлаков мы решили остановиться, пройдя в первый день около семидесяти километров.

ЧЕРЕЗ ТУПЧЕК

18 августа

Кишлак Каннишбек на берегу Сурхоб. Два часа дня. Горячее азиатское солнце обжигает. От его пронизывающих лучей мы спрятались тут же, посреди улицы, под тенью двух ветвистых ветел на берегу арыка.

Мы стоим здесь уже с одиннадцати с половиной часов. Так рано стали из-за неожиданной встречи с двумя группами европейцев, что не часто бывает в этих местах.

Одной из групп оказались мои старые знакомые: уполномоченный Наркомвнешторга по сбору пушнины, ехавший с каким-то другим своим сотрудником, и Мусса, мой приятель еще по 1931 году.

Эту группу мы нагнали всего час назад неподалеку от кишлака в одном из боковых ущелий. Другую группу мы застали уже здесь в кишлаке. Это был корреспондент «Правды» т. Мануйлов в сопровождении секретаря партийного комитета Хаитского района, на территории которого мы сейчас находились. Стоянка наша поневоле затянулась...

Стах смотрится в зеркальце, которое постоянно таскает с собою. Храпит, заложивши руки под голову, красноармеец Степченко. Закутавшись с головой в шинель, готовится к очередному приступу малярии уполномоченный Наркомвнешторга. В этих местах, на всем протяжении от Сталинабада до Гарма и от Гарма до Хаита, все европейцы—сплошь малярики. Если кто не заболел, так наверняка заболеет. Опыт прошлого года научил, однако, нас многому, и мы все упорно глотаем хину каждый день—рано утром и поздно вечером. И тем не менее гарантии никакой нет: всех нас отчаянно искусают комары за время нашей стоянки в Гарме, а этого достаточно.

Под деревом сидят на корточках мальчишки-таджики и с любопытством рассматривают невиданных гостей.

Наконец первыми поднялись Мануйлов и секретарь хаитского райкома. Они стояли здесь с утра и теперь тронулись в путь. На прощанье защелкали фотоаппараты, и случайные попутчики двинулись из кишлака.

Быстро развивается советский Таджикистан.

Корреспондент «Правды» и секретарь райкома отправились в горы посмотреть недавно организованный на Тупчекском плоскогорьи большой животноводческий совхоз, насчитывающий уже несколько десятков тысяч голов. Гордость этого совхоза—гисарские овцы, чуть ли не по двенадцати пудов весу. А еще в 1931 году мы встретили на этом самом Тупчеке экспедицию Наркомзема, впервые посланную обследовать пастбища Тупчека для организации совхоза. Мы приняли тогда этих наркомземовцев за басмачей. А сейчас совхоз уже организован, и совхозные стада пасутся на полях Тупчека.

Мы выехали около трех часов из кишлака и тронулись сначала над самой рекой, по широкой отмели, поросшей кое-где зеленым кустарником. По карте через час с небольшим мы должны были встретить два кишлака—Уайтиль № 1 и Уайтиль № 2. Около этих кишлаков должен был нас догнать Мусса, согласившийся ехать с нами, чтобы показать дальше дорогу. После этих кишлаков тропинка должна была углубиться в сторону в горные пастбища Тупчека.

Мы действительно через час подъехали к первым кишлакам. Мы проехали оба кишлака, и дорога резко повернула в горы. Зато другая тропинка продолжала бежать вдоль реки.

На повороте наш отряд остановился. Ехать вперед, не зная дороги, было опасно; повернуть в горы—значило заведомо удлинить наш путь. Нам навстречу подымался старик-таджик.

— Иол якши?—спросил я его, показывая на тропинку, уходившую в горы.

— Якши, якши!

— Иол яман?—повторил я свой вопрос, указывая камной¹ на тропинку, спускавшуюся к реке.

— Яман, яман (худой, скверный),—вновь подтвердил старик.—Су яман (вода нехороша, или много воды).

Мы повернули наверх. Это был первый большой перевал, который приходилось брать, бесснежный и с хорошо

¹ Камча—нагайка.

проработанной тропой, но тем не менее трудный и утомительный. Тропа упорно загзагом подымалась все выше и выше. Даже привычные к горным переходам крепкие красноармейские лошади скоро выдохлись и стали отставать. Пришлось слезть с коней.

Направо за зелеными холмами поднялись уже каменные скалы, и за ними вдалеке заблестали первые снежные вершины.

Тупчек был высокогорной равниной. Снежные вершины принадлежали уже отрогам хребта Петра Первого.

Наконец мои спутники поднялись тоже. Крепче и лучше всех чувствовали себя киргизы. Две красноармейских лошади отказывались итти. Один красноармеец также выбывал из строя. Очередная жертва малярии, он еле мог сидеть в седле от высокой температуры. К вечеру он свалится совсем.

Но до заката солнца было еще часа полтора, и их нужно было использовать.

Скоро мы натолкнулись на первые киргизские юрты. Это уже было царство гор. Не только одним животноводством занималось население в горах. Три или четыре юрты были разбросаны на полянке. Между ними на довольно большом пространстве было уставлено не менее двух сотен глиняных горшков. Перед нами было гончарное производство кустарного характера, большая гончарная горная мастерская.

Две лохматые собаки с громким лаем бросились на нас, норовя укусить за ноги наших лошадей. Из юрт навстречу вышли две женщины. Мужчин-киргиз не было. Товарищи предложили мне стать здесь на ночь, благо тут можно было достать дров и молока.

Справившись о том, может ли ехать наш больной, я решил все же двигаться дальше до Яшик-куля—большого горного озера, на берегу которого мы думали остановиться.

Мы не доехали до Яшик-куля. Через час стемнело. Мы ехали по едва заметной тропинке среди бесконечных холмов и лощин Тупчека. Больной красноармеец Горев и другой красноармеец Кульдишеров, лошадь которого совсем почти отказалась итти, скоро отстали от нас. В этих условиях нужно было во что бы то ни стало отыскать

Озеро Яшик-куль в горах кочевой Киргизии на высоте 3 500 метров.

ночлег. Но кругом не было ни намека на деревцо, не было и воды. Рискую окончательно растерять друг друга, мы разослали в разные стороны проводников-киргиз с заданием во что бы то ни стало найти киргизское становище. Только к восьми часам вечера, уже в темноте, нам удалось на него наткнуться в верховьях речонки Джайланды. Стоянку мы разыскали по бляению баранов и лаю собак. На этот раз это было довольно большое становище, по меньшей мере в десяток юрт. И, как всегда бывает в горах, мы встретили радушный прием. Хозяева сейчас же притащили и разостлали для нас войлочные кошмы, подушки и одеяла, а рядом запылал большой костер.

Первым делом мы снарядили гонца за отставшими товарищами. И только после этого сели за обед.

Снова, как и в прежние экспедиции, загорелись над головою звезды. Снова, как и прежде, мы легли спать среди юрт на высоте трех с половиной тысяч метров. И снова тихо все кругом. Только черной тенью шагает вокруг спящих караульный и, позевывая, поглядывает на звезды...

Экспедиционный быт полностью вступил в свои права.

Мы познакомились ближе со своими хозяевами на следующее утро. Видимо, они были из зажиточных, если не больше. Хозяйка-марджа (жена), в пестром яркокрасном платье до пят, с большими серебряными и оловянными бляхами на груди, с длинными косами с хвостиками из черных ниток и каким-то цветным тюрбаном на голове, принесла нам утром айран (молоко). Другие были одеты более скромно. Но лишь с большим трудом добился я разрешения сфотографировать марджу. Наоборот, хозяин не возражал против того, чтобы запечатлели его физиономию.

С раннего утра мы двинулись дальше. Мне думалось часам к двенадцати, самое большее к двум уже добраться до Девсиара. Дорога должна была все время итти по горным пастбищам, а потом снова спускаться вниз к реке. Трудностей, таким образом, можно было рассчитывать не встретить. Лишь бы только скорее добраться до Яшик-куля, после которого холмы должны были совсем прекратиться и начаться совершенно ровное плато.

Но к Яшик-кулю мы добрались только через два часа, и только к одиннадцати часам выехали на равнину.

Яшик-куль поразительно красив. Горное озеро, иссиня-голубое, сжатое высокими холмами, как бы заброшено сюда какой-то случайной прихотью судьбы. Вода удивительно прозрачна, на дне можно видеть каждый камешек. От берега дно шло, быстро и ровно понижаясь; соответственно менялся и цвет воды. Такие озера часто встречаются в горах, но Яшик-куль поражал своими размерами. Если верить глазам, не меньше полкилометра, а то и больше достигал он в диаметре. Нам пришлось объехать его почти весь, пока тропинка через небольшую лощину вывела на плато, или собственно Тупчек.

Мы знали это плато. В 1931 году мы выехали на него после того, как ночевали на берегу реки Вейдзирк, где утром нас разбудило землетрясение. Я узнал теперь и это плато, и разбросанные кучки юрт, и основное направление дороги. Одно время, правда, мелькнуло сомнение: а не

следует ли пересечь равнину поперек, вместо того чтобы ехать прямо на восток по равнине, как вела дорога? Направо виднелась кучка юрт, и по памяти казалось, что именно в этом направлении мы поехали в 1931 году. Но ехать по памяти я не решился, а основная дорога ясно шла вдоль равнины.

Через два часа мы проехали равнину и углубились снова в надвигающуюся цепь холмов. Это означало, что мы проехали не меньше десяти-двенадцати километров. А это в свою очередь означало, что мы поехали не той дорогой, которой ехали когда-то, в 1931 году. Но сбиться было невозможно. Дорога была только одна, та, которой мы ехали. И все же это была не та дорога. Та была гораздо короче, а эта шла в обход.

В особенности нам это стало ясно, когда, проехавши еще час, мы увидели перед собой внезапно еще одно озеро. Никакого второго озера в 1931 году мы не видали. На карте дорога проходила вдоль озера под названием Кош-куль, но был ли это на самом деле Кош-куль,—мы тоже не знали. Расчет добраться до Девсиара к двенадцати часам оказывался явно неверным. Шел уже первый час.

У озера опять чернели киргизские юрты, и мы снова повернули к ним, чтобы отдохнуть и накормить коней. Напрасные надежды. Трава кругом была вся выжжена солнцем, а у озера рос только жесткий тростник.

Двинулись дальше. Дорога была совершенно незнакома, а карте я уже больше не верил.

Примерно через два часа мы по узкой тропинке вышли в большое ущелье, сплошь заросшее мелким кустарником и лесом. На дне ущелья бежал бурный горный ручей. Над скалами поднялись снежные вершины и заблестали ледники... Мы со Стахом сразу узнали теперь, где мы находимся: это было то самое ущелье реки Дивоны, в которое мы выехали в 1931 году с Тупчека. Оно должно было нас вывести по Дивоне прямо к Муук-су, но западнее Девсиара и даже западнее кишлака Муук, где нами был поставлен два года тому назад астрономический пункт. От этого ущелья до спуска к Муук-су нас разделял еще один большой высокий перевал с хорошо проработанной горной тропой.

На живописной лужайке, на берегу реки сели отдох-

нуть. Отсюда до Муука оставалось не больше полутора часов езды.

На вершине Муукского перевала все снова собрались. Повторилась опять вчерашняя картина. Теперь уже двух красноармейцев трепала малярия. И снова две лошади категорически отказались итти после тяжелого подъема. В конце концов, оставив больных отлеживаться, мы вчетвером—я, Стах и два киргиза-проводника—отправились к видневшемуся уже внизу Мууку: устраивать ночевку и искать своих. От Муука до Девсиара было каких-нибудь четыре километра, или полчаса езды. А в Девсиаре должны были нас ждать наши. Знакомая тропинка вьется и бежит с гор все ниже и ниже к кишлачку, разбросанному на ровной террасе. Терраса падает к Муук-су крутым обрывом. Вправо уже виден Девсиар.

Вот сбоку на скале поднялся наш астропункт. Он цел и невредим, несмотря на истекшие два года. И мы уже едем по узеньким улочкам Муука.

Оставивши наших проводников в Мууке, мы поручили им найти вакиля—члена совета, уполномоченного по кишлаку, с просьбой приготовить нам ночлег. Пришпорив лошадей, мы поскакали со Стахом в Девсиар.

В Девсиаре едва ли двадцать глиняных избушек. Найти своих будет очень легко. Навстречу из халуп выглядывают таджики.

— Бар урус-адам? (русские есть?)

Один из таджиков, крепкий и здоровый малый с курчавой бородой, выходит навстречу.

— Иок (нет, никого нет).

— Как нет? Здесь же должны быть русские.

— Иок.

— А караван бар?

— Караван иок.

— Где же он?

— Ушел.

— Куда?

— На Сагран.—И он машает рукой по направлению к горам.

— Весь ушел? А Вася, а Петька?

Таджик радостно кивает головой.

— Вася бар, Петька бар.

Ну, наконец-то договорились.
— А где же остальные? А Бархаш?
— Бархаш бар.
Оказывается, он всех знает.
— Но где же они?
— Ушли в Сагран.
Вот так-так? Значит, никого нет, значит, стоянки нет?
Где же мы будем их искать?

Стах тут вспоминает: Бархаш ему говорил, что в случае, если мы не найдем базы в самом Девсиаре, это значит, что она не дальше трех-четырёх часов езды. Но три-четыре часа езды—это только так говорится, а сейчас уже седьмой час вечера.

И мы опять пытаемся расспрашивать таджиков. Мало-по-малу выясняется, что не все русские ушли в Сагрэн, часть вместе с Васей (это наш зэвхоз) и всем караваном ушла почему-то обратно в Дараут-курган, причем оставили у этого таджика два мешка арпы (ячменя). Это самое необходимое сейчас для наших кавалерийских лошадей. Мы не можем держать их все время на одной траве.

В Девсиаре нам больше делать нечего, и мы возвращаемся назад в Муук, где застаем своих всех в сборе. Тем-временем они устроились уже на ночь в мечети, куда их отвел вакиль. От вакиля узнаем, что тут же в Мууке стоит добровольческий отряд Валтабая. Начальник сейчас куда-то уехал и придет к нам завтра утром.

Отложив всякие дальнейшие попечения на завтра, мы идем спать. Намеченный план мы выполнили полностью. За три дня мы покрыли сто восемьдесят километров. Не наша вина, что мы не нашли своих в Девсиаре. Мы сделали все, что могли.

ГЛАВА III

ПО МУУК-СУ

20 августа

Мечеть, где мы устроились на ночь, была обыкновенным, типичным для маленьких кишлачков деревянным домиком

с глиняной терраской под навесом, с четырьмя деревянными столбами. С террасы в глубь мечети шли две дверцы в молитвенное помещение.

На террасе мы расположились отдыхать на кошмах, которые любезно притащили нам хозяева. Насекомых оказалось в кошмах немного.

Маленький дождь начал было накрапывать, но скоро прошел, и звездная ночь снова опустилась над нами.

А утром началась обычная история. Во-первых, таджики, обещавшие прислать нам двух вьючных лошадей, вовсе не были настроены подыматься чуть свет. Во-вторых, лошадей нужно было ковать. И только часам к девяти они оказались приведенными в надлежащий порядок.

Тем временем объявилась новая напасть. У моей лошади и у лошади Стаха оказались набитыми спины. Ехать на них было невозможно. Пришлось доставать еще двух лошадей. Во всем этом нам помог приехавший утром провожать нас начальник добровольческого отряда т. Валтабай.

За утро мы выяснили, что наши стоят в Сагранском ущельи. Это означало пройти километров пятнадцать и одолеть еще один большой, тяжелый перевал.

Сагран, как и все реки северного склона, впадал в Муук-су почти совершенно непроходимым, узким скалистым ущельем. Чтобы попасть в Сагран, нужно было сначала окольной тропкой подняться на боковой отрог хребта до четырех тысяч метров высоты и затем спуститься до двух тысяч семисот метров. На все это, по опыту 1931 года, должно было потребоваться не меньше четырех-пяти часов.

Через полчаса после выезда мы уже были в Девсиаре и проезжали место нашей бывшей базы 1931 года.

Не люблю я проезжать места старых стоянок. Грустно видеть пустыню там, где когда-то стояли палатки и кипела бодрая походная жизнь. Вспоминаются знакомые лица, шутки, смех. А теперь все пусто. Только желтые листья покрывают землю да кучки старого высохшего конского помета.

Вот большой камень около стоянки 1931 года. В последний день отъезда на нем была сделана мною надпись: «База № 2». От надписи тоже ничего не осталось.

Типы кочевых киргиз. Богатая киргизка.

Скоро начался самый подъем.

Моя маленькая лошаденка, несмотря на свой невзрачный вид, сначала шагала наверх довольно бодро. Но так как подъем становился все круче, пришлось слезть и дальше подыматься уже пешком.

И опять перед глазами встали картины прошлого. Вот роца низкорослых сосен, где мы прощались с товарищами, отправляясь в еще совершенно нам неведомое Сагранское ущелье. Мы уходили примерно на двадцать дней и не знали, куда мы попадем. Это было давно, целых два года назад. Зато теперь мы знали дорогу очень хорошо.

На самом гребне перевала стояли каменные летовки. Когда-то нас там встретили с айраном их обитатели, — теперь летовки были пусты.

Наверху я решил дожждаться только Стаха и нашего проводника. Две красноармейских лошади, измученные тяжелой трехдневной гонкой, опять отказались подыматься. Их буквально приходилось тащить на веревке. С красноармейцем Горевым начинался очередной припадок малярии, он тоже еле шел.

— Урус кибитка,—обратился ко мне вдруг проводник, указывая вниз.

— Где урус кибитка?

Он снова показывал камчой вниз.

На зеленой лужайке, на террасе, высоко поднявшейся над пенящимся в теснинах Саграном, виднелось несколько белых пятнышек—одно побольше, другие—поменьше, всего три или четыре.

Это действительно были палатки. Но до них было около восьмисот метров крутого спуска.

Пыль клубилась под ногами. Ветви можжевельника хлестали в лицо. Лошадь на особенно крутых местах упрямылась и не хотела ни за что двигаться вперед.

«Куда тебя несет!»—казалось, говорили ее умные глаза.

Спустившись, мы погнали лошадей изо всех сил по узенькой тропинке к лагерю, к палаткам.

Вот над кустом впереди поднялся шест, и на нем затрепыхался красный флаг.

Из средней палатки навстречу нам выбежало двое, но только двое. Кто они?

Это Мамаджан—наш знаменитый повар, наш профессор кулинарного искусства в горах Памира, участник наших экспедиций 1930, 1931 и 1932 годов. Его широкое лицо улыбается, сияет. Он с радостью пожимает мои руки и чуть ли не готов расцеловать нас всех.

Другой—один из караванщиков, тоже киргиз, тоже старый знакомый.

Но где же остальные? где «наши»? где «европейцы»? Где Бархаш, где Арик Поляков, где Воробьев и остальные? Почему они не встречают нас?

— Никого нет, они ушли,—говорит Мамаджан.

Часть альпинистов—Воробьев, Ходакевич, Недокладов, инженер-геолог Москвин и его группа—ушла давно-давно в ущелье Фортамбек—на базу № 2—около двух дней пути отсюда, а Бархаш, Арик Поляков и альпинист Церетелли ушли только сегодня утром, всего два часа тому назад.

— Куда ушли? Почему ушли, почему не дождались?

— Не знаю. Они ушли утром вверх по ущелью Сагран

и заявили, что они хотят пройти через горы первым боковым ущельем прямо на вторую базу в ущелье Фортамбек. Они думают туда притти дней через десять, если же они не найдут дороги, то обещали вернуться назад сюда, на сагранскую базу, но не раньше чем через шесть дней.

— Ничего не понимаю. Почему же не дождались? Они же знали, что мы приедем.

На это Мамаджан мог ответить лишь одно:

— Так сказал Бархаш.

— А где же Вася Рубинский—хозяйственный начальник каравана? Где Петя Жерденко? Они-то должны здесь быть, как ведающие тылом и обозом.

— Рубинский уехал с порожним караваном назад в Дараут-курган завозить оставленный там ячмень и провиант, а Петя Жерденко отправился тоже на вторую базу.

Оказалось, что Муук-су размыла дорогу, которая была проложена нашими ребятами вдоль реки по направлению к ущелью Фортамбек, и одиннадцать лошадей застряли на той стороне у размытого места. Лошади уже семь дней без пищи. Их нужно было выручать и восстановить дорогу. Туда и поехал Петя.

Все эти новости были так неожиданны и так неприятны...

Что же это? Торопились-торопились, а нас не могли подождать и двух часов? Ведь знал же Бархаш, что последний срок моего приезда было двадцатое число, а сегодня как раз двадцатое. А если бы мы утром так долго не канителились, мы прибыли бы часа на три-четыре раньше и еще всех бы застали.

— Тьфу, какая досада!

Но что поделаешь! До завтрашнего дня во всяком случае необходимо подождать, тем более, что и моих парней еще нет. А догонять Бархаша не было никакого смысла. За четыре часа он мог уйти вверх по ущелью километров восемь-десять, и найти их ночную стоянку было бы нелегко. Да и зачем же их понесло в первое боковое ущелье?

«Не понимаю,—думал я,—зачем ему итти вверх по Саграну, чтобы повернуть налево. Ну, если бы еще итти

последним боковым ущельем, которое мы не успели обследовать в 1931 году, тогда можно бы попытаться проникнуть в верховья ледников Гандо-Турамыс, но итти в первое боковое ущелье... Не понимаю.

Но Мамаджан уверял, что Бархаш должен был повернуть именно в первое боковое ущелье.

— Ну, где располагаться прикажешь?—спросил я Мамаджана.

— А где хотите, все палатки свободные.

— Ладно.

Я выбрал маленькую палатку, стоявшую на самом краю террасы.

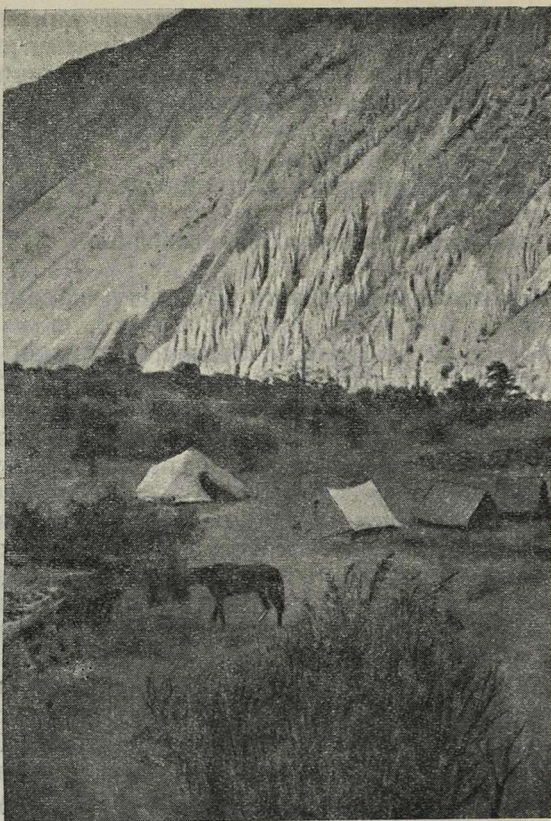
Мы быстро перетасили со Стахом туда наши вещи и стали ждать остальных. Но первые трое красноармейцев прибыли только в четыре часа дня, а последние двое только в шесть часов. Горев два битых часа отлеживался на перевальном пункте в очередном приступе малярии.

Чтобы нас хотя чем-нибудь утешить, Мамаджан постарался накормить нас как следует: и мясом, и прекрасным супом, и своими знаменитыми пирожками с рисом.

21 августа

Сагранское ущелье—это длинный-длинный и довольно широкий коридор между двумя крутыми, скалистыми хребтами. На дне этого коридора бежит ручей. От реки поднимаются с обеих сторон почти на сто метров каменные скалы. Широкие зеленые террасы тянутся вдоль ущелья, то доходя до двухсот метров в ширину, то почти совершенно исчезая. В таких местах боковые склоны представляют собою почти отвесную кручу. Они уходят в высь еще на километр, а то и больше. В верхней части склонов нет уже никакой растительности, даже травы там нет, одни только голые скалы.

Хорош Сагран рано утром, когда солнечные лучи начинают заливать своим светом высокие каменные утесы и далекие снежные горы. Хорош Сагран в яркий полдень, когда жаркое солнце обжигает камни своими лучами и бездонное небо улыбается прекрасной синевой. Хорош Сагран, наконец, и ночью, когда мириады звезд запол-

База экспедиции в ущельи реки Сагран.

няют небо и когда луна серебрит камни, а теплый ветерок еле колышет веточки дерев...

Сагранское ущелье идет прямо на юг. Его замыкает снежная цепь гор. Там, у этой снежной цепи, направо идет Пеший перевал. Налево Сагранский ледник загибает куда-то на восток в глубь горного узла к системам ледников Гармо и Гандо.

До поворота этого ледника на восток слева выходят еще два ледника и заваливают своими массами ущелье.

До ближайшего ледника, мы знаем, не больше двух часов ходьбы. Дальше опять пойдут ущелье, террасы, пока новая масса льда не заполнит все корыто между скалами основного Сагранского ледника. Все эти картины нам давно известны.

И мы любим наш Сагран. Мы его любим, может быть, именно потому, что так хорошо его знаем. А теперь он будет «нашим» целых два месяца. Это будет наш дом, наша основная, постоянная база.

Еще одну неприятную новость сообщил нам Мамаджан. Бархаш таки ждал нас. Поэтому перед тем, как уйти, он послал нам навстречу подробное изложение своего плана работы. Но он послал человека по правой стороне Муук-су, по большой дороге, а мы поехали по левой стороне. Посланный разминулся с нами. Таким образом, даже записки с изложением плана Бархаша не было в наших руках.

Наутро заболел малярией еще один из красноармейцев. Это был уже третий. Гармские подарки давали себя знать.

Мы решили со Стахом переждать еще один день, чтобы дожждаться караванщика, который ушел с Бархашом, и Петю. У них мы могли выяснить что-нибудь более точно.

К десяти утра действительно вернулся караванщик. То, что он сообщил, погрузило нас в еще большую досаду и уныние.

Во-первых, оказалось, что Бархаш, Арик Поляков и Церетелли видели нас, когда мы спускались вниз к лагерю с перевала, т. е. они видели какие-то движущиеся фигурки, показавшиеся наверху перевала, и спорили, — мы это или не мы, почему-то решили, что это не мы, и ушли дальше.

Во-вторых, караванщик сообщил нам, что он проводил Бархаша действительно только до первого бокового ущелья и затем вернулся. Куда пошел Бархаш — он не знал и записки тоже никакой не принес.

Мы решили тогда ждать Петю. Петя приехал к двенадцати часам, но и Петя мало чем мог нас порадовать. Все, что он знал, сводилось к следующему:

Воробьев с альпинистами и Москвин с геологами,

прибывши сюда на базу, в начале августа действительно поработали немало. Основная работа их заключалась в прокладывании дороги вверх по течению Муук-су до Фортамбекского ущелья, с которого мы предполагали начать свою исследовательскую работу. На прокладывание дороги у них ушло хороших десять дней. Базу № 2 они организовали у самого выхода Фортамбекского ущелья. Итти туда нужно было два дня, так как в пути приходилось перебираться еще через одну боковую речку — Хадыршу. Эту речонку можно было перейти только рано утром, когда было меньше воды, — днем она была непроходима.

У Хадырши поневоле приходилось ночевать.

Сам Петя не был еще на второй базе. Он все время занимался снаряжением и транспортированием туда грузов. Дней семь назад произошло на счастье: в одном месте, где они проложили тропку по берегу Муук-су, у самой воды, прошел так называемый «силь», или поток камней, мусора и грязи, иногда вдруг прорывающийся из ущелья и несущийся в реку. Этот поток бывает так силен, что заставляет реку изменять русло. Так было и в этом случае. Река переменяла русло, сильным напором ударила в берег, где была проложена тропа, и смыла громаднейший кусок в несколько сажений. Проложить новую тропку по верху удалось только пешеходную. Берег был слишком крут, и поднимать лошадей было невозможно. Поэтому теперь приходилось до размытого места ехать на лошадях, а потом тащить груз на себе до базы. Все это чрезвычайно замедляло переброску груза. Лошадей Пете удалось кое-как перевести, и они теперь ждали его в ущельи Хадырши на той стороне.

Воробьев, по его словам, намерен был на-днях отправиться, а может быть, уже отправился с базы № 2 вверх по Фортамбекскому ущелью для организации базы № 3, уже непосредственно в полосе вечных льдов, тоже днях в двух пути от второй базы.

Петя не знал, ушел ли Воробьев или еще на базе.

При таких условиях мы решили завтра же выступить. Решили выйти утром и двигаться всем вместе к базе № 2.

Вечер ушел на разбор нашего барахла, отбор того, что

пойдет с нами в дорогу. Остальное было тщательно уложено в тюки и спрятано в палатки.

С нами решили идти, кроме меня со Стахом, Петя, один караванщик и два красноармейца: старший Степченко и еще один. Остальные решили остаться.

На всякий случай я распорядился организовать ночной караул. Место было все-таки глухое, а наша база представляла собою заманчивую приманку для бандитов. Они могли быть вблизи и на нас напасть. Что на базе мало народа, это им было прекрасно известно.

22 августа

Для того, чтобы добраться до ущелья Фортамбек, мы должны были сначала выбраться из Сагранского ущелья. Для этого в свою очередь нужно было сначала перейти Сагран.

Спуск к реке шел по очень крутой тропинке, между каменных утесов и деревьев. Почти пятидесятиметровый спуск приводил к месту, где две скалы с противоположных берегов реки подходили друг к другу почти вплотную. Щель между ними была не больше метра. Через эту щель был переброшен десяток толстых сучьев, а на них навалена земля. Это был мост.

Оба утеса были совершенно отвесные и уходили вниз на сорок метров. Стоя на мосту, едва-едва можно было рассмотреть шумевшую в этой каменной щели реку.

После моста дорога разветвлялась: одна тропка шла по ущелью к Пешему перевалу, куда ушел Бархаш с товарищами, другая поворачивала налево к выходу из ущелья в долину Муук-су.

Но раньше чем выбраться к Муук-су, нужно было пройти не менее двух километров по крутой осыпи, по песку и гальке, где тропинка вилась по крутому склону под углом градусов в шестьдесят. Тропинка была шириною не больше полуметра. В двух местах скалы выступали из осыпи и делали дорогу невозможной. В этих местах были проложены овринги, т. е. искусственные тропы в виде настила из деревянных жердей, покрытых дерном. Итти тут было очень опасно, особенно плохо было с нагруженными лошадьми, — они не умещались на узкой тропе. В этих местах лошадей приходилось развьючивать, пере-

водить их без груза, груз перетаскивать на людях и потом снова навьючивать на лошадей. Такие места встречались два раза. Река все время находилась в каменистом каньоне. На высоте до трех тысяч метров тропинка переваливала через боковой склон, поворачивала вниз и спускалась по сравнительно пологому зеленому склону среди деревьев и лужаек к самой Муук-су. Там опять начинались голые скалы, пока тропинка не подходила к самой реке.

Таков был путь из Сагранского ущелья. В особенности много времени отняли развьючка и переноска багажа через овринги.

Я далеко ушел вперед и оказался у Муук-су тогда, когда товарищи еще не взобрались на перевал.

Река бурлила теперь внизу прямо подо мною. Она была страшна, эта Муук-су, несмотря на то, что шла уже вторая половина августа. Громадные шоколадного цвета волны катились, гнались друг за другом, бились и пенились в скалах. С той стороны реки подымалась такая же каменная стена, и на ней простиралась большая зеленая терраса. Кое-где на этой террасе желтели ячменные поля, а в самой глубине ее виден был маленький кишлак всего в несколько избышек. Это был кишлачок Хаджи-тау, тот самый, откуда происходил знаменитый басмач Азям.

Когда-то против Хаджи-тау через Муук-су был перекинут мост. Теперь только жалкие обломки его торчали над бешено мчавшейся рекой. Азям, отступая от преследовавших его пограничных частей, сжег все мосты через Муук-су, кроме большого Девсиарского моста, которого он не успел тронуть. В этих диких ущельях он был как у себя дома и держался в них в свое время прочно.

Я наконец заметил наших, спускавшихся со склона по тропинке, и снова пошел вперед. Недолго, однако, пришлось идти по берегу реки. Снова поднялись из воды отвесные стены. На этот раз они были не каменные, а из твердого песчаника, почти глины. На этой отвесной стенке тропинка суживалась почти до четверти метра. Здесь, видно, опять придется развьючивать лошадей.

В одном особенно крутом месте стенка образовывала как бы карниз над головой. Под таким карнизом приходилось идти. Из стены бежали ручейки, и на тропинке была грязь и лужи. А когда крутая стенка кончилась,

дальше уходили в воду уже отвесные каменные скалы, по которым не было никакой возможности проложить тропу. Пришлось опять лезть вверх.

Потом опять началась длинная-длинная осыпь, такая же крутая, с той только разницей, что она была не из твердого песчаника, а из мягкого песка и мелких камней. В наиболее сыпучих местах тропинка тут суживалась до ладони. Нога, однако, уходила в этот песок глубоко, и идти можно было совершенно спокойно.

А когда осыпь кончилась, началась снова большая широкая терраса, покрытая прекрасной травой.

Впереди виднелось первое боковое ущелье. Это было ущелье реки Иргай, еще одной реки до Хадырши, где у нас была намечена ночевка. Это было глубокое каменистое ущелье с головокружительным спуском. Как тут проходили лошади—я до сих пор не представляю. Между тем они тут проходили, потому что конский помет лежал почти повсюду, и на песке отчетливо были видны следы подков.

Был уже второй час дня, — пора было отдохнуть и перекусить. Я дождался своих приблизительно через час.

Теперь уже оставалось, по словам Пети, недалеко. Нужно было только взять еще один большой перевал через боковой отрог перед тем, как спуститься в долину Хадырши. Прямо проникнуть в долину Хадырши, так же, как в долину Саграна и долину Фортамбек, было невозможно. Все эти реки бежали к Муук-су в неприступных скалистых ущельях.

Огромная стая куропаток вырвалась из-под ног. Они, видно, были завсегдатаями этих лощин и, не пуганые, опустились тут же рядом. Хотя двустволка была со мною, без собаки бродить за ними под палящими лучами солнца не хотелось, и я решил их не преследовать, тем более, что начался подъем, и, как оказалось, не маленький. Тропа шла вверх по камням, по песку, по скалам. Хороших часа два нужно было убить, пока взберешься на перевал.

Но вот и Хадырша. Тропинка повернула вниз и побежала по правому склону в глубь ущелья. Самое ущелье приятно манило густой зеленью деревьев и пастбищ. В особен-

Переход по крутой осыпи с грузом.

ности они были хороши с той стороны реки. Ущелье замыкала огромная ледяная стена, почти совершенно отвесная, из-под которой, из ледяной темной пещеры выбегала река. Лед был весь темный от камней и грязи. Далеко в глубине ущелья блестели на заходящем солнце снежные цепи гор. Вверху они замыкали ущелье ровным полукругом, но снизу были видны только их вершины, — ничего конкретного ни о строении ущелья за ледяной стеной, ни о характере и строении ледника или его длине снизу нельзя было узнать.

Вот тропинка спустилась совсем к реке. Река бурлила двумя рукавами. Переправиться через них можно было только верхом, и то с некоторым риском.

У большого камня на берегу реки валялись пустые банки из-под консервов и поленья потухшего костра. Видно было, что именно здесь останавливались наши ребята на ночевку. Здесь придется ночевать и нам.

Наши опять подошли только через час, опять с новыми

неприятными вестями. На этот раз заболел еще один красноармеец; это был четвертый из пяти. Его сильно знобило, лихорадило и тошнило.

Караванщики с лошадьми ждали нас по ту сторону реки. На крик Пети они показались из землянок, но до утра мы так и остались разъединенные рекой. Переправляться решили завтра чуть свет.

23 августа

Переправа через Хадыршу оказалась трудной. Несмотря на раннее утро, воды было достаточно. Петя нашел узкое место, где можно было перепрыгнуть с камня на камень. Перебравшись, он приволок толстую жердь и перебросил ее через реку. По этой жерди все прошли. Я предпочел все-таки переехать реку верхом.

Двоих из наших мы решили отправить назад: одного караванщика и заболевшего красноармейца. Вперед пошли теперь пять человек: я, Стах, Петя, красноармеец Степченко и один караванщик, при тех же двух лошадях.

И вот мы снова в ущельи Муук-су, а через час уже подошли к промытому месту.

Экая досада! Всего-то-навсего река промыла не больше двух-трех метров тропинки. Но вода бурлила тут с такой силой, что не было никакого смысла спускаться. Река вообще была тут ужасно свирепа.

Дальше лошади не могли итти. Теперь приходилось вьюк брать на плечи и тащить на себе.

Пока развьючивали лошадей и разбирали грузы, я знакомился с путем, предстоящим нам после крутого подъема. В одном месте нужно было итти по маленькому карнизу, под скалой. Тут не только лошадь, но и ишак не пройдет. Дальше — опять крутая осыпь. Но итти надо.

По карнизу прошли с большим трудом, по осыпи итти было немного легче. Как на зло, она тянулась очень долго, пока снова не перешла в широкую террасу, и наконец впереди затемнел выход Фортамбекского ущелья.

По словам Пети, отсюда было не больше пяти километров. Можно было надеяться попасть туда легко через час-

полтора. Но на самом же деле, как это часто бывает в горах, оказалось и дальше и труднее.

На дороге встретилась еще одна речка—Алтан-казы. Было двенадцать часов дня, и она уже разбушевалась. Переправу мы нашли и переправились, но Петя, прыгая, поскользнулся и угодил по пояс в воду; выкарабкался совсем мокрым.

Дальше опять пошли вдоль реки, по широкому отлогому берегу, среди зеленых кустов, но скоро тропинка снова поднялась по скалам, и ущелье реки сделалось жутким и страшным. С обеих сторон стояли теперь отвесные утесы, исключавшие всякую возможность итти у самой реки.

Мы поднялись опять и шли по верхней террасе, а когда прошли ее—началось сплошное нагромождение скал.

Вскоре путь нам перерезало еще одно боковое ущелье. Спускаться вниз пришлось по такой же головокружительной круче, как к Иргаю. А потом скалы пошли уже сплошной массой до самого Фортамбекского ущелья.

Обогнув два больших каменных утеса, тропинка повернула к самому Фортамбеку и наконец подвела прямо к ущелью.

Как и в Сагране, только еще более страшные, подымались с обеих сторон ущелья утесы, и еще более бешеный, чем Сагран, шумел внизу Фортамбек, и такой же, как и там, трепещущий таджикский мостик без перил соединял оба крутых выступа ущелья.

По словам Пети, база № 2 должна быть расположена тут же рядом, сейчас же за мостом.

Я быстро перешел мост. Остальные опять отстали.

За мостиком шла небольшая каменная площадка. Но базы на ней никакой не было. Правда, под большим камнем я заметил какие-то брошенные деревянные ящики. Их было несколько, они были все поломаны и лежали, видимо, как приготовленное топливо. Но базы не было. Не было и следов жилья.

Впереди—другая большая площадка, покрытая песком и огражденная со всех сторон каменными громадами. Там, вероятно, база...

Снова никого. И на этот раз никаких следов жилья. Даже песок не тронут.

Но где же в таком случае база? Я вынул револьвер и выстрелил два раза. Полное молчание было ответом.

Снова вернулся назад и внимательнейшим образом осмотрел первую площадку. Никакой записки нет, нет даже каменной пирамидки, которую обычно мы ставим, чтобы показать пройденный путь.

Я был один. Наши, видимо, застряли сзади с грузом. Чтобы не терять времени, я решил все-таки отыскать базу.

От каменной площадки шли две тропки—одна дальше вверх по Муук-су, по направлению к Алтын-мазару,—туда нам не нужно было идти, другая—в глубь ущелья, по левой стороне. По этой тропке я и решил идти.

Я шел по крайней мере сорок минут. Тропинка бежала дальше и дальше. Иногда на ней попадались свежие следы ишаков, а иногда и человека. Иногда отчетливо виднелись следы альпийских ботинок, а людей все-таки не было. Я прошел одну площадку, другую, третью—никого!

Километра два прошел я уже в глубь ущелья и когда совсем потерял надежду кого-либо найти, вдруг заметил впереди спокойно кормившегося ишака.

Если есть ишак,—значит есть и люди! Я вынул револьвер и снова выстрелил. Опять полное молчание. Ишак тоже не обеспокоился.

Подойдя ближе, я увидел, что тут не один, а целых три ишака. Они были развьючены, и вьючные седла лежали тут же под деревом, но людей все не было.

Тропинка теперь резко поворачивала вниз к реке. Пробежав несколько сажень, она вдруг обрывалась так круто, что спускаться, как мне казалось, можно было только на руках. Не может быть, чтоб это был спуск? Но другого спуска нигде видно не было.

Недоумевая, что же это все значит и где же люди, я снова выстрелил. И тут только я заметил на противоположном берегу ущелья, глубоко внизу, каменную площадку. На ней стоял человек. Голый, в одних трусах, он был буквально темнобронзового цвета. Любой индеец мог бы позавидовать его окраске.

Приложивши руку к глазам, он рассматривал меня снизу, видимо удивляясь, что это за субъект и почему он открывает пальбу! Я выстрелил еще раз. «Индеец» бро-

сился вниз, и тут я увидел, что внизу через бешено мчащуюся реку был переход. Не обычный мост, а огромнейший тысячепудовый камень перегораживал ущелье, и под ним бился в белой пене Фортамбек. Пробравшись по камню на мою сторону, человек пробежал по осыпи и так-таки на руках поднялся по скале ко мне.

— Николай Васильевич?—спросил он.

— Ну да, а вы кто?

— А я Ходакевич.

— А где остальные, куда все вы забрались, чорт вас возьми! Почему не на базе?

— Базу № 2 мы сегодня сняли и все ушли дальше. Мы перенесли базу по эту сторону, минут пятнадцать ходу отсюда, там хороший лес.

— А почему же записки там не оставили, не написали, что ушли.

— А уж этого я не знаю.

— А где же остальные?

— Все там.

— А вы что делаете?

— А я барахло берегу тут на азымовской стоянке.

— На какой азымовской стоянке?

— А это азымовская стоянка раньше была, а этот мост Азым соорудил, чтобы перейти реку. Киргизы рассказывали, что он взорвал скалу и сбросил ее в реку...

— Ладно, потом расскажете. Жарьте скорее на базу, скажите всем, чтобы высылали навстречу людей помочь нам тащить груз. Мои там ждут.

— Ладно, сию минуту побегу.

— Погодите, а вниз как же спускаться: неужели другого спуска нет, кроме этого?

— Есть спуск, но он немногим лучше.

— Немногим?

— Да, там жердь протянута над скалой; по ней нужно спускаться, а потом на азымовский мостик.

— Ну, ладно, бегите, посмотрим потом ваш азымовский мост.

Он побежал, а я повернул назад.

Все-таки разыскал. Вскоре я уже подходил к первой площадке после фортамбекского моста.

Спуск к «азямовскому» мосту.

На площадке я застал сонное царство. Все мои ребята так истомились под тяжестью груза, что вповалку лежали и спали. Я их растолкал и рассказал про встречу с «индейцем». Нужно двигаться. Скоро придет помощь. Тащить уж осталось недолго.

Действительно, не успели мы тронуться в путь, как нас встретила целая ватага людей. Кроме Ходакевича, тут был ленинградец Недокладов, уже ходивший в прошлом году с Москвиным по Фортамбеку и потому знавший

тут все ходы и выходы, и человека четыре носильщиков. Они быстро забрали наши вьюки, и мы могли вздохнуть и идти дальше. налегке.

Вот и азямовский мост!

Теперь вниз, к азямовскому мосту. Недокладов и Ходакевич показывают путь. Действительно, второй путь легче. Вдоль огромнейшей береговой скалы протянута наискось толстая сосна, привязанная к скале лыком. По этой сосне, держась за скалу, нужно было пройти шагов десять, затем прыгнуть с нее на маленькую утрамбованную площадку и потом по осыпи спуститься к азямовскому мосту, затем, пройдя мост, снова подняться наверх, на площадку, где я впервые заметил Ходакевича.

Я быстро прошел весь этот путь. Люди с тюками за плечами карабкались по жерди, а потом по каменной осыпи. Я отвернулся: так страшно было видеть их, нагруженных тяжелой ношей, над пропастью. Сорвись кто-нибудь из них,—спасения ему не было бы: бешеные волны Фортамбека моментально разбили бы и унесли.

Вот наконец и лес. Дикий частый лес—почти наполовину из засохших деревьев, поломанных бурей и вешними водами.

Ходакевич сказал, что отсюда до базы № 2 минут пятнадцать. Прошло, однако, добрых двадцать пять минут, пока мы пробрались сквозь чащу леса.

Впереди забелели палатки. Навстречу нам показались на этот раз все наши: и Воробьев, и Москвин, и его товарищи, и опять-таки наш старый знакомый по экспедициям прежних лет—вечный спутник Д. И. Щербакова—Садырбай.

База № 2 была действительно в уютном и тенистом уголке. Уже не Сагран, а Фортамбек теперь был нашим пристанищем.

ГЛАВА IV

ПО ФОРТАМБЕКУ

Вторая база была расположена в чрезвычайно своеобразном, живописном уголке. Если сагранская база была на открытой террасе над пенящейся рекой и как будто сама просилась под кисть художника, то база № 2 была

расположена в обстановке, которую не часто встретишь даже в этих диких местах.

Начать с того, что она была совершенно скрыта от любопытных глаз. Лесок вокруг нее был так густ, лианы, спускавшиеся с деревьев, были так часты, что разыскать ее мог только человек, который заведомо знал, что тут расположена база; к тому же она находилась в ложине. Кругом местность подымалась крутыми холмами, которые также укрывали базу.

На базе у раскинутых палаток, в тени деревьев, копошились люди, горел большой костер.

Александр Вениаминович Москвин, Воробьев и Ходакевич поднялись нам навстречу, когда мы, продравшись сквозь заросли можжевельника, вышли на небольшую полянку, где была расположена база.

Читатели не знают еще остальных участников нашей экспедиции, кроме т. Воробьева, знакомого им по экспедиции 1932 года.

Александр Вениаминович Москвин—ленинградский геолог и химик, работник Академии наук и целого ряда ученых заведений Ленинграда—был человеком, как будто специально приспособленным для экспедиций и горных путешествий: среднего роста, коренастый, плотный—с первого же взгляда он производил впечатление чрезвычайно упорного, даже упрямого человека. Как раз такие люди нужны для работы в трудных природных условиях. По опыту прежних экспедиций и рассказам Д. И. Щербакова я знал, что А. В. Москвин не боится физических лишений и что на его слово можно положиться: что он сказал, то сделает. Именно в силу этих его качеств я так хлопотал обеспечить его участие в экспедиции, тем более, что именно ему мы были обязаны в прошлом году открытием тождества пика имени Сталина и немецкого пика Гармо.

Соратников он себе подобрал по своему вкусу. Это были два геодезиста—Вальтер и Траубе, молодые ребята, но уже обстрелянные в альпинистском отношении, и т. Солдатов—небольшого роста человечек с огромными очками, тоже хороший ходок, несмотря на свой тщедушный вид. Характерной особенностью Солдатова был его головной убор (шлем). Солдатов всегда надевал его таким образом,

что уши шлема торчали во все стороны. В итоге он производил впечатление «марсианина» в очках из богдановской «Красной звезды».

Остальные альпинисты—т. Ходакевич и Недокладов—были: один—питерский и другой—московский рабочий, крепкие, здоровые парни с большим опытом альпинистской работы.

Об особенностях т. Ходакевича я уже говорил. При всех возможных случаях он снимал с себя все, кроме трусов, и поэтому был буквально темнобронзового цвета.

Третьего и последнего альпиниста—т. Церетелли—тут не было: он ушел с Бархашом, мы познакомимся с ним позже.

Пока готовили чай, мы с Москвиным забрались в палатку. Я рассказал товарищам, почему я так запоздал, и спросил их, что они успели за это время сделать.

Сделано, оказалось, довольно много. Москвин говорил, что он уже успел вместе с группой пройти не только вверх по леднику Фортамбек до места, которого он достиг в прошлом году, но и повернуть направо, в первый идущий направо горный ледник, называемый туземцами Курай Шапак, и обследовать его до конца. Ледник этот был измерен и занесен на карту.

Воробьев в свою очередь рассказал, что он прошел по Фортамбеку вверх до места, где ледник Фортамбек разветвлялся на два: ледник Москвина и ледник Турамыс; там на развилке он думал организовать базу. Для этого им отправлены вперед носильщики и провиант.

Завтра должна была отправиться туда вторая партия носильщиков.

Все эти планы были мною одобрены с некоторыми лишь поправками: завтра я решил отправить только работников москвинской группы—Вальтера, Траубе, Солдатова и носильщиков—с тем, чтобы они пошли послезавтра по назначению. Воробьева, Ходакевича и Москвина я решил задержать на один день: Москвина потому, что он чувствовал себя нездоровым, а остальных потому, что хотел их взять вместе с собою. Сам я тоже решил отдохнуть еще один день.

Москвин заявил, что его работники хотят в свою очередь разбиться на две группы по двое. Дело в том, что

ледник Турамыс, уходивший направо от Фортамбека, тоже расчленился на два рукава: южный и северный, и оба эти рукава нужно было исследовать до конца.

Петя с носильщиками должен был сопровождать нас до третьей базы, а затем вернуться и заняться переброем груза со второй базы на третью.

На второй базе должен был остаться один Садырбай. Это последнее обстоятельство внушило мне большую тревогу. Садырбаю мы, конечно, безусловно верили, он был абсолютно свой человек. Но Фортамбек, несмотря на свою дикость, был все же посещаемым местом. Наступал конец августа, когда в Фортамбек приходили местные золотоискатели для промывки золота, которое уносил с собою бешеный ручей. Золотоискатели приходили издалека—и из долины Гармо и из долины Муук-су. Наверняка почти половина их в прошлом была басмачами. А ведь на базе оставался такой ценный груз, как наши винтовки. Вот почему встал серьезный вопрос о том, кто останется на базе кроме Садырбая.

Одно время думали оставить Стаха, но он запротестовал самым решительным образом. Тогда решили взять винтовки с собой. Их было, однако, очень много; часть винтовок решили поэтому хорошенько спрятать.

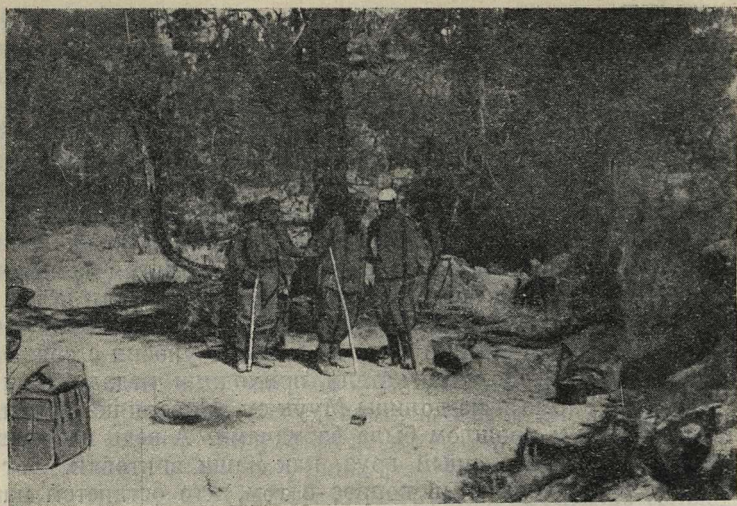
Это решение очень не нравилось т. Воробьеву. Даже легкие наши винтовки-карабины вѣсили по десяти фунтов каждая. А эта сверхнагрузка была очень ощутительна. Но оставить винтовки на произвол судьбы или на одного Садырбая ни я, ни Москвин не решились.

Весь день двадцать четвертого августа мы провели сначала за снаряжением отправляющихся товарищей, затем за разборкой и подготовкой собственных грузов.

С утра ушли обратно Петя Жерденко, красноармеец Степченко и караванщики. Они должны были новую партию грузов перебрасывать с сагранской базы на фортамбекскую.

После полудня вышла москвинская группа—Траубе, Солдатов и Вальтер со своими носильщиками. С ними вместе пошли носильщики, транспортировавшие груз на третью базу.

К вечеру на базе остались только Москвин, я, Ходакевич, Воробьев, Недокладов, Стах, двое носильщиков

База № 2 в ущельи Фортамбек.

24—25 августа

и Садырбай. Наутро должен был остаться один Садырбай.

Двадцать пятого августа в десять часов утра мы тронулись в путь уже в полном походном снаряжении, пешком, с тяжелыми, доотказа набитыми мешками за плечами. Я перепробовал мешки всех товарищей. Каждый мешок весил не меньше двух пудов. А тут еще винтовки пришлось забирать. Мой мешок был тоже очень тяжелым. Это сказалось сразу же, как только мы вышли с базы и углубились в лес. Уже подъем на первый холм показал, что с таким грузом путь будет очень тяжел. А когда выбрались из леса и по наваленным камням подошли к началу ледника, пот со всех катился градом. Мы были совершенно измучены.

Но другого выхода не было. Иными транспортными средствами, кроме собственных спин, мы не располагали.

Фортамбек представлял собою обычный, тяжелый для

прохождения, бугристый ледник, весь засыпанный камнями—мелкими и большими, грязью и песком.‡

Москвин повел меня, пока все отдыхали, показать верховье реки. Фортамбек, как и все реки, выбегал из ледяной пещеры. Мы забрались на большой камень против этой ледяной пещеры. Я сфотографировал дважды выход реки. Москвин обратил мое внимание на лед, опоясывавший камень, на котором мы стояли. Ледяные иглы окружали его как бы гирляндой.

— Вот докуда доходила вода несколько дней тому назад,—сказал он, показывая мне рукой,—а смотрите, как сейчас быстро она убывает: почти полтора метра уже.

Действительно, от места, где шла ледяная корона, до воды было почти два метра.

— Скоро, видно, придут золотоискатели,—снова напомнил он мне.

Когда мы вернулись к товарищам, то увидели новую картину. Ходакевич, снявший с себя буквально все, растянулся в ледяном ручье и купался. Надо было обладать только его исключительным, железным здоровьем, чтобы позволять себе такие вещи.

Дальше дорога сделалась еще труднее. Итти по камням с нашим грузом под палящими лучами солнца было прямо не в моготу. Быстрота движения скоро определилась в один километр в час. Останавливались через каждые двадцать пять минут на пять минут, затем стали останавливаться через каждые пятнадцать минут на пятнадцать минут.

Прошло уже два часа, а дорога отнюдь не становилась легче. По словам Москвина, такой дорогой предстояло еще пройти до намеченной им остановки против ледника Курай-Шапак около пяти-шести километров, на что понадобилось бы еще около пяти часов.

К двенадцати часам обнаружился резкий поворот ледника наискось, влево, а справа открылось ущелье Курай-Шапак. Хотя казалось, что до этого ущелья рукой подать, до него было не меньше четырех километров. Было видно, что раньше пяти часов вечера мы туда не попадем. Взваливши на плечи мешки, мы двинулись, после очередной передышки, к повороту ледника и вдруг все остановились. Как только мы забрались на огромный

ледяной бугор, господствовавший над всем ледником, при повороте перед нами открылась панорама, заставившая нас остановиться и ахнуть.

Ледник замыкала большая снежная вершина. Рядом подымалась другая. В разрезе двух скрещивающихся линий этих вершин (как бы в опрокинутом треугольнике) вырисовывалась еще одна громадная снежная вершина. Она была типичной формы трапеции, у которой верхнее основание шло не параллельно нижнему, а несколько подымаясь с севера на юг. Эти очертания были настолько характерны, что не было ни малейшего сомнения ни у кого, что перед нами находится сам знаменитый пик имени т. Сталина, высочайшая вершина СССР, прежний немецкий пик Гармо, вершина, которую мы так долго искали и от которой оказались так близко сейчас.

До вершины в лучшем случае было не больше двадцати пяти километров. Она возвышалась на сравнительно ровном снежном плато, подымавшемся на высоту до шести тысяч метров. Плато кончалось обрывистой ледяной стеной—на взгляд километра в полтора-два высоты. Самая высокая, южная вершина пика была лишена снега точно так же, как и северная вершина. Зато вся середина пика, обращенная к нам очень крутым спадом, была покрыта вечными снегами.

Если бы каким-нибудь чудом нам удалось подняться по ледяной стене на плато, пожалуй можно было бы по этому снежному покрову, несмотря на крутизну, выйти приблизительно к средней части вершинного гребня, а оттуда было рукой подать на вершину. Вот что открылось перед нашими глазами.

Мало того, слева открылся еще один ледник, расположенный к нам еще ближе. Он переходил вверху в фирновые поля с красивой четырехугольной неправильной формы вершиной. Это был пик Евгении Корженевской, который мы наблюдали много раз в 1931 году и который тогда принимали за пик Гармо. Мы наблюдали тогда этот пик с севера, с высот склонов и вершин Заалайского хребта над Терс-агарским ущельем¹. Сейчас мы подошли к нему с южной стороны. Он был непосредственно вблизи нас, и

¹ См. «Узел Гармо».

Пик Евгении Корженевской.

Вид с ледника Фортамбек.

его почти семикилометровая (точнее шесть тысяч девятьсот метров) вершина подавляла своей величавой грандиозностью. Она значительно уступала, однако, в красоте и величии пику т. Сталина. Все наши помыслы были устремлены вдаль, туда, вверх по леднику, к величайшей вершине СССР.

Отдохнув, мы двинулись дальше. Если тяжел был путь до сих пор, то дальше он не сделался легче. Те же огромные бугры, покрытые камнями и льдом, то же постоянное «нырянье» по ним вверх и вниз, с той только разницей, что солнце поднялось выше, сделалось жарче, а сил становилось меньше.

Четыре часа пути показались нам восемью часами, и когда мы подошли к ущелью Курай-Шапак, то невольно остановились. Все заговорили об отдыхе и ночевке.

Тов. Воробьев и носильщики предложили было повернуть к левому склону ледника, указывая место, где они ночевали в первом своем движении, когда шли организовывать третью базу.

Но я отверг это предложение. Более удобным для но-

чевки представлялся не левый, а правый склон ледника. Стоило только немного подняться со льда на боковую терраску, и мы оказывались на ровной, покрытой мягким песком площадке вблизи ручья и неподалеку от искривленных деревьев арчи. По этой площадке идти было ближе, чем перебираться к левому склону ледника. Мы повернулись к правому склону и скоро расположились на песчаной площадке.

Первый день пути по льду оказался настолько тяжелым, или, наоборот, мы оказались настолько нетренированными, что стали на ночевку в пять часов дня. Впоследствии и носильщики и мы проходили этот же путь в три-четыре часа. Пока готовили ужин, Москвин поделился со мной некоторыми своими опасениями по хозяйственной части. Оказалось, что у нас на базе ощущается недостаток мяса и муки. Недохватка объяснялась трудностью переброски продуктов, медленностью в передвижении грузов и некоторой неосторожностью в расходовании запасов, в особенности во время затянувшегося караванного пути от Оша до Саграна. Пришлось пересмотреть нормы снабжения, в особенности по муке. О мясе мы не так беспокоились, потому что, с одной стороны, у нас был запас рыбных консервов, а с другой стороны, мы надеялись (и, как увидит читатель дальше, не без основания) пополнить наши запасы охотой на горных козлов, следы которых мы находили всюду. Вся площадка, на которой мы сидели, была истоптана следами этих животных.

В семь с половиной часов вечера все уже легли спать.

26 августа

Вышли в восемь часов утра, наскоро напившись чаю. Нужно было наверстать потерянное за вчерашний день и добраться до базы; до нее, по словам Москвина, оставалось не больше каких-нибудь шести-восьми километров.

Но как быстро акклиматизируется человеческий организм! Вчера еще, впервые надевая на плечи тяжелые рюкзаки, мы сгибались под их тяжестью. А сегодня те же рюкзаки почему-то казались нам гораздо легче. И снова пошли мы по камням и ледяным буграм, то вверх, то вниз, обливаясь потом под жаркими лучами солнца. И все же мы шли быстрее, чем вчера. Первую более дли-

По ущелью Фортамбек.

Пик т. Каганозича. Вдали пик т. Сталина.

тельную остановку мы сделали через два часа после выхода, около десяти утра. Утешительно было то, что теперь мы были почти у начала полосы белого блестящего льда. Покрытые грязью и камнями ледяные бугры кончались, а по блестящему льду идти гораздо легче. Если это не ледопад, то он всегда представляет собою сравнительно ровную поверхность или, по меньшей мере, бугры, которые переходят один в другой ровными валами с сравнительно неглубокими ледяными лощинами.

В двенадцать часов стали вторично. Мы прошли теперь уже достаточное количество километров и довольно близко подошли к пункту разветвления ледников, где предполагалась организация третьей базы. Все ближе и ближе приближался к нам огромный пик Сталина, все точнее и точнее обрисовывалось расположение его вершин, все больше и больше росла наша уверенность в возможности подъема от его плеча непосредственно к середине вершинного гребня.

Сидя на камнях у ледяного ручья, мы перекидывались друг с другом замечаниями, строили перспективы завтра

рашнего дня и возможные планы работы. Во всяком случае выяснялась необходимость специальной разведки от разветвления ледников, на восток, налево, а оттуда непосредственно к ледяной стене пика Сталина. Только после этой разведки можно было ставить вопрос о дальнейших совместных действиях всех групп и о возможных путях восхождения. Но пока разведка будет изучать подступы к пику, что будут делать остальные?

Москвин предложил поэтому свои услуги по руководству группой, которая отправится направо, по правому разветвлению ледника Турамыс (я, шутя, называл его ледником Турандот). Это обеспечивало серьезный характер работы. Я согласился. Так уже здесь определились основные вехи нашей работы.

Но это было не все, что принес нам сегодняшний день.

По мере того, как мы двигались все ближе и ближе к разветвлению ледников, четче и четче обрисовывались перед нами и перспективы, открывавшиеся при движении по леднику Фортамбек направо к леднику Турамыс.

Если ледниковое ущелье, которое вело к пику Сталина, отклонялось на восток влево, то ледник Фортамбек сначала переходил в ледник Турамыс, не меняя направления, и лишь затем круто поворачивал на запад, в направлении, прямо противоположном тому, куда поворачивал ледник Москвина. На самом повороте он упирался в ту же ледяную стену, на которой высился и пик Сталина. Стена кончалась длинным и ровным снежным плато на высоте шести тысяч метров. На этом плато возвышался еще целый ряд пиков. Прямо над поворотом к Турамысу возвышался над плато не пик Сталина,— последний оставался налево, а пик с волнистым гребнем, подымавшийся сравнительно полого. Он образовывал наверху тоже трапецию, с немного более приподнятой правой вершиной.

И эта характерная линия подъема и рельеф самой трапеции производили впечатление настолько чего-то знакомого и близкого, что невольно, как и вчера, все мы опять остановились и воскликнули:

— Да это же пик Зинаиды!

Это открытие было исключительно важно. Читатель

помнит по первой части нашей книжки, что такое был пик Зинаиды Крыленко. Когда в 1932 году мы послали группу Воробьева по северному рукаву ледника Гармо, мы послали их к подножью ледяной стены хребта Петра Первого,—к северу от ледников Гармо. Эта стена хребта Петра Первого венчалась пиком, который мы принимали тогда за пик Евгении Корженевской. Только группа Москвина в разведку 1932 года установила, что пик Е. Корженевской и этот пик—различные пики, и тогда мы назвали его пиком Зинаиды Крыленко.

И вот сейчас с своими знакомыми очертаниями он возвышался снова перед нами над ледяной стеной хребта Петра Первого, над снежным плато. Но мы наблюдали его теперь, подойдя к нему уже не по ледникам Гандо и Гармо, а по леднику Фортамбек. Другими словами, если в 1931 году мы подошли к нему по леднику Гандо с запада, если в 1932 году мы подошли к нему по леднику Гармо с юга, то сейчас мы подходили к нему по леднику Фортамбек с севера.

Это означало одновременно, что мы подошли к грани «белого пятна», т. е. что мы уже прошли его целиком поперек с севера на юг.

Перед нами поднимался хребет Петра Первого, а за ним с той стороны ледяной стены были уже прекрасно нами изученные известные места—Беляевский рукав ледника Гармо и самый ледник Гармо с его ответвлениями—Вавиловским ледником, ледником Шокальского, ледником Ванч-дара, Пулковским перевалом и т. д., точно так же, как мы прекрасно знали, что за ледяной стеной и пиком Сталина идет Бивачный ледник, потом ледник Федченко, потом ледник Малого Танымаса и т. д. и т. д.

Вот почему для нас это открытие имело такое перво-степенно важное значение. Мы остановились и с торжествующим видом стали наблюдать и этот пик и подступы к нему непосредственно по леднику Турамыс.

По существу тем фактом, что мы перед собой видели в непосредственной близости и пик Сталина, и пик Зинаиды, и пик Евгении Корженевской, в основном разрешалась вся задача нашей экспедиции. Эти три основные ориентировочные точки давали ответ на все вопросы, где мы находимся и что собою представляет эта труднейшая

часть высокогорного Памира, весь этот район горного узла Гармо, как мы его раньше называли, но, конечно, только в основном.

Мы были в самом центре. Перед нами была уже его юго-восточная и южная граница. Но не восточная и не западная. Пик Сталина возвышался в самом пункте пересечения хребта Академии и хребта Петра Первого. По ту сторону хребта Петра Первого, где работала группа Горбунова, все было известно. На этой стороне мы теперь фактически производили изучение. Но между пиком Евгении Корженевской и хребтом Академии оставалось еще много неизученного пространства «белого пятна». Сюда должен был уходить своими верховьями ледник Мушкетова, подымавшийся от Муук-су к вершине Евгении Корженевской, и здесь где-то должно было теряться среди высоких гор и фирновых полей ущелье Аю-джилги, ближайшее после ледника Мушкетова к Алтын-мазарским высотам. Это все еще нужно было изучить.

Но этого мало.

Ледник Турамыс уходил, как мы говорили, на запад, направо, и здесь где-то своими верховьями должен был соприкоснуться с верховьями ледника Сагран после того, как Сагран поворачивал от Пешего перевала. Сюда пошел с сагранской базы Бархаш. Эту западную часть точно так же нужно было изучить.

Наконец, оставались еще далеко не пройденными и не изученными ледник Хадырша и др.

Работы, таким образом, оставалось еще много. Но в основном, благодаря этим трем ориентировочным точкам, задача представлялась все же разрешенной. Вот что особенно нас радовало. Работать дальше приходилось по уже безошибочно намеченным путям.

К часу дня невдалеке от разветвления ледника и начала поворота по леднику Москвина мы встретили трех носильщиков, шедших обратно с третьей базы на вторую. Отправившись на день раньше нас, они теперь порожняком шли за новой партией груза. Они сказали, что работники Москвина—Солдатов, Траубе и Вальтер—еще не вышли и что мы, вероятно, еще успеем их застать. До базы оставалось, по их словам, не больше часа-двух пути.

Эта часть пути оказалась труднее. При самом повороте ледника начался ледопад, пришлось карабкаться по ледяным стенкам и скалам, и только приблизительно к двум с половиной часам мы подошли к повороту, где были видны разбитые прямо на камнях палатки и копошащиеся фигурки наших товарищей.

Это была база № 3.

Неуютным и неприглядным было наше теперешнее обиталище по сравнению с сагранской базой и даже фортамбекской. Там были зелень, солнце, ширь, простор,—здесь наши палаточки стояли на голых камнях, в непосредственной близости к ледяным массам, без малейших признаков какого-нибудь прикрытия.

Ледник Москвина уходил от основного ледника круто вверх, и даже пространство, на котором была расположена база, не представляло собою ровного места, а шло вниз под определенным уклоном.

Прямо над палатками подымалась каменная стена горного склона, огромные камни и скалы высились вверх. Большие каменные глыбы, когда-то скатившиеся вниз, лежали тут же между палатками. А ниже палаток, когда кончалась узенькая терраска, крутой ледяной спуск выходил к реке; бешеным потоком вырывалась она из черной ледяной пещеры. Она бежала затем еще метров сорок с шумом и пеной вниз по ледяному руслу и снова пропадала в темной пещере. Она вырывалась затем лишь в конце ледника, неподалеку от второй базы, пробежав более пятнадцати километров подо льдом.

С той стороны реки подымалась каменная стена горной вершины. На определенной высоте она переходила в вечные снега. Этот пик, тоже очень красивый, мы назвали впоследствии пиком Генриха Ягоды.

На более или менее ровном месте, хотя почти на самом краю крутого спада к реке, была поставлена моя белая штаб-палатка. Остальные расположились рядом.

На одной из каменных глыб была сооружена большая каменная пирамида, верх которой был затянут красным кумачом. Красного флага не удалось водрузить за неимением дровка.

Солдатов, Траубе, Вальтера и других, отправившихся до нас, мы застали еще на базе. Они только собирались

База № 3 на леднике Фортамбек.

выступать. Опоздание объяснилось чрезвычайной усталостью от вчерашнего трудного пути по леднику. Москвин немедленно распорядился, чтобы они выступили тотчас же: по северному ответвлению он хотел направить Солдатова, а сам с двумя товарищами предполагал пойти по южному рукаву...

Наше выступление было назначено на завтра.

Чрезвычайно оригинальное и очень редкое явление удалось нам наблюдать в этот день на леднике.

— Смотрите, смотрите! — закричал вдруг Стах, показывая рукой вниз на ледник Фортамбек, по которому мы только что пришли. — Смотрите, что там делается, что за фонтан?

Мы все схватились за бинокли. Действительно, приблизительно в километре или полукилометре от нас из ледника, по которому мы только что пришли, бил огромный фонтан. Столб воды с страшным напряжением вырывался прямо из-под земли, бил вверх на двадцать-тридцать метров. В бинокль были ясно видны огромное напряжение и сила этого фонтана. Струя воды подымалась вертикально вверх и затем рассыпалась тысячами брызг.

Чем могло быть вызвано это явление?

Река шла в этом направлении подо льдом. Повидимому, что-то случилось на ее пути; завалился ледяной грунт, или она встретила какую-либо непреодолимую каменную преграду и должна была искать себе выход. Напор воды был так силен, что прошиб ледяную толщу, вырвался на свободу и бил теперь вверх с бешеной силой.

Самое интересное было,—как долго будет продолжаться это явление, и успеем ли мы добежать до него, чтобы поближе посмотреть эту картину. Чтобы добежать до него, нам нужно было пройти ледопад,—на это ушло бы не меньше получаса. Мы отказались от этой мысли и продолжали наблюдать фонтан в бинокли. Минут через пятнадцать он исчез. И снова ледник простирался перед нами такой же, как прежде,—спокойный, молчаливый и суровый. Попрежнему шумела только река внизу, и время от времени с грохотом сыпались с противоположного склона камни, с громким шуршаньем слезала по ледяному склону мокрая грязь, и попрежнему налетавшие порывы вихря трепали наши палатки.

Неуютно, неприветливо было на нашей базе. Единственным утешением был жаркий огонек, трещавший посредине. Искривленных сучьев арчи было кругом достаточно, и вокруг этого костра, тесно прижавшись друг к другу, грелись носильщики-таджики.

Мы пришли на место работ. С завтрашнего дня начнется уже настоящая экспедиционная жизнь.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
У ЛЕДЯНОЙ СТЕНЫ

ГЛАВА I
ПЕРВАЯ РАЗВЕДКА

27 августа

Раненько утром, к семи часам, все уже были готовы к выступлению. Москвин со своими товарищами должен был отправиться направо, я с своей группой—налево, Петя и таджики снова вниз, на вторую базу.

В нашей группе нас было четверо—я, Воробьев, Сережа Ходакевич и носильщик Юсуп. Стах Ганецкий и Недокладов отправились с группой Москвина.

Снова много забот доставили нам наши винтовки: оставить их без всякой охраны в таком большом количестве (девять штук) на глазах у наших носильщиков мы не решились, настолько мы им все-таки не доверяли.

Вот почему в конце концов решили винтовки спрятать, а для этого обождать, пока носильщики уйдут вниз. Это задержало наше выступление на целый час. Мы тронулись только тогда, когда носильщики исчезли за ледяными холмами ледника. Воробьев и Ходакевич отнесли винтовки метров на сто по леднику вверх, запрятали их хорошенько под камнями и замели все свои следы к этим камням. В таких условиях приходилось работать!

Наконец мы тронулись.

Сначала дорога пошла вверх по крутым камням и скалам, наваленным по обоим берегам высохшего русла горного ручья, стекавшего с каменной вершины, возвышавшейся над базой. Самый ледник Москвина шел ниже

и представлял собою обычное нагромождение грязных ледяных гор и холмов, покрытых камнями и щебнем. Москвин говорил нам, что нужно держаться русла этого потока до тех пор, пока он не исчезнет в скалах, а затем должно было открыться большое днище высохшего озера,—совершенно ровная площадка, покрытая мягким песком. Но эта площадка, по его словам, должна была появиться не раньше, чем часа через полтора после выхода с базы.

Мы ошиблись немного в направлении. Так как нам надоело двигаться по руслу ручья, перелезая с камня на камень, мы взяли чуть в сторону, ближе к руслу ледника, и скоро оказались между ледниковыми массами и высокой насыпью из мелких камней.

Одинаково трудно было идти по пересеченной поверхности ледника и взбираться на каменную осыпь. Мы предпочли все-таки последнюю.

На осыпь мы поднялись, помогая друг другу, подталкивая и поддерживая друг друга в крутых местах, потому что она сплошь была как будто из цемента.

Зато, когда мы взобрались на гребень осыпи, оказалось, что она так же круто опускалась по ту сторону, и внизу перед нами действительно открылась площадка, о которой говорил Москвин. Это была совершенно ровная площадка в хорошие полкилометра, если не больше, длиною и метров триста в ширину. Она была со всех сторон закрыта каменной осыпью, а посредине ее громоздились большие скалы, порыжелые от времени и дождя и расколовшиеся от старости.

Мы бегом пустились вниз и с наслаждением пошли по совершенно ровному днищу, едва прикрытому мягким песком. Это была площадка № 1. Москвин говорил, что впоследствии будет еще более красивая площадка № 2, где будет плескаться небольшое озерко и зеленеть шелковистая трава.

Но до этой второй площадки нужно было еще дойти. Площадка № 1 скоро окончилась. Перед нами открылась маленькая узенькая ложбинка, сплошь заваленная большими камнями, по которым нужно было теперь выбирать опять на осыпь и потом на лед.

Но вот мы прошли узенькую ложбинку, потом —

снова по гребню осыпи и наконец подошли к пункту, откуда нужно было опять спускаться вниз на лед.

Осыпь упиралась дальше в сплошное нагромождение ледяных масс Москвинского ледника.

Весь ледник расстилался теперь перед нами. Он уже потерял свой прежний грязно-бурый цвет и был весь из блестящего льда, посреди которого только длинными черными змеями вились две или три большие морены. Но пространство до морены представляло собою дикий хаос ледяных громад, этот дикий хаос шел на несколько километров вверх по леднику.

Никакой надежды не было пробраться по этому хаосу, если бы мы хотели идти дальше вверх. Во что бы то ни стало надо было спуститься, чтобы попасть на морену. Для этого во всяком случае нужно было перейти хотя бы первую часть этого ледяного хаоса, отделявшего нашу осыпь от первой морены. А с той стороны ледника, по противоположному склону горного ущелья, как будто нарочно поддразнивая нас, вилась на протяжении всего ледника, на сколько хватал глаз, совершенно ровная терраса, перемежавшаяся иногда небольшими размытыми логам, покрытыми песком и камнями. Как было бы хорошо идти по той стороне!

Но та сторона была далеко,—больше двух километров ледникового пространства отделяло нас от этой террасы. Пока что нужно было идти вниз к первой морене.

Скрепя сердце мы пошли.

Самое трудное было движение по льду: вверх—на ледяную гору, вниз—в ледяную пропасть, направо—узеньким ледяным коридором, налево—через ледяной мостик. И снова—на ледяную гору и снова—в ледяную пропасть. Знакомые с хождением по ледопаду товарищи могут себе представить это удовольствие.

К двум часам мы все-таки остановились. Очень устали. Остановились позавтракать и вместе с тем обсудить дальнейший путь.

До морены оставалось уже немного. Но тут появилось новое сомнение. Прямо перед нами, вверх по леднику, подымались остроконечные ледяные скалы и иглы. Несколько дальше за ними высилась неизвестная вершина. У ее подножья ледник разветвлялся: один рукав шел в том же

Вид на пик Сталина с ледника Москвина.

направлении, каким шли мы до сих пор, несколько отклоняясь влево; другой рукав резко поворачивал направо, в свою очередь разветвляясь на два рукава: один—короткий правый и другой, загибавший куда-то за вершину левее. Как раз в развилке этого правого рукава подымалась ледяная стена, к которой мы стремились, и на ней, на высоте почти шесть тысяч метров—фирновое плато, на котором громоздился сам пик Сталина.

Отсюда вытекала необходимость немедленного разрешения вопросов: как мы пойдём дальше, куда идет морена и есть ли какой-нибудь проходимый путь к ледяной стене?

Чтобы разобраться во всем этом, я решил послать Ходакевича вверх по леднику—к ледяным иглам и скалам. Ходакевич побежал так, как был, в трусах, захвативши только один ледоруб.

Володя Воробьев тем временем принялся готовить чай.

Я наблюдал в бинокль за Ходакевичем. Вот он пробежал уже ледяное пространство, отделявшее нас от рез-

кого подъема вверх, вот он подбежал уже к ледяным скалам, но дальше стоп!

Сталь ледоруба заблестала на солнце. Ходакевич с размаху рубил ледяные ступени для того, чтобы пробраться к ледяным иглам и оттуда поглядеть: есть ли дальше дорога?

Вот он уже наверху. Вот спускается вниз и снова повис над бездной на тех же ступенях, которые перед тем рубил.

Через пятнадцать минут он вернулся и принес печальную весть о том, что наверху перед ним открылись новые зияющие пропасти льда и что пути ни направо, ни налево нет: опять пропасти, опять скалы, а морена круто уходит направо.

Единственное утешение было то, что под вершиной, в которую упирался наш ледник и у которой он разветвлялся на правый и левый рукава, был путь по камням; добравшись до подножья вершины, можно будет потом пройти по ним к правому леднику и потом к ледяной стене. Вот почему мы решили отказаться от своего намерения идти к морене и через льды и скалы пробраться к подножью стоявшей на пути вершины. Для того, чтобы миновать иглы и скалы, мы решили вернуться немного назад влево, к другой каменистой осыпи, которая тянулась от вершины большим отрогом. От осыпи, с которой мы спустились на лед, ее отделяли новые громады льда Москвинского ледника, направлявшегося прямо к востоку.

Через час с лишним мы пробрались-таки через ледопад и поднялись на каменную осыпь.

Эта осыпь так же, как и первая, имела двухсторонний скат—один скат шел к ледяному хаосу, другой опускался на искомую нами площадку № 2, о которой рассказывал Москвин. Эта вторая площадка была гораздо шире, чем первая. На ней действительно плескалось маленькое озерко, и опять-таки посредине возвышалась огромнейшая каменная скала. Эта площадка была настолько ровна, что Москвин назвал ее «Теннисной площадкой». Под этим названием она у нас и осталась.

Но мы не хотели сейчас спускаться к площадке. Нам важно было как можно скорее пройти к подножью каменной вершины.

Картина, которую мы увидели сверху, невольно толкала нас на то, чтобы двигаться в правую сторону, к разветвлению правого рукава ледника.

От подножья вершины правый рукав ледника шел более ровным и болсе доступным путем, и, казалось, совсем близко от нас подымалась ледяная стена.

К ней именно лежал наш путь, ибо по ней, может быть, было возможно, —этого мы пока еще не знали, —подняться на ледяной гребень хребта Петра Первого, к которому мы так долго стремились.

В четыре часа двадцать минут мы остановились на небольшой площадке у подножья встречной вершины.

Итти дальше не хотелось после тяжелого путешествия по льдам и камням.

Чтобы использовать оставшееся время, я и Воробьев решили дойти до самого места, где основной ледник разветвлялся на два, —надо было ориентироваться в дальнейшем его движении. Правый рукав разделялся в свою очередь одной: полудугой подходил к подножью ледяной стены и затем уходил в тупичок. Тупичок этот нужно было исследовать. Другой полудугой рукав ледника огибал вершину и скрывался за ней.

До поворота мы добрались только через час.

Тупичок, куда поворачивал правый рукав, был теперь перед нами. Чтобы до него добраться, нужно было перейти ледник, отделявший нас от ледяной стены, и затем подняться по ледничку вдоль стены до конца тупика. К концу тупика ледяная стена резко снижалась и образовывала как бы перевал на противоположный склон ущелья. Но все надежды на то, что в конце тупика откроется какая-либо возможность перевалить через стену, оказались тщетными. Правда, там подымалась уже не ледяная стена, а каменная, но от этого было не легче. Напрасно мы в бинокль старались изучить запиравшую тупик стену. Если бы и удалось подняться по крутой осыпи каменного склона, то на самом верху мы встретили бы голые скалы и утесы, преграждавшие дальнейшее движение. А между тем перевал представлял большой интерес. Во-первых, с вершины каменного гребня можно было поглядеть на ту сторону ледяной стены; возможно, что там могли открыться фирновые поля, по которым в

Ледяная стена на леднике Москвина у подножья пика Сталина.

свою очередь можно было бы,—это во всяком случае не было исключено,—взобраться на снежное плато. Стена, таким образом, была бы взята... Наконец, с каменного гребня мог быть путь на ледник Турамыс, что тоже представляло определенный интерес. Я утверждал, что, по всей вероятности, там лежит путь на фирн и плато. Воробьев, наоборот, говорил, что такого пути не будет, а будет крутой зубчатый скат на ту сторону и что потому этот путь ничего вообще не даст. Мы очень долго спорили и наконец побились об заклад на бутылку коньяку. Каменный гребешок, замыкавший тупик, мы назвали поэтому «коньячным перевалом». Обследование его мы оставили до более лучших времен, а пока обратили внимание на направление основного ледника. Но и тут мы увидели мало хорошего.

Основной ледник шел в восточном направлении, несколько отклоняясь влево, и запирался таким же тупиком, как и правый рукав, с той только разницей, что этот тупик представлялся еще более недоступным. Справа продолжала подниматься ледяная крутая стена, с которой все

время сыпались лавины. В глубине стена эта подымалась еще выше, по существу представляя собою уже стену хребта Академии. Плато, венчавшее справа ледяную стену, кончалось, и вместо плато подымался просто зубчатый гребень и снежные пики. А слева открывался такой же каменный гребешок, каким кончался и правый тупик, не менее крутой и не менее скалистый наверху.

Весь ледник в целом представлял собою замкнутый цирк, типичный для всех ледников этого района.

Для разведки того, что мы видели, было достаточно, и потому мы повернули назад. Вопрос о том, как мы пойдем: по правому тупику или по основному леднику,—решили отложить до завтра.

Опять ушел у нас целый час, пока мы добрались по камням к месту нашей ночевки. Палатки были уже разбиты, ужин готов, и товарищи дожидались нас, чтобы приняться за еду.

За ужином решали, куда пойдем завтра. В конце концов решили двигаться по основному леднику, оставив исследование правого тупика до времен, когда по нашим следам сюда подойдет группа Москвина.

28 августа

С утра стали собираться в путь. Так как пункт, которого мы достигли, являлся поворотным пунктом и нам предстояло после исследования основного ледника еще вернуться к этому же месту, чтобы начать исследование левого ответвления ледника Москвина, мы решили оставить здесь часть запасов продовольствия и с облегченным грузом двигаться сначала направо к тупику и затем—по основному леднику. Носильщик был не нужен. Мы решили отправить Юсупа обратно. Это тем более нас устраивало, что мы могли ему поручить добраться до базы № 2, помочь оставшимся там товарищам в транспортировке грузов на третью базу и известить Бархаша, если он к этому времени вернется, ускорить его приход на третью базу.

Около восьми часов утра провиант был уже распределен и разделен, прикрыт брезентом, и Юсуп готов к отправке. Он был и доволен и недоволен. Доволен тем, что не придется идти в горы, во льды и снега. Недово-

лен потому, что приходилось возвращаться одному, хотя и налегке. Я его утешил тем, что дал ему свои меховые перчатки. Они ему очень понравились, и он немедленно надел их, хотя было тепло и день обещал быть даже жарким, — да и шел Юсуп вниз, а не вверх. Через несколько минут он исчез за ближайшими скалами.

Мы остались теперь вдвоем. С облегченным грузом итти было гораздо проще и легче. От места нашей стоянки мы сразу же спустились на лед и, миновавши несколько метров ледопада, скоро выбрались на середину ледника, где путь был ровнее.

Черная морена вилась длинной змеей почти на равном расстоянии от обоих склонов. Через два часа морена прекратилась, и мы вступили на ровный лед. В глубине ледника, по мере того, как открывался цирк, этот лед превращался в фирн, по которому итти было еще легче. Мы внимательно изучали стену и возможность подъема на нее.

Подъем был, конечно, возможен, но потребовал бы громадной затраты сил. Первая половина подъема шла бы под угрозой лавин. Вторая половина проходила по ребру ледяного склона, так как ледяная стена здесь как бы сгибалась, поворачивая в направлении правого тупика. Этот подъем от высоты в пять тысяч триста—пять тысяч четыреста метров до плато, т. е. на высоту шести тысяч метров, пришлось бы делать по сплошному ледяному откосу, где предстояла бы упорная ледорубная работа. Рубить ступеньки на протяжении более полукилометра явно было очень трудно и потребовало бы не один день работы.

А между тем это ребро было единственным путем на плато, — во всех остальных местах стена была совершенно неприступна.

Часам к одиннадцати до конца цирка осталось приблизительно столько же, сколько мы прошли, и мы остановились на отдых, чтобы определить дальнейший путь.

Прямо итти к стене хребта Академии было бесцельно. Ледяная стена, замыкавшая цирк, была еще круче той, которая вела на плато. Оставался, следовательно, только левый склон цирка. Он подымался каменной стенкой,

такую же, какая запирала правый тупик. На эту стенку можно было взобраться по осыпи и затем по скалам. Взобравшись, мы получили бы возможность увидеть, что находится дальше за каменным гребнем в направлении на восток и на север, т. е. в том направлении, в котором оставалось еще неизученным «белое пятно». То, что было за ледяной стеной и за хребтом Академии на юго-восток и на юг, мы знали по экспедициям 1931 и 1932 годов.

Почти час мы здесь закусывали и калякали, приблизительно рассчитывая, сколько нам понадобится времени для того, чтобы дойти до каменного гребня и подняться на гребешок.

Вдруг у нас у всех почти одновременно явилась другая мысль. Вершина, у подножья которой мы ночевали, разделившая собой ледник Москвина на его левое ответвление и правое, вся теперь оказалась перед нами. Мы отошли от подножья на середину ледника, приблизительно на километр, и она предстала перед нами вся от подножья до самого верха. Вершина предстала в виде пологий снежной шапки, нагроможденной на крутой, но тем не менее доступный скат из камней и осыпи, в двух или трех местах он был прорезан параллельными рядами белых, видимо мраморных плит. По этой осыпи оказывалось вполне возможным без большого труда добраться до первой, а затем второй гирлянды скал и затем до начала снежной шапки, а по снежной шапке—на вершину. От вершины шел ровной линией пологий скат к тому самому каменному гребешку, который запирали цирк и на который мы хотели взобраться.

Сам собою возникал другой план: прямо по каменной осыпи двинуться вверх на снежную шапку вершины, у подножья которой мы ночевали. Сверху мы могли с гораздо большим успехом изучить все пространство «белого пятна» на север и восток. Перед нами открылось бы не только все то, что мы надеялись увидеть с каменного гребня, но и ледник Москвина в его левом ответвлении. Мало того, с этой вершины мы могли надеяться увидеть то, что больше всего нас интересовало,—путь по леднику Москвина к леднику Аю-джилга, а возможно, и дальше к леднику Малого Танымаса и леднику Федченко.

Вот почему мы решили, как только кончили закусывать, не медля ни минуты, двинуться к склону ущелья и, сегодня же попытаться взобраться на снежную шапку прямо против нас подымавшейся вершины.

Читатель увидит впоследствии—просчитались мы в своих расчетах или нет.

Мы двинулись в путь в двенадцать часов пятнадцать минут и через полчаса оказались опять у левого склона ущелья, где в маленькой каменной ложбинке бросили все наше барахло. Был жаркий день, предстоял крутой подъем по осыпи и мелким камням, и надо было оставить внизу все, что только можно было оставить.

В двенадцать часов сорок пять минут тронулись к подъему.

Я несколько отделился от своих товарищей и начал подыматься очень медленно, делая большие зигзаги с тем, чтобы несколько умерить крутизну подъема. Этот метод бывает очень хорош на крутизне по снегу, когда нога плотно упирается в снежный покров. Совсем иное дело, когда приходится подыматься по песку и щебню. Нога не сразу находит устойчивую почву. Определенная затрата сил идет впустую. А между тем подняться прямо вверх тоже невозможно. Нога скользит тогда еще больше. Вот почему этот подъем по осыпи и мелкому щебню является одним из неприятнейших, хотя он отнюдь, конечно, не самый трудный. Но по нему движение идет гораздо медленнее, чем по всякой другой почве.

В итоге Воробьев и Ходакевич, избравшие другой путь по более крутым камням, меня перегнали и к первому каменному поясу скал подошли раньше меня.

У скалистого пояса мы остановились. Чтобы до него добраться, ушло полтора часа. А между тем это было только немного больше трети пути. От первого скалистого пояса ко второму скалистому поясу рельеф опять переменялся. Крутизна не увеличилась, но песок и мелкий камень теперь сменили большие, почти совершенно гладкие каменные плиты. По ним подыматься стало еще труднее, потому что нога стала упорно скользить.

Я обратил внимание на оригинальный вид, который открылся на пройденное пространство. Гирлянда скал,

с которых мы поднялись, сверху казалась нам только каменным ожерельем. Они оказались на самом деле огромнейшими глыбами утесов, представлявшими собою как бы ворота, сквозь которые теперь разверзлось вниз пространство, которое мы прошли. Так обманчиво бывает первое впечатление.

Двинулись дальше. Чтобы уйти от каменных гладких плит, опять пришлось взять несколько в сторону, а когда обошли, началась опять осыпь еще круче, еще труднее.

Через полтора часа мы подошли ко второму каменному поясу. Теперь нам отчетливо стал виден гребешок первого правого тупика.

Первый вывод, к которому мы оба с т. Воробьевым пришли при взгляде на этот гребешок, был не в мою пользу. За гребешком подымались новые хребты, и как будто открывался провал вместо фирновых полей. Я пари проиграл. Этим решался вопрос о том, — стоит или не стоит вообще идти на исследование правого тупика. Если верно, что за каменным его гребнем нет ничего кроме провала, — идти вообще туда становилось бесцельным, ибо отсюда весь тупик был перед нами как на ладони.

С другой стороны отчетливо обрисовалась теперь картина плато над снежной стеной. Пик Сталина повернулся к нам своей западной стороной, и четко обрисовалось его плечо, то самое плечо, которое когда-то мы видели с Пулковского перевала в 1931 году, в виде резко очерченной спинки стула или трона. От плато можно было подняться на сиденье этого стула и затем по снежному подъему, довольно крутому, но, как казалось отсюда, не невозможному, — на самый гребень пика. Зато одновременно мы еще больше убедились, глядя отсюда сверху, в невозможности подъема, намеченного утром, по ребру ледяной стены. Вверху мы столкнулись бы с почти отвесной ледяной стеной.

И снова зашагали мы по мягкой осыпи, подымаясь к третьему каменному поясу скал. Он был последним; после него начиналась уже снежная шапка.

Мы шли уже больше трех часов; был уже четвертый час, а мы едва прошли две трети подъема. А когда подошли к третьему каменному поясу скал, они оказались обмерзшими, обледенелыми и рыхлыми. Чтобы обезо-

пасить дальнейшее движение, пришлось связаться веревкой.

Вот наконец и третий каменный пояс позади, и мы стоим уже у начала снежной шапки на чистом блестящем льду. Без кошек дальше идти нельзя. Но нам не хочется надевать кошки, и мы решаем не подыматься прямо по льду, а пройти по границе льда и осыпи к большому каменному жандарму, возвышающемуся над третьим каменным поясом, чтобы потом, обойдя жандарма, подняться не к ледяному, а к снежному поясу, по которому можно было пройти без кошек прямо к вершине.

Это нам удастся, и через некоторое время мы пройдем большой снежный пояс и подымаемся к последним скалам, наполовину скрытым под снегом. Опять пришлось пустить в ход веревку, и только в пять часов тридцать минут вечера, т. е. после пяти часов подъема, мы, наконец, поднялись на самый край последнего снежного холма, представлявшего собой вершину пика.

В пять часов сорок пять минут мы стояли на вершине. Анероид показывал пять тысяч семьсот пятьдесят метров высоты.

Мы стояли на самом гребне вершины. Вправо от нас, покрытый снежной пеленой, шел покатый скат вниз к каменному гребешку левого тупика. Под нашими ногами разверзалась пропасть. Вершина пика представляла собой огромнейший навал снега и льда, отвесно срезанный в северном направлении. Внизу, глубоко под нами, извивалось все изрезанное бесконечными трещинами левое ответвление ледника Москвина.

Я схватился за свою «лейку», чтобы запечатлеть открывшуюся перед нами панораму. И как нарочно после трех щелчков у меня кончилась последняя катушка. Я заряжал свою «лейку» в последний раз на второй базе из обрывков пленки, которую раскопал в одном из ящиков. Основные запасы были где-то спрятаны Ариком Поляковым. Пленка, которою я зарядил, окончилась, и мы оставались дальше без фотоаппарата. Другая «лейка» была у Бархаша, третья—у Арика Полякова, но ни того, ни другого с нами не было.

Что же мы все-таки увидели сверху?

Внизу под нами, как я уже сказал расстился ледник

Москви́на. Мы были выше его приблизительно на километр, а может быть, и больше. По ту сторону ледника подымалась вершина, закрытая облаками. Тем не менее по общему облику можно было узнать в ней пик Евгений Корженевской. Несколько наискось в восточном направлении извивающийся внизу ледник переходил в огромнейшие фирновые поля. Эти фирновые поля замыкались исключительно красивой вершиной с пологим фирновым подъемом и черной шапкой скал наверху. Это был знаменитый «пик Четырех», как его назвал в прошлом году, во время своем разведки, Москвин. Между пиком Четырех и пиком Евгении Корженевской открывался некий перевал. Куда он шел—было неизвестно. Фирновые поля подходили к пространству между обеими вершинами и затем обрывались ровным полуовалом. Другой такой же полуовал гораздо ниже и доступнее открывался справа от пика Четырех. Дальше подымался хребет Академии, представившийся отсюда в виде цепи пиков без названия и различной высоты.

Особо обращал на себя внимание двуглавый пик, к которому непосредственно примыкали фирновые поля, шедшие от пика Четырех... Но куда к северу уходили эти фирновые поля? Ровная линия полуовала ничего не говорила о том, что находится за ее пределами. Фирновые поля шли затем внизу ровной снежной пеленой и подходили к каменному гребешку, на который мы сегодня утром еще хотели взобраться. Вот что было видно нам в направлении на север и на восток. Сзади нас в южном направлении подымались зубья и пики хребта Петра Первого на плато над ледяной стеной и плечо пика Сталина, все покрытое облаками.

Наконец, в западном направлении сквозь ближайшие хребты открылись две замечательно оригинальных, красивых вершины. Как два правильных полукруга, они подымались на горизонте сквозь провал, образовавшийся над каменной стенкой правого тупика. А дальше поднялись опять хребты, длинной чередой переходившие один в другой далеко на запад. Может быть, там был Сагран, может быть Гандо. Отсюда ориентироваться было невозможно. Между тем было уже шесть часов. Холод давал себя чувствовать. Решили спускаться.

Итоги нашего восхождения были достаточны для общей ориентировки. Но они были недостаточны для того, чтобы расшифровать, куда идет на север перевал от фирновых полей. Мы решили поэтому не менять принятого маршрута и завтра же попытаться подняться на фирновые поля через каменный гребень. А пока скорее вниз!

Если мы подымались пять часов с небольшим, то спускались только один час сорок пять минут, но все-таки, пока нашли брошенные рюкзаки и палатки, стало совсем темно. Устали мы дьявольски. Почти без сил ввалились мы в палатку и долго зевали, как рыбы от недостатка воздуха. И только более или менее придя в себя, принялись за обычные занятия по приготовлению ужина. Холод был сильный. Мы уснули с надеждой, что утром сможем согреться. Как-никак — мы стали на ночевку на высоте четырех с половиной тысяч метров.

Пик, на который мы взбирались, мы впоследствии назвали пиком Воробьева, взобравшегося на его вершину первым.

29 августа

Наши надежды не сбылись. Утром было так же холодно, как накануне, если не больше. Почва замерзла так, что для того, чтобы оторвать примерзшие камешки, нужно было отбивать их ледорубом. Мы были в глубокой ложбине, с трех сторон закрытой крутыми склонами, и солнца и наступления тепла можно было ожидать только очень поздно. С большим трудом удалось вскипятить чай и приготовить утренний завтрак. Первый раз в эту экспедицию я надел на себя кроме теплого платья и белья еще и штурмовой костюм, шлем, меховые перчатки... И все-таки замерз.

В путь вышли около десяти часов утра. По вчерашней дороге перебрались на середину ледника и пошли по фирну прямо в центр тупика на восток, держа наискось к каменному гребню и скалистому подъему налево. По скалистому подъему мы хотели взобраться на гребень и оттуда спуститься по ту сторону на фирновые поля.

Часы у меня стали (я забыл их завести). У Ходакевича и Воробьева часов не было. Я поставил стрелки на половине десятого и, как потом оказалось, ошибся на целый час.

К одиннадцати часам мы уперлись в конец тупика и ледника. Мы стояли теперь посреди большого снежного цирка, и с трех сторон вокруг нас подымались отвесные стены. В особенности страшна была стена хребта Академии, прямо подымавшаяся перед нами. Тысячепудовые навалы снега висели огромными карнизами наверху и на середине стены. Время от времени со страшным грохотом обрывались и сыпались оттуда гигантские лавины.

Стена, подымавшаяся к пику Сталина и снежному плато, была не так крута, как стена хребта Академии, но так же исключала всякую возможность подъема. Наиболее доступной была каменная стенка левого крыла цирка, которым мы шли. Мы убедились и в том, что подъем по ней не так труден, как казалось на первый взгляд. Прежде всего он был гораздо ниже. Гребешок проходил на высоте пяти с половиной тысяч метров. Два больших ручья, теперь высохших, оставили два желоба, шедших параллельно от верха почти до самого низа. В их русле было нагромождено много крупных камней, в особенности в нижней части. Это давало возможность идти по ним, а не по мелкому щебню и осыпи. Но приблизительно на середине подъема начинался мелкий щебень, и было нужно свернуть несколько вбок опять к крупным скалам, среди которых дальше вился желоб. Мы решили подыматься по этому руслу.

Оставивши товарищей еще оканчивать их завтрак, я первым начал карабкаться по руслу наиболее глубокого ручья. Высота у подножья подъема уже достигала пяти тысяч метров. Таким образом, предстояло подняться по довольно-таки крутой стенке приблизительно на полкилометра. С самого начала уже было очень круто. Карабкаться приходилось с камня на камень, со скалы на скалу. И все же это была наиболее легкая часть пути.

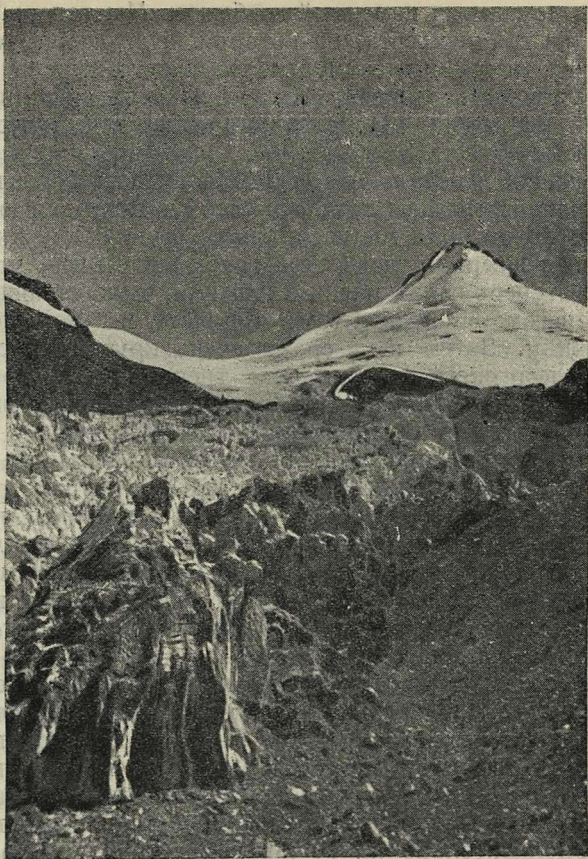
Воробьев и Ходакевич начали подыматься минут на двадцать позже меня по другому желобу, шедшему парал-

лельно. Я не думаю, чтобы им было легче подыматься, чем мне; тем не менее через два часа они меня догнали и оказались почти на одинаковой высоте, разделенные только пространством между двумя желобами—метров в двадцать или тридцать ширины.

После двух часов подъема оказалось пройденным приблизительно несколько больше половины, и как раз к этому моменту мой желоб окончился и перешел в мелкую осыпь и щебень. Желоб, собственно, сохранился, но прекратились большие камни и скалы, по которым до сих пор приходилось лезть. Но еще труднее было подыматься по осыпи, которая не держалась под ногами, по щебню, который постоянно срывался.

А солнце уже поднялось. Два часа—это период наиболее жарких солнечных лучей. Жара еще более утомляла. Мои спутники тем временем меня не только догнали, но и обогнали, потому что в их желобе продолжали громоздиться крупные камни. Я направился тоже к их желобу, и когда туда перебрался, они оказались метров на десять выше меня. Там уже начинались скалы-утесы, и это была по существу самая трудная часть пути. Скалы были все покрыты ледяною корою и ледяными сосульками, спускавшимися из расщелин между скал. Другим препятствием являлась чрезвычайная рыхлость каменных пород. Всякий раз, когда приходилось хвататься рукою за скалы, мы рисковали упасть с обломком камня и щебня в руках, отслаивавшихся длинными пластами. А когда из скалистых расщелин мы выбрались на ровное место, началась новая беда. От большой крутизны глинистая почва под ногами не держалась, пластами сползала вниз.

Это чрезвычайно затрудняло движение, и через несколько шагов мы остановились, чтобы пустить в ход веревку. А в одном месте идти стало совсем невозможно. Растопившийся лед напитал осыпь влагой. К ногам прилипали огромнейшие комья, ноги стали скользить. Пришлось идти совсем медленно и останавливаться после каждых пяти шагов. Последнюю часть пути—уже у самого гребня каменной стены—пришлось преодолевать буквально ползком, от скалы к скале, от камня к камню, иной раз на четвереньках, иной раз повисая в воздухе,

Пик Москвина. Высота более 6 000 метров.

лежа животом на скале, обнявши скалу обеими руками, болтая ногами в пустом пространстве, пока товарищи подтянут тебя на веревке или пока сам не перелезешь через опасное пространство. И только почти у гребня стало легче; хотя почва также скользила под ногами, но крутизна стала меньше.

После четырех часов подъема мы наконец поднялись

один за другим на каменный гребешок. Мы теперь были на той же грани хребта, на которой были вчера, только метров на двести пятьдесят-триста ниже. Анероид показывал пять тысяч пятьсот метров. Перевальный пункт, который мы взяли, мы назвали впоследствии «гнусным» перевалом.

Площадка перевального гребня оказалась гораздо более широкой, чем нам казалось сверху. Если вся южная сторона, по которой мы взбирались, была бесснежна, то теперь вся северная часть, весь спуск вниз и все, что открылось теперь перед нашими глазами, было сплошь покрыто снегом. Площадка была покрыта им больше чем наполовину. Затем шел сразу очень крутой спуск из обледенелого снега с огромными трещинами поперек и снежными навалами. Внизу расстилались огромные фирновые поля, те самые, которые мы видели вчера с пика Воробьева. Эти фирновые поля занимали огромные пространства и простирались вширь километра на три-четыре. С правой стороны продолжалась зубчатая линия хребта Академии. Огромная каменная башня, исключительно красивая, как бы выложенная человеческими руками, возвышалась неподалеку от нас и представляла собою переход от хребта, на грани которого мы стояли, к хребту Академии.

Самый хребет Академии шел справа от нас в северном направлении. После двух или трех красивых пиков он давал резкое снижение и затем снова подымался ввысь и уходил в новые цепи и горы. Фирновые поля, которые лежали под нами внизу, затем в свою очередь точно так же подымались совершенно ровным, легким, пологим подъемом, приблизительно на ту же высоту, на которой мы стояли, и кончались красивым мягким полуовалом, скрывавшим, однако, все, что дальше за ним находилось. Казалось, что, поднявшись по фирновым полям к полуовалу, можно было найти по ту его сторону если не такой же пологий спуск куда-нибудь вниз, то во всяком случае спуск, который подлежал исследованию во что бы то ни стало.

Справа к этому полуовалу как раз подходило резкое снижение хребта Академии. Казалось, что в эту сторону также шел с фирновых полей перевал, но уже не прямо

на север, а на восток к Танымасским ледникам и леднику Федченко.

Наконец, слева подымалась грандиозная вершина, очень красивая, метров на шесть тысяч с лишком высоты, вся снежная, с черной зубчатой шапкой наверху. Это был тот самый пик Четырех, который мы видели вчера. Еще левее подымался знакомый пик Евгении Корженевской. Ниже и совсем влево—в западном направлении—фирновые поля переходили в чешуйчатую змею Москвинского ледника. Куда идет этот ледник—было нам прекрасно известно.

Так как моя «лейка» не действовала, заснять эту картину я не мог. Вместе с тем надо было решить, что делать дальше. Все-таки было только четыре часа, и в нашем распоряжении оставалось хороших два часа времени, которые можно было использовать на спуск вниз. Мы решили, однако, в этот день вниз не спускаться и тут же устроиться на отдых. Солнце заволокло облаками, и темнота могла наступить гораздо скорее, чем мы ожидали, да и устали мы отчаянно.

Воробьев первый предложил начать устраиваться на почь сейчас же. Хотя высота была пять тысяч пятьсот метров, мы решили все же принять его предложение. Облачная погода несла одновременно тепло. Гораздо хуже было бы, если бы настала звездная ночь,—мороз в таком случае был бы нестерпим.

Палатку мы разбили все же не на снегу, а на щебне. А на ужин к обычному меню приготовили вместо чая какао: времени было много, и можно было себя побаловать. Спать легли в шесть часов вечера, что тоже было нарушением обычных порядков.

Отсутствие предварительной тренировки сказалось в этот вечер еще больше, чем накануне. Мы поднялись еще на километр выше. Голова сильно болела. Воздуха не хватало, и дышать приходилось с трудом и большими глотками. А ночью мучили какие-то бессмысленные сны. То же испытывали и остальные. Сильнее всех страдал Сережа Ходакевич, который, несмотря на свою внешнюю физическую крепость и выносливость, оказался меньше всех приспособленным к пребыванию в этих высотах.

Наутро облачность не только не прошла, а еще больше усилилась. Видимо, погода ломалась, и мы были накануне снежного шторма или бури. Зато было очень тепло. Часть теплого белья и одежды мы даже сняли, тем более, что предстоял довольно трудный спуск по снежной стенке.

После завтрака раздалась команда: всем надеть кошки и взять опять веревку. Если было трудно подыматься, то спускаться по круче было еще труднее. Не знаю, как другие, но я терпеть не могу ходить в кошках, прежде всего потому, что ужасная возня, пока их наденешь и приладишь как следует. Но без кошек итти было опасно.

Первым пошел Воробьев. Две огромных трещины отделяли грань ледяной площадки, на которой мы стояли, от начала спуска.

Эти трещины были разделены между собою пространством всего в каких-нибудь два метра. Нужно было, таким образом, сначала найти мост через одну, затем пройти по ледяному спуску два метра вниз между двумя трещинами, потом найти мост через вторую и уже после спускаться прямо вниз по снежному откосу, держась несколько наискось и делая зигзаги с риском угодить еще в какую-нибудь трещину, прикрытую и заваленную снегом. Ряд таких поперечных трещин был отчетливо виден нам сверху. Они пересекали снежный откос змеистыми рядами в различных направлениях.

Первую трещину перешли без труда, мост был хороший и крепкий, но со второй трещиной обстояло дело гораздо хуже: мостик, который нашел Воробьев, оказался крайне ненадежным, он едва ли был толщиной и шириной в полметра. Тем не менее пришлось двигаться именно по мостику.

Ходакевич укрепил по всем правилам ледоруб в снегу, обмотал вокруг ледоруба веревку и, взяв ее в руки, пустил Воробьева вперед. С сильным душевным волнением я следил сзади за Воробьевым, точно так же крепко наматывая на руку свою часть веревки.

Володя перешел. Мостик оказался крепким. Я пошел вторым. На этот раз веревка была натянута с обеих сторон, и концы ее находились у стоявших по ту и другую

сторону трещины Ходакевича и Воробьева. Мостик тоже выдержал. После этого совершенно легко и быстро его перешел Ходакевич.

Следующее препятствие представлял самый спуск, но он не нес с собою никаких опасностей кроме крутизны, а благодаря раннему утру и острым зубьям наших кошек ноги ступали прочно, несмотря на крутизну спуска.

Трещины тоже оказались неопасными. Только в одном месте ледоруб ушел у Воробьева почти весь под снег.

Через час с небольшим мы уже были внизу, на фирновых полях. Всякая опасность теперь миновала, и, снявши кошки, мы быстро зашагали к середине фирновых полей, к манившему нас таинственному перевалу.

По середине фирнового поля остановились, чтобы напиться чаю и отдохнуть. Было уже девять часов утра. Я думал, что придется воду кипятить из льда и снега, но Воробьев нашел воду в одной из трещин, когда он спустился метра на два. На этой глубине протекал маленький ручеек, вполне достаточный, чтобы наполнить наш чайник и дать возможность без лишних хлопот получить горячее питье.

Так как до полуовала на взгляд казалось не больше двух километров, мы решили бросить здесь же, на месте стоянки, наши рюкзаки и дальше двинуться даже без теплых полушубков. Солнца еще не было видно, и вверху продолжали клубиться облака, но холода мы не ощущали.

Вышли в десять. Сначала фирн был так же ровен, как и раньше. По мере того, как начался подъем, медленный и плавный, стали попадаться трещины. Они шли—одни параллельно, другие как бы концентрическими кругами. Вокруг громоздились горные гиганты. Прямо слева подымался пик Четырех своей черной каменной шапкой. Перевал виднелся вдали в виде ровной овальной линии с черными зубьями пиков по краям.

Скалистые зубья поднимались с обеих сторон, и видно было, что за этими скалистыми зубьями шел не ровный спуск вниз, а отвесный провал. Но средняя часть полуовала, к которой мы шли, казалась такой же ровной, как и раньше.

После часа ходьбы подъем сделался еще круче, на-

Обрыв с ледника Москвина в долину Аю-джилга в полтора километра по вертикали.

чали попадаться следы лавин, скатывавшихся с обоих склонов. В особенности крупные лавинные массы шли с правого пика, подымавшегося над овальным перевалом со стороны хребта Академии. Этот пик, после которого началось резкое снижение до уровня полуовала и открывалась возможность движения на восток через хребет Академии, также кончался красивой двуглавой вершиной. Мы назвали его пиком Клары Цеткин.

Если бы здесь удалось найти перевальный пункт через хребет Академии, мы этим разрешили бы труднейшую задачу, которую себе ставили,—пройти к южному склону знаменитых Алтын-мазарских высот и этим самым найти путь на ледник Федченко, по ледникам Танымаса.

Вот мы уже на высоте пяти тысяч пятисот метров, т. е. на высоте сегодняшней ночевки, а все еще мы не пришли к полуовалу.

Фирн берет тут сразу вверх, одинаково круто как по направлению к центру полуовала, так и к обоим его боковым склонам. Воробьев поворачивает поэтому влево.

Все равно не стоит прямо подыматься к середине перевала,—гораздо ближе подняться отсюда на грань перевальной линии.

В час сорок пять минут дня мы достигаем грани. На путь по фирну ушло, таким образом, час сорок пять минут.

Картина, которую мы увидели, была не менее неожиданна, чем та, которую мы видели вчера с пика Воробьева. Полуовал кончался провалом, совершенно отвесным. Страшно было не только подойти к самой грани пропасти, в полтора километра глубины, но даже стоять, отступивши на шаг от края. Вместо ровной линии полуовал представлял собою ломаную линию отдельных выступов и острых зубьев. Только снег, покрывавший ее, скрывал издали этот ломаный рельеф. Зато вниз шли теперь отвесные черные скаты, которые только глубоко-глубоко внизу переходили в крутой снежный склон спуска. Последний в свою очередь переходил в более пологий склон, а этот— в весь исчерченный трещинами ледяной фирн большого закрытого цирка. От этого цирка шел, извиваясь такой же чешуйчатой змеей, как ледник Москвина, какой-то неведомый ледник сначала в направлении на север, затем поворачивал на запад, скрывался в каменистом ущельи, продолжения которого не было видно. На восток от этого ледника внизу шло только одно большое ответвление. Но нам не был виден характер этого бокового ледника; он был закрыт скалами, видно было только, что он подымался круто вверх и выходил своими верховьями к фирновым полям через хребет Академии приблизительно на высоте, на которой мы стояли.

По всей вероятности, это и был единственный путь снизу прямо через хребет на ледник Федченко. Путь, которого мы так долго ожидали и искали через хребет Академии, таким образом, был, но он был на полтора километра ниже нас. От наших фирновых полей перейти на фирновые поля хребта Академии было нельзя. Для этого нужно было взобраться пусть на невысокие, всего в каких-нибудь метров сто, может быть двести, но совершенно отвесные скалы хребта Академии. С нашей стороны путь на эти фирновые поля был закрыт.

И другая загадка встала перед нами. Ледник, который мы видели теперь сверху, поворачивал по каменному уще-

лью влево и скрывался. Оставалось совершенно неизвестным, куда он дальше шел: примыкал ли он к системе ледников Мушкетова, которые, как мы знали, подымались параллельно леднику Фортамбек по северному склону хребта Петра Первого к пику Евгении Корженевской, или же он заключал собою совершенно самостоятельную систему ледников, параллельную ледникам Мушкетова. В таком случае это должна быть система ледников Аю-джилга, исследование которой мы также поставили задачей в эту экспедицию. Но разрешить эту задачу можно было бы, либо спустившись вниз в полуторакилометровый провал и проследив по леднику, который мы видели теперь сверху, его течение, либо поднявшись на пик Четырех: оттуда можно бы увидеть полностью дальнейшее после поворота направление этого ледника.

Собственно, не было нужды подыматься для этого на самую вершину пика Четырех. Пик Четырех от пика Евгении Корженевской отделялся также одним таким же овальным перевалом, как и тот, на котором мы стояли, а возможно, и таким же отвесным обрывом, но взобраться на этот перевал, чтобы посмотреть с него вниз и увидеть все движение ледника внизу после поворота его налево, было сравнительно нетрудно.

Так сами собою обрисовались две возможности решить задачу. Но спуститься отсюда было нельзя. Напрасно мы старались изучить все извилины отвесного спуска. Если и можно было найти такое место, где, цепляясь за камни, удалось бы спуститься с самого крутого откоса к более пологому склону, то и в этом случае пришлось бы спускаться дальше под угрозой постоянных обвалов—каменных и снежных. Время от времени они срывались с грани, на которой мы стояли, и с грохотом летели вниз.

Воробьев и Ходакевич отвалили огромный камень от одной из зубчатых скал. Сбивая десятки подобных же камней, он с страшным шумом и грохотом покатился вниз, подскакивая иной раз на несколько метров.

Нет, тут спускаться было невозможно. И все же у всех у нас была безусловная уверенность, что внизу именно Аю-джилга, а не ответвление какого-либо ледника из системы Мушкетова. Мы увидели также, что пик Четырех, который закрывал нам направление ледника после пово-

рота, представлял собою не только пик, но и хребет, который должен был разделить систему ледников Мушкедова и систему ледников Аю-джилга. Разрешить вопрос можно было, только взявши перевал между пиком Корженевской и пиком Четырех.

Вот почему, отдохнувши, мы быстро устремились вниз, опять на фирн к основному леднику, к месту, где мы бросили наши полушубки и рюкзаки. А там можно было уже решить—пойдем ли мы на следующий перевальный пункт между пиком Корженевской и пиком Четырех, или изберем какой-нибудь другой путь.

На перевальной грани полуовала Воробьев по обычаю соорудил каменную пирамиду.

Через тридцать пять минут мы были уже у рюкзаков. На путь вниз понадобилась ровно треть времени, затраченного на подъем. А через час мы двинулись дальше. Облака со всех сторон клубились над горами. Они шли сверху, они клубились и по бокам вершины. В этих условиях не было никакого смысла пытаться подняться ко второму перевалу между пиком Корженевской и пиком Четырех.

Так как все равно сюда, в эту часть «белого пятна», должны были после нас направиться Москвин и его группа для геологических и геодезических работ, я решил поручить им и в частности Володе Воробьеву, который согласился еще раз отправиться сюда, окончательное и детальное исследование района: подняться на вершину пика Четырех, оттуда исследовать направление ледника Аю-джилга. Для нашей разведки того, что мы знали, было достаточно, тем более, что без фотоаппарата не было никакой возможности продолжать исследование, а моя «лейка» не работала уже второй день.

Мы шли теперь вниз по тому ответвлению ледника Москвина, который оставили в стороне, когда три дня тому назад подымались до встречной вершины—пика Воробьева. Сейчас мы возвращались, обойдя, таким образом, пик Воробьева кругом. Мы знали, однако, по нашим наблюдениям, сделанным раньше, и по общему виду ледника, что путь будет тяжелый, но мы на это шли и потому бодро и уверенно шагали вниз.

Сперва фирн был такой же ровный и гладкий, как и у

конца ледника в северном цирке; потом трещины стали глубже и начали встречаться чаще. Приходилось искать все время переправы, мостики или обходить. Скоро начался сплошной ледопад.

Фотографии, которые мы помещаем здесь, дают представление об этом пути, однако дают все же лишь некое представление. В одном месте ледопад как будто на время прекратился. Это место зато было сплошь покрыто остатками громадных лавин. Глыбы льда в несколько десятков пудов весом валялись на пространстве, которое нам предстояло пересечь. Снег глубокий и мягкий попеременно с твердыми льдинами заполнял все пространство, а огромные снежные навалы грозили каждую минуту ринуться вниз и заполнить новыми обломками лежащее перед нами пространство.

— Поодиночке бегом!—скомандовал Воробьев и первый показал пример. Но оказалось, что бежать было невозможно: лед и снег задерживали движение. В конце концов мы махнули рукою и кое-как, но далеко не быстро начали перебираться через заваленное ледяными глыбами пространство.

Наконец мы пересекли его. Под огромным камнем нашли место для отдыха и остановки, пот катился с нас градом. Мы целый час отдыхали от тяжелого пути, который к тому же еще далеко не окончился. Впереди шел такой же ледопад.

К пяти часам с минутами мы миновали наконец и эту часть пути и вышли к каменистому руслу какого-то ручья, резко поворачивающего в сторону, налево от ледопада. Полчаса мы карабкались по этому руслу, и наконец перед нами открылась давно известная нам, наша родная и близкая «Теннисная площадка», совершенно ровная, покрытая мягкой зеленой травой, с широким и неглубоким озерком, мерцающим мелкой рябью от горного ветерка. Мы снова вышли в разветвление основного ледника, к месту, невдалеке от которого должна была находиться брошенная нами палатка с запасами провианта. Ходакевич вызвался разыскать ее; по нашим расчетам, она была в каком-нибудь полукилометре.

Работа по существу была кончена, мы находились всего в пяти-шести часах ходьбы от нашей третьей базы.

Так окончилась первая страница нашего исследования и нашей экспедиционной жизни.

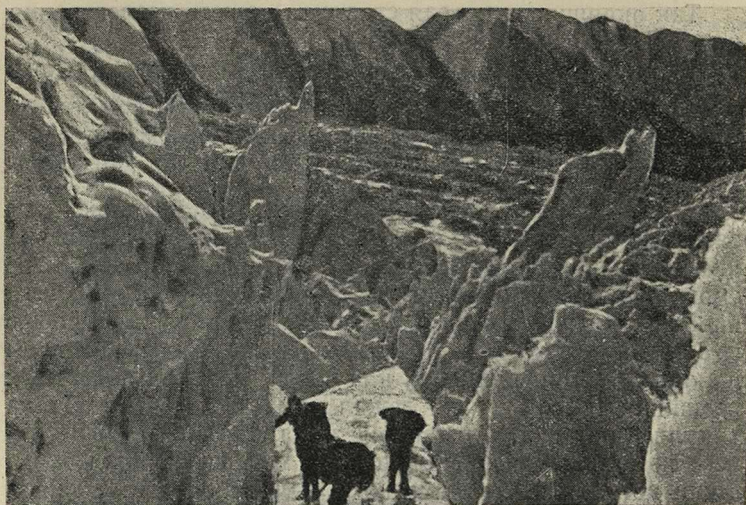
Мы рассчитывали, что завтра налегке мы не только в пять, а может быть и в три часа доберемся до дому.

31 августа

А утром мы проснулись в снегу. Что идет снег, мы заметили по тяжести, с которой полы палатки нависли над нами. Я попробовал было поднять их рукой и не смог, а когда выскочил из палатки, то увидел, что снега навалило на добрых два сантиметра. Он скрыл под собою всю зеленую траву, сплошь покрывал окружающие горы и скалы. И точно так же, как вчера, на всех окрестных вершинах густой тучей лежал туман, огромные облака тянулись по небу, а в стороне пика Сталина вообще ничего не было видно. Там рвала и метала снежная буря. Лишь потом мы узнали, что это была как раз та снежная буря, которую Горбунов и его группа выдержали на высоте семи тысяч метров во время подъема на пик Сталина.

Мне стоило большого труда поднять товарищей, которые отнюдь не хотели вылезать из мешков и приниматься за утреннюю работу. Из-за непогоды часть наших планов менялась. Прежде всего встали мы не в семь часов утра, а только в десять часов и решили ждать солнца. Дальше нужно было идти опять через ледопад, а идти в туман, слякоть и снег мы не хотели. Мы решили ждать солнца еще и потому, что кое-где облака прерывались, и в прорывах было видно чистое голубое небо. Можно было думать, что к полудню или ко второй половине дня небо прояснится совсем.

Эти надежды не осуществились. Правда, когда мы тронулись в путь, светило солнце, снег наполовину стаял, и только тучи продолжали клубиться по вершинам гор. Но через полчаса опять начался туман, небо заволокли тучи и снова пошел снег. Теперь не так легко было ориентироваться в направлении. Основное направление нам было известно, но где идет лучший путь через ледопад, трудно было решить. Приходилось искать его вновь. На это тоже ушло достаточное количество времени, и только в два

*Ледник Москвина.
Вид ледяных масс.*

часа дня мы выбрались из ледопада снова на каменную морену и перебрались через скалы к площадке № 1, той самой, на которую мы спустились с основного ледника, когда шли вверх.

Опять отдых и опять обманутые надежды... Небо как будто бы прояснилось, но новые тучи опять закрыли горизонт в направлении к пику Сталина, а оттуда шла непогода.

Но до нашей базы теперь было не больше часа ходьбы. И около трех часов мы прошли уже последний каменный спуск по руслу ручейка. Это было то русло, по которому мы подымались, но тогда оно лежало высохшее, а сейчас по нему бешено бурлила вода. Вот последний поворот, вот последняя скала, вот сейчас должна открыться перед нами внизу наша база. Вот забелела внизу и первая палатка...

Но на базе—никого. Все тихо. Правда, мы пришли днем, а сроком возвращения групп был назначен вечер,

но все-таки пустота нас поразила. Впрочем, кто-то есть. Человек сидит на корточках около белой штабной палатки. Кто это?

Да это Траубе из группы Москвина. Но почему он один? Если он тут, так где же другие?

Оказалось, Траубе был не один. На базе находился еще Стах Ганецкий, но он был болен. Траубе рассказал, что Стах свалился от какого-то острого заболевания на второй день после выхода группы, и Москвин отправил его обратно с Траубе. Последний день пути Траубе тащил его на себе, потому что Стах итти уже не мог.

— Где же Стах?—спросил я.

— Тут в палатке.

Я пролез в палатку. Бедный малый лежал, растянувшись на спальном мешке, покрытый всеми полушубками, которые тут были. Глаза у него были мутные, он почти бредил, температура, видимо, была до сорока градусов.

— Что с тобой?

— Не знаю,—ответил он.

— Хину принимал?

— Не было хины.

— Может быть, объелся? Живот болит?

Он замотал головой.

Траубе рассказал, что болезнь наступила внезапно при резко поднявшейся температуре. Для начала я решил дать Стаху здоровую порцию хины. Как малый ни протестовал, ссылаясь на то, что в Сталинабаде некий доктор ему сказал, что от хины люди глохнут, я заставил его принять сразу полтора грана. Рассуждал я так: если это малярия, такая порция должна подействовать; если не малярия, вреда не будет.

Ну, а где же остальные?

Остальные, по словам Траубе, пошли дальше и должны вернуться или сегодня, или завтра. На своем пути группу Бархаша они не встретили и ничего о нем не узнали... Это известие тоже было не из приятных.

А погода еще больше испортилась. Так как мы здесь были ниже четырех тысяч метров, то уже не снег, а дождь начал барабанить по нашей палатке. Со стен палатки заструились ручейки, и наша верхняя одежда стала намокать.

Вдруг на горизонте обрисовались две фигуры, но они

шли не в том направлении, откуда должен был прийти Москвин, а прямо подымались по леднику Фортамбек к нашей второй базе. Это оказались Петя Жерденко и наш Юсуп. Первый и основной вопрос, который мы задали, был тот же:

— Где Бархаш? На второй базе, на первой базе? Что вы о нем знаете?

Петя ответил, что ничего не знает. Нет никаких известий. Бархаш не возвратился, несмотря на то, что срок истек, ни на сагранскую базу, ни на базу в Фортамбеке.

Двадцать восьмого числа Петя вышел с сагранской базы, а сейчас был вечер тридцать первого. Бархаш двадцатого ушел с сагранской базы, чтобы двадцать восьмого быть на третьей базе, в крайнем случае он обещал быть тридцатого. Если бы ему не удалось пробиться сквозь льды, то он должен был двадцать шестого обратно вернуться на Сагран. Между тем прошли все сроки, а о Бархаше не было ни слуху, ни духу ни с сагранской базы, ни от группы Москвина.

Еще через два часа, когда стало темнеть, появились сначала носильщики из петиной группы (они, между прочим, принесли нам убитых по дороге Петей кииков), а затем уже в сплошной темноте заявили Солдатов и Недокладов из москвинской группы. Они рассказали, что Москвин еще остался с Вальтером у ледника Турамыс для производства съемки и что они, хотя прошли весь ледник Турамыс до конца, точно так же не встретили никаких следов группы Бархаша. При этом известии нас охватило уже не только уныние, а прямое беспokoйство.

Перевала на ту сторону, на ледник Сагран с ледника Турамыс, группа Москвина, по словам Солдатова, также не могла найти. Перевала нет. Мало того, ледяная стена замыкает там цирк кругом, и по ней почти с двухкилометровой высоты идут все время лавины и обвалы, а ледник пересекают большие трещины...

Какие выводы отсюда вытекали? Группа Бархаша не только не пробилась к нам от Саграна на Турамыс, но и не вернулась на Сагран. Где же она? Может быть, заблудилась? Может быть, ледники вывели ее куда-нибудь в систему ледников Гандо? Может быть, наконец, — что все-

го хуже, — случилось несчастье, и без провизии товарищи где-нибудь сидят в ледяной трещине или, хотя бы, среди ледяных скал и ждуг. Чего? Помощи? Достаточно было, чтобы с одним из них случилось несчастье, и вся группа тем самым осуждалась почти на верную гибель: Бархаш, Церетелли и Арик Поляков были не из тех людей, которые могли бы бросить товарища в опасности. Но как мы можем им помочь, когда даже не знаем, где они?

А тут опять пошел дождь и шел всю ночь, уже не переставая. К возможному несчастью прибавилась и непогода, удесятеряющая препятствия. Вечером особенно четко представились все тяготы положения: больной Стах, пропавший Бархаш и его группа, непогода, грозившая затянуться. Носильщики-таджики пришли с жалобами, что им «саук» (холодно), и просили поделиться с ними чем-нибудь из теплой одежды. Все, что было можно, мы им дали, и они, закутавшись и прижавшись друг к другу, залезли в свою палатку.

Я всю ночь провозился со Стахом. К утру ему стало лучше. Но когда я утром выбрался из палатки, все так же кругом клубились тучи и все так же попрежнему моросил дождь...

А Бархаша не было...

1 сентября

Шел дождь. Облака грязной ватой лежали на всех окрестных скалах и вершинах. Холодный ветер трепал полы нашей палатки. Было неуютно и скучно. И этот вечно морозящий дождь и серые, тянущиеся со всех сторон облака вселяли еще большую тревогу за судьбу Бархаша и его группы. Дождь здесь внизу означал снег наверху. Ветер здесь внизу знаменовал там вихрь и пургу, которые должны были занести трещины и пропасти и сделать тем опаснее путь. На большой же высоте пурга грозила занести снегом не только все дороги, но и самые палатки и живо похоронить под своим покровом смельчаков, дерзнувших бросить ей вызов.

Но как помочь им? Ведь мы могли только ждать, потому что пускаться в путь в такую погоду было нелепо.

Единственным утешением была мысль о том, что Бархаш и его группа, конечно, не двигаются никуда, а тоже сидят где-нибудь и переживают непогоду. Быть может, поэтому они так запаздывают. Но верно ли такое предположение? А если, в лучшем случае, и верно оно,—все же они беспомощны, захваченные бурей, а мы тоже бессильны им помочь!

Вот почему, когда солнышко прорывало тучи хоть на мгновение и блики синего неба вдруг открывались среди мглистого тумана, у всех нас сразу повышалось настроение. Хотелось верить, что непогода скоро кончится. Но вскоре тучи опять смыкались, и снова бесконечно моросил дождь.

Про себя я все же решил, что если до вечера не будет никаких известий от Бархаша, то второго числа, какая бы ни была погода, организовать группу для движения по Турамысу со специальной целью—искать его. Я ждал только вечера и прихода Москвина, чтобы принять окончательное решение. Может быть, Москвин принесет какое-нибудь известие, может быть, за эти дни он наткнется на следы, или сам Бархаш нагонит москвинскую группу. Москвина, по сообщению Вальтера, следовало ждать не позже вечера сегодняшнего дня.

От нечего делать мы сели за разбор вещей, которые надо отправлять вниз. А я опять начал возиться со Стахом. К общему удовольствию, лошадиная доза хинина, которую я ему закатил вчера, оказала исключительно благотворное действие: припадок не только не повторился, но Стах, видимо, поправлялся, хотя чувствовал себя очень слабым.

Но раньше, чем Москвин, пришли наши охотники. Еще с утра, подзадоренные успехом Пети Жерденко, они отправились, не считаясь с непогодой, на охоту. Я выдал двум из них—старикау Измаилу и молодому парню Патеку—по пятаку патронов и две винтовки. Они отправились рано утром с тем, чтобы вернуться вечером. Они пришли теперь с известием, что нашли стадо кииков в морщинах противоположного склона Фортамбек, гонялись за стадом целый день, пока не подранили одного большого козла. Раненый, он все же ушел от них, залег среди скал на крутом отвесном склоне, по ту сторону ледника. Но у них не хватило патронов, чтобы его добить, и они клялись, что добьют

и притащат его, если я им дам еще по два патрона. Охотничий азарт настолько охватил обоих, что они снова готовы были шагать через ледники и опять карабкаться на скалы, лишь бы только достать добычу. Патроны они получили и к вечеру действительно приволокли киика. Огромный козел, пудов на восемь, был их заслуженным трофеем. Чтобы легче тащить его, они там же на месте его освежевали, а пока приволокли шкуру, рога и мясо, нарезанное кусками. Большие ветвистые рога имели до одиннадцати колен, а это означало, что киику было не меньше одиннадцати лет. Радость охотников несколько отвлекла всех от мрачных мыслей, но только на время. Солнце давно уже спряталось за черные пики скал, приближалась темнота, ночь, а не было опять-таки ни Бархаша, ни Москвина с его группой.

Дождь перестал, и наступила теплая тихая погода. К утру можно было ожидать перемены в лучшую сторону. Ну, что же, и это было утешением!

Я забрался в палатку к Стаху и, закрывшись теплым полушубком, зажег свечку и примостился писать дневник... И вдруг крики:

— Бархаш, Бархаш пришел!..—сразу раздалось со всех сторон.

Пулей вылетел я из палатки. Воробьев, Вальтер и Сережа Ходакевич уже были наружи. Из-за ближних камней на нашу площадку подымались перегруженные как всегда тяжелой ношей пятеро: впереди, совсем-совсем уже близко, первым шел Бархаш, за ним Арик Поляков и Церетелли. Двое носильщиков замыкали путь. Вот они уже рядом с нами, целые и невредимые...

— Дьяволы... черти... Где вас носило? Что так запоздали? Откуда вы пришли?

И, не ожидая ответа, мы бросились их обнимать и целовать.

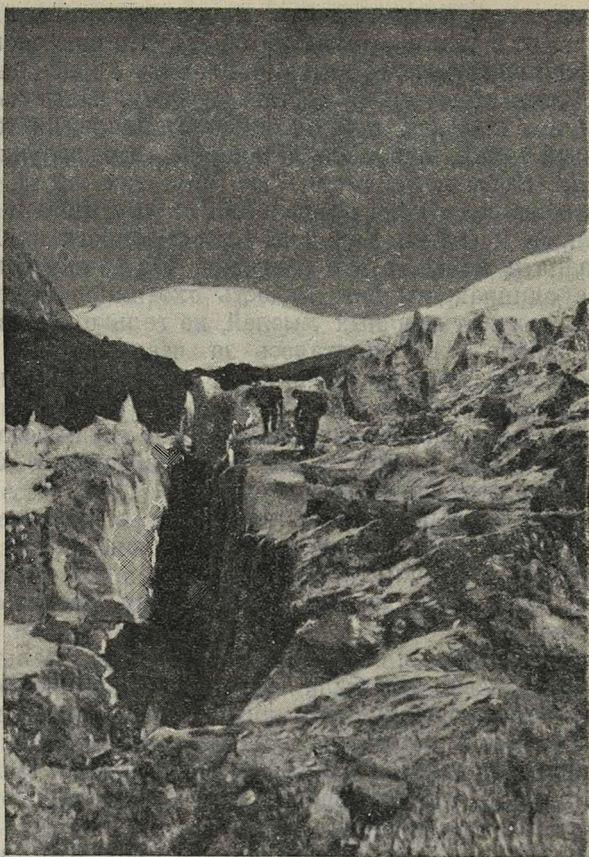
— И откуда у вас носильщики?

— Снизу пришли,—тоже весь сияя, отвечал Бархаш.— От Саграна, а потом со второй базы, и носильщики оттуда же, груз захватили очередной.

— Как же так? Почему со второй базы?

— Не пробились, не удалось!..

— А почему так поздно?

Трещина на леднике Сагран.

— Плутали и запоздали, зато в три дня мы прошли дорогу от Саграна до вас и на второй базе даже не останавливались.

— Вы в один день пришли сюда со второй базы?

— В один день.

— Ладно, потом, потом расскажешь, снимай все.

Повесть Бархаша была сравнительно недлинной. Оказалось, что, выйдя с сагранской базы, они сначала пошли

вверх правильно по Сагранскому ущелью и, согласно точно рассчитанному плану, уже на третий день повернули налево, на восток от Сагранского ущелья. Но дальнейший путь оказался чрезвычайно трудным. А когда они добрались до конца Саграна, после его поворота, то вышли на участок, совершенно незнакомый, ориентироваться на котором уже не смогли...

Они думали, что по предполагаемому маршруту выйдут через Сагран к верховью ледника Турамыс, так что справа от них будет лежать ледник Гандо, а слева Турамыс. Ледник Гандо они действительно видели, как рассказал Бархаш, с высоты перевала, на который они поднялись, видели и вершину Сакко и Ванцетти и «цепь Эльбрусят». Но слева они увидели не верховья Турамыса, который должен был повести их прямо на восток, а совершенно неизвестный им ледник, который к тому же поворачивал вовсе не на восток, а прямо на запад, т. е. ш е л о б р а т н о, в т о м с а м о м н а п р а в л е н и и, о т к у д а о н и п р и ш л и. Спуск на этот ледник был очень крут и труден, почти невозможен. И они были вынуждены повернуть назад, и тут их захватила непогода. Они долго ломали головы, что это за ледник, и в конце концов пришли к выводу, что перед ними не Турамыс, а ледник Шини-Бини, впадавший в Сагранский ледник раньше поворота последнего к востоку. Ледник Шини-Бини, по их словам, был чрезвычайно изрезан трещинами, а своими верховьями упирался в ледяной цирк, закрытый со всех сторон отвесной ледяной стеной, что исключало всякую целесообразность спускаться на него с высоты перевальной точки, где они стояли. Ничего кроме обратного движения по Шини-Бини на Сагран же не дал бы этот спуск.

Вот почему Бархаш и его группа вернулись обратно на сагранскую базу, но с большим опозданием против предположенного срока. А затем уже с сагранской базы обычным путем, но форсированным маршем они двинулись на базу Фортамбек, откуда захватили носильщиков и, переночевав, отправились на третью базу. Несмотря на все усилия, они все-таки опоздали на трое суток. Но хорошо уже было то, что они пришли, — по крайней мере окончились все тревоги и опасения. Теперь оставалось ждать только Москвина.

Москвин пришел лишь к девяти часам вечера вместе с остальными.

Таким образом, все наконец оказались вместе, и первая разведочная работа могла считаться оконченной. Важно было теперь же подвести итоги, определить дальнейший ход работы, тем более, что теперь можно было учесть и итоги работы группы Бархаша, согласовав их с итогами работы москвинской группы. Как-никак основной вопрос—о связи Сагранского ледника с ледником Турамыс—оставался неразрешенным, оставался загадкой. Но разгадывать ее мы решили только на следующий день утром, уже при солнце, и все вместе, на очередном нашем «реввоенсовете».

2 сентября

Утром действительно погода разгулялась. Солнце по-прежнему ярко сияло на безоблачном небе. Глубокая широкая синева опускалась со всех сторон куполом на покрытые снегом вершины. Лед сверкал на солнце. И только далеко у начала ледника, в морщинах гор и кое-где на черных и серых камнях, нас окружавших, еще плыли остатки облаков, но и они уходили или рвались на мелкие части и постепенно таяли в бездонной синеве.

Ясно, что после снежной бури мы имели впереди не менее семи дней, а то и все десять хорошей безоблачной погоды. Так как товарищи, пришедшие только вчера, нуждались в отдыхе, то о выступлении раньше завтрашнего дня не могло быть и речи. Вот почему к десяти часам утра я созвал наш «реввоенсовет», или производственное совещание,—можно назвать его и так.

Теперь уже надлежало по-серьезному обсудить ряд вопросов и более детально определить ближайший план работы. Сперва каждый из начальников должен был отчитаться в том, что он видел и сделал. Поэтому по очереди получили слово Бархаш, я и Москвин.

На совещание я созвал полный состав участников группы, поодаль, в кружок, разместились носильщики, хотя в наших разговорах они мало понимали.

Об итогах работы моей группы читателю уже известно; коротенько итоги работы группы Бархаша мы сообщили уже выше. Что же дала группа Москвина?

Москвин сказал, что он вместе со своей группой в итоге первого дня пути достиг не только поворотного пункта, где Турамыс поворачивал под прямым углом на запад, но и пункта, до которого он доходил в прошлом году, где Турамыс разветвлялся в свою очередь на два рукава—северный и южный, причем оба эти рукава шли параллельно, в том же направлении, на запад.

Первое неожиданное открытие он сделал, когда направил подгруппу по южному рукаву. Южный рукав оказался не самостоятельным ледником, а небольшим тупиком, очень скоро смыкавшимся вновь с северным рукавом Турамыс. Правда, он не смыкался с ним непосредственно, его продолжала отделять каменная стена. Но рукав тем не менее кончался после того, как полукругом загибал вновь по направлению к северному рукаву. Северный рукав, пройдя некоторое время в западном направлении, потом брал резкий уклон к югу и, поднявшись до пяти тысяч метров высоты, в конце концов, по словам Москвина, точно так же упирался в круглый цирк, из которого не было никакого выхода и никакого перевала. Каменные и ледяные стены запирали этот цирк. Таким образом, Москвин так же ничего не мог сказать о возможной связи верховьев ледника Турамыс с Сагранским ледником, по которому к Турамысу же стремился прорваться Бархаш. Москвин сообщил лишь, что ледник Турамыс и цирк Турамыс венчает большая красивая вершина, подымающаяся справа, если идти вверх по леднику, и что на эту вершину они пытались взойти: в частности альпинист Недокладов взобрался почти на самый гребень этой вершины, но подымавшаяся непогода помешала установить что-либо точное относительно того, что находилось за этим гребнем и за этой вершиной. Но самым интересным было третье сообщение Москвина. Он утверждал, что, по его убеждению, за этим ледником и цирком Турамыс и за этой вершиной с той стороны безусловно лежат верховья ледника Сагран и что, следовательно, предположение Бархаша о том, что от верховьев Сагранского ледника он

вышел не к Турамысу, а к Шини-Бини, едва ли отвечает действительности. Бархаш, вероятно, ошибся, и перед ним лежал не Шини-Бини. Так поставил вопрос Москвин.

Бархаш самым категорическим образом возражал против подобного предположения Москвина и продолжал утверждать, что он шел по Сагранскому леднику совершенно правильно, что Сагранский ледник, как и следовало ожидать, поворачивает на восток, но что верховья Саграна не уперлись в верховья Турамыса, что цирк ледника, который он видел сверху, был все же цирком Шини-Бини и что, следовательно, прямой связи перехода и даже прямого стыка верховьев Турамыса и Саграна, разделенных только одной каменной стенкой, в которую уперся Москвин, нет. Обе стороны оставались при своем.

Таким положением вещей мы, конечно, удовлетвориться не могли, и это основное разногласие решило вопрос о плане наших работ, по крайней мере на ближайшие пятьдесят дней. Две группы сами собой, таким образом, определились. Одна должна была немедленно двинуться по следам Москвина, чтобы, пользуясь хорошей погодой, не только пройти весь ледник Турамыс до конца, но и взойти на вершину, на которую взобрался Недокладов, чтобы с ее гребня посмотреть, что же находится непосредственно по ту сторону перевальной грани на восток от ледника Турамыс: Сагран или не Сагран, может быть Шини-Бини, а может быть еще один ледник. В этих последних двух случаях дело усложнялось, потому что следовало искать—куда же выходил Сагран, протекавший, видимо, немного южнее. Разрешить этот вопрос нужно было еще и потому, что, как заявил Измаил, проводник Москвина, когда-то этим путем прошел некий известный басмач и попал таким образом через Фортамбек в Гармо и долину Хингоу, т. е. в район, находившийся уже на южной стороне хребта Петра Первого, исследованной нами в 1931 и 1932 годах.

Задачу разрешения всех этих проблем я взял теперь на себя, сформировав свою группу из Бархаша и Церетелли. Оба они были нужны, ибо они знали, по свежему опы-

ту, расположение основных вершин и ледников в верховьях Саграна. С вершины перевального пункта над Турамысом можно было быстро ориентироваться, что же лежит к западу—Сагран или Шини-Бини?

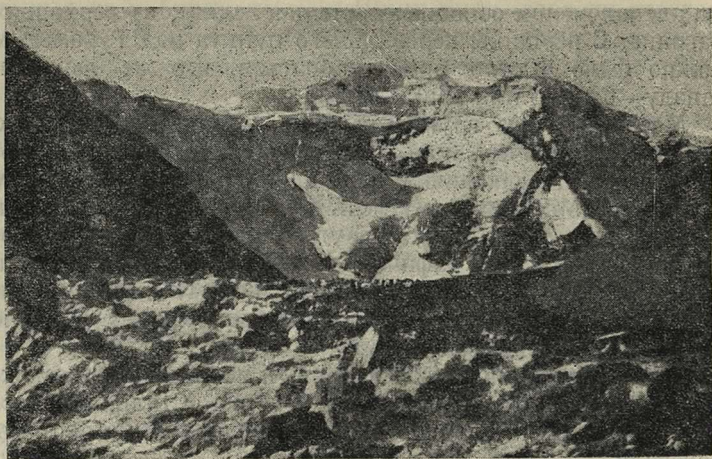
Москвин и его группа решили отправиться вместе с Ариком Поляковым, как лейкистом (фотографом), и Воробьевым и Ходакевичем, как проводниками, по нашим следам, по Москвинскому леднику. Москвин здесь нужен был вместе с геодезической группой для производства геологической и картографической работы. Воробьев же и Ходакевич должны были по Москвинскому леднику привести их к пику Четырех. Задание было сформулировано для них следующим образом:

Во-первых, попытаться изучить и исследовать возможность подъема на снежное плато пика Сталина по основному ребру той ледяной стены, у подножья которой мы ночевали.

Во-вторых, взойти на пик Четырех, чтобы с его вершины разрешить вопрос о том, что за ледник мы видели с перевального пункта и фирновых полей: из системы Аю-джилги или из системы ледника Мушкетова.

И, в-третьих, изучить не только возможность спуска с фирновых полей на ледник Аю-джилги (мы предполагали все же, что это Аю-джилга), но и все возможности подъема с Аю-джилги на хребет Академии в целях дальнейшего продвижения к леднику Федченко. И на то и на другое задание обе группы получили сроку восемь дней—с третьего по одиннадцатое число. Такой большой срок был дан потому, что сверх разрешения этой задачи на свою группу я возложил еще одну задачу, не менее существенную и важную.

Читатель помнит, что в задание экспедиции входило не только изучить все пространство «белого пятна» к западу и востоку от третьей базы, но и попытаться связать обследованное нами пространство с изученным пространством по ту сторону хребта Петра Первого, непосредственно в южном направлении от третьей базы. Чтобы проникнуть туда, нужно было взойти на снежное плато, к подножью пика Сталина. Задание изучения возможности подъема было поручено, между прочим, Воробьеву.

Пик Зинаиды Крыленко, 6 600 метров высоты, на ледяной стене хребта Петра Первого у поворота ледника Фуртамбек. Высота ледяной стены 2 километра.

Но Москвин сказал, что ледник Турамыс после его поворота на восток идет все время вдоль такой же самой ледяной стены, на которой возвышался пик Сталина, и на этой ледяной стене,—о чем мы тоже писали,—возвышался пик Зинаиды Крыленко. По сообщению Москвина, эта стена, образуя границу ледника Турамыс, представляла собою цепь новых пиков, чрезвычайно высоких и совершенно недоступных, пока ледник не упирался в тупик с возвышающейся над ним вершиной, на которую пытался взойти Недокладов.

Наша группа поэтому также получила задание попытаться найти возможность подъема на ледяную стену хребта Петра, в частности к пику Зинаиды Крыленко, чтобы с его вершины посмотреть по ту сторону хребта Петра Первого. Это задание было очень и очень трудное. Нашей группе было поручено пока поискать только подступов к пику Зинаиды, т. е. точно так же изучить возможность подъема, но не подыматься. Последнее, т. е. подъем на снежное плато и затем на пик Зинаиды Крыленко или на плечо

пика Сталина, было решено поставить самостоятельным заданием после возвращения обеих групп, приблизительно в промежутке между двенадцатым и двадцатым сентября. По возвращении групп можно было учесть, где подъем доступнее, и уже после этого двинуться всей экспедицией на эту последнюю и самую трудную твердыню.

После же двадцатого ориентировочно было решено двинуться уже из района Фортамбек и, вернувшись на вторую базу, продолжить изучение долины реки Мууксу, по Фортамбеку, к востоку вплоть до Алтын-мазара. Мы тогда могли бы зайти к Аю-джилге и через Аю-джилгу совершить последний переход через хребет Академии к леднику Федченко.

На «реввоенсовете» была решена и судьба не вошедших в обе группы товарищей—больного Стаха и Жерденко. Их мы решили немедленно, завтра же отправить вниз на базу № 2. Стах должен был отлежаться там окончательно. А так как отпуск из Военно-воздушной академии у него был только до пятнадцатого сентября, то я решил его отправить, после того как он отлежится, в Москву вместе с Ариком Поляковым. Петя должен был за этот короткий промежуток времени обеспечить обоих мальцов транспортом, доставив необходимое количество вьючных и верховых лошадей в долину реки Хадырша, находившуюся, как читатель помнит, в одном дне пути от нашей второй базы.

Последним разрешили вопрос о носильщиках. Себе я взял опять-таки Юсупа; Исмаил пошел с Москвиным, Патека решили отправить вниз с Петей и Стахом.

Наше совещание окончилось только к двенадцати часам. Все проголодались. Зато теперь Арик взялся за работу и,—благо мяса было довольно,—решил угостить всех нас великолепным бифштексом из мяса молодого кийка, убитого Петей. Нужно признаться, что давно уже никому из нас не приходилось есть таких прекрасных бифштексов. И не будет преувеличением сказать, что не меньше трети кийка было уничтожено сразу. А потом нам дали мясной жирный суп, а также какао с сгущенным молоком. Так вознаграждали мы себя

за все вчерашние тревобления, слякоть, дождь и непогоду.

А после обеда я отправился с Бархашом и Недокладовым на ближайшую скалу для обследования возможности восхождения на пик Зинаиды. По словам Недокладова, отчасти поддержанного Москвиным, подъем на пик Зинаиды с ледника Турамыс был возможен и не представлял непреодолимых трудностей. Я не особенно доверял этим словам, так как самый характер повествования Недокладова об его восхождении внушал некоторое подозрение, что парень маленько «заливает».

Была и другая причина такой проверки. Дело в том, что, как бы то ни было, а спортивный азарт крепко сидел в каждом из нас. Ледяная стена над ледником Турамыс манила и дразнила. Было прекрасно видно, что скалы переходили на определенной высоте в совершенно ровное плато, являющееся продолжением того же плато, в которое переходила стена, служившая подъемом к пику Сталина. Подъем на это плато был одновременно и подъемом к этой гигантской вершине. Мысль о победе над этим гигантом волновала все-таки каждого из нас. Принятое же условное решение организовать восхождение на ледяную стену в зависимости от того, будет ли найдена возможность подъема, по существу нас не удовлетворяло.

Пик Зинаиды горел тысячью огней и не менее манил, а подъем на этот пик от плато был гораздо легче, чем на пик Сталина. Важно было только подняться на это плато.

Одного взгляда в бинокль было, однако, достаточно, чтобы пролить на самого горячего сторонника подъема ушат холодной воды. Обнаженное, блиставшее вечным снегом ребро снежной стены говорило скорее о полной невозможности какого-либо подъема, нежели о легкости о чем толковал Недокладов. Громадные навалы льда и снега висели на протяжении всей стены, и следы лавин бороздили ее по всем направлениям.

Недокладов все-таки продолжал утверждать, что он нашел подъем и что подъем идет по совершенно бесснежным, черным скалам чуть ли не до самого снежного

ребра. И Москвин утверждал, что такой подъем не исключен. Москвиным, видимо, тоже уже овладел «дух гор», этот властелин над всеми, кто попадает в высокогорные районы, посылающий на смерть смельчаков и одновременно жестоко мстящий всем, кто без должной подготовки осмеливается нарушить покой его державы.

Подробно изучивши подъем в бинокль и придя к выводу, что во всяком случае не полностью исключена возможность подъема, мы вернулись в палатку и еще раз начали взвешивать все «за» и «против», в частности размер и степень риска при попытке подъема для тех, кто пойдет на штурм этой страшной ледяной стены и затем самой снежной твердыни. Но цель была все-таки так заманчива, азарт был так силен, что в конце концов я решился.

Уже поздно вечером, часов в десять, когда по всем правилам полагалось спать и когда все действительно пошли спать, я вызвал к себе в палатку Бархаша и предложил новое перераспределение сроков, чтобы оставить больше времени для подготовительной работы к восхождению и для самого восхождения. Я предложил сократить срок нашего второго этапа работы и обязать всех вернуться не одиннадцатого вечером, а девятого, с тем, чтобы все время с девятого по двадцатое сентября обязательно посвятить восхождению. Бархаш целиком пошел мне навстречу. Тогда моментально был вызван сюда же в палатку Воробьев. Он, как был без штанов, в одних трусиках, немедленно явился и тоже с энтузиазмом откликнулся на наше предложение. Тогда был вызван Москвин.

Палатка наполнилась остальными участниками экспедиции. Утреннее решение было немедленно переделано. Окончание работ второго периода было сокращено. Сроком было намечено девятое. Время с девятого по двадцатое решено было потратить специально на восхождение, причем два дня—на подготовительную работу.

Так закончено было установление планов и распределение сроков работ. Как читатель увидит, оно также не оказалось последним.

ВВЕРХ ПО ТУРАМЫСУ

3 сентября

С утра началась обычная суতোлка перед выступлением. Хотя еще с вечера все грузы были распределены, отобран провиант и в основном закончена упаковка, утром в порядке проверки все было по существу проделано заново. А когда сели пить чай, то оказалось, что нет уже ничего коммунального—сахара нет, печенья нет, сыра нет, масла нет и пр.,—все уже было разобрано и роздано по группам. Зато на завтрак, кроме чая, был сварен огромный котел супа из киичьего мяса, причем Арик постарался, и наvara в супе было столько, что только наши непритязательные желудки смогли вынести подобное количество жира.

В десять часов утра первой тронулась наша группа. Прямо от базы мы двинулись вниз опять на лед Фортамбака. Несмотря на то, что караванщиками и носильщиками была проделана к базе широкая тропа, нам опять пришлось долго карабкаться в пункте соединения скал каменных и скал ледяных, пока вышли на более или менее ровное ледяное пространство. Когда же, пройдя это первое препятствие, мы обернулись назад, наша база представилась нам уже небольшой площадкой среди огромных каменных утесов, а копошащиеся на ней люди и наши беленькие палатки—еле заметными точками, разобратся в которых можно было только в бинокль.

А спереди и с боков перед нами уже поднялись то грязные, то блестящие огромнейшие ледяные валы. Они представляли собою второй ряд препятствий, через которые нужно было перебраться, чтобы дойти хотя бы до первой тянущейся вдоль Фортамбака морены, где можно было бы идти более спокойно, без напряжения.

На путь от базы до морены ушло около полутора часов, хотя пути было не больше двух километров. По морене пошли легко. Правда, она вся была загромождена камнями разной величины; здесь были и утесы в рост человека, и огромные булыжники в несколько десятков пудов веса, и мелкий щебень. Но все же это были не пропасти и не скалы.

Основная глыба моренного хребта представляла собою сравнительно твердую утрамбованную поверхность. И пока она тянулась, пересекаемая лишь изредка расщелинами, трещинами или нагромождением скал, мы шли сравнительно быстро. Вскоре слева потянулась еще одна такая же морена, и такая же морена зазмеилась справа. В связи с этим наша морена утратила свой прежний характер, начала ерзать и приближаться то к одной, то к другой своей соседке. Все чаще и чаще стали образовываться глубокие впадины, и наконец наше движение по морене превратилось в давно нам всем надоевшее нырянье то вверх, то вниз по ледяным холмам, покрытым камнями. Ледник приближался к повороту.

Мы взяли вправо от нашей морены, чтобы держаться ближе к правому склону Фортамбека. Мы знали, что в конце концов нам придется, когда мы упремся в ледяную стену, повернуть по направлению ледника направо. Движение по правой стороне ущелья давало большую экономию пути. Кроме того, мы знали что при повороте ледника мы столкнемся с ледопадом, неизбежным при всяком крутом повороте, и, чтобы избежать этого ледопада, нам придется подняться с ледника на скалы. А это можно было сделать опять-таки только по правой стороне ледника,— по левой пришлось бы делать очень большой лишний круг.

Около часа дня, т. е. уже через три часа после выхода с базы, мы остановились. Бархаш роздал всем по одной конфетке и предложил маленько перекусить. Мы шли уже теперь по последней крайней морене в непосредственной близости правого склона ущелья. Морена скоро кончалась, и видно было, что впереди уже подымается громадная ледяная масса, вся изрезанная глубокими расщелинами и пропастями. Переход на скалы был неизбежен.

Лед, по которому, пожалуй, можно было пройти, весь сконцентрировался на противоположной левой стороне ледника, где он шел широкой полосой, пересеченный лишь кое-где трещинами; зато в своем радиусе он составлял пространство, требовавшее дополнительно новых трех или четырех часов пути.

Все это вынуждало нас сейчас же поставить вопрос о переходе с ледника на скалы. Но правая сторона горного

ущелья также не представляла собою ничего утешительного. Это была огромная осыпь, подымавшаяся непосредственно от ледяных скал и наверху переходившая в острые каменные скалы. Итти пришлось бы по середине осыпи или непосредственно по самой грани ее, там, где она соприкасалась с ледяными скалами. И в том и в другом случае путь требовал больших усилий, хотя и не представлял опасности. Решили поэтому сейчас же направиться им. Но путь по щели между льдом и осыпью был очень труден. Можно сказать, что это был самый трудный участок из всех пройденных нами не только за этот, но и за следующие дни. Он напомнил мне движение нашей экспедиционной группы в 1931 году по Сагранскому леднику к Пешему перевалу. Как тогда, так и теперь, пришлось итти по колени в жиже из льда и грязи, упираясь руками, с одной стороны, в отвесную ледяную стенку и, с другой, в киселеобразную массу, которую представляла собою осыпь, вся пропитанная водой, стекавшей бесчисленными ручейками сверху, из-под растопленного горячим солнцем льда. В отдельных местах, там, где нельзя было пройти нормальным порядком, приходилось пролезать между льдом и комьями этой мокрой грязи, пока мы не выбрались из расщелины и не вышли к более прочной почве, по которой уже можно было подняться к осыпи. По осыпи мы поднялись наконец к первой пологой терраске, возвышавшейся над оползнями из льда, камней и песка. На терраске мы все сразу вздохнули и даже ахнули: такой картины в этом районе и на этой высоте мы никак не ожидали,—высота была все-таки около четырех тысяч метров, если не больше. Внизу был лед, камни и скалы. Над нами высились новые каменные громады, а между тем на терраске, где мы остановились, зеленела трава, тихонечко плескалось голубое озерко, и несколько пар диких уток с кряканьем поднялись от воды, как только мы взошли на терраску. И эта терраска была не единственной. Выше ее подымалась и тянулась еще одна.

Мы решили сразу взять повыше и, поднявшись от первой терраски на вторую, потом уже итти, не подымаясь ни вверх, ни вниз, приблизительно на одной высоте по склону каменистого хребта. Как только мы поднялись на вторую терраску, нас оглушил поднявшийся со всех

сторон пронзительный свист альпийских сурков; потревоженные в своем жилище, они сторожевыми фигурами стояли теперь почти на каждом холмике, на каждом выступе террасы, перекликаясь друг с другом и немедленно скрываясь в свои норы, как только мы делали шаг по направлению к ним.

Но сурки были не одиноки. Поднявши головы, мы увидели, как уходило от нас вверху целое стадо кийков, снявшееся с той же самой террасы задолго до нашего появления. Вытянувшись в длинную цепочку, все стадо быстро карабкалось вверх по камням, выше и выше, пока не скрылось за новым венчавшим подъем каменным гребнем...

Мы очень долго шли по террасе, затем по осыпи, потом опять по террасе, затем снова по осыпи, и так—до поворота ледника. Тут мы решили опять изменить маршрут. Собственно, козлы нам указали дорогу. «Если козлы ушли, — начали мы рассуждать, — от нас в направлении несколько наискось, как бы срезая угол, который нам предстояло сделать, когда ледник повернет направо, почему бы нам не последовать их примеру?» Если терраса будет продолжаться и после поворота ледника, нам гораздо выгоднее сразу же повернуть вслед за козлами, чем итти все время вдоль ледника и потом опять итти вдоль по второй стороне угла. Мы решили срезать этот угол в расчете, что после опять начнется терраса. А поднимавшиеся снизу скалы, утесы и ледопад говорили, что мы выгадаем очень много не только с точки зрения пространства, но и с точки зрения трудностей пути. Еще одним соображением за такое сокращение пути было то, что уже шел четвертый час, а мы еще не дошли до поворота.

Мы не ошиблись. Правда, для того, чтобы срезать угол, нам пришлось вслед за козлами взять довольно большую крутизну по осыпи и камням. Но зато, когда эта крутизна была взята, мы оказались приблизительно на прямой линии, делившей угол пополам. И внизу, с той стороны, шла снова такая же терраса, которой мы шли...

Большая зеленая лужайка тянулась вниз на протяжении нескольких километров, что обещало нам легкую и удобную дорогу. Ледник шел где-то далеко внизу, параллельно ледяной стене, которая в свою очередь была нам

теперь видна вся по ту сторону ледника. Итти стало опять легко, весело и приятно.

Беда подстерегала нас с той стороны, с какой мы ее никак не ожидали. Из рассказа Москвина мы знали, что он тоже вышел на эту зеленую лужайку и что, пройдя по ней час с небольшим, он где-то тут стал лагерем около шумливой речки или ручейка, бежавшего по одной из расщелин, и что там же, около этого ручья, им был сложен запас топлива, которое он предусмотрительно взял с собой.

Когда мы вступили на зеленую лужайку, мы увидали, что трава ее была жирная и густая, ярко-зеленого цвета. Это означало, что близко где-то есть вода. В некоторых местах трава переходила даже в мох. Это означало, что почва настолько сыра, что обычная горная трава не может расти. Но была трава, был мох, а воды не было: все ручейки были сухи. Тем не менее мы быстро шагали вперед, полагая, что не здесь, так через полкилометра, а воду мы найдем. Но мы прошли очень скоро одно высохшее русло, другое высохшее русло, третье высохшее русло, два высохших озера,—а воды нигде не было. С боков подымались голые скалы, выше трава исчезала вовсе. Итти за водой на ледник—это означало итти далеко вниз с большим трудным спуском по скалам.

В пять часов мы остановились. Где-то здесь должна быть стоянка Москвина и сложено оставленное им топливо. Москвинскую стоянку можно было найти по остаткам лагеря, по брошенным консервным банкам, но сколько мы—Бархаш, Церетелли и я—ни рыскали в разных направлениях по зеленой площадке,—никаких следов стоянки не видели. Не было и воды. Правда, земля на дне канавок была кое-где влажна, в одном месте я натолкнулся на некоторое подобие болотца, где вода блестела среди мелкого тростника, но достаточного количества воды не было. За несколько дней со времени, пока здесь был Москвин, вода высохла.

Наконец Юсуп прибежал с сообщением, что он нашел таки воду. Довольно далеко от нас журчал свежей холодной водой ручеек. Бросивши всякие дальнейшие поиски москвинской ночевки, мы решили организовать возле него нашу первую остановку на ночь. Поворот ледника был

уже за нами, мы были уже не на Фортамбеке, а на Турамысе. Для первого дня пройдено было достаточно. Остаться нужно было и для того, чтобы ориентироваться в положении вещей и прежде всего в характере подымавшейся перед нами ледяной стены склона хребта Петра Первого: ведь мы стояли у самой южной грани северного «белого пятна».

Мы остановились на отдых на широкой зеленой лужайке, которая представляла собою верхнюю площадь террасы, опиравшейся на высокое скалистое подножье, подымавшееся непосредственно от ледника. Высота подъема, отделявшего нас от льда, была метров двести. Склон от нашей лужайки шел бесснежный, крутой, метров на четыреста-пятьсот, а может быть и больше.

Ширина ледника, отделявшего нас от начала подъема на ледяную стену, была приблизительно километра полтора-два. Первое впечатление гладкой стены, так сказать на-глаз, было неутешительное. Ледяная стена, поскольку она нам была видна отсюда, представляла собою очень трудный для подъема профиль, который к тому же был нам виден только в самой нижней части. Он не казался совершенно невозможным ни по крутизне, ни по характеру. Все зависело оттого, каков характер льда, все ли время будет лед, какова степень опасности от лавин или камнепада. И точно так же все это можно было узнать только на месте. Поэтому мы решили весь завтрашний день посвятить разрешению этого вопроса и попытаться подняться на ледяную стену. Не менее интересные открытия мы сделали при изучении того, что перед нами открылось на восток.

Благодаря тому, что мы срезали по прямой весь угол поворота ледника Фортамбека в ледник Турамыс, мы не могли видеть из-за скал, каким образом в свою очередь поворачивала направо противоположная (левая) сторона ледника. Мы видели с нашей стороны только либо каменистые склоны, либо отвесные осыпи.

Сейчас нам стал виден самый угол поворота. Оказалось, что там, где ледник поворачивал направо, как раз по линии ребра поворота, там, где смыкалась ледяная стена хребта Петра Первого с левым склоном ледника Фортамбек, шла большая каменная щель—ущелье, и

Ледяная стена и плато на леднике Турамыс.

Налево пик Сталина.

это ущелье было все заполнено огромным ледопадом. Ледопад этот очень круто начинался с самого верха от ровного снежного плато, которое венчало ледяную стену, шел одним ледопадным коленом, приблизительно до высоты половины ледяной стены, затем образовывал более пологое пространство, хотя тоже довольно крутое для подъема; потом начиналось второе колено ледопада, после чего опять начинался новый и менее крутой склон, по которому ледник выходил на основной ледник широким веером-языком, без всяких скал и ледяных ступеней, подобно тому, как выходила бы из мешка мука, если бы внезапно вы прорезали мешок и дали возможность ей высыпаться. Этот язык ледника выходил прямо в то большое пространство ровного льда, которое примыкало к левому склону при повороте основного ледника. Невольно, таким образом, возникала мысль о возможности по этому вееру-языку подняться к первому колену ледопада, взять его, отдохнуть на второй площадке, взять потом верхнее колено и выйти на верхнее снежное

плато. А оттуда,—и это было самое главное,—нам это ясно было видно—шел ровный путь к началу подъема на плечо пика Сталина. И самый этот снежный гигант весь предстал перед нами с его западной стороны, в той его части, где он образовывал собою тот стул, трон, который мы наблюдали в свое время, в 1932 году, с ледников Гармо и который было совершенно невозможно видеть ни с ледника Федченко, ни с Бивачного ледника. Этим в частности объяснялось отсутствие этого изгиба на первоначальных (немецких) снимках пика Сталина, произведенных в 1928 году.

Но первое впечатление о возможности подъема сейчас же было расхоложено трудностями, которые немедленно же обрисовались. Ледопад был круг, в особенности первый, а язык-веер чрезвычайно коварен. В этом мы убедились очень скоро. Весь ледник в его средней части вдруг покрылся облаками снежной пыли, гулкий грохот донесся к нам. Огромная лавина, оторвавшаяся от верхнего колена ледопада, с страшной быстротой шла вниз, наполняя шумом и пылью все пространство каменной щели. Когда она перешла в первый этаж, она как раз вышла на снежный веер и рассыпалась на нем новым слоем снежной пыли. Веер образовался потому, что именно по этому месту постоянно шли ледяные лавины.

В таких условиях всходить по этому пути на снежное плато было бы авантюрой и просто безумием. Придя к такому выводу, мы решили на завтра попытаться штурмовать стену в том направлении, которое лежало перед нами, а пока лечь спать. И тут сказалось то, что мы поднялись от своей базы по меньшей мере метров на восемьсот. Настала яркая лунная ночь и вместе с ней жестокий мороз.

Чтобы согреть Юсупа, я уступил ему своей брезентовый мешок и свой полушубок, и он забрался спать в брезент в двух полушубках сразу.

«Якши»,—сказал он нам на прощанье, закупориваясь в него получше всякого сурка...

Луна сверкала на ледяных вершинах... Было тихо, и только время от времени грохот лавин нарушал ночную тишь...

Мороз продолжался всю ночь и все утро. Наша зеленая площадка находилась в котловине и со всех сторон был прикрыта горными вершинами. Солнце поэтому добралось к нам только в девятом часу, а до этого мы должны были согреваться собственными средствами. Мы надели на себя буквально все, что у нас было. Наши белые костюмы из гагачьего пуха делали нас похожими на самоедов. Так как мы на штурм стены решили итти налегке, то наши сборы были недолги. Мы позволили себе поэтому немного застрять, чтобы дожидаться солнца, и вышли только в десять часов утра, после чаю. Обед мы решили отложить до вечера.

Юсуп во время нашего отсутствия должен был отыскать во что бы то ни стало прежнюю стоянку Москвина и брошенный им запас дров. Пускать в ход нашу «метту» без особой в том нужды не хотелось. Юсуп просился было с нами, заявляя, что он тоже пойдет с нами туда, «где шайтан живет», но мы решили, что пока он должен остаться. Двинулись в одних теплых куртках и свитерах с одним полупустым мешком на троих. С собой мы взяли только веревки, ледорубы, кошки и очень небольшой запас провианта, фотоаппараты и альтиметр. Бархаш и Церетелли пошли даже без ватных тужурок.

От нашей базы спуск ко льду мы пределали очень скоро. Он был нетруден, хотя и крут. Зато, как только мы вступили на лед и стали пересекать ледник прямо поперек к ледяной стене, мы увидали, что над этой частью пути придется поработать. Три или четыре гряды белого и моренного льда подымались одна за другой и шли вдоль ледника. Одну за другой приходилось их брать, то подымаясь вверх, то спускаясь для того, чтобы опять подыматься на такие же каменные или ледяные глыбы.

На середине ледника мы остановились под большим камнем на минутку на отдых. Отсюда можно было уже осмотреться и приблизительно ориентироваться в лучшем пути. Ледяная стена подымалась от нас в расстоянии какого-нибудь полукилометра и была вся отчетливо видна.

Высота, на которой мы находились, была уже четыре тысячи четыреста метров. Если считать высоту ледяной стены в два километра, то плато, на которое мы хотели подняться, лежало, следовательно, на высоте шести тысяч четырехсот метров.

Но откуда начинать штурмовать ледяную стену?

Лев Львович Бархаш указывал следующий путь: пересечь прямо ледник к месту, где ледяная стена образовывала собою ребро, резким углом врезавшееся в ледник. Левый склон этого ребра был весь снежный, правый же склон был на некотором пространстве обнаженный, и это была именно та бесснежная часть, о которой говорили Москвин и Недокладов и которую считали наиболее удобной для подъема.

По этой бесснежной части, представлявшей собою крутой подъем по осыпи попеременно с камнями, можно было подняться приблизительно под уклоном в шестьдесят градусов до трети ледяной стены. Потом приходилось все же перейти на снежную часть и дальше подыматься по снежному, вернее по ледяному склону.

Этот путь предложил Бархаш, а я предложил другой: мне путь по осыпи и скалам не нравился, он был и крут и труден. Я предлагал подойти непосредственно к самой стене, к другому ее ребру, где она, сделавши выступ, снова приобретала прежнее направление. Там было не ребро-выступ, а ребро-желоб, и по этому ребру-желобу, гораздо менее крутому и покрытому мягким снегом, можно было бы легче пройти, тем более, что желоб подымался не до трети всей стены, как бесснежная часть стены, а почти до самого верха, до снежного плато. Решили сначала пройти весь ледник и подойти непосредственно к самому подъему, а потом уже выбирать путь. Но как только перешли ледник,—решение явилось как-то само собой: попытаться тут же прямо в лоб подняться по льду к первым скалам и потом по бесснежной части ребра и затем перейти на снежную часть.

Подъем не казался таким трудным, чтобы перед ним отступать. И приблизительно к двенадцати часам мы перешли уже ледяной мост, соединявший первые скалы с ледником, и начали смело карабкаться вверх к обледеневшей каменной осыпи.

Теперь, когда мы были уже непосредственно вблизи ледяной стены и уже по существу начали на нее карабкаться,—теперь только можно было оценить и понять реально всю гигантскую громадность этого естественного препятствия. В два километра определяли мы раньше на-глаз высоту предстоящего подъема, но не представляли отчетливо, что значат эти два километра. Сейчас, когда мы начали карабкаться, мы реально «ощущали» на себе, что это значит. Сначала под нами разверзлись огромные ледяные расщелины и пропасти, отделявшие ледяную стену от ледника, и хотя приклеенные морозом к обледенелой поверхности мелкие камешки и песок представляли собою достаточно устойчивую опору для ног, тем не менее очень скоро, по мере того, как по этим намерзшим на лед камешкам мы приближались к каменной осыпи, крутизна последней стала настолько ощутительна, что дальше пришлось двигаться буквально ползком. Только сейчас мы могли реально ощутить и понять всю ту массу трудностей, которые предстояли нам в дальнейшем, если подъем не будет отложе или если в дальнейшем придется проделать этот подъем не по замерзшей или крепко схваченной морозом почве, а наоборот—по почве оттаявшей или покрытой мелким снегом.

В самом опасном месте перехода по ледяному покрову к каменной осыпи мы остановились. Наиболее целесообразно было бы здесь надеть кошки, но сейчас их надевать было нельзя. Слишком трудно и опасно было надевать их в том наклонном положении, в котором мы находились. Пришлось переходить это пространство, помогая друг другу. Тут сказалась блестящая техника Церетелли: без кошек он лез по скалам, льдинам и трещинам, не уступая лучшему горному козлу. В то же время он заботливо обдумывал каждый шаг не только за себя, но и за всех остальных, и всегда можно было быть уверенным, что в самый трудный момент под ногой у меня и у Бархаша окажутся во время подsunутыми или его ледоруб или его рука, а в отдельные моменты—его спина и даже голова. Мы поднялись наконец к каменной осыпи, к первым скалам.

В других условиях дальнейшее движение было бы по существу нетрудным. Подъем продолжал быть таким же

крутым, но не так уж трудно идти по осыпи, хотя бы и очень крутой, когда впереди видишь скалы, между ними проход и когда ничто не грозит ни справа, ни слева, ни под ногами. Даже веревку в таких случаях не приходится применять. Но всех трудностей мы все же не рассчитали. Не успели мы подняться и на пятьдесят метров по бесснежному пространству, как нас осыпал первый каскад мелких камней. Этот первый каскад шел откуда-то сверху, причем камни хотя и мелкие, не больше трех четвертей дюйма в диаметре, шли с большой силой и свистом. Мы прижались к скалам. Дальнейшее движение пришлось продолжать уже путем перебежки, мы стремились переходить эти открытые пространства как можно скорее, в промежутках от одного каскада до другого. Так мы поднялись еще метров на пятьдесят, после чего уже связались веревкой. Подъем стал еще круче. Камни тоже стали валиться чаще и чаще.

Еще на сто метров поднялись и опять прижались к скалам. Нам казалось, что мы уже почти доползли до верхней грани нашего бесснежного подъема, а это означало бы, что мы добрались до трети ребра. Конечно, это было сплошным самообманом. Мы не взошли и на половину подъема. Тем не менее решили послать вперед разведку. Церетелли вызвался идти. Он отвязался от нас и, держась за скалы, скоро перебрался к ближайшей группе утесов, а потом пропал совсем из виду. В тени большой скалы мы с Бархашом сели ожидать его возвращения. Он вернулся через полчаса. Сообщение его сводилось к следующему.

— Я прошел,—сказал он,— всю часть, которая отделяет нас от следующей большой группы скал. После этого начинается картина такого же подъема, как только что пройденная, а потом мы упираемся в такую группу скал, после которой подъема нет. Нужно переходить уже на снег, на ту сторону. Характер пути по той стороне неизвестен: может быть, там можно пройти, может быть нельзя. Во всяком случае путь, который мы выбрали,—это не тот путь, идя которым можно считать, что мы спокойно и наверняка дойдем по цели: нужно искать другой путь, более удобный и более верный.

— А что делать сейчас?

— Сейчас идти вниз. Этот путь выбран неудачно, пой-

дем искать другой; может быть, удастся подняться по тому пути, о котором говорил вчера Николай Васильевич, по ребру-желобу. Там более пологий спуск, ясно видный до самого конца.

И опять пошла в ход веревка, но теперь вниз итти было легче. Важно было и здесь избежать каскадов мелкого щебня и отдельных крупных камней, которые продолжали постоянно сыпаться сверху.

Когда мы остановились внизу, спустившись назад с тех двухсот метров подъема, которые нами были взяты, было уже около двух часов дня. Снизу мы еще раз осмотрели пройденный путь. Если он так труден был для нас налегке, то пройти его с тяжелыми рюкзаками за плечами, с запасом провианта, палаткой и спальными мешками было совершенно невозможно.

Стоя внизу у самого подъема, мы изучали теперь другие возможности. Их было четыре. Три большими снежными языками ровного фирна, что совершенно исключало возможность камнепада, подымались перед нами теперь склоны. Эти три снежных языка приблизительно метров на сто и на двести в ширину шли вверх под тем же уклоном в шестьдесят и более градусов и наверху уходили в гирлянду черных скал, так что дальнейшего продвижения не было видно. Подыматься по этим языкам можно было только в кошках, только на веревке, только очень и очень медленными темпами. В один день можно было, пожалуй, только еле-еле добраться до черных скал. Поэтому все обратили внимание на путь № 4, или то самое ребро-желоб, о котором мы думали. Оно шло вниз гораздо более полого, итти было удобно, но зато сбоку, непосредственно уже с ледяной стены, висели над этим желобом громадные тысячепудовые навалы-лавины. Весь вопрос был в том, не представлял ли собой этот желоб или кулуар, как его называл Бархаш, путь, который облюбовали лавины для своего падения вниз. В этом была вся загвоздка. И все же мы двинулись к кулуару № 4.

Новое препятствие встало теперь на пути. Путь к кулуару от места, где мы стояли, был отрезан огромными трещинами, которые опоясывали собою всю нижнюю часть подъема. Чтобы пробраться к кулуару, нужно было сначала спуститься вниз, найти какой-нибудь обход этой

гигантской трещины и затем уже подыматься к кулуару. На обход трещины ушел еще хороший час, и только к четырем часам мы подошли к началу большого пологого подъема к кулуару. Это было большое фирновое поле, сплошь усеянное следами остатков рассыпавшихся лавин. Но откуда шли эти лавины? Если они шли не по кулуару, тогда «дело было в шляпе». Важно было найти ответ на этот вопрос. Как бы то ни было—путь есть.

Мы сели завтракать, потом долго изучали дорогу среди трещин, стремясь найти такую, по которой можно было бы подойти к началу подъема не тем путем, которым мы шли сегодня утром.

Вся наша забота была теперь только в одном: найти этот обходный путь без трещин.

Страшный шум раздался в этот момент позади нас. Мы оглянулись. О, ужас! Прямо по кулуару № 4 в клубах снежной пыли шла гигантская лавина.

«Вот так фунт!» Намеченный путь оказался путем, который проделывали именно лавины. Мы снова повесили носы.

Этот путь оказывался, таким образом, также исключенным для восхождения. Правда, еще можно было рассчитывать пройти по этому пути два-три часа в промежутках между движением лавины, и на это можно было бы решиться. Но на путь по этому кулуару нам пришлось бы потратить не часы, а дни или по крайней мере полтора дня,—надежда избежать падения лавины отпадала полностью. Единственным выходом было движение ночью, когда лавины прекращают или почти прекращают свое движение. И на этот путь, оказывается, нельзя рассчитывать как на путь для восхождения.

Таков был окончательный итог нашего первого изучения подступов и подъемов на снежное плато во всех его вариантах.

Общий вывод, таким образом, был следующий: этот путь надо оставить, бросить. Если есть путь, то только путь по висячему леднику напротив, который мы изучали вчера. Там тоже идут лавины, но, может быть, при ближайшем изучении там можно найти путь под скалами, которые служили бы прикрытием от лавин и избавляли бы от риска быть раздавленными ледяной массой, рухнувшей вниз.

К этому выводу мы пришли уже в шесть часов вечера. Около полутора часов ушло у нас на движение назад через ледник, и уже стемнело, когда мы снова поднялись к себе на террасу, к нашей стоянке.

Единственным утешением был яркий огонек костра, который разжег около палатки Юсуп. Видимо, ему удалось найти вязанку хвороста, брошенную Москвиным у места его ночевки.

Остаток вечера ушел на определение планов завтрашнего дня.

Что делать? Итти дальше искать перевала к Саграну или же продолжать исследование ледяной стены? Так как нашим заданием было изучить только подступы к подъему, мы считали, что, каков бы ни был ответ—положительный или отрицательный,—мы должны продолжить исполнение основного задания и двигаться дальше.

Поэтому мы порешили завтра утром двинуться дальше вверх по леднику к верховьям Турамыса.

5 сентября

Вышли рано—без четверти девять. Хотя солнца не было, но было гораздо теплее. Со всех сторон доносился крик уларов (горных индеек), а один раз воздух прорезал какой-то особый звук—не то вой, не то крик. Что это было, от кого он исходил, мы так и не догадались. Какой-нибудь зверь? Медведь? Козел? Барс? Следы всех этих обитателей этих высот мы видели на песке и щебне. Вой раздался только один раз и больше не повторился.

Мы двинулись опять по террасе и через час уже подошли ко второму повороту ледника Турамыс. Ледник по-прежнему шел влево от нас на глубине до двухсот метров, и точно так же мы решили срезать поворот, как его срезали при вчерашнем движении. Ледник и наша терраса поворачивали сейчас к северу, а затем, мы знали, через некоторое время снова поворачивал в западном направлении. Это было второе колено Турамыса.

По рассказам Москвина мы знали, что и после поворота зеленая терраса будет продолжаться и нам нет смысла спускаться на ледник. Но тот же Москвин говорил нам,

что не следует слишком надеяться на срезывание угла, потому что придется, взявши вершину на повороте, опять спускаться вниз, в лощину, и, таким образом, терять даром высоту. Поэтому поворачивать лучше как можно ближе к нормальному повороту без слишком большого срезывания. А между тем терраса, которой мы шли, кончалась, и перед нами поднялась каменная гряда хребта, итти по которой было в десятки раз труднее, чем подыматься наискось по зеленому откосу террасы.

Все же мы послушались москвинского совета и пошли на каменную насыпь, а не по расщелине террасы. Но насыпь представляла собою такой хаос огромнейших камней и скал, что пробираться по ней приходилось, постоянно прыгая с камня на камень, перескакивая через одну каменную трещину к другой, а за плечами у каждого были теперь тяжелые походные вьюки.

Там и сям на выветренных породах и песке виднелись следы барса и медведя. И невольно вспоминался утренний непонятный вой. На всякий случай я осмотрел мой револьвер, в порядке ли он.

На самом повороте ледника, взобравшись на огромнейшую каменную скалу, я остановился, чтобы поглядеть на пройденный путь. От первого поворота до поворота второго мы прошли не меньше шести-семи километров, и крутой ледник, который вел на снежное плато и к пику Сталина, был теперь виден весь, так же как и весь пик Сталина, особенно его боковое ребро-седло.

Подождавши товарищей, которые шли немного ниже меня, я двинулся дальше, и скоро мы сошлись на новой терраске, которая шла теперь в направлении с севера на юг. На зеленой площадке бежал и журчал большой ручей, глинистая почва вокруг него хранила следы копыт горных кииков. У ручья мы остановились на первый отдых.

Что видели мы теперь перед собой?

Ледник лишь некоторое время продолжал итти к северу, затем начинался крутой поворот № 3 опять на запад. При повороте наш ледник упирался в стенку крутой каменной осыпи, но как раз в самом пункте поворота откуда-то сваливался в него еще один огромный висячий ледник. Этот ледник служил естественной

преградой для дальнейшего движения по террасе. После поворота ледника на запад никаких новых террас больше не было, и волей-неволей приходилось переходить на лед. Самый же ледник, — а он весь теперь открылся перед нами, — образовывал собою бесконечно трудный, сплошной ледопад. Движение по этому ледопаду было почти исключено. Единственным путем был путь по щели между скалами из льда и скалами из камня. Это сулило малоприятные перспективы.

Ребята все же пошли низом. Я же решил двигаться по террасе до самого ее конца с тем, чтобы попытаться найти спуск на ледник в момент, когда терраса кончится совершенно.

Увы! У самого поворота терраса привела меня к отвесному обрыву. Ледник шел на глубине двухсот метров.

Но раньше, чем спуститься, я занялся фотографированием. Оставленная нами ледяная стена от того пункта, где мы вчера пытались подыматься, снова подошла к нам, образовав собою цепь очень высоких, сменявших одна другую вершин.

Эти вершины были настолько характерны, что их нельзя было оставить без внимания. Они были каждая высотой от шести тысяч пятисот до семи тысяч метров и совершенно недоступны.

Наиболее выдающиеся из них я заснял отдельно и перенумеровал, чтобы впоследствии дать им всем названия. Пока я отметил их у себя под номерами 1, 2 и 3 (впоследствии пик Енукидзе, пик Сулимова и пик Яковлевой).

Отсюда же, с поворота, теперь отчетливо обрисовалась и та вершина, о которой рассказывал Москвин и на которую взбирался Недокладов. Поднимаясь снежной шапкой с черными зубьями скал, вершина эта господствовала над всем ледником, венчая собою не левый, а правый склон ущелья, и как бы противостояла трем вершинам ледяной стены (пик Крупской по последующей номенклатуре).

Как оказалось, эти четыре вершины одновременно сфотографировал и Бархаш.

Потом я решил спускаться вниз к товарищам. Спуск был очень трудный. Такой спуск приходится всякий раз проделывать, когда вы попадаете на так называемый кон-

Ледяная стена на леднике Турамыс.

Справа пик Енукидзе.

гломерат, т. е. на цементированную стенку из песка и камня, которую не берет ни один ледоруб и где очень трудно за что-либо уцепиться. Дальше спуск шел обычно по щебню, который движется вместе с вами и с которым вместе, вернее в котором, вы съезжаете вниз без особых трудностей.

Только к концу такого спуска нужно беречься, потому что потревоженная вами масса камней приводит в движение и другие, и вы съезжаете, окруженные не только камнями, которые едут вместе с вами, но и камнями, которые вас обгоняют, и если вы не побережетесь, то вас может сбить с ног.

Товарищи ждали меня внизу и обсуждали дальнейший путь, который шел уже непосредственно через ледопад и был самым неприятным и тяжелым путем.

Через трещины и ледолом нам пришлось пробираться очень долго. В некоторых местах приходилось останавливаться для рубки ступеней, в некоторых местах приходилось применять веревку.

Все мы шли уже в очках, потому что высоко поднявшееся яркое солнце играло резкими блестками на льду и снеге. Был уже второй час дня.

Выбравшись наконец из ледолома на более ровную и твердую поверхность блестящего льда, мы остановились на более продолжительный отдых. Нам был виден теперь конец ледника, по которому мы шли. Это был действительно сплошной тупик, запертый высоко подымавшимися уже не ледяными, а черными каменными стенами.

Одно нас удивляло. Москвин рассказывал, что движение по леднику чрезвычайно опасно из-за лавин, непрерывно идущих с ледяной стены слева. А между тем мы этих лавин не наблюдали. Да если бы они и были, то ледник был достаточной ширины для того, чтобы эти лавины не представляли никакой опасности. Там, где мы шли, лавин не могло быть.

Двинувшись дальше, мы случайно растеряли друг друга. Бархаш решил итти отдельно по щели между льдом и каменной осыпью. Я и Юсуп двинулись, наоборот, держась середины ледника. Церетелли застрял где-то посреди между нами.

Прежнего ледолома уже не было. Ледник, как всегда, когда он подходит к более высокой точке, делался ровнее, а здесь высота уже подходила к четырем тысячам метров. Тоненькая ледяная корка покрывала путь. С приятным треском корка ломалась под ногами, ручейки воды журчали со всех сторон. Была пора наибольшего таянья льда.

К четырем часам нас догнал Церетелли, и мы повернули опять к краю ледника, потому что впереди начались трещины, обычные в момент, когда ледник приходит к своему тупику—цирку.

Бархаш, видимо, выгадал, двинувшись прямо по щели. Может быть, итти ему было труднее, зато нам теперь приходилось снова возвращаться к краю ледника.

Переправа на берег шла опять по ледолому и трещинам. А когда мы выбрались вновь на камни и скалы, от конца ледника нас отделяли какие-нибудь четыре-пять километров, может быть меньше.

Но что находилось за этой таинственной каменной стеной? Там было разрешение основной загадки: Сагран?

Шини-Бини? Гандо? Никакие попытки ориентироваться по компасу или по карте не давали ответа. Ответ мы могли получить, только взобравшись на ребро этой каменной стены и увидев собственными глазами то, что откроется оттуда. Особенно привлекала внимание правая вершина, о которой говорили Москвин и Недокладов. Прямо к середине ее каменного зубчатого гребня вел большой снежник. По этому снежнику можно и должно было пройти к скалам, а затем по скалам взобраться на самый верх. Но это все было делом завтрашнего или послезавтрашнего дня. Сейчас нужно было решить, каким путем идти дальше: по льду или по скалам? Дождавшись Бархаша, мы решили двигаться по скалам, по возможности забираясь все выше и выше, чтобы сократить путь.

И другая интересная решающая точка обозначилась в это время. С высоты правой вершины мы могли разрешить вопрос о том, что находилось за верховьями Турамыса. С той же вершины и даже с любой другой вершины правого склона мы могли разрешить и вопрос о том, что находилось к северу от нас за хребтом, тянувшимся с правой стороны нашего ледника, по которому мы все время шли. Здесь имелось много перевальных точек, и каждая из них сулила новые открытия не изученных и не исследованных еще никем мест...

Как уже сказано, мы двинулись наискось, все время забирая выше к этим перевальным точкам, чтобы сократить расстояние и не терять высоту.

Я опять ушел вперед от товарищей и, взбираясь все выше и выше, искал подходящего места для ночевки и разбивки лагеря. Склон, на который мы всходили, представлял собой полого подымавшуюся каменную осыпь; впереди белели длинные языки снега, и не было ни одного ровного места, где можно было бы с удобством растянуть палатку.

На высоте пяти тысяч метров я остановился. Если уж ночевать с тем, чтобы не спускаться вниз, так ночевать здесь. Когда подошли товарищи, они еще раз подтвердили всю основательность такого решения. Юсуп еда шел; он жаловался на головную боль, лицо его было иссиня-бледно, — признаки горной болезни были несомненны.

Остановиться на ночлег на высоте пяти тысяч метров было разумно и ради экономии сил для будущего восхождения, но совершенно нерационально с точки зрения гарантии от обмороживания и ненужных трудностей, связанных с поисками воды, топлива и т. п. Но вниз идти было нелепо, и, потрудившись над расчисткой места для установки палатки и укладки каменных плиток, чтобы было не так жестко спать, мы в конце концов стали на ночлег прямо на осыпи, на открытом месте.

Это была наша вторая ночевка в эту экспедицию на высоте пяти тысяч метров. Первая ночевка была на гребне «гносного» перевала. Но там ночевка была в непосредственной близости от горных пиков и снежных фирновых полей, на самом гребне хребта, среди дикой и величавой красоты. Сейчас нашу палатку мы разбили прямо на камнях, на голом, неудобном склоне, открытом со всех сторон. Холодно, мокро и скользко. Другими словами, это была едва ли не одна из самых отвратительных ночевек.

6 сентября

Утро встретило нас также неприветливо. Холодный ветер дул то спереди, то сзади, и некуда было от него укрыться. К тому же прибавились заботы о Юсупе. На этой высоте он чувствовал себя прескверно и жаловался на головную боль. Вскоре у него появилась рвота. Мы решили немедленно же отправить его вниз, метров на триста. Покатая поверхность склона там превращалась в плоскую площадку, по которой бежал ручей холодной воды. Мы знали по опыту, что достаточно будет Юсупу спуститься хотя бы на триста метров, и эти наиболее тяжелые признаки горной болезни исчезнут.

Сказали ему, чтобы он ждал нас к вечеру, а сами, наскоро приготовив себе утренний завтрак и выпив горячего чаю, двинулись в путь.

Читатель помнит, что еще вчера перед нами сами собой определились две задачи. Одна задача—подняться на высшую точку правой вершины, чтобы установить, что находилось к западу за каменной стеной, закрывавшей тупик

ледника Турамыс; вторая—определить, что находится за перевальным гребнем вправо от нас, в северном направлении. И то и другое было одинаково важно, одинаково необходимо. Москвин утверждал, что за ледником Турамыс обязательно должен идти Сагран, причем этот Сагранский ледник мог лежать, по его мнению, одинаково как в направлении на запад, так и в направлении на север (от той точки, где мы находились). Если бы Сагран лежал в северном направлении, в таком случае в западном направлении должны были бы лежать ледники Гандо. Вот почему оба эти направления необходимо нам было исследовать. Какое раньше? Мы были ближе к северному гребню. Мы шли вчера после второго поворота ледника Турамыс, все время отклоняясь к югу. С другой стороны, всю вторую половину дня вчера мы шли, подымаясь от ледника все выше и выше, на правый склон ущелья. Мы ночевали на высоте пяти тысяч метров, и до грани гребня оставалось, на взгляд, не больше каких-нибудь шестисот-восьмисот метров. Свое внимание мы прежде всего устремили на северный гребень. Весь этот гребень представлял собою гирлянду черных скал, возвышавшихся на ледяных полях, причем эти скалы в свою очередь разбивались на ряд групп, имевших каждая свою вершину. Скалы одной из групп были черными только до определенной высоты, затем черный сланец резко заменялся белым мрамором; получалось как бы две гирлянды—сначала черная, потом блестяще-белая. Этот пик, чрезвычайно причудливый по внешнему рельефу, мы назвали пиком Мраморная головка.

Другая группа скал представляла собою как бы высокую башню, совершенно отвесно падавшую своим западным ребром на перевальный пункт и напоминавшую собою башни средневековых итальянских замков. В промежутке между вершинами этих групп лежала ровная линия перевала, а от вершины, которую мы будем называть Итальянской башней, лежал еще один, наиболее длинный перевальный пункт к началу подъема на крайнюю правую вершину, которую мы решили назвать вершиной имени Н. К. Крупской.

Вот к этому длинному перевальному пункту мы и поставили своей задачей проникнуть, ибо это был самый

Тупик ледника Турамыс.

Направо пик Крупской.

близкий путь к вершине Крупской, открывавшей наиболее широкие горизонты и на запад и на север.

Он лежал прямо перед нами, и, казалось бы, самым простым было двинуться от места нашей ночевки напрямик, все время забирая вверх к подножью Итальянской башни. Мы так и решили.

Единственное сомнение, которое у меня было и которого я пока не высказывал, сводилось к следующему.

Ледник Турамыс внизу сворачивал сначала несколько вправо, затем упирался в тупик и образовывал большой цирк. Ледник, образуя внизу цирк, подходил к нашей северной перевальной линии почти вплотную и образовывал крутой, чуть ли не отвесный склон.

С достаточным основанием можно было предположить, что если мы пойдем прямо по направлению к началу перевальной линии, то на определенной высоте, приблизительно на уровне подножья Итальянской башни, мы, вероятно, наткнемся на провал в нижний цирк, и с нашей стороны подобно тому, как с противоположной стороны,

будет падать отвесный склон. Мы рисковали оказаться на грани пропасти, которая нас отделит от перевальной линии, и перед перспективой необходимости крутого спуска с достигнутой высоты опять вниз на ледник, чтобы потом опять взбираться на перевальную стенку.

И все же мы решили двигаться прямо по направлению к перевальной линии, к подножью Итальянской башни.

В одиннадцать часов утра мы подошли к подножью черных скал, ведших в свою очередь к подножью Итальянской башни, и остановились в страшном разочаровании. Все мои мрачайшие предчувствия сбылись: наш подъем привел нас к грани огромного провала—пропасти, которая сейчас разверзлась под ногами. Ледник внизу действительно загибал здесь к северу и образовывал цирк с почти совершенно отвесными стенами. Эти стены правильным полукругом замыкали теперь все ходы и выходы в цирк. Длинными языками сползали книзу по крутым граням склона фирновые полосы. По этим полосам можно было спуститься только с большим трудом. Но спускаться нам—это значило признать бесполезной всю проделанную работу. А перебраться через пропасть к перевальной грани было невозможно.

Единственный путь был—лезть еще выше, вверх по скалам, к самому подножью башни и затем по возможности на нее, отыскивая какой-нибудь проход среди причудливых изворотов скал.

Через час с небольшим мы уже были высоко от места, где стояли над провалом. Взбираясь на скалы все выше и выше, мы стремились теперь найти выход на гребень где-нибудь в другом месте. Но и лезть скоро стало очень трудно. Первым, обмотавшись веревкой, лез Бархаш. Вторым—Церетелли, потом лез я. Путь становился все труднее и труднее, скалы острее и круче, возможность взбираться через них с большей или меньшей безопасностью все уменьшалась.

Скоро мы остановились. Бархаш пополз один на разведку. Я стоял на маленькой площадке в пол-аршина шириной, держась обеими руками за выступ скалы. Церетелли стоял, точно так же прижавшись к камням, шага на три выше меня.

Так прошло с полчаса. И вдруг раздался крик Бархаша: — Нашел, спуск есть, сюда идите!

Спуск? Но куда? Мы же лезли вверх, а не вниз. Тем не менее двинулись на крик. Оказалось, что движение дальше вверх, по крутизне, было сопряжено с еще большими трудностями. Мы уже очутились у подножья Итальянской башни, и от нас до перевальной грани было не больше ста метров. Но чтобы пройти это расстояние, надо было спуститься от места, на котором мы укрепились, вниз, в пропасть, по крутому спаду гранитной стены до начала первого снежного языка, затем наискось по крутизне, где снежный язык соприкасался с каменными породами, пройти метров сорок и потом опять подняться вверх метров на двадцать по крутому склону, среди гранитных утесов, к началу северной перевальной линии. Спуститься нужно было метров на пятьдесят. В итоге, обойдя внизу подножье Итальянской башни, мы прямо выходили к каменному ожерелью перевальной линии.

— Ну, и спуск!

Мы присмотрелись к нему внимательнее. Сначала почти отвесно шла полоска красной породы, затем шла полоса льда и снега, потом полоса черной породы, потом нужно было повернуть и идти уже не в вертикальном направлении вниз, а в горизонтальном направлении прямо по склону очень крутого фирна и в конце опять подняться вверх к перевальной линии. Но это был единственный путь.

Теперь товарищи решили пустить меня первым вниз на веревке, чтобы в случае, если я сорвусь, они могли меня удержать. Крепко обвязанный веревкой вокруг груди, я тронулся вниз, опираясь изо всех сил на ледоруб. Но твердость породы была такова, что ледоруб втыкался не глубже, чем на полвершка.

Когда я прошел красную породу, по льду идти стало лучше. Но окончился лед, и дальше стало опять скверно: черная порода, наоборот, была вся мягкая, ехала вместе со мной, и ледоруб в ней совсем не держался. Наконец пятьдесят метров пройдены, и я оказался на стыке фирнового склона и каменных пород. Я стал ждать товарищей. За мной шел теперь Церетелли. Последним шел Бархаш.

У фирновой полосы все остановились.

— Стоп! Надевать кошки!

Итти по страшно крутому склону фирна было нельзя без кошек. А всего-то нужно было пройти не больше пятидесяти шагов. Процедура надевания кошек всегда неприятна, теперь же она была прямо опасна.

И опять, связанный веревкой с двумя товарищами, оставшимися позади, я двинулся вперед. Два шага, еще два шага—остановка; опять рывок вперед, опять два шага, еще два—остановка!.. Ждешь товарищей, которые поспевают за тобой, вот они подошли... Опять вперед два шага, еще два—остановка и т. д. Вот уже последние остатки фирна... Теперь нужно перебежать на более пологую и широкую часть склона к первым скалам каменного ожерелья. А теперь скорее-скорее к первому окну перевальной линии, скорее к достигнутой наконец цели.

Хватаясь руками за лед и скалы, почти на четвереньках мы взяли последнее препятствие и наконец встали на перевальную грань. Пять тысяч восемьсот метров высоты.

Перед нами открылась довольно широкая снежная полоса перевала. Что же там внизу? Куда мы вышли, что находится к северу от грани перевала?

За перевалом крутой фирновый спуск вниз. А внизу прямо на север змеится большое, пересеченное рядом длинных морен пространство какого-то гигантского ледника. Далеко-далеко он уходит своим языком в темное ущелье среди бесснежной цепи высоких гор и скал.

Что это за ледник, куда мы вышли?

Это во всяком случае не Сагран. Но это точно так же и не Шини-Бини. И это во всяком случае не Гандо. Все эти ледники были нам хорошо известны. А внизу шел совершенно неизвестный первоклассный ледник. Мы сели тут же на снег, вытащили карту, компас, разложили их на полущубках и стали ориентироваться по солнцу.

Куда выходит прежде всего этот ледник, и что за ущелье впереди, в которое он вливается своим языком?

Если предположить, что этот ледник идет параллельно леднику Фортамбек,—а другое было трудно предположить, ибо направление ледника по компасу было прямо на север,—то это мог быть только л е д н и к Х а д ы р ш а

Подъем на перевальный пункт по леднику Турамыс.

или ледник Хазантау, которые шли параллельно Фортамбеку. Но ледник Хазантау был маленький, а Хадыршу мы видели, когда ночевали у речки Хадырши во время движения ко второй базе. Ледник Хадырша представлялся нам круто падающим ледником, а здесь перед нами был гигант, чтобы пройти который нужно было потратить не меньше двух дней. Наконец, неужели ущелье Муук-су уже перед нами?

Наше гаданье продолжалось недолго. Другого ответа мы дать не могли, и нужно было притти к выводу, что все же перед нами Х а д ы р ш а, который оказался, видимо, гораздо большим ледником, чем мы предполагали на ночевке двадцать третьего августа. Во всяком случае, чтобы не ошибиться, я отметил, что с нашего перевального пункта отчетливо видна на той стороне черного ущелья какая-то трехголовая снежная вершина. Дальше виднелись вершины, напоминавшие уже вершины Заалайского хребта. На западе все закрывал ряд других снежных вершин и холмов, в которых ориентироваться было совершенно невозможно.

Мы обратили теперь внимание на то, что было вокруг нас непосредственно вблизи. Перевальная грань, казавшаяся снизу совершенно ровной линией, пересеченной только небольшими выступами группы скал, оказалась на самом деле довольно длинной линией перевала, с крутым фирновым склоном с северной стороны и совершенно бесснежным склоном с южной. Эта линия пересекалась четырьмя группами скал, но каждая из этих групп представляла собою серьезнейшее препятствие высотой от тридцати до пятидесяти и больше метров.

Нашей задачей теперь, после того, когда мы взяли северную перевальную грань, было взойти по ней на вершину Крупской. Если мы стояли на высоте пяти тысяч семисот метров, то она возвышалась, видимо, на шесть тысяч двести — шесть тысяч четыреста метров. Добраться к ней можно было только прямо, по перевальной грани, в западном направлении. Но для этого нужно было взять прежде всего подряд все четыре группы поперечных скал. Это не было очень трудно, но не было и легко.

Приблизительно к двум часам три препятствия из четырех были взяты, хотя для этого приходилось рубить ступеньки, спускаться вниз, опять подыматься вверх, опять спускаться вниз и т. д., пока мы не оказались у подножья четвертой и последней группы. Но через это препятствие пути не было.

Если бы мы перелезли через эту группу, мы подошли бы к очень крутому подъему на вершину Крупской. Но четвертая группа скал нас не пустила. Фирн, которым мы шли все время вдоль перевальной грани, прекратился.

Самая перевальная грань представляла собой хаотичное нагромождение крупных камней и очень крутые склоны, падавшие и направо и налево. А самая площадка перевальной грани сужалась до полуметра.

Это было бы еще ничего, но сама четвертая группа скал подымалась прямо отвесно. На нее нужно было лезть, как на стенку. И каждый камень, за который мы пытались ухватиться, выветренный бесконечными вихрями этой высоты, шатался и не давал никакой надежды твердо удержаться.

Зато за скалами открывался превосходный пологий фирн, и легким пологим подъемом он шел не на вершину (на вершину подъем был очень крут), а вдоль вершины к новым фирновым полям горного отрога, представлявшего собой западный склон ущелья, по которому бежал неизвестный ледник (предполагаемый Хадырша). Снизу с ледника на этот фирн тоже было нетрудно подняться.

Подъем на вершину Крупской снизу от ледника по этим фирновым полям был вполне возможен. Но пробраться к этим фирновым полям можно было, только перелезши через стоящую на пути черную преграду, а это было рискованно, прямо невозможно.

— Значит, на сегодня всё?

— Да, всё.

На сегодня приходилось удовлетвориться лишь половинным разрешением задачи. Разрешение проблемы, что лежало от нас на запад, нужно было оставить на завтра, с тем, чтобы завтра же взойти на вершину Крупской.

Но каким путем?

С нашей стороны, если не считать пути с неизвестного ледника, туда можно было взойти только снизу от ледника Турамыс, по крутому фирновому склону, от его цирка к подножью черной зубчатой короны наверху, вероятно лучше всего по срединной каменной осыпи.

А сейчас придется спускаться, причем спускаться вниз прямо по отвесному каменному, а затем фирновому спаду к лежавшему под ногами цирку ледника Турамыс.

Отложив пока заботу о том, как мы будем спускаться вниз, мы сели завтракать.

А в три часа дня мы тронулись вниз, прямо с того места,

где сидели. Спуск шел подобный тому, который мы одолели, когда шли от Итальянской башни к перевальной грани, но его теперь приходилось делать на протяжении уже не тридцати, а трехсот метров. Опять связались веревкой и надели кошки.

Очень круто. Кошки иной раз не держали на камнях.

Скоро кончились скалы, и мы спустились на фирновый язык. Но от этого путь не стал легче. Так как день был в полном разгаре, по фирну струилось множество ручьев, и самый фирн был то гладкий, как лед, то весь в ухабинах и рывинах. Приходилось то итти по руслу ручья прямо по воде, то ковыряться среди ухабов фирна, причем ухабы были в метр и больше глубиной. Для того, чтобы легче итти, иногда мы переходили на осыпь. Но в кошках по осыпи итти было тяжело, тогда мы опять с осыпи переходили на фирн. Так мы спускались добрых часа полтора. А когда окончилась самая крутая часть спуска и фирн стал более пологим, нас начали догонять камни. Эта скачка камней, с шумом и свистом пролетавших над нашими головами, с ежеминутной угрозой ударить по затылку, чрезвычайно портила нам настроение. А бежать скорее было нельзя,—держала веревка. Сделавши десять-двенадцать шагов, приходилось ждать, когда столько же пройдут товарищи—второй и третий. Только когда мы прошли две трети спуска и фирн сделался совершенно пологим, я отвязался и пошел вниз уже один, стремясь наискось перейти фирновый язык, что удлиняло путь, но зато позволяло спускаться с большей быстротой.

Только через три часа достигли мы конца спуска и вышли на широкие фирновые поля ледника Турамыс.

У самого выхода на фирновые поля сошлись все вместе. Теперь—скорее домой. По нашим расчетам, до дому было часа полтора ходу. Надо было пройти по леднику вниз и затем опять подняться вверх к месту, где мы бросили палатки. В результате крутого спуска, который мы сделали, мы оказались, по нашим расчетам, метров на двести ниже нашей сегодняшней ночевки.

И все-таки мы ошиблись метров на сто. Эти лишние сто метров пришлось опять подыматься вверх уже не по льду, а по щебню и камню.

Был уже шестой час, когда мы наконец нашли свою

*Вид на ледник Курай-Шапак с перевального пункта
над ледником Турамыс.*

палатку. Теперь—опять вниз, к Юсупу. Мы нашли его на высоте четырех тысяч семисот метров. Он устроился на бывшей стоянке Москвина. Это была совершенно ровная площадка у хорошего ручья ключевой воды, вся покрытая мягким песком. За день безделья он окружил ее невысоким заборчиком из камня, закрывавшим от ветра и солнца.

— Ну, как твоя голова?

— Якши, якши,—забормотал Юсуп, радостно улыбаясь.—Совсем якши.

Скоро зашипел чайник. А после ужина все сейчас же завалились спать, так как, согласно принятому решению, выйти собирались как можно раньше, по меньшей мере этак часов в шесть. Путь к началу подъема представлялся длинным, да и самый подъем обещал быть очень тяжелым.

7 сентября

Вчера было условлено, что утренний завтрак, чтобы не терять времени, будет весь заготовлен накануне и что Цере-

тели бросит спичку в заранее заготовленную спиртовку при первом моем вопросе: «Который час?» На приготовление завтрака и самый завтрак давался час, самое большее полтора часа времени, к половине седьмого мы предполагали уже двинуться в путь.

Я действительно проснулся рано и выглянул из палатки. Ясная полная луна освещала снежные вершины, длинные тени скал черными полосами лежали на снегу. Я немедленно же подал условный возглас:

— Который час?

Бархаш долго возился, пытаясь определить при лунном свете правильное расположение стрелок, потом ответил:

— Пять.

— Вставать! К шести часам утра чтобы горячее какао уже было готово и можно было бы выйти.

Стремясь сэкономить время, мы все работали, как бешеные, и, по часам Бархаша, в двадцать минут седьмого мы уже тронулись в путь.

Так как мы решили сегодня взять вершину почти в шесть с половиной тысяч метров высоты,—мы вышли налегке, без рюкзаков. Лишь самое необходимое продовольствие было в горном мешке у Церетелли.

Путь был также намечен еще с вечера: мы решили двигаться сначала вверх по леднику, причем для краткости пути решили пройти вплоть до самого последнего фирнового подъема каменной стены, запиравшей ледник. Затем повернуть вправо и подыматься по фирну к самой вершине, а до вершины остановиться на одном из выступов горного гиганта и отсюда попытаться еще задолго до вершины посмотреть на то, что откроется по ту сторону тупика и каменной стены в западном направлении. По одному из вариантов Москвина, мы могли увидеть с той стороны даже не Сагран, а непосредственно Гандо. Этот вариант отпал после наших вчерашних исследований. С северного склона мы видели не Сагран, а, как мы вчера предполагали, Хадыршу. Вот почему сейчас мы могли рассчитывать увидеть только либо Сагран, либо Шини-Бини, причем на девять десятых мы были убеждены все же, что увидим Сагран.

Первый час пути прошел очень быстро. Крепкий мороз сковывал лед, снег хрустел под ногами. Благодаря быстрой

ходьбе, несмотря на то, что мы были одеты сравнительно легко, нам скоро стало жарко. Луна и звезды продолжали все так же обливаться своим мягким светом.

Прошел еще час. Луна и звезды продолжали все так же светить.

Что такое? Почему же не рассветает? Если мы вышли в двадцать минут седьмого, то сейчас должно быть двадцать минут девятого, но в это время уже совершенно светло, а сейчас даже на востоке не светлеет.

— Стой, чорт побери! Который час?

Бархаш зажигает спичку, смотрит на свои часы.

— Да скорей же, ну!

Бархаш зажег еще одну спичку и, помедлив, наконец возгласил:

— Сейчас без двадцати минут пять.

Мы расхохотались. Значит, мы вышли в три часа утра. В конце концов мы только выиграли. Правда, мы вышли немного рано, зато тем больше времени оставалось у нас на работу. Мы стояли теперь внизу перед самым началом подъема. Можно было считать, что за два часа нашего пути мы прошли не меньше пяти-шести километров. Зато теперь дело сразу становилось хуже. Бархаш, желая сократить путь, двинулся тут же вправо по направлению к намеченному еще вчера подъему. Но сразу же мы попали тут в такой лес ледяных скал и трещин, что пришлось надеть кошки и пустить в ход веревки.

Если днем не весело было пробираться среди ледяного хаоса, то ночью, при луне, тем более. Только в одном отношении это было даже хорошо. Благодаря тому, что приходилось работать, нам было по крайней мере тепло, а благодаря ночному морозу не было и жарко. Мы рассчитывали, что если пойдем и дальше тем же темпом, то к десяти часам утра будем у вершины.

Но целый час пришлось нам то подниматься вверх, то опять спускаться вниз, чтобы только выбраться из ледопада, выйти на ровное место. А когда мы все-таки из него выбрались, ледяной фирн, подымавшийся наверх, оказался настолько крутым, что наше движение сразу сильно затормозилось.

Теперь целью наших стремлений была первая большая черная гирлянда скал, выделявшаяся резко на блестящей,

залитой лунным светом, полосе фирна. Впрочем, это был не фирн, а чистый лед, где приходилось идти очень медленно, с силой втыкая ледоруб в твердую ледяную кору. Подъем шел под уклоном от сорока до шестидесяти градусов. В итоге сразу пришлось перейти на замедленные темпы, с остановкой минуты на две после каждых пятидесяти шагов. И веревка, которой мы связались на время движения через ледопад, оказалась нужной и здесь. Так прошел еще час. И только тогда начало светлеть на востоке.

Тяжелый, по крутому фирну, подъем, который мы уже делали в продолжение нескольких часов, отнимал у нас до сих пор все силы и не давал возможности сосредоточиться на чем-либо ином, кроме как на самом процессе восхождения. Все ночные красоты поэтому пропадали даром: блики и игра лунного света на белоснежных вершинах, и постепенная кристаллизация в неясном сумраке горных очертаний, и картина открывшихся сзади вершин, подымавшихся на снежном плато хребта Петра Первого. С рассветом эти картины начали больше привлекать наше внимание. На одной из остановок приблизительно на высоте пяти тысяч двухсот метров, когда, усевшись плотно, прямо на землю, на крутом склоне фирна, мы оглянулись назад,—открывшаяся панорама невольно заставила нас взяться за фотоаппарат.

Картина солнечного восхода вообще всегда хороша. Но картина, когда первые солнечные лучи еще не поднявшегося светила прорезают из-за гор ночную тьму и широким веером рассыпаются по темному небу, озаряя снежные вершины всеми цветами радуги от светло-голубого и до ярко-красного,—эта картина действительно великолепна. Мы засняли ее раза два и сверх того отдельно засняли вершины пика Енукидзе и пика Крупской. Озаренные солнечными лучами в самой верхней грани, в то время как все остальное было в тени и предрассветном тумане, они были очень хороши.

Еще большее впечатление произвел вид ровного снежного плато, на котором теперь совершенно четко можно было различить отдельные вершины. Прежде всего гигант—пик Сталина, повернутый к нам своим западным ребром, затем наискось от него, в юго-восточном направлении, пик Молотова, еще ближе к нам пик Зинаиды Крыленко и

затем, через некоторый промежуток времени, величественные очертания пика Енукидзе и пика Сулимова и расположенный прямо против нас пик Варвары Яковлевой. Последние три названия наиболее выдающихся вершин мы окончательно сейчас закрепили за этими тремя основными точками.

В особенности хорош был пик Авеля Енукидзе с многотысячными громадами снежных валов, лавин, нависших на всем протяжении его от самой вершины до подножья, время от времени срывавшихся и заполнявших снежной пылью глубокие морщины ледяной стены. Впрочем наблюдать вблизи величественную картину падения лавины мы имели возможность несколько часов спустя. Но об этом ниже.

Вдоволь налюбовавшись панорамой хребтов, ледяной стены и снежного плато (мы могли отчетливо наблюдать, что плато представляет собою пространство в несколько километров длины и до полукилометра шириной), мы снова обратились к основной цели наших стремлений—к восхождению на пик Крупской.

Читатель помнит, что восхождение должно было совершаться нами по фирновому крутому склону, приблизительно по середине которого пролежала большая каменная осьнь, подводившая нас почти вплотную к началу скал, венчавших зубчатую корону пика Крупской.

Сейчас, стремясь к максимальному сокращению пути, мы выбрали другую дорогу: мы не пошли по этой каменной полосе, а пошли прямо по фирну, держась как можно ближе к каменной стенке, запиравшей тупик и цирк ледника Турамыс. Мы это делали из тех соображений, что хотели прежде, чем мы достигнем вершины, посмотреть сразу же с первого удобного пункта каменной стены на то, что откроется за перевальной стенкой на запад.

Вот почему мы сейчас свернули с фирна к каменной перевальной стенке, как только по высоте мы достигли пункта выше перевальной стенки.

Эти надежды, к сожалению, не оправдались. К восьми часам утра мы уже были значительно выше перевальной грани, но когда мы сошли с фирна и подошли к каменному бесснежному ребру вершины Крупской, то по ту сторону мы не увидели ничего: там подымалось еще одно такое же

ребро, и оно закрывало целиком весь горизонт. Мы видели только треугольник, образованный линией этого ребра и линией склона вершины Варвары Яковлевой. Мы видели, что с той стороны ребро пика Яковлевой представляет крутой снежный фирн, но и только. Для того, чтобы увидеть, что действительно находится по ту сторону перевала, обязательно нужно было взобраться на самую вершину.

Мы решили отдохнуть. Прошло уже пять часов с лишком со времени нашего выхода от места ночевки. Ноги у всех нас отчаянно иззябли. Солнце освещало пока только полосу фирна, находившуюся выше нас. На отдых мы расположились тут же у границы фирнового склона и скал ребра вершины Крупской. Высота была около пяти тысяч четырехсот—пяти тысяч пятисот метров. На взгляд, до вершины оставалось не меньше восьмисот или тысячи метров. Другими словами, мы рассчитывали, что часам к двенадцати будем на вершине.

Вдруг гул и свист заставили нас всех переполошиться. Один за другим три больших камня, каждый величиной с детскую голову, неслись сверху по фирну, в нескольких шагах от места, где мы сели отдыхать. По крутому склону фирна камни шли с невероятной быстротой. Сорвавшись, видимо, с самой вершины, они неслись по плоскости фирна с высоты шести тысяч метров, подскакивая при ударе на фирне на несколько метров и пролетая сразу пространство метров в двадцать. Благодаря чрезвычайной крутизне фирна, движение их не только не замедлялось от этих толчков, но еще больше усиливалось. Они разрезали воздух со свистом, напомиавшим свист трехдюймового снаряда.

Мы все, как по команде, втянули головы в плечи, опасаясь, что вот-вот один из камней заденет кого-нибудь из нас.

Камни пронеслись, и сразу стало все тихо.

— Вот так фунт!—сказал Бархаш.—Поганое дело! Откуда они идут?

И новые два камня как бы в ответ на наивный вопрос Бархаша с тем же воем и свистом пронеслись мимо, а один из них, оттолкнувшись от фирна, почему-то изменил направление и пронесся прямо над нашими головами. Теперь уже некогда было разговаривать, надо было скорее менять место нашего отдыха. И все, как были, кто ползком,

кто бегом, перебежали к ближайшей гирлянде скал подалеже от фирна и прижались к скалам так, чтобы они заслоняли наши головы. И снова начали отсюда наблюдать.

И опять новый свист и вой прорезали воздух. На этот раз сверху шел целый каскад крупных и мелких камней. Они подсакивали от ударов о фирн, догоняя и перегоняя друг друга, неслись дальше вниз.

Что делать?

Если эта канонада будет продолжаться, она исключает всякую возможность дальнейшего восхождения по фирну. Подняться по крутому склону в кошках и на веревке под таким обстрелом явно невозможно, ибо подняться до первых скал нужно было не меньше двух часов.

Но камнепад не прекращался, камни шли то реже, то, наоборот, чаще. Но это не меняло положения. Хуже всего было то, что было совершенно невозможно приспособиться к этому камнепаду. Никак нельзя было определить, когда очередной камень полетит сверху, а удар такого камня убил бы на месте. Мы поглядели: нельзя ли лезть по скалам, на которых мы стояли?

Но скалы были и круты и непрочны. И время от времени и туг тоже сыпались камни. Благодаря выветренности пород, их можно было ждать здесь даже больше, чем на фирне, куда долетали только более тяжелые камни. Да если бы мы и пролезли по скалам, с них все равно пришлось бы опять перейти на фирн под тем же обстрелом.

Причина того, почему камнепада не было до сих пор, стала ясна. Солнце, которое мы так приветствовали, согрело не только нас, но согрело и растопило скрепы ночного льда; не сдерживаемые больше силой этих скреп, разрушенные за ночь водой и морозом породы теперь сыпались вниз. Сколько времени пройдет, пока вершины стряхнут с себя эти сделавшиеся им ненужными каменные обломки,— предсказать было совершенно невозможно. И Бархаш первый произнес роковые слова:

— Надо возвращаться, нет никакой возможности итти вверх под этим обстрелом.

— Неужто возвращаться?

Но возвращаться было так же опасно, как и итти вверх. Возвращаться нужно было опять по фирну, а это значило итти вниз под обстрелом.

Мы невольно пали духом. Надо было обдумать, что делать: возвращаться назад так не хотелось. Мы были уже почти у цели, нас отделяли какие-нибудь восемьсот метров.

Неужели же придется итти назад?

В этот момент снова засвистали камни. Они шли как раз вдоль нашей дороги, которой мы до сих пор подымались. Но вниз по крайней мере можно было спускаться скорее, чем подыматься вверх. А раз подыматься вверх уже было нельзя, то ясно, что оставалось только спуститься.

Чтобы по возможности избежать камнепада, мы решили теперь избрать следующее: не итти прямо вниз по фирну, а перебежать фирн вдоль к той каменной полосе, которая шла приблизительно по середине фирна и по которой собственно нам следовало итти. Каменная осыпь задерживала падающие камни и не давала им с такой силой нестись вниз, как это было на фирне. Во что бы то ни стало нужно было добраться до этой осыпи. Но для этого нужно было перебежать по фирновому склону не меньше полукилометра. Это значило полкилометра пройти под обстрелом. И выбрав момент, когда, казалось, камни перестали летать, мы начали перебежку по фирну.

Каменная осыпь упиралась в большую группу черных скал приблизительно на середине подъема. Под их прикрытием можно считать себя в безопасности.

Мы начали свой переход, связанные веревкой и в кошках. Первым пошел я, потом шел Церетелли и последним Бархаш. Не успели мы пройти первые двадцать шагов, как снова засвистали камни. Они пролетели как раз над самой головой Бархаша. Это заставило нас ускорить шаг. Но несчастья не приходят поодиночке.

— Стоп! — закричал Бархаш. — Не могу итти, развязались кошки.

Пришлось ждать, пока он, сидя на крутом фирне, на обстреливаемой площадке, завязывал кошки. А через пять минут они развязались у него второй раз и еще через пять минут развязались в третий раз. К счастью, камни на этот период затихли. Через двадцать минут мы все уже стояли на каменной осыпи.

Но до боли было обидно уходить. Осыпь шла гораздо более пологим подъемом, чем фирн, и приводила опять-таки

к той же группе зубчатых скал у вершины. До скал, казалось, было не больше двухсот метров. Это означало часа полтора или даже час ходу, а там, по скалам и между скал, может быть, можно будет идти безопасно.

Я посмотрел на часы: только десятый час утра,—у нас еще был целый день в запасе! И я обратился к Церетелли:

— Пойдем наверх, пойдем опять на вершину по этой осыпи!

Церетелли с восторгом закивал головой. Бархаш, наоборот, нахмурился.

Но едва я сделал несколько шагов вверх по каменной осыпи, как вновь засвистали камни. На этот раз они шли попрежнему по фирну, но у самого края морены. Они шли не с такой быстротой, так как здесь было более полого, но они все-таки шли по всему пространству фирна, в том числе и по нашей дороге.

— Ну их к черту!

Мы снова остановились. Придется, видимо, отказаться от восхождения, или опять подыматься ночью, или же ждать, пока успокоится этот камнепад.

Осыпь, на которой мы стояли, была всего-навсего метров пять ширины, а затем начиналась вторая половина такого же крутого склона, шириной по меньшей мере снова в полкилометра и до километра в длину. Большие скалы, от которых подымалась осыпь, только некоторое время могли служить прикрытием от камней, а потом опять нужно было переходить на чистый фирн. И мы решили окончательно отказаться от восхождения и двигаться вниз. Мы решили обсудить дома еще раз: идти ли сюда с вечера, чтобы подниматься ночью до самой вершины, или поискать нового пути? Совершенно отказываться от решения проблемы, конечно, никто из нас не думал. И все же это было непродуманное трусливое решение, простить себе которое я до сих пор не могу.

Но спуск наш здесь был менее удачен, чем по первой половине фирна. Едва мы двинулись вниз, опять возобновился камнепад. И снова у Бархаша развязались кошки. Свист раздался над самой головой. Невольно я пригнулся совсем к земле. И вслед за свистом вдруг раздался резкий стон.

В чем дело?

Церетелли лежал неподалеку от меня на фирне, держа руками за правый бок. Камень угодил ему прямо по ребрам.

Бархаш, быстро отвязавшись, бросил нам свой конец веревки.

— Идите скорее вниз, идите вдвоем. Я добреду один, иначе я задержу вас всех.

Церетелли поднялся. Но теперь не время было смотреть, что с ним. Лишь через десять минут мы оба были в безопасном месте под каменной скалой. Но вся меховая куртка у него была разорвана, разорван был теплый свитер и вся одежда. Он жаловался на тупую боль, но все же мог идти. Беспokoйство внушал нам теперь Бархаш. Мы с Церетелли могли двигаться вниз дальше под покровом каменной гряды скал. А Бархаш, отвязавшись от нас, шел теперь один вниз прямо по фирну, открытый со всех сторон. Нам он казался маленькой черной точкой, маленькой фигуркой на огромном пространстве крутого фирнового склона. Ему оставалось еще метров четыреста до низу.

Никакой речи о восхождении теперь уже не могло быть. Церетелли был ранен, а Бархаш в одиночку ковылял под каменным обстрелом.

Вниз—так вниз. Мы начали пересекать последнюю часть фирна. И как будто на прощанье над нами опять засвистали камни. Через полчаса мы сидели все втроем уже внизу, у начала подъема на фирн, метров на триста выше места, с которого мы начали подъем. А ведь мы были так близко от цели.

Раздосадованные, озлобленные, мы молча проходили последнее оставшееся пространство склона до ровной поверхности ледника. Мы ничего не узнали,—загадка осталась загадкой, и основной вопрос, который мы ставили себе, оставался нерешенным. Про себя я ругал всеми возможными словами и Москвина, и Вальтера, и Дорофеева, и всех наших топографов, которые не умели сами связать свои карты. Нам приходилось оставаться еще на день.

Ту же досаду выражало лицо Бархаша. И даже безобидный Церетелли и тот шагал хмурый, угрюмый.

Наконец я не выдержал.

— Позорное отступление,—заявил я, обращаясь к

Бархашу,—позорное отступление! Итти назад, когда так близко были от цели. Надо было все-таки итти вверх.

— Большой позор был бы,—подал реплику Бархаш,—если бы кого-нибудь из нас убило или серьезно ранило. Тащить раненого по этакому уклону было бы не легко. Мы могли все там остаться.

— Не всякий камень попадает,—пробормотал я.

— А вот все же попал. Покажи-ка ребро!

Но Церетелли не хотел показывать.

— Ладно, после.

К двенадцати часам мы были внизу. И здесь некоторое развлечение доставила нам величественная картина падения лавины; ее пришлось наблюдать на этот раз очень близко.

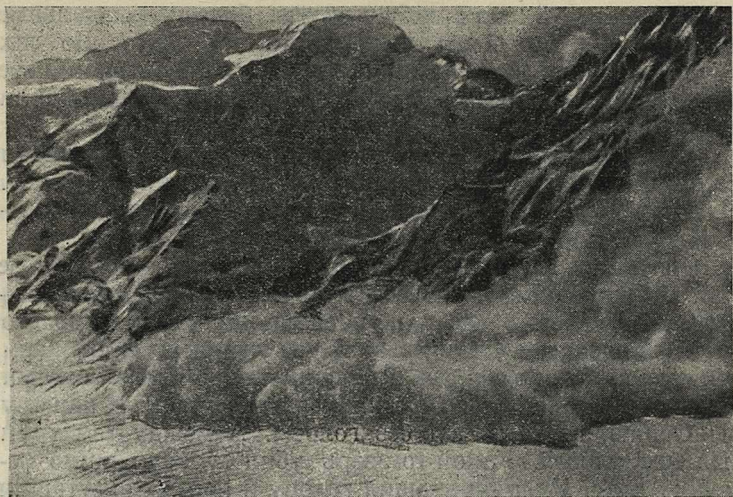
Ледяная стена хребта Петра Первого подымалась у пика Енукидзе на шесть тысяч девятьсот метров. Это был сплошной отвес. И приблизительно на середине его вдруг закружилось небольшое облачко. Одновременно глухой шум знаменовал начало движения лавины. Остановившись, мы с любопытством наблюдали это дикое, свойственное только этим местам явление природы.

Мало-по-малу облачко становилось все больше и больше. Вместе с тем рос и шум. Вот уже целые тучи клубились на середине ледяной стены. Шум перешел теперь в грохот. Срывая все новые и новые массы льда и снега, лавина шла вперед, сокрушая на своем пути буквально все, что только ей встречалось. Когда она дошла до низу ледяной стены, снежная пыль заполнила все ущелье ледника. Ледяные массы, камни, обломки скал летели вниз, загромождая до сих пор ровное пространство ледника. А когда стало тихо и пыль улеглась, мы увидели, что то место, где прошла лавина, гладко выстругано, будто бы специально, огромнейшим рубанком.

Движение лавины мне удалось заснять с момента ее зарождения до тех пор, пока она рассыпалась. Снимков десять удалось прощелкнуть моей «лейкой».

Дальнейший путь к палаткам мы прошли без всяких приключений и к часу дня уже были на месте. Юсуп нас ждал с готовым завтраком и чаем.

Но прежде всего нужно было решить, что делать. Остаться для новой попытки восхождения или нет?

Падающая лавина.

Бархаш категорически высказался против новых попыток. При осмотре Церетелли оказалось, что камень посадил ему здоровый кровоподтек. Заметная опухоль и боль говорили о том, что парень в лучшем случае отделался надломом ребра. А может быть, и хуже. Это последнее обстоятельство решило вопрос.

— Через два часа двигаемся назад,—сказал я после некоторого раздумья.—Пойдем назад, пойдем кругом и по леднику Хадырша, который мы видели сверху, по тому пологому подъему, который мы наблюдали, поднимемся на вершину Крупской. Там подъем спокойный и безопасный. А все-таки мы вершину возьмем; что лежит за каменной стеной, на запад,—узнаем.

На этом и порешили.

Теперь вопрос заключался в том, чтобы скорее, не тратя времени, вернуться на третью базу.

Наше решение вносило изменения в общие планы. Восхождение на пик Зинаиды Крыленко тем самым откладывалось. Впрочем, может быть, Вальтер, Воробьев и их

группа принесут какие-нибудь другие, более утешительные известия о возможности восхождения на плато. До сих пор мы терпели только одни неудачи. Но для отчаяния все же не было оснований. Так или иначе, задачу мы разрешим во что бы то ни стало.

Так как выступление было назначено в три часа, решили полтора часа соснуть,—ночь ведь мы почти не спали. В три часа тридцать пять минут мы уже выступили в обратный путь.

Описывать путь назад не стоит,—ничего нового он не дал. Стоит отметить лишь быстроту, с которой мы двигались. Уже через час мы прошли весь ледник до его третьего поворота. Еще через час мы уже были на площадке после второго поворота. Там единственной новостью был валявшийся у большого камня мертвый сурок. К нашему удивлению, он оказался без головы. А между тем труп был еще теплый. Какой-то зверь убил сурка, видимо сегодня утром. Куда он утащил голову и почему он утащил ее,—оставалось неизвестным.

А к шести часам вечера мы уже подошли к своей прежней стоянке. На весь путь, на который прошлый раз мы затратили день, теперь ушло каких-нибудь три часа. Неприятностью было полное исчезновение воды, и за водой Юсупу пришлось идти далеко вниз, на ледник.

А в семь часов, усталые и измученные от ночного восхождения, утренних передряг и дневного пути, мы уже улеглись спать. Решили завтра идти как можно скорее на третью базу, оставивши изучение всячего ледника на будущее. Важнее всего и необходимее всего было разрешение проблемы западного смыка нашего Турамыса с Саграном, а для этого нужно было как можно скорее попасть на ледник Хадырша.

Всю ночь грохотали лавины. Ледяная стена хребта Петра Первого как будто провожала нас насмешливым грохотом лавин, прощальным артиллерийским салютом.

Несколько раз ночью, несмотря на мороз, я выходил, чтобы понять, почему и откуда идут лавины. Они шли то там, то сям, но в особенности они облюбовали одно место на самом верху ледяной стены; в карнизе снежного плато образовалась как бы правильная ниша, полукруг, и оттуда постоянно отваливались глыбы льда и с грохотом летели

вниз, давая движение другим лавинам. К утру, когда я посмотрел на эту нишу, она превратилась в почти полный правильный круг.

Так как воды утром не было, то вышли без чая. Быстро зашагали по зеленой лужайке, по однажды уже пройденному пути. Мы опять хотели срезать угол, чтобы выйти прямо к утиному озеру, на терраску. Но ошиблись и вышли гораздо выше его.

С восходом солнца, когда нас догнали его первые горячие лучи, мы стали на отдых, чтобы вскипятить чай. И только в половине одиннадцатого пошли дальше, теперь уже спустившись на ледник и пересекавшую его морену. Так как мы шли очень быстро, то рассчитывали, что к двенадцати часам будем дома. Но за серой мореной открылась черная морена, за этой—красная морена, потом пошел белый блестящий лед.

Солнце теперь жарило нам в спину. Ручьи воды бежали по всем направлениям по леднику. После блестящего белого льда начались засыпанные камнем и щебнем грязные ледяные бугры, идти стало трудно. Но мы все шли, шли, не останавливаясь, хотя, казалось, конца этому пути не будет. И только к двум часам дня показался поворот Москвинского ледника, и лишь к двум с половиной часам мы поднялись на первый ледяной вал, с которого должна была быть видна уже наша площадка. На самом верху над нашей базой одна из скал была затянута красным кумачом вместо флага. Он должен был быть виден издали, и я старался по нему ориентироваться, в каком направлении нужно пересекать ледник. Но кумача не было. Как оказалось потом, наши его сняли, а между тем его отсутствие поселило во мне немалое беспокойство. Оно улеглось, когда мы подошли ближе и на темной осыпи забелели наши палатки и около них закопошились черные чело-вечки.

Стремясь скорее пройти по прямой линии, мы попали опять в ледопад и, чтобы выбраться из него, должны были целые полчаса карабкаться среди ледяных глыб.

На помощь нам бросились ребята из лагеря. Значит, они уже пришли? А ведь мы сами приходили почти на день раньше срока. Вон и Воробьев, и Недокладов, и Ходакевич, и Арик. Когда мы поднялись в лагерь, оказалось,

После того, как прошла лавина.

что нет только Москвина, который должен прийти завтра, и что сегодня же вечером ждут Петю Жерденко из лагеря.

— Какие новости?—немедленно обратился я к Воробьеву.

Воробьев заявил, что он вернулся, потому что задание, которое было дано ему и его группе, выполнено целиком и что ледник, который мы видели и считали за Аю-

джилгу, действительно Аю-джилга. Но спуска вниз им найти не удалось, точно так же, как они не смогли взять пика Четырех, на который взбирались. Они поднялись выше шести тысяч метров, ночевали на этой высоте, страшно перемерзли и с этой высоты установили и направление ледника Аю-джилга и, что было самое интересное, возможность перехода с Аю-джилги к леднику Малого Танымаса. Это было очень важно, но все это можно было окончательно продумать, уточнить и систематизировать только после прихода Москвина. Тем более, что Воробьев сообщил, что сегодня же они ждут и Петю Жерденко из лагеря. Важно было узнать, что он сделал. Петя Жерденко действительно пришел через два часа с сообщением, что Стах здоров, как бык, лежит на базе и ни черта не делает.

Москвин, против ожидания, также пришел в тот же вечер, хотя и очень поздно, и в тот же вечер, чтобы не терять времени, я созвал наш «реввоенсовет» для подведения итогов второго тура нашей исследовательской работы.

Совещание собралось в моей палатке при свечах. Двукратная неудачная разведка верховьев Турамыса заставила сосредоточить все внимание на этой проблеме и отодвинула на второй план все остальное, в частности проектируемые восхождения на пик Зинаиды Крыленко и плечо пика Сталина. Верховья Турамыса, их стык с верховьями Саграна оставались неисследованной задачей и «белым пятном», которое во что бы то ни стало нужно было заполнить. Разрешение этой проблемы приобрело решающий характер и предопределило все дальнейшие работы экспедиции. Это наложило отпечаток и на работу нашего совещания. Против ожидания, всяких правил и порядка оно прошло чрезвычайно бурно и было очень продолжительным. По существу на нем столкнулись две гипотезы, для разрешения которых обе стороны не располагали никаким точным материалом, но которые отстаивались сторонами с чрезвычайным упрямством. В итоге дошли до резкостей и личных выпадов, что было уже совсем плохо...

Результаты своей неудачной разведки я изложил первым. Выводы, которые я тем не менее смог формулировать с большей или меньшей точностью, были следующие: Во-первых, северный перевал вел не на Сагран. Это является совершенно установленным.

Во-вторых, западный перевал, по всей вероятности, точно так же вел не на Сагран. Так выходило по нашим предположениям, исходя из учета изгибов ледника Турамыс и ориентировочного местоположения ледника Хадырша. Однако Москвин продолжал утверждать, что за каменным тупиком Турамыса должен быть именно Сагран. Спор принял ожесточенный характер, в особенности, когда Москвин попытался сослаться на опыт Недокладова, который якобы взошел на грань вершины Крупской и оттуда видел большие фирновые поля. Я резко заявил, что Недокладов «заливает» и на эту вершину взобраться не мог. Москвин вспылил и заявил, что он в той же мере отвечает за слова Недокладова, как за свои. Конфликт грозил вылиться в совершенно недопустимую форму. Взяв себя в руки, я искал и не находил выхода из положения, когда вдруг Москвин, тоже овладевший собой, предложил то решение вопроса, которое должно и могло быть единственным выходом.

— Вальтер! У вас полностью готовы геодезические заметки и наблюдения по всему протяжению ледника Турамыс?—спросил он.

— Да, готовы,—отвечал Вальтер.

— И по леднику Курай-Шапак?

— Тоже готовы.

— И по леднику Сагран и Шини-Бини по экспедиции 1931 года?

— Сделано.

— Пусть Вальтер нанесет их на карту ориентировочную,—сказал Москвин, обращаясь ко мне,—но нанесет, точно выдерживая направление и градусы углов поворотов. Посмотрим, как сойдутся на карте линии. Если при вычерчивании Сагран и Турамыс верховьями совпадут,—правы мы, не сойдутся,—правы вы. За ночь он эту работу проделает.

Это действительно был выход, и я на него с радостью пошел. Но независимо от этого я предложил утвердить следующий план дальнейших работ: завтра же или, самое позднее, послезавтра выйти всей группой вниз по Фортамбеку, затем по Курай-Шапаку через перевал, который знают местные таджики и который ведет на ледник Хадырша. Там по леднику Хадырша мы попытаемся еще раз под-

няться на вершину Крупской и проверить чертежи Вальтера.

Это предложение также было принято единогласно. Правда, Москвин продолжал ворчать, что он больше верит своим инструментам, чем моим глазам и ногам, но именно поэтому он на такую проверку согласился. Раз углы у Вальтера взяты правильно,—а в этом он не сомневался,—вычерчивание верховьев Турамыса и Саграна должно решить спор, а решение мы потом проверим и экспериментальным путем.

Это постановление, принятое единогласно, разрешало, однако, и ряд других вопросов. Во-первых, оно целиком снимало вопрос о восхождении на пик Зинаиды Крыленко, так как путь, который предстояло проделать, уводил нас в сторону, был длинный, утомительный и требовал очень много времени.

Больше того, оно изменяло план дальнейших работ. От Курай-Шапака нелегко было возвращаться назад на третью базу, когда и вторая и первая база были ближе. Если бы Москвин за время нашей разведки Хадырши успел закончить свою работу по леднику Москвина,—а он закончил геодезическую работу и не закончил только геологического исследования,—он также мог бы вернуться вниз на Фортамбек, на вторую базу, где уже можно было решить, что делать дальше: идти ли на Аю-джилгу или не идти? После зрелого размышления мы решили отказаться и от этой работы. Мы решили всем сойтись уже не на второй, а на первой базе. За это говорило и то обстоятельство, что изучение группой Москвина ледника Аю-джилга показало, что если с Аю-джилги и есть путь к верховьям Малого Танымаса, то этот путь можно было проделать, только спустившись к реке Муук-су и пройдя от Муук-су в ущелье Аю-джилги. Это требовало вновь большой затраты сил.

В конце концов для того, чтобы начертить карту всей местности, материала было достаточно. А все пространство по ту сторону хребта Академии было известно по немецкой карте 1928 года и стык обеих половинок карты получался, таким образом, независимо от проверки.

С другой стороны, для геологических работ Москвину нужно было много времени, ему нужно было работать,

взрывая горные породы, а амонала не было, его должен был привезти караван Васи, от которого не было еще никаких вестей. Вот почему и здесь лучше было сохранить время для этих необходимых работ.

Окончательно определились следующие сроки: день переждать и десятого выступить с тем, чтобы к восемнадцатому Москвину быть на первой базе. Если бы ему не удалось к этому времени решить задачу, он должен был нас туда известить, и тогда нужно было бы решить, что делать дальше. Если же работа будет закончена, Москвин хотел последние две недели потратить на движение отдельным караваном в один из отрогов Алайского хребта, где у него еще остались неисследованными некоторые геологические проблемы со времени экспедиции 1931 года. Исследование Аю-джилги решили снять с очереди вовсе. Иначе несколько определился в связи с этим маршрут нашей группы.

Если бы нам удалось разрешить задачу на Хадырше, наша группа была намерена, не возвращаясь на вторую базу на Фортамбек, прямо притти с Хадырши на сагранскую базу № 1. Москвин должен был туда же притти, и двадцатого всем можно было тронуться в обратный путь. Мы оканчивали предварительную работу только вчерне, зато к первому октября можно было рассчитывать быть в Москве. А это тоже было бы большой выгодой. Десять дней отдыха после работы были нами заслужены вполне.

В соответствии с этим принялись за новое распределение и перераспределение групп.

Арика и Петю решили теперь же немедленно направить вниз на вторую базу; там они должны были заниматься сборкой барахла и организацией переправы всего имущества на первую базу к семнадцатому числу.

Москвин оставался на третьей базе со всей своей группой для продолжения геологических работ. К восемнадцатому числу ориентировочно он тоже должен был вернуться на сагранскую базу.

Я забрал с собой Бархаша, Церетелли, Недокладова и Ходакевича. Всей группой мы решили итти вниз на Хадыршу, а потом на пик Крупской. В зависимости от обстоятельств группы могли быть разбиты на подгруппы по отдельным заданиям.

Заключительным решением было решение о переименовании пика Четырех в пик Москвина. Москвин достаточно поработал на этом леднике и оставался работать еще, чтобы иметь эту моральную награду за свои труды.

После горячих споров и треволнений мы разошлись.

9 сентября

А на следующее утро Вальтер принес вычерченную им карту. Он просидел над работой всю ночь, но работу закончил. Схемка Вальтера решала спор. Изгибаясь змеей, ледник Турамыс своими верховьями вышел не на Сагран, а на Шини-Бини. Я и мои ребята едва сдерживали улыбку торжества. Москвин чистосердечно заявил, что он действительно «просыпался в доску».

Но неясности все же оставались и на карте Вальтера. Ледник Хадырша не совсем совпадал с тем ледником, который мы видели сверху. Но абсолютной точности требовать было нельзя, и мы на этом примирились и занялись обычной работой перед выступлением. Работы было много. Приходилось сортировать вещи и упаковывать их на две группы: те, которые пойдут с нами в поход, и те, которые Арик и Петя потащат вниз на базу № 2 для дальнейшей переправы на сагранскую базу.

Ориентировочно возвращение всех групп к Саграну было запрещено, как мы сказали, к семнадцатому, максимум восемнадцатому сентября.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ

ГЛАВА I

НА ХАДЫРШУ

10 сентября

С вечера был отдан приказ встать в шесть часов утра, чтобы выйти в восемь. Путь предстоял тяжелый и скучный—по уже известному леднику до поворота в ущелье Курай-Шапак. Вышли после всяких задержек в восемь часов сорок пять минут. Наша группа из шести альпинистов и трех носильщиков была самой многочисленной группой из уходивших. У Москвина оставались Траубе, Вальтер, Солдатов и двое носильщиков. С Ариком и Петей Жерденко уходило тоже двое.

Как и прошлый раз, наша группа была готова раньше всех и тронулась тогда, когда москвинцы еще копошились, а Арик Поляков и Петя также еще не были готовы. На прощанье занялись фотографированием, снимая друг друга в разных позах и видах. Потом наша группа по проторенной тропинке двинулась вниз с базы на ледник.

«Прощай, база № 3, больше мы сюда не вернемся!»

Через час ходьбы мы уже прошли блестящий лед, и началось всем надоевшее «нырянье» по ледяным буграм, покрытым камнем и щебнем. Как и в день возвращения с Турамыса, солнце скоро начало сильно припекать, под ногами заструились ручьи, и путь сделался еще тяжелее. Часам к четырем дня мы все же подошли к повороту с главного ледника в ущелье Курай-Шапак. Время от времени, пока мы шли, я оборачивался и делал снимки отдельных пиков и вершин на ледяном плато вокруг

пика Сталина. Эти снимки должны были запечатлеть горы, видеть которые снова в натуре я уже не надеялся.

Не доходя до поворота Курай-Шапака приблизительно километр, мы остановились отдохнуть.

— Люди идут, люди!—закричали сразу Недокладов и Воробьев.

— Где люди? Какие люди?

Действительно, снизу по леднику в нашу сторону подымались три человека. Они были очень далеко, казались маленькими точками, и рассмотреть, кто они такие, было нельзя. Мы сели ожидать их, тем более, что они нас тоже заметили: один из них отделился и направился к нам навстречу, идя быстрее остальных двух, шедших по середине ледника.

— Да это Патек, носильщик снизу, с фортамбекской базы,—заявил Воробьев, смотревший в бинокль.

Действительно, это был Патек, самый молодой, самый здоровый, самый веселый и самый ленивый из всех наших носильщиков.

— В чем дело?

Но Патек оказался около нас только через полчаса. Он протянул мне сразу две записки и письмо.

Одна записка была от Васи Рубинского, другая от Стаха.

Оказалось, Рубинский с большим опозданием, но все же счастливо пришел со своим караваном на сагранскую базу. Он ждал нас там. В его записке очень неясно говорилось еще о каких-то беспорядках, которые он раскрыл в лагере. Записка от Стаха проясняла дело. Вася Рубинский обнаружил кражу лепешек и сгоряча вступил в драку с караванщиками. Обиженный караванщик Абу-Бакри убежал из лагеря на фортамбекскую базу к «большому начальнику», т. е. ко мне, с жалобой на то, что его «завхоз избил».

Дело пахло серьезным. Допускать какие-либо насилия по отношению к туземцам-караванщикам было невозможно; между тем, судя по записке Стаха, все караванщики были возмущены кулачной расправой завхоза.

Пришлось тут же чинить суд и расправу и отдать приказ, который Патек взялся доставить в лагерь:

«Впредь до разбора дела отстранить завхоза Рубинского от должности и посадить его под арест в палатку. Караванщику Абу-Бакри и всем остальным вернуться в лагерь к исполнению своих обязанностей и ждать моего прихода». Приказ был написан Бархашом, скреплен его и моей подписью. Патек взялся немедленно его доставить в лагерь.

Письмо же совершенно неожиданно было от Дорофеева. Это письмо доставил Вася Рубинский, который заезжал в Алтын-мазар на стоянку экспедиции Горбунова. Дорофеев сообщал о несчастьях с горбуновской группой, о гибели московского альпиниста Николаева при восхождении на пик Сталина и о том, что о самом Горбунове нет ни слуху, ни духу. Сам Дорофеев обещал притти к Фортамбеку после окончания работы на леднике Федченко к двадцать второму сентября.

Патек сообщил нам кроме того, что Вася Рубинский привез наконец столь долго жданный амонал и что остальные два носильщика несут теперь на своих плечах взрывчатое вещество к москвинской базе. Для верности я спросил—а знают ли они, что они несут. В ответ на это Патек надул губы, потом изобразил «Пфф!..» Оказалось, что знают.

Москвин получил, таким образом, груз,—это должно было его задержать еще дня два. С другой стороны, это еще более предreshало наше движение на сагранскую базу.

Наконец все новости были сообщены, распоряжения отданы, и можно было двигаться дальше. Носильщики с амоналом давно уже прошли на третью базу. Патек вместе с письмом двинулся обратно вниз по Фортамбеку, а мы повернули к Курай-Шапаку.

Курай-Шапак—большое тенистое ущелье, где бежит не ледник, а река, впадающая затем в основной ледник и пропадающая в его ледяных пещерах. Самый ледник начинается гораздо дальше. Язык его был виден от нас в расстоянии километров двух. Выход в ущелье был кое-где покрыт зеленым лесом, дававшим прекрасную тень. Трудно было, правда, добраться до леса через ледопад, обычный при скрещивании двух ледников. Зато когда мы добрались до зеленой лужайки и снова увидели вокруг себя деревья и зеленую листву, всем захотелось отдох-

нуть подольше. Так давно мы не видали всего этого природного комфорта!

Решили тут же сразу обедать. Воробьев взялся застряпню, обещая перещеголять Арика и его супы. После обеда и отдыха двинулись дальше.

Пока шли вверх по лесу среди зелени и травы, идти было легко, хотя ущелье заметно подымалось вверх. Река все время бежала рядом с нами, и впереди уже виднелся ледник, огромный, длинный, с серыми моренами, уходивший в глубь ущелья и весь пересеченный трещинами. Он круто забирал вверх, где уже не было видно ни зелени, ни травы.

Наши носильщики-проводники вдруг повернули с осыпи, по которой мы шли, прямо к шумящей внизу реке.

— Почему вы поворачиваете?—спросил я их.

— Здесь надо переходить реку,—ответил самый старый и опытный из носильщиков, Измаил.—Перевал на Хадыршу идет здесь.

С той стороны реки подымалась высокая стена из камня, глины и песка, твердая, как цемент; на высоте ста с лишком метров она превращалась в зеленую лужайку, которая в свою очередь поворачивала вправо, образуя совершенно самостоятельное широкое ущелье и ответвления основного ледника. Дорога на Хадыршу шла как раз в это ущелье в сторону от главного ледникового русла Курай-Шапака. Река шумела и бурлила. В эту пору дня (в четвертом часу) она была наиболее многоводной и, следовательно, наиболее опасной для переправы. Ширина реки была до пяти метров. Носильщики свалили груз с плеч и начали разуваться.

Я не люблю переправ через горные речки. Со времени 1928 года, когда мне дважды приходилось тонуть, у меня осталось по отношению к горным рекам неприятное чувство страха. Но раз другого пути нет, думать не приходилось.

Я внимательно следил за Измаилом, который пошел вперед: у него были жилистые крепкие ноги, тонкие, как спички, но сплошь из стальных мускулов. Вода в самых глубоких местах доходила ему не выше колен, тем не менее два раза он пошатнулся,—с такой силой была вода. Вот он уже на том берегу. Брод испробован, Измаил вернулся

назад, и по его следам двинулись остальные носильщики, а затем и наши альпинисты.

Этот переход продолжался не больше двух минут, и тем не менее нужно было обладать крепкими нервами, чтобы не закружилась голова, когда в бурной стремнине потока вы видите вокруг себя только шумящую, быстро несущуюся воду и теряете всякую возможность ориентироваться в направлении вашего движения. Мы перешли, разувшись и держась друг за друга и ледорубы.

Самое трудное, однако, начиналось только теперь. Стена подымалась с противоположной стороны отвесно вверх. Это был конгломерат, т. е. самая твердая и самая неприятная для подъема порода. В особенности трудно стало наверху, где мы уперлись в совершенно отвесную стенку, в которой пришлось вырубать ступеньки ледорубом, чтобы можно было подняться на два-три метра, отделявшие нас от карниза, покрытого зеленой травой.

— Яман иол (скверная дорога), — заявили наши носильщики.

— Киик иол, — добавил Измаил, — это дорога для кииков, а не для людей.

Но «киик иол» была все-таки взята. Дальше подъем шел уже по траве, тоже очень утомительный, но все же его никак нельзя было сравнить ни с только что взятой стеной, ни с речной переправой. К семи часам крутой подъем перешел в более пологий. Ущелье еще более заворачивало вправо а вверху травянистый подъем переходил в сплошное нагромождение камней, за которыми еще выше виднелись ледяные поля.

Мы не даром, однако, подымались после реки на каменную стену и затем брали травянистый склон. Ледяные поля, которые виднелись вверху, падали крутым висячим ледником вниз, в глубокое ущелье, выходявшее в основной ледник. Наш зеленый склон привел нас на край этого ущелья метров в двести глубиной. Основной ледник с грани этой пропасти был виден глубоко извивающимся внизу и уходящим потом в западном направлении. В самом конце его открылись снежные вершины, возвышавшиеся, видимо, над снежным цирком. Мы таки забрались довольно высоко.

Измаил сказал, что где-то здесь на лужайке должна

быть вода. Густая трава и мох показывали, что вода действительно должна быть. Но напрасно мы искали воду,—повторилась та же история, что на леднике Турамыс: к этому времени года горные ручьи уже высыхают. Мы прошли всю лужайку, обрыскали все ее закоулки, поднялись до самого ее конца к черным камням и скалам, но воды нигде не нашли. Нигде не было ни капли воды.

— Воробьев нашел воду!—вдруг услышал я позади крик Недокладова.—Есть вода!

— Где вода?

Оказалось, пробиваясь вверх по наваленным камням, Воробьев услышал журчанье ручейка глубоко под камнями. Сейчас же всех приспособили для работы по разборке камней. Когда разобрали камни, оказалось, что под ними действительно журчит маленький ручеек; но воды в нем было так мало, что пришлось сначала сделать искусственный водоем, а потом ждать, пока вода натечет, сделается чистой и успокоится от ила и песка; и только в девять часов вечера сели ужинать.

Тихая, теплая ночь, от которой мы давно-давно отвыкли, скоро одела нас своим покровом. А утром я разбудил всех ни свет, ни заря, чтобы как можно скорее двигаться дальше.

11 сентября

Теперь, когда было светло, пока готовили чай, я организовал новое совещание с Бархашом и Воробьевым. Пики, которые не успели рассмотреть вчера, теперь отчетливо обрисовались перед нами. И эти пики, подымавшиеся в глубине, над ледником Курай-Шапак, с которого мы уходили вечером, повергли нас в смущенье и новую тревогу.

— Что это такое? Нам были так хорошо знакомы некоторые из этих пиков, стоящих прямо перед нами. Влево над цирком основного ледника виднелся пик, который трудно было не узнать. Это же Мраморная головка, тот самый пик, который мы видели, когда шли от Турамыса к пику Крупской. А от него идет отрог со снежным перевалом, напоминающий первое каменное ожерелье. Он должен был привести нас к Итальянской башне, но Итальянской башни не было видно. Зато виден был другой пик, подымавшийся над перевальной линией цирка чрезвычайно кру-

тым, почти вертикальным подъемом. Этого пика мы не знали. Что это за пик? Далеко за Мраморной головкой виднелся подымавшийся, видимо, уже за перевалом с той стороны ледника еще один гигантский пик. По моим расчетам, он напоминал собою пик Авеля Енукидзе на ледяной стене. Правда, он несколько не сходился в направлении, но тем не менее напоминал собою этот пик. Наконец, слева, в большом отдалении от Мраморной головки, виднелся пик, который своей верхней частью напоминал вершину Крупской; правда, она тоже виднелась как бы позади, за фирновым подъемом.

Все эти рельефы пиков меня чрезвычайно смутили. А что, если мы не туда идем? А что, если нужно идти по основному леднику Курай-Шапак, а не забирать сейчас направо к Хадырше, куда ведут нас носильщики? Ведь вот они, знакомые нам пики.

Но Бархаш рассеял мои сомнения.

— Не может быть, чтобы мы ошиблись,—сказал он.— Сверху мы видели только Хадыршу, а не Курай-Шапак, так показал и компас.

Да, компас показал. Москвин ведь говорил, что он больше верит инструментам, чем глазам. Инструменты, конечно, вещь точная. И мы решили идти, как шли, тем паче, что крутой отвес замыкающего основной ледник пика не вязался с картиной, которая была нам известна; мы могли ошибаться и сейчас принимали за Мраморную головку и пик Крупской другие пики.

В десять часов тронулись со стоянки. Трава очень скоро кончилась совершенно, и начались голые камни. Мы шли по ним, держа направление на ледяное поле, открывавшееся наверху.

В одиннадцать часов двадцать минут утра мы стали на переплете двух хребтиков, у самого начала ледяного поля, там, где оно начинало падать висячим ледником в ущелье. От этих хребтиков взяли снова вправо. На одном из каменных косогулов меня поразили цветы: маленькие альпийские цветы—голубые и лиловые, почти без листьев, прижавшиеся к камням и из камней показывавшие свои лепестки. Я сорвал их с десятков и заложил в книжку, чтобы высушить и отвезти домой.

Наконец начался лед. Ледяное поле лежало теперь перед нами совершенно ровное. Оно упиралось в замкнутый амфитеатр из крутых осыпей, покрытых песком и щебнем. Вершина амфитеатра образовывала два или три больших провала среди высоких выветренных пиков. Ледяное поле и каменный амфитеатр являлись как бы верхним этажом над ущельем; откуда падал висячий ледник в основной ледник Курай-Шапак.

На одном из провалов находился перевал в ущелье Хадырши. На каком же?

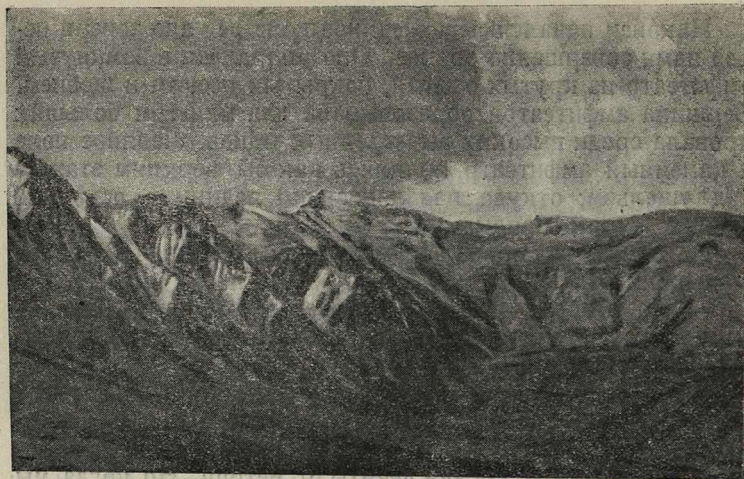
— На втором.—Измаил показал рукой на правую выемку между двумя очередными пиками, венчавшими амфитеатр. Туда шла крутая осыпь.

В двенадцать часов тридцать минут поднялись на осыпь. Перевал был взят, мы стояли на грани, отделявшей Курай-Шапак от Хадырши. Высота была сравнительно небольшая, всего четыре тысячи девятьсот метров. Но когда мы глянули вниз, невольно всех взяла оторопь. Вниз шел очень крутой склон, покрытый фирном и льдом. Склон этот шел приблизительно на полтора километра. Потом лед и фирн кончались, и дальше шла каменная осыпь, которая только к концу делалась более пологой. Далеко внизу виднелась зеленая поляна, покрытая травой, а за этой поляной шел ледник. Но ледяной склон у самого верха был настолько крут, что спускаться по нему вниз—значило наверняка скатиться и сломать себе шею.

— Иол яман (скверная дорога),—заявили носильщики. А Измаил показал путь, по которому, по его мнению, следовало идти.

Надо найти путь, где спускаться нужно будет не по ледяному скату, а по осыпи. А для этого нужно было перейти с той выемки, на которой мы стояли, на соседнюю выемку. Ее отделяла от нас большая вершина, вся сплошь сложенная из выветренных пород—щебня и потрескавшихся скал. С выемки, где мы стояли, по этим потрескавшимся породам нужно было влезть на вершину и затем по грани же спуститься на вторую выемку, к месту, где спуск вниз шел по камням, а не по фирну.

Измаил полез вперед. За ним с тяжелым мешком на плечах пошел Воробьев. Воробьев полез даже не по самой грани вершины, а по той ее стенке, которая висела над про-

Общий вид цирка Хадырша.

пастью. Но уж такой это был непоседливый человек, — он лез на риск и тогда, когда это было совершенно не нужно. Следующими полезли Церетелли, Бархаш и я.

Когда мы втроем оказались на самой верхушке вершины, я остановился и вытащил фотоаппарат, чтобы снять причудливую картину бесконечных снежных цепей и пиков, которые открылись перед глазами. Но эти пики и цепи были совершенно неизвестны, незнакомы и ничего не говорили, откуда и куда они идут. Мало того, самый ледник Хадырша внизу был какой-то странный. Я не видел тянущихся по нему змей-морен, и только озеро, глянувшее на меня снизу своим синим глазом, напоминало мне другое озеро, которое мы видели в свое время на леднике, когда смотрели на него с вершины Турамысского перевала... Оно рассеяло мои сомнения в правильности нашего пути.

Но надо было спускаться, времени терять было нечего. Минут через пять я присоединился к остальным товарищам. Высота была опять четыре тысячи девятьсот метров, а ночевали мы на высоте четырех тысяч метров; значит, мы поднялись за утро на девятьсот метров.

Ровно в час тридцать минут мы начали спуск, и только в четыре часа двадцать минут закончили его; другими словами, мы спускались почти три часа. Спустились, как показал альтиметр, на тысячу пятьсот метров, полтора километра за три часа. Читатель может судить по этому факту, что это был за спуск. В особенности трудна была его первая часть, когда пришлось буквально виснуть на скалах с тяжелым мешком за плечами. А затем, когда мы стали на осыпь, пришлось идти вниз, а иногда бежать и чувствовать, что вместе с тобой и за тобой летят и движутся целые слои камня, песка и пыли. Этот ураган камней, догонявших и перегонявших нас, иной раз был так силен благодаря крутизне спуска, что мы рассыпались друг от друга веером, чтобы не поставить нижестоящих под угрозу быть сшибленными камнями, которые мы заставляли катиться вниз.

Наконец внизу! Кругом трава, зелень, вода. Даже деревья кучками подымались то там, то сям на поляне. Поляна упиралась в высокую грязную морену, за которой шел ледник.

Пока устраивались на ночь, мы с Бархашом решили проверить общий вид цирка и ледника, куда мы попали. Несмотря на усталость, мы поднялись на морену, отделявшую ледник от зеленой поляны. Ледник растянулся теперь перед нами во всю свою ширину и длину, и цирк ледника Хадырша открылся весь.

Невольно мы в ужасе переглянулись.

Совершенно не тот ледник, который мы видели с Турамысского перевала, лежал теперь перед нами. Прежде всего, ледник шел без всяких морен, и ширина его не превышала полукилометра, и в длину весь был не больше четырех километров, а тот ледник тянулся по меньшей мере километров на двенадцать и имел две полосы морен. Во-вторых, ледник, упершись в цирк, переходил сразу в короткий висячий ледник, от которого подымались сразу же крутые ледяные стены цирка. И никаких вершин, хотя бы мало-мальски напоминавших вершину Крупской, или пик Мраморная головка, или Итальянскую башню, не было на гребне цирка. Один за другим там шли ровные полуовалы, покрытые сплошным снегом, и только слева торчали черные

зубья скал. Не менее смущали нас трава и зелень, лужайки и деревья, к которым мы спустились. У ледника, который мы наблюдали с Турамыса, не было ни зелени, ни лужайки, ни деревьев.

Мы еще раз переглянулись с Бархашом и опустили головы. Для нас было совершенно ясно, что мы попали не туда, куда хотели. Ледник Хадырша, куда мы пришли, не был тем ледником, который мы видели сверху, с перевала ледника Турамыс. И сейчас же на память пришли вершины, которые мы видели, когда шли от Курай-Шапака: и Мраморная головка, и пик Крупской, и пик Енукидзе.

Неужели мы так ошиблись? Неужели мы видели сверху Курай-Шапак, а не Хадыршу? Тот самый Курай-Шапак, который лежал сейчас позади нас, отделенный от нас полторакилометровым трудным спуском и гребнем, который мы взяли только сегодня утром? Увы, дело обстояло именно так. В отчаянии мы еще раз устремили наши взоры на цирк.

Можно ли по крайней мере выбраться отсюда, и куда мы выберемся? Для этого нужно забраться на ледяные стены цирка и посмотреть, что за ними дальше. Но можно ли забраться? Этого тоже нельзя было сказать. Как будто бы можно было забраться налево по камням. Как будто бы можно было и направо по ледяной стене. Но все это было и опасно и требовало много труда и времени. А пока опять сплошная неудача...

Мрачные, вернулись мы к ночевке, где сообщили товарищам о своих выводах и неудачах. Все замолчали и после ужина сейчас же забралась в палатки.

Вот как описывал этот момент нашего путешествия в своих записках Володя Воробьев:

«Мрачнее тучи вернулись они (Николай Васильевич с Бархашом) со своей разведки. Стало ясно,—компас их подвел. Во время рекогносцировки они видели не Хадыршу, а Курай-Шапак. Мы совершенно напрасно перевалили в эту живописную просторную долину. Вернуться на Курай-Шапак—это значило потратить не меньше двух дней на преодоление перевала. Одна мысль о ползучей осыпи, вытянувшейся на полтора километра, наводила уныние и вызывала ломоту в коленях. Усталые, хмурые,

сидели мы вокруг костра, без всякого аппетита пили чай и с беспокойством поглядывали на своего начальника. У каждого в глазах можно было прочесть опасение: а вдруг он встанет, велит собираться и лезть обратно на перевал, откуда мы только что спустились...»

Но опасения их были напрасны. Лезть назад,—у меня даже мысли такой не было. Надо было искать другого выхода, я решил отложить это на утро.

А ночью небо покрылось тучами, тучи заволокли все ущелье. И, таким образом, к неудаче прибавилась еще и перспектива скверной погоды. Прошло уже восемь безоблачных дней, пора было наступить перелому, по опыту мы знали,—минимум дня на три.

В конце концов я так разволновался, что не мог заснуть. Не спал до пяти часов утра и заснул лишь с мыслью—завтра же вновь идти на разведку.

12 сентября

Тучи, тучи и дождь! На этой высоте снега нет, а есть только дождь. Дождь барабанит по нашим палаткам. Как мокрые курицы, сидим мы, прижавшись друг к другу, сидим так уже с восьми часов утра, ждем, пока наконец кончится этот проклятый дождь и можно будет что-нибудь решить... В десять часов утра я пошел опять проверять наши вчерашние итоги. Вот опять мы взобрались с зеленой лужайки на грязную морену и еще раз оглядели и цирк, заволоченный тучами наверху, и ледниковое ущелье. Явная ошибка! И ошибка не только наша, но и Вальтера. Безусловно, мы видели сверху Курай-Шапак, который остался позади. Тут же на морене, сидя на камнях под продолжавшим накрапывать дождем, мы приняли с Бархашом окончательное решение, как быть дальше. Так как у меня было мало надежды на то, что отсюда удастся подняться, в особенности при непогоде, на грань ледяной стены над цирком, а отказаться от такой попытки все же не хотелось, я решил оставить здесь Володю Воробьева, Сережу Хомакевича и Юсупа с заданием попытаться подняться на стену, чтобы узнать, что лежит за ее пределами, и в случае неудачи к шестнадцатому вечером притти на сагранскую базу. А сам я решил вместе с Бархашом, Недокладовым и Церетелли пойти сегодня же бегом на сагранскую базу, затем

от сагранской базы по леднику Сагран двинуться до поворота с ледника Сагран на ледник Шини-Бини и по леднику Шини-Бини пройти до его конца, чтобы этим путем попытаться выйти к верховьям Турамыса. Ориентировочной вехой и тут должна была быть вершина Крупской.

Если Вальтер не ошибся, если наши предположения все верны, что ледник Турамыс смыкается своим концом именно с Шини-Бини, мы, идя в направлении с запада на восток по Шини-Бини, должны были упереться в вершину Крупской. Этим был бы решен вопрос. И вместо того, чтобы видеть с вершины Крупской то, что находится на запад от Турамыса, мы по Шини-Бини с запада на восток придем к той же точке, хотя и будем внизу и не взойдем на вершину Крупской. Но это уже не играло роли. Важно было проверить наши предположения о взаимоотношениях ледников. Сроком для возвращения я поставил семнадцатое число. Выступать решили сегодня же через два часа, в двенадцать часов дня. С этим мы вернулись обратно.

Тучи продолжали еще клубиться, но кое-где уже прорывалось солнце. Это давало надежду, что непогода не затянется надолго.

Воробьев и Ходакевич с энтузиазмом приняли сообщение о новом решении и вместе с Юсупом немедленно сели за разборку и дележку провианта. Бархаш, Церетелли и Недокладов сели отделять свою часть. Потом сели обедать, и с опозданием только на тридцать минут против назначенного времени моя группа была уже готова в путь.

Воробьев получил строгое задание не рисковать, но тем не менее попытаться сделать все, чтобы подняться на ледяную стену цирка.

ГЛАВА II

НА САГРАН И ШИНИ-БИНИ

Крепко пожав друг другу руки, мы оставили товарищей и тронулись быстро-быстро вниз к леднику, норовя сегодня же пройти пространство, отделявшее нас от сагранской базы, по нашим расчетам, приблизительно в тридцать-тридцать пять километров.

Теперь, когда мы должны были идти все время вниз и спуститься до двух тысяч семисот метров, нам этот путь представлялся легким, веселым и приятным. После трех недель пребывания в ледниках нам сейчас предстояло идти сплошь по зеленым альпийским лугам, опять вдоль шумящей Муук-су. Путь тоже был знакомый. Все это нас окрыляло, поддавало прыти, толкало вперед. Важно было скорее лишь выбраться из ущелья Хадырши к Муук-су. Еще от места нашей ночевки мы заметили узенькую тропку на противоположной стороне ледника, подымавшуюся вверх к альпийским лугам и зеленым склонам ближайших к Муук-су горных вершин. К этой тропке мы теперь пробирались через лед и камни ледника, надеясь по альпийским лугам пройти весь путь, срезав угол, образуемый ущельями Хадырши и Муук-су.

Старый Измаил, который вел нас от Курай-Шапака к Хадырше, и здесь шел впереди. Но грязь на леднике расплылась и липла к ногам, и чтобы добраться до тропки, пришлось долго карабкаться по наваленным камням, по очень крутой и также мокрой от дождя осыпи.

По тропинке действительно хорошо было идти. Она оказалась довольно широкой, видимо это ущелье часто посещалось таджиками. Это не помешало тому, что мы тут же наткнулись на целое стадо диких козлов. Сначала мы заметили на скалах одного киика, наблюдавшего за нами со сторожевого поста, затем первое стадо в восемь штук. Следующее стадо было уже штук в двадцать. Почти сливаясь с серо-зеленой окраской горного склона, они цепочкой быстро уходили от нас все выше, пока не скрылись за скалами.

Приблизительно через час мы уже были на верху противоположного склона ущелья, у конца ущелья Хадырши и начали спуск к Муук-су. Здесь мы остановились, чтобы ориентироваться. Кроме этого нам хотелось еще раз взглянуть на цирк и ледяную стенку Хадырши. Втайне возникала надежда:

«А вдруг теперь, когда тучи более или менее рассеялись и солнечные лучи освещают цирк и поднимающиеся над ним ледяные пики, мы увидим все-таки пик Крупской или по крайней мере то, что находится за гребнем ледяной стены!»

Увы, мы ничего не увидели кроме волнообразной линии снежных куполов, венчавших ледяную стену, но они подымались гораздо выше нас, и мы не могли видеть того, что было за этими куполами. Это разочарование было, однако, не последним.

Тропка, по которой мы шли, здесь разветвлялась на две: одна зигзагами уходила вниз, в стык ущелья Муук-су с ущельем Хадырши, другая поворачивала налево и шла, насколько хватал глаз, поверху, по альпийским лугам в направлении к Саграну. Мы решили идти по второй тропинке. Мы знали, что нас отделяло от Саграна еще ущелье Иргай, где во всяком случае придется спускаться вниз. Но до Иргая было не менее пяти-шести километров, и мы могли рассчитывать, что дойдем туда поверху быстрее и удобнее. Наши надежды, что мы, таким образом, сэкономим путь, оказались, однако, жестоко разбитыми. Мы действительно очень скоро дошли до Иргайского ущелья, но тропинка привела нас к таким крутым скалам и такому крутому спуску, что мы не рискнули спускаться. Сама она поворачивала здесь вдоль склона, но не вперед, а назад к Хадырше.

Мы с Бархашом шли в это время далеко впереди, оставив позади себя носильщиков, Недокладова и Церетелли. Мы убедились в этом, однако, не раньше, чем прошли половину пути. Тогда мы решили бросить тропинку и прямо спуститься вниз к реке, благо склон был травянистый и некрутой. Но внизу, не дойдя метров двухсот до реки, мы опять нарвались на скалы и в поисках потерянной тропинки снова повернули вверх к реке и опять подошли по существу к выходу Хадырши, после чего снова должны были повернуть и уже третий раз подряд пройти пространство от Хадырши к Иргая, на этот раз по тропинке, которой мы шли три недели назад.

В итоге мы только через четыре часа подошли к Иргая. Вместо сокращения пути мы, таким образом, увеличили его в три раза. У нас закралось даже сомнение: а не нарочно ли отправил нас вверх по этой тропинке Измаил? Он заявил, что думает устроить ночевку на Иргая. В ответ на это я сказал, что мы будем ночевать на Сагране. Может быть, чтобы заставить нас все-таки

ночевать на Иргаяе, он и направил нас по ложному пути? Измаилу я не доверял полностью даже тогда, когда для недоверия как будто и не было причин.

Но вот и каменная летовка на зеленой площадке у ущелья Иргая, где я когда-то согнал стадо куропаток, вот и спуск к Иргаяу. И снова с шумом и треском вылетело то же стадо. К сожалению, ружья у меня сейчас не было, и дело ограничилось только этим.

Но вот и шумный Иргай и холодное Иргайское ущелье, вот и большой камень, где мы останавливались и завтракали, вот и брошенные товарищами пустые консервные банки. С каким удовольствием, измученные тяжелым переходом, истребляли мы теперь запасы сыра, хлеба и консервов, которые с нами были. Мы знали, что путь еще далек, и надо было подкрепиться. Да и подождать хотели мы остальных. Они пришли только через полчаса после нашей остановки.

Условившись, что мы опять пойдем вперед, и обязав товарищей во всяком случае дойти до Саграна сегодня же, мы снова двинулись, надев опять на плечи тяжелые мешки. Но теперь дорога была известна. Самыми трудными местами были лежавшая на полдороге крутая осыпь и в конце пути подъем вверх через перевал в Сагранское ущелье.

Через два часа мы подошли к осыпи и здесь сделали новое, довольно неожиданное и неприятное открытие. По уговору, мальчики—Поляков, Ганецкий— и Петя Жерденко числа одиннадцатого должны были направиться с фортамбекской базы на базу Сагран. Вчера, по нашим расчетам, они должны были выйти из Фортамбекского ущелья, ночевать на Хадырше и сегодня рано утром выйти от Хадырши. Следы их лошадей мы должны были видеть. Эти следы мы и видели, пока шли нижней тропой от Хадырши до Иргая; мы должны были, таким образом, идти за ними по пятам, а теперь, после Иргая, следы вдруг пропали, вернее следы были, но эти вели не в Сагран, а из Саграна. Это значило, что сегодня здесь мальцы и их лошади не проходили. Отсутствие следов особенно отчетливо мы констатировали на крутой осыпи. Это нарушение плана было неприятно. Мы терялись в догадках, что могло их задержать? Сами мы прошли осыпь так же

быстро и без приключений. После осыпи дорога пошла почти над самой рекой, и так как темпов нашего движения мы не снижали, то к шести часам мы уже уперлись в скалы, где нужно было поворачивать снова вверх.

Интересное наблюдение сделал я над собой. В половине пятого мы вышли с Иргая, а к семи едва достигли половины подъема, где остановились на минутку передохнуть в тени зеленого леса, у холодного ключа.

«Как я не заметил тогда этого места, когда шел вниз! — думал я. — Как много упускаешь из внимания при первом движении по незнакомой дороге».

Двинулись дальше. Лес скоро кончился. Теперь мы подымались по совершенно открытому крутому травянистому склону. Несмотря на то, что был вечер, мы страшно потели под нашими мешками, пока подошли к перевальному пункту, откуда открылись перед нами Сагранское ущелье и крутой овринг, шедший по каменистому и сыпучему крутому склону. Опасные места пришлось пройти уже в сумерках, когда солнце зашло и в ущельи сильно стемнело.

Вот и мосток через Сагран. А когда мы вышли на площадку, к палаткам, горели звезды и было уже совершенно темно. Между двумя палатками пылал костер, и копошились три или четыре фигуры.

— Оо! Кто там есть?

Фигуры поднялись и двинулись нам навстречу. Это были Мамаджан и караванщики. Но действительно ни мальчиков, ни Пети Жерденко не было. Все расстояние от Хадырши до Саграна мы прошли в девять часов, несмотря на то, что первую часть пути почти утроили.

Товарищи наши пришли гораздо позже, и то не все: пришли Церетелли, Недокладов и Измаил; второго, менее опытного носильщика они оставили ночевать на той стороне Сагранского ущелья у овринга; пускать его ночью переходить овринг с тяжелыми мешками они не решились.

В этот вечер мне пришлось разобрать дело Васи Рубинского. Выслушав его сообщение и признав, что он действительно-таки пустил в ход кулаки, я оставил его под арестом впредь до своего возвращения из Шини-Бини.

Нам надо было торопиться, и завтра с утра мы решили выступить.

Рано выйти нам все-таки не удалось; собственно, мы сами передумали. Поднял я всех в восьмом часу, но после разборки вещей решили назначить выход в двенадцать часов, а в девять часов утра отправить вперед двух вьючных лошадей с нашим барахлом. Они должны были довести это барахло почти до самого поворота к Шини-Бини, до пункта, куда мы дошли с лошадьми в экспедицию 1931 года. Мои ребята воспользовались передышкой, чтобы с утра заняться приведением себя в порядок, бритьем, мытьем, штопаньем белья и прочим. В особенности мы были довольны тем, что кончилась непогода и это серьезное препятствие исчезло с нашего пути.

Перед уходом я еще раз подтвердил Мамаджану передать ребятам, когда они придут, что последним днем сбора всех я назначаю восемнадцатое с тем, чтобы девятнадцатого можно было уже решить, будем ли мы еще работать, или можно будет всем двинуться в обратный путь.

Для нашей работы шесть дней я считал совершенно достаточными. Я считал, что за шесть дней мы сумеем пройти Шини-Бини вверх до самого конца.

Мы выступили ровно в час дня после плотного и вкусного обеда, налегке, с одними ледорубами и даже без мешков. Наш путь шел по той же стороне ущелья, по которой мы пришли вчера, с той только разницей, что, пройдя мост через Сагран, мы должны были теперь устремиться не к Муук-су, а от Муук-су вверх по ущелью и для начала преодолеть крутой подъем на травянистый склон.

На большом лугу у террасы мы встретили всех наших базовых вьючных лошадей, расседланных и пасущихся на свободе здесь уже второй месяц. Скоро дошли и до каменных летовок, где когда-то, в 1931 году, пили айран. Сейчас летовки были пусты.

Глубокий сай (овраг) пересекал Сагранское ущелье непосредственно за летовками. За ним опять начиналась зеленая терраса вплоть до второго сая и спуска к бешеному ручью Бырс и выходу первого поперечного ледника того же имени, который выпирал тут из левого ущелья. Этот ледник Бырс своими верховьями уходил в фирновые поля, долженствовавшие привести с одной стороны к пику Крупской, с другой—к Иргаю и Хадырше. Следующим

крупным ледником был висячий ледник, не доходивший до Саграна, а третьим шел уже Шини-Бини.

Много времени пришлось потратить, пока нашли переправу через Бырс. Бырс шумел и ревел, и только в одном месте он сужался настолько, что нам удалось перебраться, перепрыгнув с одного нависшего камня на другой.

Густой арчевый лес открыл нам свои зеленые недра после того, как мы перешли Бырс. Из леса мы вышли прямо на льды и скалы, широкой лавиной вывалившиеся из Бырского ущелья и загромоздившие хаотической массой все Сагранское ущелье. Только когда мы перебрались через них, перед нами опять открылся Сагран и язык Сагранского ледника с его ледяной пещерой. Все это было уже знакомо, давно изучено и давно известно.

Через два часа подошли ко второму боковому ущелью и второму леднику.

В 1931 году на этом месте у меня было столкновение с проводниками-носильщиками. Носильщики тогда уговорили меня здесь ночевать под тем предлогом, что дальше не будет ни воды, ни топлива. Тогда же вечером, в разведке с Петей Жерденко, я убедился, что дальше есть и вода и дрова. Та же самая история едва не разыгралась и сейчас. Отправленные вперед носильщики расположились с лошадьми именно на этом месте и, когда мы подошли, заявили, что, по их мнению, «чухляйт» (ночевать) можно и должно только здесь.

— Скажи им,—велел я Недокладову, сообщившему мне о претензиях караванщиков,—чтобы они не рассуждали и немедленно трогались в путь. Мы через час-полтора будем уже у Шини-Бини.

Караванщики нехотя покорились. И через час мы действительно подошли уже к выходу Шини-Бини, вернее к каменной стене, отделявшей выход Шини-Бини в Сагран. Весь путь, на который в прошлом году потребовался день, мы прошли теперь в четыре часа тридцать минут.

Я остановил наш небольшой караван на том же самом месте, где мы останавливались в 1931 году. Следы костров и наваленные сучья арчи показывали, что здесь вообще остановки практиковались часто,—то ли здесь останавливались таджики-золотоискатели, двигавшиеся через Пеший перевал, то ли эти следы сохранились с момента пребы-

вания здесь Бархаша и его группы. Некоторое беспокойство доставил нам на время вопрос о воде, но скоро воду нашли. И как раз у каменной пещеры, где мы в 1931 году спрятали половину своего провианта перед подъемом на Пеший перевал, стали мы на ночь и на этот раз.

А в семь часов вечера я уже залез в мешок. Все устали и измучились. Зато программа была выполнена на все сто процентов, и темпы, которыми мы двигались, были действительно большевистскими темпами. Ибо вчера еще мы были на Хадырше, а сейчас мы уже стояли у поворота Шини-Бини.

Но почему-то погода опять начала хмуриться, облака застлали небо, снова стал накрапывать дождь.

Что принесет завтрашний день—гадать было трудно. И, отложив все заботы на утро, мы крепко уснули.

14 сентября

Первыми поднялись караванщики, еще до восхода солнца. Они торопились в обратный путь на сагранскую базу. Один из них просунул голову ко мне в палатку и заявил, что они уходят.

— Майли (ладно).

В восемь часов утра тронулись в путь и мы.

Большой каменный отрог левого склона ущелья врезался здесь в ледяную толщу Сагранского ледника и загораживал от нас выход ледника Шини-Бини. Надо было обогнуть этот каменный выступ. В 1931 году мы огибали его не по льду, а пробираясь по самой каменной стенке отрога, цепляясь руками за выступы скал и повисая над ледяной пропастью и ледяными скалами. Этот путь был трудный, но зато короткий. Но эти двадцать метров по скалам стоили двухсот метров по льду,

Самый трудный момент был, когда приходилось спускаться с каменной стенки уже вниз на лед. В особенности мешали тяжелые мешки за плечами и то, что выступы, на которые приходилось ставить ногу, едва достигали двух пальцев ширины. Зато, когда прошли эти двадцать метров, мы вышли на сравнительно ровное пространство.

Шини-Бини громадными ледяными горами выходил теперь слева от нас. Но наученные опытом 1931 года, мы обогнули по середине Сагранского ледника почти весь

язык Шини-Бини и свернули в ущелье его левого борта. Мы знали, что левый склон Шини-Бини будет представлять собою террасу, покрытую зеленой травой с широкими большими лужайками. И, расположившись под большим камнем у приветливо журчащего ручья, мы свалили наконец с плеч наши тяжелые мешки и сели маленько отдохнуть перед дальнейшим движением. На путь вокруг каменного отрога от места ночевки и до места стоянки ушел целый час. Если бы мы пришли сюда еще вчера, мы сэкономили бы гораздо больше времени.

Но если мы чувствовали себя прекрасно сейчас, на зеленой площадке, то дальнейший путь и общий вид ледника Шини-Бини были далеко не таковы, чтобы внушить нам радужные перспективы. Правда, зеленая терраса, сравнительно не круто подымавшаяся вверх вдоль ледника, шла довольно долго и лишь километра через два упиралась в каменную насыпь, по которой дальше приходилось идти. Зато самый ледник, тянувшийся слева от нас, буквально внушал ужас. Говорят, что Шини-Бини в переводе на русский язык означает: «приди и посмотри». Можно было спокойно добавить к этому названию: «и уходи назад!» Благодаря тому, что высота была всего три тысячи четырехста метров и что ледник был сравнительно небольшой—километров десять длиной, а может быть, и меньше,—он был так страшно иссечен трещинами, пересекавшими его в самых различных направлениях, что терял всякое подобие возможного и проходимого пути. Он представлял собою просто исковерканное пространство, сплошь заполненное остриями ледяных скал и глыб с разделявшими их ледяными щелями и пропастями. Эти глыбы громоздились одна на другую в два этажа. Половина ледника была одной высоты, а вторая половина—другой. Один этаж возвышался над другим ледяной стеной от пятидесяти до ста метров высоты. Но как первый, так и второй этажи были совершенно одинаковы по внешнему рельефу. Ити по такому леднику было совершенно невозможно. Вот почему мы решили двигаться по траве до каменистой осыпи, а дальше двигаться по скалам и камням склона ледника. Вверху по течению ледника в перспективе виднелась неизвестная снежная вершина; к ней мы и решили держать наш путь.

Противоположное ущелье, расположенное против Шини-Бини, по туземному названию Малый Гандо, также замыкалось красивой высокой вершиной, которую немцы в 1919 году называли пиком Агасиса. Обе вершины — вершина Агасиса и вершина Шини-Бини — как бы перекликались между собою с обеих сторон Сагранского ледника.

Наконец мы тронулись вверх, сначала по зеленой траве. Скоро начались камни. Огромной бурой массой они вырастали один за другим среди зеленых склонов, и по мере того, как мы подымались, трава приобретала желтоватый оттенок и становилась все более чахлой.

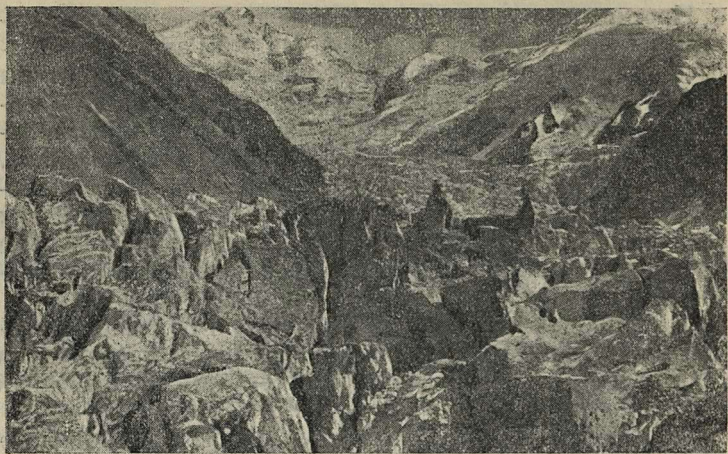
У конца зеленого склона мы бросили большой чугунный казан, который таскали с собой, чтобы варить в нем коллективный чай. Мы водрузили его высоко на одной из каменных скал.

Дальше наш путь раздвоился: можно было идти либо по верху, по каменным скалам, либо спуститься вниз и идти по щели, отделявшей ледник от каменного склона.

Решили идти по верху. Опасение вызывали только широкие и глубокие боковые саи (овраги), пересекавшие нашу каменную гряду. Эти саи иной раз по глубине доходят до уровня ледника, заставляя, таким образом, дважды брать одну и ту же высоту. И первый же сай, с которым мы столкнулись, убедил нас в том, что мы просчитались, выбрав верхний путь: сай был настолько глубок, что для того, чтобы спуститься в него и затем опять подняться на прежний гребень, мы потратили почти час. А второй сай буквально поверг нас в уныние. Спуск шел с нашей стороны почти совершенно отвесно, и приходилось либо еще выше забраться вверх к зубьям черных скал без надежды на то, что там удастся пройти, либо сразу же спуститься вниз к самому леднику Шини-Бини, к щели между льдом и скалами.

Решили спуститься вниз. Мы спускались, правда, не прямо с отвесной стенки в сай, а отошли чуточку назад к более пологому спуску, но этот спуск был весь как бы цементирован; на нем не держался ледоруб, а в других местах, наоборот, из-под ног срывались камни, глина, и все это в облаках пыли и с грохотом летело вниз.

Лишь с большим трудом мы преодолели этот спуск и расположились отдохнуть у самого льда внизу, в ледяной

Общий вид ледника Шини-Бини.

щели, у подножья стены одного из ледяных утесов. Мы шли уже больше трех часов. Ледник теперь больше открылся перед нами. Он, как и все ледники, оканчивался точно так же большим снежным цирком с круто подымавшимися от цирка ледяными стенами, но до этого цирка он продолжал тянуться все той же исковерканной массой, совершенно недоступной для пешеходного движения, и лишь в самом конце цирка образовывал фирновые поля.

Жадно всматривались мы в вершины, подымавшиеся над цирком, и в волнистую линию ледяной стены, замыкавшей цирк.

В 1931 году Дорофеев ледник не прошел до самого конца. По рассказам Бархаша, который видел Шини-Бини с перевала от Саграна, ледник должен был разветвляться на две части — правый и левый рукава. Мы не видели теперь никакого разветвления: ледник упирался в цирк, затем поворачивал налево к северу. Не видели мы и никаких знакомых вершин.

Прямо против нас подымалась (мы об этом уже писали) красивая куполообразная вершина. От этой куполообраз-

ной вершины направо шло маленькое снижение, образывавшее как бы перевал. Про этот перевал и говорил Бархаш, что именно на него они взобрались, когда шли по Саграну, и с него наблюдали Шини-Бини. Но если даже было так, то это нам еще мало давало. По нашим расчетам, которые мы должны были проверить и от верности которых зависели итоги всей нашей работы, мы должны были по Шини-Бини, в его верховьях, подойти к верховьям Турамыса, но только не с востока, а с запада. Верховья же Турамыса, как мы это прекрасно знали, кончались каменной стенкой, от которой расходились в обе стороны два ребра двух вершин, образуя между собой как бы поставленный на голову равнобедренный треугольник. Одно ребро было ребром вершины Крупской, по которому мы так неудачно подымались седьмого сентября, другое ребро образывал пик Яковлевой. А между тем перед нами не было ни той, ни другой вершины. Вершина, которую мы видели перед собой, была совершенно самостоятельной вершиной, нанесенной на карту Дорофеевым еще в 1931 году и сейчас наименованной нами пиком Ферсмана, высотой шесть тысяч десять метров.

Правда, когда мы шли по Турамысу, мы видели за ребром пика Яковлевой голову некоей куполообразной вершины, почти смыкавшейся с пиком Яковлевой. Эту вершину, по нашим предположениям, мы и видели сейчас перед собой. На этот раз она закрывала от нас пик Яковлевой, но если ее ребро составляло одну сторону равнобедренного треугольника, то где же вторая? Ей должно было корреспондировать, поднимаясь от той же точки, но в противоположную сторону, ребро вершины Крупской, на которое мы в свое время взбирались. Между тем никакого ребра там не подымалось, и по левую сторону от пика Ферсмана мы не видели ничего, кроме чистого неба. Правда, мы могли отсюда и не видеть это ребро, потому что, благодаря повороту Шини-Бини на север, все пространство влево от пика Ферсмана закрывалось каменной осыпью противоположного склона Шини-Бини.

Мы надеялись поэтому, что, когда мы подыдем выше до самого поворота Шини-Бини и обогнем закрывающий нам перспективу угол противоположного склона, мы увидим это подымающееся влево от пика Ферсмана ребро

вершины Крупской. Но того факта, что мы его пока не видали, было достаточно для того, чтобы посеять в нас новое сомнение: правильно ли мы идем и правильны ли все наши расчеты?

А тут обнаружилась еще одна напасть. Шел уже первый час дня, и солнце начало свою предательскую работу. С осыпи, по которой мы спустились к леднику, начали срываться с шумом и свистом камни. Опять начался проклятый, обычный, очевидно, в эту пору времени и в этих горах камнепад. Пришлось экстренно сниматься со стоянки и уходить. Но куда? Единственный путь шел по ледяной щели между льдом и камнями, т. е. как раз под камнепадом, от которого мы не могли уйти и которого мы не могли предотвратить.

Наметив на-глаз то место, где каменная осыпь шла настолько высоко, что образовывала собою естественное прикрытие от камней, мы бросились вперемежку к этому прикрытию. Хорошо, что камни шли с небольшой высоты. Иначе они нас настигли бы и там. Впрочем, камни теперь были небольшие. Если на вершине Крупской нас атаковали трехдюймовые снаряды, здесь мы шли скорее под шрапнельным огнем.

Когда же мы добрались до более безопасного места, другая встала забота: как теперь выбраться из каменной щели снова на каменную гряду, чтобы двигаться дальше, так как сай уже остался позади.

Единственный путь был по руслу журчащего ледяного ручья, прямо по воде на каменную стену.

Взобравшись, измученные, мы остановились теперь на более продолжительный отдых. Было уже пол-второго. После тяжелого пути решили отдыхать два часа и вознаграждать себя манной кашей на молоке и с сахаром. Сели прямо на камни рядом с ледяными глыбами. Ледник, все такой же исковерканный, шел немного ниже нас. С нашего возвышения нам было отчетливо видно, как с противоположного склона время от времени шумели каменные обвалы и шурша сползала длинной полосой осыпь из щебня и песка; силы природы продолжали свою разрушительную работу.

В половине четвертого двинулись снова. Мы решили идти хотя бы до семи часов вечера, лишь бы скорее выбрать-

ся на фирновые поля и более ровное пространство. Для начала поднялись по щели еще больше вверх к каменным скалам, так как по леднику итти было совершенно невозможно. Но за камнями началась осыпь, чрезвычайно крутая, переходившая сперва в скалы и под конец в ледяной карниз—стенку метров в пятьдесят высоты. Только после ледяного карниза начинался сравнительно пологий купол первой боковой вершины. Оттуда шел путь к перевалу на Сагран, на котором уже был Бархаш. Сами мы уже достигли высоты в четыре тысячи двести метров.

Мы добрались до осыпи, прошли ее почти всю и снова остановились. Мы достигли первой нижней группы скал. Надо было ориентироваться в дальнейшем.

Первый взгляд был, конечно, по течению ледника к пику Ферсмана и влево, туда, где должно находиться ребро вершины Крупской.

Там не было ничего. Ледник поворачивал к северу. Фирновое поле ледяного цирка теперь еще больше открылось перед нами. Загораживавший конец фирнового поля правый склон Шини-Бини несколько отодвинулся, но ничего не открыл перед нами. Влево от пика Ферсмана было попрежнему чистое небо, и даже как будто казалось, что скорее откроется ровная линия перевала, чем каменистые черные скалы и грани вершины Крупской.

Нас охватила уже серьезная тревога. Неужели опять ошиблись? Неужели все расчеты неверны? Неужели этот проклятый Шини-Бини не подходит к верховьям Турмыса и пику Крупской?

Как всегда бывает, неудача сейчас же сказалась на личных настроениях. Спор с Бархашом о том, откроется или не откроется ребро пика Крупской, принял совершенно ненужный резкий тон. Меня особенно злило то, что Бархаш продолжал утверждать, несмотря на явный, как мне казалось, провал всех наших расчетов, что они все-таки верны.

Правда, поворотная вершина левого склона все еще закрывала от нас все пространство фирновых полей ледника после его поворота. Эта вершина, возможно, продолжала закрывать вершину Крупской. Но у меня надежд было уже мало.

Бархаш же доказывал, что вершина Крупской должна появиться во что бы то ни стало, так как она расположена гораздо левее.

Я еще раз перебирал в уме все аргументы «за» и «против» того, может или не может появиться вершина Крупской. Аргумент «за», правда, был непоколебим, но в то же время слишком общ и неконкретен: то, что мы находимся к западу от пика Крупской, и то, что какой-нибудь из ледников должен же подойти своими верховьями к верховьям Турамыса. Сагран не подошел, Бырс не мог подойти, он был расположен слишком к северу, — оставался только Шини-Бини, которым мы шли. Но все же это были только теоретические предположения.

Мы опять двинулись. Еще один сай пересек нам путь. Перебрались. Опять лезем, забирая все выше и выше. А солнце садится все ниже, и уже косыми лучами освещает вершину пика Ферсмана и его снежные склоны.

И по мере того, как мы продвигаемся в глубь ледника и пробираемся вверх, мы видим, что щель налево от ребра Ферсмана становится все шире и шире, все большее и большее пространство светлого неба открывается перед нами, а вершины Крупской все нет и нет, и никакого второго бокового ребра не подымается слева.

Правда, вот как будто что-то зачернело за косой линией противоположного склона, все еще продолжающего закрывать снежный цирк после его поворота. Нет. Это обман воображения. Это не новая вершина, а очередная морщина и следующий склон того же бокового хребта, тянущегося с той стороны Шини-Бини. Я потерял уже всякую надежду.

Может быть, сойти вниз на ледник и уже по леднику пройти до его поворота, чтобы оттуда посмотреть и решить задачу. Но по этому леднику нет пути: он тянется вниз все таким же исковерканным ледяным хаосом. А путь, по которому мы идем, по каменной осыпи, скоро окончится. Его пересечет висячий ледник, спускающийся от ледяного карниза сверху, а потом за висячим ледником идет крутой ледяной фирновый склон, по которому итти можно будет только в кошках, если только вообще можно будет итти... Пробраться к фирновым полям Шини-Бини можно, только пройдя и висячий ледник и фирновый ледяной склон. А потом придется опять итти через ледник, через его глу-

боко иссеченные трещинами ледяные глыбы, на что потребуется, по беглому осмотру, минимум один день. Да еще вопрос—куда мы придем, когда окажемся в цирке. А вдруг он будет со всех сторон закрыт, как это часто бывает, ледяными стенами...

Ребята начинают разговоры о ночлеге. Скоро шесть часов, а мы еще не знаем, где приткнемся. На камнях здесь ночевать скверно и неудобно. Я все-таки отдаю распоряжение двигаться вперед. Бархаш хмурится. Нервничают, как видно, и другие ребята. У меня самого нервы также ходят ходуном. Все мы чувствуем напряженность положения и возможный роковой итог нашего пути.

Неужели и этот поход кончится ничем?

Наконец у подножья уже второй группы скал Бархаш бросает свой рюкзак на землю и говорит, обращаясь ко мне:

— Надо искать ночлег, пора, а то потом будет темно и поздно.

Он прав, надо решать, что делать. Да и едва ли можно сегодня что-нибудь узлать наверняка.

Место для ночлега ориентировочно намечаем еще немного выше по осыпи, под группой скал, которые могли бы нас закрыть от ледяных обвалов. Следы этих обвалов мы все время встречаем на пути в виде обломков лавин. Что же касается каменных обвалов, то они шумят все время, в особенности с той стороны ущелья.

Стоп! Высота четыре тысячи пятьсот метров. Ребята, сбросивши рюкзаки, начинают разрыхлять площадку под скалами, чтобы поставить палатку. Взобравшись на большой камень, мы, наверное, уже в сотый раз изучаем пространство влево от ребра пика Ферсмана. Щель вправо от ребра этого пика все так же чиста, она только сделалась гораздо шире, и никакого намека на пик Крупской нет.

Холодный ужас и полное отчаянье охватывают нас. В то же время мы не хотим сознаться себе в том, что все потеряно. Наконец Бархаш предлагает, чтобы покончить со всеми мучительными сомнениями и раз навсегда узнать—да или нет, ошиблись мы или нет; сегодня же, еще до вечера, в оставшиеся до темноты два часа, пока ребята устанавливают лагерь, налегке вдвоем подняться к нависшим над нами черным скалам, вверх к ледяному кар-

низу и оттуда посмотреть, видна ли впереди вершина Крупской. Разбиты ли все наши надежды или, быть может, мы не видим вершины Крупской все-таки только потому, что ее продолжает загоразивать противоположный склон.

— Идем!

— Идем, я согласен.

С одними ледорубами в руках, приказав ребятам ждать нас и готовить ужин, мы с Бархашом из последних сил устремляемся вверх на черные скалы. Метров на шестьсот подымала над нами свою голову снежная вершина, но на самую вершину мы и не хотели взбираться: мы считали достаточным, если поднимемся на двести-триста метров на каменные зубья скал у подножья ледяного карниза. Уже тогда мы будем выше противоположного склона и должны будем увидеть вершину Крупской, которая ведь еще выше и которую мы не видим только потому, что мы внизу.

Вот мы уже прошли полосу льда, узким полотнищем спускавшуюся к нашему лагерю от следующей группы скал. Вот мы уже на скалах и лезем наверх, цепляясь за выступы, перебираясь с камня на камень, пробираясь среди каменных щелей то по осыпи, то по щербю, то снова по крутым каменным зубьям.

Через полчаса мы остановились. Пока мы лезли между скал, мы ничего не могли видеть, потому что все загоразивали каменные груды, среди которых мы пробирались. Сейчас мы влезли на большой выступ и глянули с него снова. Вдоль боковой линии противоположного склона ущелья образовалась еще какая-то линия, как бы некое наслоение на нее, но, видимо, совершенно самостоятельное, потому что оно имело свою вершину и резко отличалось черным цветом от серого склона осыпи противоположного склона, а вверху была покрыта полосками вечного снега.

Что это такое? Самостоятельная вершина или нет?

И сердце вдруг забилося новыми надеждами, а потом вдруг замерло! А вдруг обман? А вдруг нет?

Скорее, скорее еще выше вверх! Снова лезем мы среди скал и камней, не обращая уже внимания на трудности пути, на то, что осыпается и срывается под ногами щербень и выветренные породы не дают твердой опоры.

Все выше и выше...

И поднявшись еще метров на пятьдесят, мы снова влезаем на очередной выступ. Новая вершина совершенно явно отделяется теперь от склона противоположного ущелья. Нам четко видно, что это самостоятельная вершина и что она гораздо дальше и выше этого противоположного склона.

Но какой же это пик и, наконец, как он сочетается с ребром пика Ферсмана; образует ли он искомый нами перевернутый равнобедренный треугольник?

И мы опять лезем выше. И наконец мы на намеченной нами группе скал, после которых начинается уже фирновое поле, подводящее к ледяному карнизу.

Совершенно четко отделился теперь пик от противоположного склона, как будто приблизился вправо к Ферсману, и резко образовалась черная линия его бокового ребра. Своим нижним концом она уперлась в такой же склон ребра пика Ферсмана и наконец приняла такие дорогие и такие знакомые нам очертания.

Вот крутой склон, падающий прямо на снежный склон пика Ферсмана. Он образует с ним узкую щель. Не видны только хорошо очертания верхней части пика, она видна нам только частично.

Несмотря на опасность, мы лезем в лоб на соседнюю скалу, лишь бы оказаться хотя на два метра выше и увидеть рельеф верхней части пика.

Пик сверху принимает очертания усеченной зубчатой пирамиды.

— Ура! Нет сомнения, это она!

Это пик Крупской, это его зубчатая корона, та самая, к подножью которой мы так неудачно лезли седьмого сентября.

— Скорее фото! Ведь уже почти темно, вокруг нас совсем стемнело, и солнечные лучи освещают только эти верхние зубья.

«Лейка» щелкает раз и еще раз.

Новое сомнение вдруг посещает нас. А вдруг у этой вершины есть прямая связь с противоположным склоном нашего ущелья, тогда это никак не может быть пик Крупской. Нет, этой связи нет! Ясно, что ледник Шини-Бини, повернувшись к северу, образует между ней и противоположным склоном нашего ущелья еще один рукав цирка,

Пик Ферсмана в конце ледника Шини-Бини.

Слева виден пик Крупской.

нам отсюда не видный, но тот самый, о котором рассказывал Бархаш и который он видел со своего перевала над Саграном.

Смотрим высоту: четыре тысячи шестьсот пятьдесят метров.

По существу проблема решена, и тем не менее мы решаем влезть еще немного выше. Лезть очень трудно. Скалы поднялись отвесно гранитными массами. Поневоле забываешь о вершине Крупской и начинаешь смотреть под ноги.

Четыре тысячи семьсот метров. Над нами метрах в ста уже начинается фирн.

Стоп! Довольно. Теперь вся вершина как на ладони перед нами. Да, это пик Крупской. Это он и только он!.. Наши расчеты оказались правильными, и все наши сомнения рассеялись как дым! Шини-Бини северным поворотом своего ледника уперся в каменную стенку, отделяющую его от ледника Турамыс.

Раньше, чем идти вниз, мы с нашего наблюдательного

пункта изучаем характер и возможности дальнейшего движения по леднику, туда, к этому повороту среднего цирка и к подножью пика Крупской. К сожалению, перспектива остается прежней. Чтобы добраться до фирна, придется пересечь и висячий ледник и опасный ледяной склон и затратить массу сил, чтобы по его пересеченной поверхности добраться до фирновых полей.

Пока мы решаем одно: завтра, быть может, залезем еще раз на ту же вершину, на которую мы подымались, а сейчас скорее вниз!..

Кричим ребятам сверху. Они где-то очень далеко внизу машут нам руками.

Очень трудно спускаться. В азарте мы так лезли вверх, что не обращали внимания на опасности. Сейчас спускаться вниз стало еще опаснее. Пришлось использовать веревку и ледорубы.

Проверили мы висячий ледник. Вывод был самый печальный. Переход был совершенно невозможен. Единственным путем, таким образом, оставался спуск вниз на Шини-Бини и движение по его трещинам.

Спускаясь, мы перекидывались с Бархашом соображениями о завтрашних планах. Ледник, который надлежало завтра перейти, даже если бы нам удалось на него безболезненно спуститься, пугал нас своими трещинами и тем, что на переход через него потребовалось бы не меньше суток. Да и перспективы дальнейшего движения и результаты этого движения были неясны. Шини-Бини загибал к северу, но Бархаш утверждал, что дальше ледник упирается с севера в такой же цирк, как и в западном направлении. Мы рисковали упереться в ледяную стену, откуда опять пришлось бы повернуть назад.

Стоило ли идти?

Стоило бы, если бы мы не были уверены в том, что только что видели вершину пика Крупской. Но в этом у нас сомнений не было никаких. Что дало бы нам движение до конца ледника и ледяного цирка? Все равно пришлось бы возвращаться назад. С такими выводами и перспективами мы спустились в лагерь.

Ребята ждали нас с нетерпением и сразу же засыпали вопросами:

— Ну, что, как, что видели?

— Ничего не видели,—ответил я, состроив хмурую рожу.

— Как ничего?..

И лица у всех вытянулись.

— Так, ни черта. Ничего не видно, никакого подобия пика Крупской.

— Так что же теперь делать? Куда же мы зашли?

— Неужели ничего не видно? Куда пойдем завтра?

— Не знаю! Я только успел снять ее раз двадцать пять да Бархаш столько же.

— Кого?..

— Да вершину Крупской.

— Так она есть?!!

— Есть.

Бурная радость охватила ребят. Ура! Значит, не даром шли, значит все расчеты наши правильны!

А все-таки что же делать завтра?

Три варианта выдвинули ребята.

Первый вариант: вверх по леднику до конца, до полного установления факта, что Шини-Бини упирается в пик Крупской.

Второй вариант: влезть завтра на ту вершину, куда мы взбирались с Бархашом, но на самый верх, чтобы оттуда, сверху увидеть полностью все пространство цирка без того, чтобы переходить проклятый ледник.

Третий вариант, неожиданно возникший у меня: прямо завтра же повернуть домой.

— Как так домой? Почему домой?

— Ну, не совсем домой,—внес я поправку в свое предложение.—Я предлагаю завтра же отправиться если не на самую вершину, куда мы лазили, то немного выше того места, где мы были, Бархашу и Церетелли, с тем, чтобы они при солнечном свете, а не в вечерних сумерках оглядели и сфотографировали вершину Крупской и произвели необходимую географическую съемку при помощи компаса с точным установлением положения вершины.

После этого всем отправиться вниз, бросив Шини-Бини, но не домой, а до выхода Бырса на ледник Сагран. Если ледник Шини-Бини упирался в ледяной цирк и ледяную стенку, то Бырс должен был вести в фирновые поля, расположенные над этим цирком; выйдя на фирновые

поля, мы подойдем к пику Крупской с северо-западных склонов хребта Петра Первого, расположенных выше Шини-Бини, другими словами—пройдем целиком оставшееся «белое пятно» между ледником Хадырша и ледником Шини-Бини. На эти самые фирновые поля должен будет выйти и Воробьев, если ему удастся взобраться на ледяную стену Хадырши. Если же ему не удастся взобраться, то мы за него проделаем этот путь и, таким образом, еще раз проверим—пик Крупской это или нет, и заснимем все пространство между верховьями Шини-Бини, верховьями Хадырши и Бырсом. Вот мой план.

Всем понравился этот план как потому, что обещал реальное исследование новых фирновых полей, так и потому, что освобождал нас от тяжелого движения по Шини-Бини. Быть может, Бырс будет немного легче. Завтра на Сагран пойдем с утра, чтобы к вечеру подойти к Бырсу, а там послезавтра двинемся на Бырс.

Страшный грохот раздался вдруг совсем близко от нас. Пулей мы выскочили из палатки. Огромный столб снежной пыли заполнил все кругом, а с отвесного ледяного карниза, венчавшего вершину, куда мы взбирались с Бархашом, отвалился огромный обвал, и громадная лавина с шумом и грохотом неслась вниз в каких-нибудь ста метрах влево от нас по руслу и каменному желобу, видимо проделанному такими же, как и она, лавинами.

Мы, правда, могли быть спокойны. Место для нашей ночевки и для палаток было предусмотрительно выбрано под скалами между двумя полосами льда, проходившими справа и слева и, видимо, служившими дорогой для лавин. Лавина прошумела и затихла. И как будто перекликаясь с нею, с той стороны ущелья загрохотал ответный шум каменного обвала. Но тот-то был для нас совершенно безопасен.

Мы снова забрались в палатку.

Но сон бежал от моих глаз. Почти не спал Бархаш. И всю ночь гремели с противоположной стены ущелья каменные обвалы. И еще раз прошла по тому же руслу невдалеке от нас снежная лавина.

В конце концов я все-таки решил заснуть: завтра вставать придется рано и опять идти по леднику, по

его трещинам и провалам. Но только под самое утро пришел сон.

Утром поднялись в семь часов. Бархаш и Церетелли, когда я вылез из палатки, уже собрались итти наверх на съемку. Я, Недокладов и Измаил решили немедленно же двинуться вниз, даже без чая. Ручеек, из которого мы брали воду вечером, промерз совершенно. Мы решили уйти сейчас же и дожидаться их не здесь, на месте нашей ночевки на камнях и среди льдов, а внизу, на зеленой лужайке у поворота на Сагран, где можно было приготовить горячий завтрак и как следует отдохнуть и понежиться на солнышке. Ждать, я полагал, нам придется недолго, не больше каких-нибудь двух-трех часов.

В восемь часов утра мы двинулись вниз и прежде всего остановились на том месте, где вчера прошла рядом с нами лавина. На всем протяжении ее пути, в особенности после того, когда начинался более пологий спуск, лежали горы льда; огромные глыбы, из которых каждой было довольно, чтобы убить на месте быка, лежали неподалеку друг от друга по бокам основного русла движения лавины. Но самое русло было гладко, как зеркало. И для того, чтобы его пройти, нам пришлось не только замедлить ход, но проделать большую и серьезную работу по рубке ступеней. Без ступенек по этому ледяному зеркалу двигаться было совсем невозможно. А сверху висели новые громады льда, готовые вот-вот рухнуть вниз в облаках пыли.

А как спастись, если попадешь в лавину?

Недокладов заявил, что самое лучшее—это «плавать», т. е. все время огребать вокруг себя снег и лед во все время движения вместе с лавиной вниз. Самое опасное, если тебя засыплет и подомнет под себя движущаяся ледяная масса. Я очень скептически отнесся к этому совету, так как не надеялся, что можно выплыть из-под лавины, и потому решил как можно скорее перебраться через ее ледяное русло.

Целый час затем мы шли по осыпи, пока наконец не вылезли из каменного лога к первой горной лужайке, покрытой желто-зеленой травой, после чего могли считать пройденными все трудные участки. Вниз дальше нужно было итти по пологому травянистому склону. Прощальное фото запечатлело общий ледяной пейзаж Шини-Бини. Его верховья скоро скроются из глаз...

Вниз, вниз, вниз...

Вот открылся уже противоположный ледник Малого Гандо и пик Желябова, или Агасиса. Мы делаем последние снимки гигантских ледников, столбов и ледяных колонн на Шини-Бини...

Через два часа после того, как мы двинулись с места ночевки, мы уже внизу, у арчи, у воды, на нашей зеленой лужайке. Брошенный нами вчера чугунный котел мы захватили теперь с собой. Недокладов сел готовить горячий завтрак. Усевшись на камне около костра, я принялся писать заметки для дневника...

Время бежит. Солнце давно взошло, и стало жарко. Юсуп и Недокладов после сытного завтрака спят под большим камнем. Так как мои часы не работали с седьмого сентября, то, чтобы узнавать, который час, я решил сделать солнечные часы из ледоруба. На ровной площадке, воткнув ледоруб в землю, я очертил его кругом и по компасу определил точно север, юг, восток и запад. Часы показали половину первого.

Бархаш и Церетелли отправились наверх в семь утра. В двенадцать часов они должны были быть уже здесь, а их все еще нет...

Напрасно я пялил глаза наверх, ожидая заметить там движущиеся человеческие фигурки. Никого не было.

Они пришли только в половине второго. Задержались из-за съемки и затем из-за отдыха и еды.

Через ледопад, отделявший выход Шини-Бини на Сагран, мы перебрались по старому пути кругом, причем Бархаш опять повел нас всех в атаку на каменную стену. Этот опасный с моей точки зрения путь меня серьезно обеспокоил и обозлил. Кому был нужен этот риск?

Вот и место нашей ночевки. А через час уже по Саграну, по хорошо известной тропинке мы подошли к висячему леднику, где мы в 1931 году бросили лошадей.

Так как я шел впереди ребят, от нечего делать я решил осмотреть камень, на котором я оставил первую надпись в экспедицию 1931 года. Вот он, этот камень. На всех других камнях я не находил своих надписей 1931 года, ни у Девсиара, ни у Пашимгара, ни в долине и на ледниках Гармо. А тут, на этом камне она сохранилась. Правда, красная краска приобрела темный серовато-ма-

линовый оттенок, но все-таки надпись можно было разобрать. Вот она: «4 сентября 1931. Ночевка № 1. Экспедиция Академии Наук и ОПТЭ».

Сколько человек читали эту надпись, да и читали ли ее? Хотя здесь должны были проходить и проходили и в 1931, и в 1932, и в 1933 году наши группы.

Еще через полчаса по протоптанной тропе мы подошли к ледяным громадам Бырса. По этим громадам нам снова надо было теперь повернуть направо вверх по леднику Бырс.

Бырс, как и Шини-Бини, выходил слева (если идти вверх по леднику), но в отличие от Шини-Бини его обрамляли с обоих концов зеленые лощины, покрытые травой и лесом. А с одной стороны лес Бырса сливался с густым арчевым лесом, заполнявшим Сагран. Между обеими зелеными лощинами лежали ледяные громады ледника попеременно с каменными громадами, песком и щебнем.

Стоп. Мы остановились. Отсюда можно было повернуть по Бырсу и по левой лощине и по правой.

Так как нам было совершенно безразлично, по какой из зеленых лощин идти, и так как у нас еще было время, решили перейти все-таки ледник и заночевать в большом арчевом лесу по ту сторону Бырса, где было больше тени и откуда было ближе к лагерю, и подыматься завтра гоже по той стороне.

На намеченном месте, на чьей-то бывшей ночевке, у попелища давно потухшего костра мы развели свой костер и разбили палатки. Было тепло, хорошо и уютно... И у потрескивавшего костра весело и шумно расположилась наша группа. Все были рады и тому, что были близко от дому, и тому, что еще остался только один Бырс.

Да и стоит ли еще идти завтра сразу на Бырс? Ведь Воробьев должен был к этому времени уже вернуться в лагерь на Сагран. Если ему удалось подняться на ледяную стенку Хадырши, он оттуда все видел прекрасно. Стоит ли нам идти?

Читателю могут показаться странными эти наши постоянные раздумья. Дело объяснялось очень просто: все-таки мы все очень и очень устали, и всем хотелось скорее отдохнуть. И когда после льдов, камней и снега мы попали в эту обстановку зелени, травы, леса, ночной тишины

и ночной теплоты,—так не хотелось итти снова вверх; хотелось скорее, хоть день, хотя два, пожить по-человечески, не среди этих льдов и камней. Быть может, это была слабость, но это факт.

Я вызвал к себе в палатку Бархаша.

— Может быть, пойдём,—сказал я,—завтра сначала в лагерь, в Сагран? Нас от Саграна отделяют каких-нибудь два часа ходу. Лошади должны притти к нам за нашими вещами завтра утром. Можно пожертвовать одним днем и успеть завтра дойти в лагерь и узнать, что там и кто там, какие результаты работы Воробьева? Может быть, нам можно и не ходить на Бырс? Мы сэкономим этим не меньше трех дней, потому что для того, чтобы подняться по Бырсу, нужен один день да один день назад, да полдня с лишком уйдет там наверху.

Бархаш присоединился к моему предложению целиком. Он был так уверен в том, что мы полностью разгадали загадку Шини-Бини и всего узла, что считал, что тут делать уже вообще нечего. Остальные спали крепким сном.

Наутро я окончательно утвердился в своем решении: раньше уйти в лагерь, а потом итти на Бырс.

Я разбудил всех очень рано. Предложение итти в лагерь им тоже всем понравилось,—это обещало новый отдых.

Но не так-то легко оказалось добраться до лагеря. Несмотря на раннее утро и по существу позднюю осень, Бырс почему-то оказался особенно многоводным и шумливым в это утро. И мы долго бродили по берегу, пока отыскали большие камни, по которым перепрыгивали через шумящий поток, когда шли вверх. И чуть-чуть не произошла катастрофа.

Церетелли первый быстро перепрыгнул на ту сторону. Вторым решил прыгать Недокладов. Я и Бархаш спокойно ждали своей очереди. Никому из нас и в голову не приходило, что может что-либо произойти. И вдруг Недокладов, прыгнувший с высокого камня на более низкий, где стоял Церетелли, поскользнулся, но все-таки успел схватиться за ледоруб Церетелли. На мгновенье он повис на ледорубе, но тяжелый рюкзак за плечами перевесил, и Недокладов рухнул на спину с камня в воду. Шумящая волна моментально его покрыла. Мы видели

только, как он один раз показался из воды, затем снова скрылся, на этот раз уже повернутый лицом к нам. Мы бросились к нему, но течение швырнуло его вновь к противоположной стороне и, к счастью, в тихое место, где большой камень преграждал путь бешеной реке. Попади он сразу в основное русло,—его бы убило об этот камень. Схватившись за прибрежные скалы, он поднялся из воды. Весь мокрый, он вылез на берег. Шляпа Недокладова и оба ледоруба—его и Церетелли—ушли под воду...

— Голова-то цела?—спросил я Недокладова.

— Шишку набил,—отвечал бедный малый.—Хорошо еще, что не наткнулся на острый камень,—мог бы разбить башку.

Действительно, большая шишка вскочила у него на голове.

Мы с Бархашом, не желая рисковать, перешли реку в более широком месте. Вода нам была немного выше колен. А между тем Недокладов погрузился два раза с головою,—так изменчиво дно горных рек.

Но всего досаднее была гибель ледорубов. Церетелли долго шарил ледорубом Бархаша в воде, надеясь вытащить застрявшие, как он полагал, среди камней ледорубы. Один удалось-таки вытащить, но другого не нашли. Вот так Бырс! Вот тебе и переправа в сентябре! А пока у Недокладова не попадал зуб на зуб.

На большой зеленой террасе, где паслись наши лошади, мы встретили караванщиков, отправившихся к нам навстречу. А у самого спуска к лагерю мы неожиданно встретили Вальтера и Москвина.

Оказалось, Москвин успел проделать всю работу гораздо быстрее, чем он полагал, и уже пятнадцатого днем пришел со всей своей группой на Сагран. Тринадцатого вечером, т. е. вечером того дня, когда мы ушли на Шинибини, пришли на Сагран застрявшие на фортамбекской базе Стах и Поляков. Но что всего было для нас радостнее и важнее,—четырнадцатого на Сагран пришли Ходевич и Воробьев. Это было самое важное. Что узнал Володя? Что удалось ему сделать? Или, быть может, ничего не удалось?

По словам Москвина, Володя совершил исключитель-

ный подвиг. Он не только взобрался на ледяную стенку ледника и цирка Хадырши двенадцатого числа, но тринадцатого он взобрался на нее еще раз и затем, отправивши Ходакевича и Юсупа через Муук-су кругом на Сагран, сам, один, только с ледорубом, сошел вниз на фирновые поля с ледяной ст. ны цирка Хадырши, установил по этим фирновым полям подход к пику Крупской и определил с высоты ледяной стенки выход ледника Бырс именно к этим же полям. По ним он спустился на Бырс и по Бырсу пришел на Сагран четырнадцатого вечером. Другими словами, Володя сделал тот путь, который мы только что сами намеревались сделать по Бырсу, с той только разницей, что он прошел его от Хадырши, а мы намеревались пройти его по фирновым полям от Бырса...

Мало того, Володя, по словом Москвина, принес приблизительную карту своего пути и всех вершин и направлений ледников, которые он встретил. Правда, это была карта от руки, карта, сделанная не инструментом, без фотоаппарата, но тем не менее карта более верная, чем все сделанные до сих пор, ибо она была проверена непосредственно его движением по фирновым полям от Хадырши к Бырсу и к Саграну. Задача, таким образом, оказалась разрешенной, и нам не было теперь никакой нужды двигаться на Бырс. Во всяком случае, если уж туда идти, то раньше нужно было видеть Володю и подробно расспросить его, что и где он видел?

Даже Москвин не мог теперь спорить против очевидности. На мой вопрос, какие у него планы в дальнейшем, он сказал, что решил отказаться от алайского маршрута и думает двигаться вместе со мною и всеми прямо домой! Это было и для него и для меня гораздо менее хлопотно с точки зрения организации единого каравана.

— А куда вы сейчас идете?—спросил я.

— А вот хочу взобраться на самую грань правого склона ущелья,—сказал он,—хочу проверить горные породы наверху. Нам нужно их обследовать для своих работ.

Мы стояли в это время у начала спуска в ущелье Сагран к самой реке. Сверху нам уже была видна на противоположной стороне вся наша терраса и наш лагерь. Там бродили лошади и виднелись люди.

Чтобы дать знать о себе, я выстрелил из револьвера. Было видно, как из палаток повискакивали человеческие фигурки.

Спуск вниз к реке, на подъем по которому нам понадобилось раньше сорок пять минут, мы проделали теперь в десять минут.

Еще полчаса ходу по колеблющемуся мостику через реку, затем наверх на террасу по кустам и арчевому лесу, и мы подошли к лагерю, опять к нашим белеющим палаткам.

Навстречу высыпали ребята, и впереди всех Арик. Наконец-то дома!..

Арик по обыкновению сразу вывалил все новости, которые он только знал: и почему они запоздали в движении с Фортамбака, и как пришел Москвин, и что сделал Воробьев, и о том, как Рубинский состоит под арестом, как ему носят пищу, как себя чувствует Мамаджан, и о том, что случилось с лошадьми.

Но прежде всего нам нужен был Воробьев. Тут же, пока готовили для всех роскошный пир, я выслушал его сообщение и ознакомился с его картой. Это решило вопрос. Работа действительно была исполнена что называется «на ять». Нам не было никакой нужды идти на Бырс. С его добавлением узел Гармо оказывался разгаданным до конца.

Рассказ об этой его работе, о том, как она была проведена и с какими трудностями встретился смелый парень, читатель найдет в последней главе книги.

Вот почему на этот раз совершенно спокойно я назначил обратное выступление всей экспедиции домой на следующий же день, на семнадцатое число. Это было приблизительно дней на десять раньше, чем я рассчитывал в Москве. Я считал, что имею полное право вознаградить и себя и остальных товарищей по случаю счастливого окончания работ этим заслуженным отдыхом.

Правда, в итоге всех наших трудов еще оставались некоторые окончательно не разработанные детали. Остались недостаточно и не окончательно проверенными направления некоторых ледников и хребтов. Так, остались неясными стыки Сагранского ледника с Гандо и Шини-Бини. Недостаточно четко уточнены стыки Аю-джилги с верховьями Малого Танымаса, равно как и самый выход

Быrsa к вершине Крупeкoй мы занeсли на карту только по рисункам Воробьева.

Но в основном вся задача была разрешена последовательно и до конца. Карта «белого пятна» заполнилась вся и целиком. Читатель найдет ее в приложении к этой книжке.

Прощай же, экзотический Памир! Прощайте, вековые снежные вершины, блеск ледяных громад и зубья черных скал! Пять лет подряд, с одним только перерывом в 1930 году, мы посещали вас, бродили по вашим неизведанным ущельям, подымались на высоты, где еще никогда не бывало человека, проникали в наиболее сокровенные уголки горных морщин и ледяных полей. И вот все кончено. Прощайте... Надо уходить... Эти мысли бродили у меня ночью, когда все пошло спать. Ну, что же, прощай Памир! Больше я тебя уже не увижу. А может быть, увижу? Чем чорт не шутит? Кто знает—не занесет ли меня опять сюда моя непоседливая натура!

На прощанье с читателями не могу отказать себе в удовольствии поделиться с ними еще воспоминаниями о минутах, пережитых на обратном пути.

Это было тогда, когда через несколько дней я, Бархаш, Арик Поляков и Стах Ганецкий оказались в кишлаке Хаит, не доезжая семидесяти пяти километров до Гарма. Для сокращения пути мы решили бросить лошадей и пуститься со всем нашим багажом вниз по бурному Сурхобу на специфически восточном средстве передвижения—на бурдюках, т. е. на надутых воздухом бычачьих шкурах.

Этим описанием мы и закончим наш рассказ.

ГЛАВА III НА БУРДЮКАХ

Путешествие на бурдюках было последним из эпизодов нашей экспедиции, заставившим всех нас еще раз пережить не особенно приятные минуты, но оставшимся навсегда в памяти благодаря своей оригинальности.

Бурдюк—это просто надутые воздухом восемь бычачьих шкур, уложенных по четыре в ряд, на которых укреплены сверху крест-на-крест жердины вроде сетки с квадратными окошками до полуметра шириной. На этом ут-

лом суденышке «без руля и без ветрил» переправляются таджики по бурным волнам бешеных горных рек. Суденышко крутит во все стороны, а бурдючники умело выгребают воду примитивными деревянными лопатами вроде тех, которыми у нас в больших городах дворники сгребают снег. Надувают бурдюки тоже довольно примитивно — прямо ртом, за неимением насоса или какого-либо иного приспособления.

На таких-то бурдюках двинуться вниз по Сурхобу от Хаита до Гарма предложили мне теперь мальцы, чтоб сэкономить время.

Но одно дело переправиться на бурдюках с одного берега на другой за какие-нибудь полчаса по руслу, более или менее известному бурдючникам-таджикам, и другое — пройти на них восемьдесят или девяносто километров, считая все изгибы, вниз по бешеной реке со всеми ее капризами и неизведанными, никем не проверенными глубинами, бурунами, отмелями и прибрежными камнями и скалами. Я категорически отказался поэтому от такого опасного эксперимента и запретил мальцам даже думать о нем. Они, однако, настаивали на своем, заявив мне, что-де и хозяин наш однажды уже совершил такое путешествие и в пять с половиной часов добрался от Хаита до Гарма. Пять с половиной часов или полутора суток? Мчатся по волнам вниз по течению или трястись тридцать с лишком часов на киргизской лошади по горам и горным тропам Таджикистана?.. Эти последние соображения заставили меня более серьезно отнестись к предложению мальцов.

— Ну, а сколько груза,—спросил я уполномоченного,—и сколько же человек поднимут ваши бурдюки?

— Вас пятеро да бурдючников будет человека три, да груза у вас килограммов сто-сто двадцать наберется — поднимут. Ишаков и баранов перевозят на бурдюках связанными,—сказал он,—и лошадей переправляют в плавь, привязанными к бурдюкам...

— Гм... а может быть, попробовать? Можно будет вызвать бурдючников?

— А мы сейчас их вызовем, они на том берегу. Завтра утром вы сможете часов в десять выехать; часам к четырем вы будете в Гарме.

— А не опасно?

— Как вам сказать... Опасность, конечно, есть. Бурдюки—дело неверное, главным образом из-за прибрежных скал. Ну, да бурдючники у нас опытные, и я думаю, что можно спокойно ехать...

— Ладно, пусть будет по-вашему! Едем на бурдюках! Радость обоих мальцов была неопишима, хотя они и старались этого не показать.

Это было поздно вечером девятнадцатого сентября. Но долго не могли заснуть мальцы, и долго слышал я, как полушопотом они переживали заранее все прелести завтрашнего путешествия.

Рано утром я поднял всех по обыкновению к семи часам утра, с тем, чтобы к десяти можно было действительно тронуться в путь. И как всегда расчеты оказались ошибочными. К десяти часам утра бурдючники явились. Бурдючники, но не бурдюки... Бурдючники—трое загорелых бородатых таджиков в белых полотняных рубахах, в туфлях на босу ногу—заявили, что их бурдюки не в порядке и что по меньшей мере часа два им нужно на то, чтобы поддуть бычачьи шкуры и залатать дыры.

— Дорога,—сказали они,—будет дальняя, и нужно, чтобы все было в порядке.

С этим, конечно, пришлось согласиться. Они ушли, сказав, что к часу все будет готово.

Тронулись мы действительно в час дня и, проехав кишлак, скоро подъехали, пересекши пару рукавов Сурхоба, к широкой отмели, проходившей около главного русла, где стояли готовыми бурдюки и ждали нас бурдючники.

То, что мы увидели, превзошло все наши ожидания.

На плесе реки вытянутыми на берег лежали бурдюки. Бычачьи шкуры были сделаны примитивно. Сравнительно небольшие по объему, настолько, что каждую можно было охватить руками, они имели по четыре отверстия,—по два с каждого конца, туго-натуго завязанные веревками. Каждое из этих отверстий кончалось чем-то вроде катушки, через которые таджики вдували воздух в бурдюки. Каждая шкура кроме того имела по три-четыре дырки, заткнутых ватой или хлопком из халатов бурдючников. При мне один из бурдючников на коленях затыкал подкладкой своего халата очередную дырку. Жерди были привязаны

Бурдюки.

к бурдюкам просто лыком. Лопаги были расщеплены, поломаны, перевязаны веревкой и проволокой. Самые жердинки, которые лежали поверх бурдюков, были не толще человеческой руки. И на этом-то «корабле» нам предстояло плыть около шести часов по бешено несущейся реке, причем сами бурдючники не могли с уверенностью сказать, что они точно знают и русло реки и все ее сюрпризы.

— Гм... Ну, и бурдюки!..—сказал я.

Мальцы, видимо, тоже были смущены. Только Бархаш и Воробьев не подавали вида, что на них производит впечатление наш дредноут. Бархаш по обыкновению сосредоточенно молчал, а Воробьев болтал обо всем, о чем угодно, только не об опасности движения на бурдюках.

Бурдючники взяли наши мешки и водрузили их посредине на жердинах, связав их друг с другом так, чтобы они не могли провалиться сквозь квадратные отверстия деревянной решетки.

Сколько нас? Пять и три бурдючника—восемь. Восемь человек и пудов пять груза,..

— Не много ли будет?

— Выдержат. Они по тонне хлеба перевозят на бурдюках. Отступать не приходилось. Мы распрощались с хозяином, поблагодарили его за радушный прием, с некоторой опаской уселись и наконец сказали:

— Трогай!

Бурдючники сразу столкнули наше суденышко в воду и, как только оно сошло с камней и щебня и закачалось на волнах, моментально вскочили на него и в определенном порядке расселись по углам—двое спереди и один сзади; таким образом, только один угол бурдюков оказался без бурдючников. Впрочем, сейчас же стало ясно, что определить точно, кто сидит спереди, а кто сзади, на бурдюках вообще нельзя: течение нас подхватило и понесло, и не отплыли мы еще и десятка метров, как наш плот завертело по волнам, как мяч: те, которые только что были сзади, оказались спереди, а те, которые были спереди, оказались сзади, и так было каждую минуту. Поехали...

Первое впечатление было, однако, не неприятно. Течение несло нас по широкому руслу главного рукава. Мимо нас бежали в обратную сторону длинные полосы покрытых мелкой галькой и камнем отмелей, за отмелями шли зеленые берега, сады кишлаков, желтые поля ячменя, а за ними медленно двигались подымавшиеся вдали каменные вершины гор. Несмотря на быстроту течения, несло нас ровно и плавно. Бурдючники почти не работали, изредка только выгребая к середине тогда, когда русло делало очередной поворот. Даже крутить нас стало меньше. Мы успокоились и даже защелкали своими фотоаппаратами.

Так началось наше путешествие на бурдюках.

Недолго продолжалось, однако, такое «мирное житие». Один из бурдючников вдруг бросил свое весло и, ставши на карачки, нагнулся к ближайшему бурдюку, вытащил хлопковую пробку из катушки, тут же на ходу взял катушку в рот и начал надувать бурдюк. Оказалось, что бурдюк все-таки был с дефектом, и воздух уходил из него с тонким свистом из какого-то неизвестного отверстия. Подремонтировав один бурдюк, бурдючник принялся за другой. За ним и другие бурдючники сложили свои весла и тоже начали ремонтировать бурдюки; один, старший бородач, оставался все время на страже. Это уже было не совсем приятно.

Но все же, пока мы шли по тому же широкому руслу, в конце концов никакой опасности в этом не было, так как в любой момент мы могли пристать к тянувшимся с обеих сторон большим отмелям.

Вскоре стало, однако, сказываться незнание бурдючниками русла. Река причудливо меняла направление, и все чаще и чаще наш бурдюк стало наносить на мелкие места. В этом случае мы все чувствовали, как вдруг бурдюки своим пузом начинали задевать за мелкие камни. Затем бурдюки застревали и останавливались, тогда бурдючники соскакивали в воду и сталкивали наш плот руками к более глубокому месту. Угроза того, что какой-нибудь бурдюк будет прорван насквозь попавшимся большим камнем, становилась все реальнее, не говоря уже о том, что от этого постоянного царапанья бурдюков о дно прочность их все уменьшалась.

В конце концов, после полутора часов движения, пришлось остановиться уже для капитального ремонта. Плот бурдюков пристал к очередной отмели, и мы все сошли на сушу, чтобы дать возможность проверить состояние всех бычачьих шкур. Две из них, находившиеся в самом центре, представляли собою уже пустые болтающиеся мешки, — воздуха в них не было совершенно, а булькала вода.

Время это мы использовали для завтрака. Ремонт занял около сорока минут, и мы тронулись дальше.

Хаит давно уже исчез, а вместе с тем переменялся и ландшафт. Вторая часть пуги оказалась, однако, далеко не такой спокойной, как первая. Мы пошли теперь по реке с гораздо меньшим числом рукавов, чем раньше. Горы сдвинулись с обеих сторон, и вместо широких отмелей и мягких травянистых берегов черные отвесные скалы начали все чаще и чаще попадаться на пути. Когда река поворачивала к таким скалам, в особенности тогда, когда она вся устремлялась в одно русло, ее течение делалось страшно бурным и стремительным. Наш плот в этих случаях начинало вертеть волчком. Несколько секунд он крутился, как бешеный, на одном месте и потом пулей вылетал опять на более спокойную воду. Волны, самые настоящие морские волны захлестывали в эти минуты его со всех сторон; иногда он принимал положение с уклоном чуть ли не градусов в тридцать, — в эту

минуту мы все хватались руками изо всех сил за деревянные жерди, опасаясь быть смытыми и сброшенными в бешеную реку.

Наибольшая опасность наступала тогда, когда мы пролетали под самими черными скалами. Даже спокойные бурдючники и те в такие моменты, выгребая изо всех сил своими жалкими деревянными лопатами, испускали гортанные крики:

— Ого! Угу!..

Они как бы старались подбодрить ими друг друга и помочь бурдюкам вырваться из бурунов и выскользнуть на тихую воду.

После первой же такой передрыги, поглядевши на своих ребят, я заметил, что румянец с их щек исчез, а после второй передрыги видел, что они посылали бурдюки к чертям не с меньшим удовольствием, чем посылал их я. Только Воробьев держал себя показно весело и в самых опасных местах покрикивал Полякову:

— Эй, фотограф! где же твоя «лейка»? Вот она, хорошая волна.

Волны действительно были хорошие.

Во всяком случае, когда еще через два часа после такой езды мы опять остановились для второго капитального ремонта бурдюков, все были ужасно рады, что могли вздохнуть и получить хоть некоторую передышку.

Я оглядел наши походные мешки, — они тоже были полны водой. Средние бурдюки опять дали течь и превратились в тряпку. Держались хорошо только основные боковые бурдюки. Мы ехали уже около четырех часов. Вдали уже можно было разглядеть гармские песчаниковые горы и гармский черный нависший мыс. Но это совсем не значило, что мы были близко. По нашим расчетам, мы шли с быстротой не меньше пятнадцати-восемнадцати километров в час. И при такой быстроте километров двадцать пять—тридцать еще нас отделяло от Гарма.

Я даже боялся, что будет поздно, что мы не успеем до захода солнца. Оно еще сияло на безоблачном небе, но уже явно склонялось к горизонту, а если оно зайдет за черную вершину раньше, чем мы доберемся до Гарма, нас охватит обычно наступающая очень рано на этих высотах непроглядная темь. Ночевать же на бурдюках было не-

возможно. Мы заторопились поэтому скорее двинуться в последнюю часть пути. Но как на зло в этой последней части река опять пошла узким руслом. Долина реки по-прежнему была широкой, но главное русло проходило под скалами, затем причудливо загибалось, наискось пересекало всю долину, опять шло под скалами уже по противоположной стороне и опять вновь проходило узким руслом при подходе к Гарму. И опять начало нас бросать по волнам и опять начало наносить на буруны.

Последнее препятствие оказалось самым страшным. Почти под Гармом, в каких-нибудь пяти километрах от него, река делала крутой поворот, под самым выступом огромного нависшего утеса. Средние бурдюки к этому времени опять отказались работать, ноги наши были почти в воде, а бурдюки несло с страшной силой прямо на скалы, прямо на пенящиеся буруны. Я начал прикидывать, есть ли у нас какая-нибудь надежда выплыть на ближайшую отмель, если бурдюки разобьет и мы окажемся в воде. Надежды, конечно, не было никакой...

Схватившись за деревянные хрупкие жерди, мы ждали этого последнего момента. Огромные волны, нахлынув сзади, обдали нас с ног до головы холодными брызгами... Снова с теми же криками бурдючники изо всех сил выгребали в сторону от скал и бурунов. Под самыми скалами черные камни высывались прямо из воды.

Но в самый критический момент, когда нас со страшной силой бросило прямо на буруны и завертело так, что мы все невольно начали читать «отходную», нас вдруг вынесло вон из бурунов на тихую воду. Надо прямо сказать, что только исключительная опытность бурдючников спасла нас от гибели. И только когда шипящие, пенящиеся волны остались позади, мы все смогли отпустить онемевшие, прилипшие к жердям руки и протянуть напряженные, заочневшие ноги.

— Ух!..

А дальше шла уже спокойная вода. Из главного русла мы свернули в боковой рукав, по которому плавно понеслись по направлению к беленьким домикам Гарма и его примитивной пристани.

Но пристать сразу оказалось тоже нельзя. Мы пронесли мимо маленькой электростанции, приютившейся

над самой водой, и наконец повернули к пологой отмели уже под самым Гармом. На отмели мы уже видели верховых лошадей и пограничников, выехавших нас встречать. Их предупредили по телефону из Хаита о нашем приезде.

— Стоп! Приехали.

Бурдюки мягко ткнулись о песок.

Когда мы вышли на берег, бурдючники вытащили плот и подошли к нам, так же радостно улыбаясь, как и мы. Мы с признательностью горячо пожали им руки.

Наш старый знакомый т. Кормилицын встретил нас радушно, как два месяца назад, и покачал головой.

— Опасное вы путешествие проделали,—сказал он.

— Да, это верно.

— Мы не рискуем так путешествовать.

— Ну, что же, надо всего попробовать. Надо позаботиться теперь о том, чтобы доставить бурдюки обратно.

— Ничего, мы завтра снарядим верблюда и, нагрузивши на него бурдюки, отправим их обратно. Едем сейчас ко мне, там ждет нас чай и ужин. Самолет заказан, завтра сможете двинуться дальше.

Да! С бурдюков на самолет! Пожалуй, только в советской стране еще возможно такое сочетание противоположностей. И в этом проявляется все та же могучая диалектика социалистического строительства нашей страны.

Так окончилось наше путешествие на бурдюках.

А вечером, уже за чашкой чая и сытным ужином, я посмеивался над своими ребятами:

— Что, бурдючков захотели, сукины дети? Ладно! Будете теперь помнить ваши бурдюки!..

Ребята весело хохотали...

На этом я могу закончить наш рассказ об экспедиции 1933 года и наших путешествиях по льдам, горам и волнам Таджикистана.

ЛЕДЯНОЙ ДОРОГОЙ

11 сентября

Ледник Хадырша лежал против нас неровный, бугристый, заваленный беспорядочно нагроможденным мореным материалом. Длина его была не больше пяти-шести километров. Язык его поднят на высоту в две тысячи семьсот сорок шесть метров.

Ледник зарождается на могучих фирновых сбросах величественной и грозной стены основного хребта, замыкающего долину Хадырши. Громадными ступенями он спускается со стены двумя широкими потоками на ровное дно долины и течет вдоль нее, закутавшись в грязное и плотное одеяло поверхностных морен. Когда-то ледник заполнял собою всю долину. Таял и отступал вместе с другими ледниками и ледник Хадырша. К настоящему времени он как бы прижался к западному краю долины. Кое-где на площадке можно видеть бесформенные кучи гранитных камней. Москвин в 1932 году насчитал таких куч двадцать три. Ледник стаял, морены были размыты, и обломки валунов сохранились благодаря исключительной прочности материала, из которого они были сложены.

По площадке, отделенной от ледника травянистой мореной, можно легко и быстро пройти почти до самого цирка ледника. Цирк Хадырши представляет собою мощную крутую стену, полукольцом охватывающую верховья долины. Стена уходит вверх под очень острым углом на высоту свыше пяти тысяч метров. Она обращена к северу

и потому сплошь снежная, местами обледенелая. И лишь кое-где из-под льда и снега торчат острые ребра темных скал, сложенных по большей части из сильно метаморфизированных сланцев, раздвинутых кое-где гранитными интрузиями.

Именно эту стену нам нужно взять во что бы то ни стало. Таково задание, для выполнения которого мы тут остались: я, Сережа Ходакевич и Юсуп.

С ХАДЫРШИ НА БЫРС

Мое внимание привлек подъем на стену по короткому крутому гребешку к выступу, отделявшему главное течение ледника Хадырша от его притока Томаши. Этот гребешок, казавшийся снизу острым, как лезвие ножа, отходил от одной из вершин, господствовавших над цирком Хадырши, и падал вниз, пересеченный несколькими фирновыми сбросами, к тому месту, где из-под льда выступали скалы. Здесь, на высоте примерно около четырех тысяч метров, фирн сменялся камнями и каменными осыпями, спускавшимися уже непосредственно к поверхности основного ледника.

Я оглядел в бинокль этот хребтик и забраковал его: круто, много льда, много ледорубной работы. Но кроме этого гребешка ничего подходящего не было видно. Сколько я ни шарил биноклем по склону, пути наверх не находилось. Всюду глаз наталкивался либо на ледяные отвесы, либо на чудовищные карнизы, грозившие ежеминутно обвалом.

Я снова перевел бинокль на гребешок и шаг за шагом начал его исследовать, мысленно как бы поднимаясь по нему.

Сначала осыпи—пустое! Как бы ни была крута осыпь, ее взять можно всегда. Над осыпями скалы. По всему видать: ломкие, ненадежные, те же выветрившиеся сланцы, по которым мы спускались с нашего перевала. На скалах придется попотеть. К счастью, они поднимаются вверх, как ступени: крутая стенка, за ней—ровный, спокойный подъем, потом опять стенка, опять ровно. После скал—фирн. Круто! Придется поработать ледорубом. Сбросы. Они рассекают гребень в нескольких местах. Наверное, придется их обходить где-нибудь сбоку. Перспектива мало

приятная, если учесть, что бока гребня падают под углом не меньше шестидесяти градусов и кажутся снизу сильно обледенелыми. Один сброс, второй, третий—самый грозный, запирающий выход по гребню к вершине. В конце концов вся загвоздка как раз в этих сбросах. На самом гребне обледенения не видно.

Еще и еще раз я осматриваю гребень. И мне уж кажутся смешными мои сомнения.

«Что за вопрос. Конечно, можно влезть! И если правильно организовать охранение, будет не так уж и опасно...»

А со стены обязательно должны быть видны верховья и Курай-Шапака и других ледников, которые лежат по южную сторону хребта.

Я перевожу бинокль на противоположную (восточную) сторону стены, туда, где вчера Николай Васильевич искал перехода в верховья Курай-Шапака. Безнадёжно. Всюду глаз натывается на крутые обледенелые скалы, требующие долгих часов напряженной, чуть ли не акробатической работы на отвесных каменных стенках в десятки метров высоты. Нет, по гребню—это единственно возможный путь.

Солнце и ветер разгоняют тучи. Над головой в разрывах облаков голубеет небо. Нам дано задание—ждать полного прояснения погоды и только после этого итти наверх. Стоит ли еще ждать! Похоже на то, что погода идет на поправку, что вторая половина дня будет хорошая.

Мы обсуждаем с Сережей план дальнейших действий. Решаем так: ждем еще час. Если нового ухудшения погоды не будет, снимаемся с лагеря, перебираемся на ледник к осыпи, которая ведет к облюбованному нами гребню, и идем вверх, сколько успеем до вечера.

В последний раз на хороших арчевых дровах,—выше дров не будет,—варим завтрак, кипятим чай. Скатываем палатку, помогаем друг другу подняться с тяжелыми рюкзаками с земли...

Земля влажная от утреннего дождя. Благодаря облакам итти не жарко. Мы шагаем один за другим вдоль подножья правобережной морены по высохшим руслам горных потоков, покрытым множеством отпечатков копыт кикиков. Шаг за шагом мы приближаемся к заключительному цирку ледника.

Мы идем не спеша. Торопиться нам сегодня некуда. Часто останавливаемся для отдыха и, сбросивши рюкзаки, любуемся развертывающейся перед глазами величественной панорамой верховьев ледника, слушаем оживленный говор падающих с каменных круч горных потоков.

Пора перебираться через ледник к подножью намеченного подъема. Он скрыт от нас боковой мореной, вдоль которой мы идем по травянистой ложбинке. Мы не имеем возможности выбрать наиболее удобное для перехода направление. Лезем наудачу по крутому травянистому склону морены и с ее гребня осматриваем ледник. Ледник сильно разорван поперечными трещинами. С трудом мы перебираемся через его трещины, промоины и загораживающие дорогу ледяные глыбы.

Но вот и каменная осыпь круто уходит вверх. Над ней видны скалы—нижний край того самого гребня, к которому мы хотим подняться. Навстречу нам скачет по камням пенистый поток.

Зигзагами взбираемся вдоль этого потока по осыпи. Эту осыпь мы еще снизу наметили для бивака. Место очень удобное: скалистый гребень защищает нас от холодного дыхания ледника, близко вода. Но мы никак не можем найти ровного места для палатки: падение склона слишком круто.

После долгих и бесплодных попыток мы принимаем решение площадку не искать, а делать. Подпираем камнями рюкзаки, чтобы они не скатились вниз, и дружно принимаемся за работу. Через час площадка готова, выровнена, на ней разбита палатка. Сережа устраивается подле нее с кухней готовить ужин, а я ползу по осыпи вверх—разведать наиболее удобный путь наверх к гребню.

Пока я хожу, сгущаются сумерки. Незаметно подкрадывается ночь.

Что может быть чудеснее ясной звездной ночи в горах среди ледников?

Кругом морозная тишина. На ледниках все застывает. Стихают шумливые потоки. Вершины снежных великанов смыкаются вокруг в одно тесное молчаливое кольцо. Они словно сдвинулись с места и подошли вплотную. Тускло поблескивают их ледяные шапки. Над ними перемаргиваются звезды. Порою кажется, что ближние скалы шевелятся и начинают куда-то ползти.

Время от времени над лагерем пронесится холодный порыв ветра. Это ночной привет с верховьев ледника.

Надо бы спать: завтра опять вставать на рассвете. Но сон не приходит. Волнует неизвестность, которая нас окружает, волнуют тайны загадочного сплетения горных цепей и никем еще не пройденных ледников. Такое волнение охватывает каждого исследователя-географа, первым вступающего на никому не ведомую землю.

Мы с Сережей—первые люди, забравшиеся сюда. Сколько нам придется подниматься по ребру? Полдня, день или больше? Сможем ли мы по нему выйти на гребень основного хребта?

Неровный бег мыслей вдруг обрывается. Где-то по другую сторону ледника валится невидимая в темноте огромная лавина. Ущелье Хадырши сразу наполняется грохотом, напоминающим удары грома. Эхо подхватывает и разносит его раскаты над ледником, перебрасываясь от одного утеса к другому...

Я считаю секунды, отмечающие длинный путь лавины по ледяной стене. Мало-по-малу шум лавины слабеет—она докатилась до подножия стены. Замирает в дальних ущельях эхо, и снова тишина—напряженная, готовая каждую минуту прорваться грохотом нового обвала.

Мысли у меня начинают путаться. Глаза слипаются. Сон...

13 сентября

Утро пришло ясное, солнечное. Как хорошо, что мы не остались внизу: мы имеем возможность, не теряя ни одного часа на преодоление подходов к гребню, сразу начать восхождение.

Сборов у нас немного: скатать палатку и спальные мешки, упрятать в рюкзак кухню и продовольствие.

По разведанному мною накануне пути мы медленно взбираемся наверх. Гребень полого уходит вверх, прерываясь кое-где скалистыми выступами.

Метр за метром мы преодолеваем подъем. Когда мы вышли, было свежо. Холод щипал руки, заставлял быстрее шевелить ногами. Через час уже стало жарко. Дает себя чувствовать высота. Тяжелый рюкзак лямками оттягивает назад плечи.

Идем час, другой, третий. Чем выше мы поднимались, тем круче становились ребра гребня, тем труднее было преодолевать поднимающиеся над ним скалы. Мы шли прямо по грани, никуда не сворачивая. Скалы громоздились у нас над головой, закрывая вид наверх. Мы преодолевали одну каменную кручу за другой. И нам казалось, что мы взбираемся по ступеням какой-то лестницы гигантов и что этой лестнице не будет конца.

Время подходит к полудню. Страшно хочется есть: наш утренний завтрак был не очень плотен. Мы с Сережей обсуждаем меню нашего сегодняшнего обеда. Но дальше обсуждения дело не идет: вокруг нас нет совершенно воды. Волей-неволей приходится отложить обеденный перерыв. Мы знаем, что скоро конец каменному гребню. А на краю фирнового покрова мы рассчитываем найти воду. Если воды не будет, нам ничего больше не остается, как растопить снег.

Еще одна—самая высокая и в то же время крутая и потому трудная каменная стенка. Взобравшись на ее вершину, мы видим, что дальше идет уже покрытый фирном гребень, и получаем возможность уже с более близкого расстояния, нежели вчера, оценить условия предстоящего восхождения.

Мы уже поднялись выше снеговой линии. Северный склон нашего гребня—весь в снегу. Южный склон, обращенный к леднику,—отвесная бесснежная каменная стена. Мы идем по самому краю этой стены, вдоль кромки фирнового поля. Свободное от снега пространство становится постепенно все уже и уже. Еще немного—и гребень весь уходит под сплошной фирновый покров.

Гребень здесь достаточно широк, чтобы можно было поставить палатку. Выровнять площадку на осыпи ничего не стоит. Из-под фирна здесь как раз течет ручей талой воды. Лучшего места для лагеря на этой высоте не найдешь. Мы сбрасываем рюкзаки и вырабатываем план действий.

Обедать. Ставить палатку. Час отдыхать. Отдохнув, лезть дальше. Если удастся—взойти наверх. Если не удастся—ограничиться подготовкой в фирне ступенек для восхождения завтра.

Вершина ледяной стены кажется очень близкой. Мы,

задравши головы вверх, измеряем глазами расстояние до нее. Прикидываем, сколько времени может потребовать от нас преодоление преграждающих путь фирновых сбросов. Выходит, что если мы тронемся из лагеря в два часа, то к пяти часам будем наверху. Так ли?

Час, назначенный для отдыха, пролетает незаметно. На всякий случай набиваем карманы галетами, связываемся веревкой, подвязываем кошки.

Юсуп с явным неодобрением относится к нашим приготовлениям. Он опасливо поглядывает наверх и с сомнением качает головой.

— Яман... Дорога—иок. Мой пошел—курсак (живот) пропал...

Сережа отшучивается:

— Тебе бы все о курсаке беспокоиться...

В двух шагах от палатки начинается фирн. Фирновое поле полого уходит вверх. Уверенно опираясь на шипы кошек, мы медленно, соблюдая установленную правилами дистанцию, шагаем вверх.

Первое препятствие. Фирновое поле круто загибает вверх и обрывается под карнизом, вытянувшимся поперек гребня. Высота карниза четыре-пять метров. С его края свешиваются огромные ледяные сосульки. Некоторые из них доросли до поверхности фирнового поля и превратились в хрустальные столбы. Взмах ледорубом—и они с серебряным мелодичным перезвоном осыпаются сверху миллионами искр. Мы обрушиваем нависший над головами карниз и рубим в ледяной стене ступеньки, чтобы выбраться наверх.

Над карнизом—ровная фирновая площадка. За ней новое препятствие—гигантский фирновый сброс в несколько метров высоты, далеко выдавшийся вперед верхним своим краем.

О том, чтобы взять его в лоб, нечего и думать. Слева сброс обрывается ледяной стеной, основание которой тянется где-то внизу, на ледопаде ледника, в нескольких десятках метров под нами. Справа сброс как ножом отрезан крутым западным склоном нашего хребтика. Здесь вдоль самого края хребтика тянется острый фирновый гребешок.

Единственный способ перебраться через сброс—под-

няться по этому гребешку к боковому краю сброса, вырубить в нем сбоку несколько ступенек и по ним влезть наверх.

Мы видим только начало и одну сторону фирнового гребешка. Что представляет собой он дальше? Не обрывается ли он и в эту сторону ледника карнизом? Если так, то восхождение по гребешку очень опасно.

— Внимание!

Сереза хорошенько закрепляется. Втыкает в фирн доотказа ледоруб, перекидывает через него веревку и понемногу выдает ее мне.

Тщательно прощупывая ледорубом рыхлый снег, я поднимаюсь к краю нашего гребня. Я готов к тому, что масса снега, на которой я стою, рухнет вместе со мною вниз. Снег рыхлый. Каждый шаг дается с величайшим трудом...

Есть карниз или нет?

Еще шаг—и я имею возможность заглянуть через гребень.

— Ну, как?—с тревогою спрашивает снизу Сереза.

Он впился в меня глазами, следит за каждым моим движением, готовый каждое мгновение в случае катастрофы перехватить веревку, навалиться всей тяжестью тела на ледоруб, чтобы удержать меня на склоне...

Я приветливо машу ему рукой.

— Все в порядке. Карниза нет. Можно подниматься по самой кромке гребня.

Я подтягиваю его к себе. Прочно усевшись верхом на гребне, он страхует меня в то время, как я рублю ступени на боковом краю загородившего нам дорогу сброса.

Четверть часа работы ледорубом, и я выбираюсь наверх. Следом за мной лезет Сереза.

Еще одно препятствие позади!

За сбросом—небольшая ровная площадка, заканчивающаяся трещиной. Приходится искать надежный мостик для перехода. Сейчас же за трещиной—новый сброс. Он менее крутой, чем пройденный нами, и мы лезем по нему прямо в лоб, вырубая ледорубом ступени в твердом фирне.

Дальше гребень, по которому мы идем, суживается. Но подъем становится страшно крут. Мы должны подниматься по самому ребру.

Прижимаясь животом к кромке гребня и держась обеими руками за глубоко уходящий в снег ледоруб, я выби-

ваю носками ступеньки в фирне—одну с левой стороны гребня, другую—с правой. Сережа внимательно следит за моей работой и боится меня с помощью веревки.

Веревка кончается. Надо укрепляться, чтобы страховать Сережу.

Я разгребаю на гребне площадку, на которую можно сесть, глубоко уйдя ногами в фирн. Сажусь, перекидывая через плечо веревку.

Сережа медленно поднимается по ступенькам, как по пожарной лестнице.

Новая беда! Ледоруб не хочет уходить в снег. Лед!

Этого только не хватало. Лед под снегом. Снег здесь уже не представляет такой надежной опоры, как раньше. Кошки бесполезны, ибо шипы их не достигают льда. Под них набивается снег, и они совсем не держат. Опять надо рубить ступеньки во льду. Но до него надо сперва добраться.

Я чищу со льда слой покрывающего его снега. Бедный Сережа: снег из-под ледоруба сыплется сверху прямо на него, в рукава, за ворот. А он не может даже опустить головы: он обязан следить за мной и, забывая о собственных удобствах, думать только о моей безопасности.

Нелегкая это задача—рубить ступеньки во льду под снегом. На каждую ступеньку затрачивается множество усилий и времени. Высота крайне затрудняет работу. Приходится часто останавливаться, чтобы перевести дух.

Работа идет необычайно медленно. Приходится соблюдать величайшую осторожность: справа и слева пропасти страшной глубины. А охранение на остром ледяном гребне, вздыбленном под углом по крайней мере в пятьдесят градусов, имеет больше, пожалуй, моральное, нежели практическое значение.

Увлеченные работой, мы не заметили, как переменилась погода. Набежали тучи. Солнце скрылось. Температура начала быстро падать. Руки стали замерзать в насквозь промокших перчатках.

А гребень все тянулся вверх. Казалось, ему не будет конца. Позади нас лежал уже добрый десяток ступеней. Силы у нас были на исходе. Время от времени налетали порывы ветра, заставляя нас ежиться в одежде, мок-

рой от засыпавшегося за рукава и за ворот снега. Все чаще и чаще я бросал ледоруб и пытался отогреть посиневшие от холода руки, засовывая их поглубже в карманы.

Особенно страдал от холода Сережа. У него были когда-то во время лыжного пробега по Белоруссии отморожены пальцы на ногах. После этого они стали крайне чувствительны к морозу. Я видел, что ему становится невозможно, и предложил повернуть обратно.

— Да ведь осталось-то до верху пустяки. Дойдем.

— Холодно.

— Это не новость! Иди вперед! Дойдем!

И мы дошли.

Обледенелый участок на гребне оказался не так уж велик. В верхней своей части гребень сделался более пологим и менее острым. Лед здесь снова сменился фирном. Это обстоятельство позволило нам несколько ускорить темпы восхождения.

Наконец мы выбираемся к тому месту основного хребта, откуда отходит наш гребень. Ура! Мы на верхушке стены, замыкающей цирк Хадырши.

Но восхождение заняло гораздо больше времени, чем мы предполагали. Когда мы вышли наверх, день уже склонялся к вечеру. Солнце утонуло в тумане. Облака, точно хлопья грязной ваты, лежали кругом и совершенно закрывали вид в ту сторону, которая нас больше всего интересовала. Ущелье ледника Хадырши, откуда мы поднялись, также пропало в тумане. Налетел порыв ветра. Ключья тумана зашевелились, словно живые. Откуда-то сверху начала сыпаться снежная крупа. Все говорило за то, что к ночи можно ждать вьюги.

Погода подвела: восхождение, стоившее нам так много усилий, ровным счетом ничего не дало нам в смысле ориентировки. Туман сгущался, мороз крепчал, надвигался вечер. Надо итти назад.

— Ну, что ж. Спускаемся?

— Только без спешки. А то спустишься совсем не туда, куда надо.

Неудача нас не очень огорчает: если завтра погода улучшится, мы без особых трудностей поднимемся на хребет по готовым ступенькам.

Мы спускаемся медленно-медленно, рассчитывая кажд-

дый шаг и стараясь не завалить сделанных в фирне и льду ступенек. Ноги страшно страдают от холода. Пальцы на руках совсем свело, и они плохо слушаются. Веревка замерзла и не хочет гнуться как следует. Многие из наших ступенек приходится расчищать заново.

Сумерки наступают нас еще на гребне. Только бы успеть до темноты пройти опасные места!

Из тумана сыплется снежная крупа. Ветер бросает ее нам в лицо, в глаза.

В надвигающейся темноте карниз с ледяными сосульками, через который мы прорубали себе дорогу при восхождении, кажется повисшим над бездонной пропастью. Но мы уже знаем, что за ним ничего страшного нет, и, переваливаясь через его край, мы просто спрыгиваем на фирн и бежим к нашей палатке.

Юсуп бросается нам навстречу, ловит наши руки и крепко-крепко их жмет. Он радостно взволнован и что-то быстро-быстро говорит. Оказывается, он все время наблюдал за нашим восхождением и страшно беспокоился за нас. Когда сгустился туман, он потерял нас из виду и был уверен, что случилось несчастье... И вдруг услышал наши голоса и увидел нас живыми и невредимыми.

Давно не пили мы с таким удовольствием горячий чай. С каким наслаждением мы оба, я и Сережа, вытянулись в своих теплых спальных мешках, прислушиваясь к шуму разыгравшейся за полотняными стенками непогоды.

На этот раз мы просыпаемся поздно. Первая мысль: как погода?

Я высовываю голову из палатки. Восток горит яркими красками рассвета. От тумана нет и следа. Все обещает яркий солнечный день.

Не хочется терять на сборы ни одной лишней минуты. Ночью был мороз, и фирн скован им. Подниматься по замерзшим ступенькам куда легче и безопаснее, чем по рыхлым и осыпающимся под тяжестью тела.

Солнце до нас еще не добралось. Воздух необыкновенно чист и прозрачен. В закоулках ущелий притаились ночные тени. Натягиваем шлемы и ватники. Дольше обычного возимся с кошками: пальцы цепенеют от холода, и никак не совладаешь с обледеневшими вчера ремнями. Такая же канитель с обмерзшей веревкой.

Наконец мы снова идем вверх по проложенным накануне следам. Юсуп опять остается в лагере. Как и вчера, уходя вверх, мы не ставим себе задачи перевалить на противоположную сторону хребта. Мы предполагаем ограничиться только разведкой и вернуться прежней дорогой обратно.

На этот раз подъем идет куда быстрее. Кошки на застывшем фирне держат гораздо лучше. А самое главное, не приходится терять времени на рубку ступенек. Правда, кое-где наши ступеньки замело за ночь снегом, и их приходится расчищать. Но это требует гораздо меньших усилий, нежели рубка. В основном же наша дорога цела. Издали гребень, пробитый нашими вытянутыми в ниточку следами и ступеньками, напоминает край напильника.

Отмороженные ноги у Сережи туго стянуты ремнями кошек и больше вчерашнего страдают от притаившегося в снегу холода. Сережа мучается основательно: морщится, все время бьет ногу об ногу. В конце концов он плюхается на снег и начинает поспешно расшнуровывать ботинки.

— Больше сил нет. Надо оттирать снегом.

Из-за хребта, через который мы переваливали с Курай-Шапака на Хадыршу, поднимается солнце. В воздухе сразу становится теплее. С тихим шелестом начинают осыпаться образовавшиеся на снегу за ночь тонкие пленочки льда. Еще полчаса—и мы вынуждены уже снять ватные телогрейки.

И наконец мы снова на вершине основного хребта. Он встречает нас сегодня совсем иначе. Ветра нет, сияет солнце. На север, на запад, на юг отчетливо видны самые дальние, находящиеся в десятках километров от нас горные вершины. Но вид на юго-восток, в пределах «белого пятна» прикрыт от нас низеньким хребтиком, отходящим от основного хребта в сторону, противоположную той, с которой мы поднялись. Чтобы заглянуть через него, я поднимаюсь на склон одной из вершинок, несколько возвышающихся над основным хребтом. Отсюда прекрасно видно все, что мне надо...

Из года в год я путешествую в горах. Десятки раз на Урале, на Кавказе, на Памире случалось подниматься на огромную высоту. Но каждый раз я наново переживаю

захватывающее чувство восторженного восхищения той фантастической, совершенно не поддающейся описанию, поразительной по красоте картиной горного мира, которая разворачивается перед глазами добравшегося до вершины альпиниста. Высочайшие вершины, глубокие пустынные горные долины, блюдечки бирюзовых горных озер, сверкающие на солнце серебряные ниточки горных потоков, дикие скалы, сочетание белоснежных полей с безбрежной синевой летнего неба, тонушие в легкой дымке дальние горные цепи, одиноко бродящие меж каменных великанов барашки-облака... Этой картиной можно любоваться целыми часами, не зная усталости, забывая обо всем...

Но сюда мы забрались совсем не для того, чтобы любоваться горными панорамами. Надо приниматься за дело. Мы устремляем свое внимание на юго-восток.

Наконец-то! Вот оно, загадочное пятно, так долго дразнившее нас и не хотевшее сдавать нам своих неприступных позиций. Теперь оно от нас не спрячется. Я имею полную возможность с компасом в руках проследить направление горных хребтов, составляющих узел пика Крупской. Вершина, названная Николаем Васильевичем этим именем, у меня перед глазами—массивная, сплошь снежная, яркая и сверкающая под лучами солнца своими обледенелыми северными склонами.

Я усаживаюсь поудобнее на разогретых солнцем камнях, раскладываю на коленях записную книжку и крестиками наношу на ее страницы и пик Крупской и его белоголовых соседей, загородивших моим товарищам дорогу с Фортамбека и Саграна, и горные цепи, в узле которых поднимается с десятков открытых отрядами нашей экспедиции никому не известных ранее вершин. То, что я вижу, совершенно не сходится с картой, составленной участниками нашей экспедиции в прошлом году.

Основной хребет, на который мы вышли, не очень крутыми и совершенно свободными от снега осыпями спускается на юг к фирновым полям какого-то ледника, далеко врезающегося в пределы «белого пятна» своими истоками. Этот ледник смыкается своими верховьями с ледником Курай-Шапак, течет в широтном направлении в сторону Саграна и является одним из его левых притоков.

Но слева в Сагран, как я знаю, впадают только Бырс и Шини-Бини. Который же из них лежит перед нами?

Ледник Бырс показан на карте подходящим своими верховьями совсем не туда, где мы находимся. По карте он стекает нес основного хребта, а с его отрога, отделяющего Хадыршу от Иргая, подходя верховьями к верховьям левого истока ледника Томаши. Ледник, который лежит перед нами, заходит фирновыми полями гораздо дальше на восток. Я прикидываю глазами его длину. Она, по моим измерениям, чуть не вдвое больше, чем длина ледника, нанесенного на карту под названием Бырс. Ледник Бырс имеет на карте один исток. Наш ледник—два.

Может быть, перед нами Шини-Бини? Судя по карте, он длиннее Бырса, складывается из двух рукавов. Но если так, то на карте совсем неправильно нанесен основной хребет, на который мы вышли. У нас—ледник под ногами, а на карте он лежит в пяти-шести километрах от хребта.

Как бы там ни было, несомненно одно: ледник, лежащий перед нами, своими истоками уходит далеко в пределы «белого пятна». С него имеются перевальные точки с одной стороны на Хадыршу, с другой—на Курай-Шапак, с третьей на Фортамбек, щель которого я вижу в просвете между пиком Крупской и остроконечной скалистой вершиной, сложенной из мрамора, поднимающейся в верховья Курай-Шапака. Ледники здесь заходят один за другой примерно так же, как растопыренные пальцы двух рук, если их сложить вместе.

Я вычерчиваю на листке полевой книжки схему расположения ледников, верховья которых как бы стянуты в один узел из возвышающихся над ними горных цепей, и сличаю ее с картой. Пробелы в центре этой карты, пресловутое «белое пятно», оказываются заполненными целиком. Это значит, что расчеты наши оказались правильными и мы не напрасно потратили так много усилий, чтобы взобраться на хребет, поднимающийся над Хадыршей. Это значит, что задача, возложенная на мою группу Николаем Васильевичем, почти целиком выполнена. Я говорю «почти», ибо полностью ее можно будет считать выполненной только тогда, когда я буду знать, какие ледники мы видим сверху.

Разумеется, я не могу поручиться за точность своей работы. Будь со мною теодолит, я сделал бы совершенно точные засечки и «поставил» бы все вершины, которые я отсюда вижу, на те места, которые они занимают в натуре. Но со мной только компас, и я даю самую грубую схему. Эта схема коренным образом меняет то представление, какое у нас сложилось о «белом пятне», заставляет совершенно наново перечертить соответствующие участки составленной в прошлом году на основе глазомерной съемки карты северных склонов хребта Петра Первого.

Мы сидим наверху уже больше часу. Работа подходит к концу. Мы с Сережей вдвоем рассматриваем мою схему, сличаем ее с натурой, подправляем детали.

В ней все ясно, кроме одного: какой же ледник подходит к основному хребту Хадырши с юга? Бырс или Шини-Бини?

Есть только один способ получить ответ на этот вопрос: пройти по этому леднику и выяснить, куда он выходит. Выходы и Шини-Бини и Бырса нам очень хорошо известны, и мы по ним всегда определим, что это за ледник.

Спуск на этот, являющийся для нас загадкой, ледник не представляет никаких трудностей. Фирновое поле ледника совершенно гладкое. Трещин на нем не видать. Фирновое поле переходит в крутой ледопад. Его можно обойти по скалам и осыпям. За ледопадом падение ледника выравнивается, и он течет так же, как Хадырша, в широкой ровной долине, поросшей травой и арчевым лесом. Как было бы хорошо спуститься на этот ледник, исследовать его весь от перевального гребня, на котором я сижу, до языка, выйти по нему в ущелье Саграна. Вероятно, до нашей базы на берегу реки Сагран, где назначен наш сборный пункт, ходу здесь будет не больше шести-восьми часов.

А что если в самом деле пойти? Можно было бы убить сразу двух зайцев: окончательно выяснить, с каким ледником мы имеем дело, точно его измерить и зарисовать и передать Николаю Васильевичу, если он еще не успел уйти с базы, составленную мною схему. Нам представляется, что результаты наших наблюдений сделали бы, пожалуй, излишними для нашей экспедиции дальнейшие попытки проникнуть к «белому пятну» и сэкономили бы не мало сил и времени.

Но у нас все вещи остались с Юсупом в лагере на Хадырше. Если возвращаться за ними, то сегодняшний день пропадет даром: по размякшему снегу с тяжелыми рюкзаками не подняться. А как быть с Юсупом? Тащить его с собою наверх? У него нет ни кошек, ни ледоруба. На остром гребне, на крутом ледяном склоне он даже при наличии ступенек будет ходячей опасностью и для самого себя и для нас. Может быть, отпустить его одного вниз по долине Муук-су на Сагран, а самим с Сережей махнуть через перевал? Нет, отпускать Юсупа, не имеющего ни малейшего представления об альпинистской технике, одного в далекий путь через ледники и скалы, не годится. Самое лучшее было бы сегодня же перевалить через наш хребет, на котором мы находимся, чтобы захватить на базе Николая Васильевича и его группу. А не зная, какие ледники заходят в пределы «белого пятна», я никак не мог считать своей работы законченной. Ошибка, допущенная Николаем Васильевичем в определении пути для подхода к «белому пятну», обусловленная тем, что он не знал, какой ледник открылся перед ним со скал над Фортамбеком, была наглядным уроком.

Есть еще вариант: один из нас, скажем я, немедленно, не возвращаясь на Хадыршу, идет вниз на Сагран, другой спускается на Хадыршу, забирает с собою Юсупа, вещи и кружным путем идет на базу.

Сережа слушает это последнее мое предложение без всякого энтузиазма.

— Сможешь ли ты один, без охранения спуститься по нашим ступенькам в лагерь к Юсупу?

— Потихоньку, понятно, спущусь. И ничего со мною не станется. Но дело не во мне. Я пойду по готовой дороге. А вот как ты один спустишься там, где еще никто никогда не ходил? И потом: ты это ведь прекрасно знаешь, это против всяких правил—ходить по ледникам в одиночку...

Сережа прав!

Но если отказаться от моего плана,—значит надо отказаться и от исследования ледника. Юсупа мы через гребень перетащить не сможем, а отпускать его одного и идти сюда вдвоем нельзя. Вся наша работа, которую мы так успешно начали, будет неполноценной.

Сережа колеблется. Он чувствует, что и я прав. И в

то же время никак не хочет примириться с мыслью, что мы должны расстаться, что я останусь один в ледниковой пустыне.

— Ну, а как же с едой! У тебя ведь ничего здесь нет. И нет спального мешка.

Меня это не тревожит: я уверен, что, отправившись в путь немедленно, я к вечеру доберусь до нашей базы. В крайнем случае, если бы я не дошел до нее засветло, я заночую в долине Саграна у костра с тем, чтобы рано утром завтра спуститься на базу. Не умру же я за сутки от голода!

Думать и детально обсуждать последний вариант некогда. Мне он представляется единственно правильным в тех условиях, в каких мы находимся. Если идти, так надо идти немедленно.

— Давай, Сережа, решать.

Сережа хмурится.

— Что же решать? Ты уж, по-моему, решил. Раз надо—значит надо...

Он выворачивает свои карманы и отдает мне весь свой более чем скромный запас галет и замусоленных от долгого лежания в кармане кусков сахара, уступает мне большую часть своей доли шпрот и сгущенного молока. Пустую жестянку из-под молока я засовываю в карман: в случае, если мне придется заночевать в одиночестве, я в ней смогу согреть себе воду.

Веревку, которой мы были связаны, я забираю с собой. Мне она может понадобится. Из теплых вещей со мною вязанный шлем и ватник. В ватник я закатываю кошки и с помощью веревки пристраиваю узелок себе на спину.

— Готов?

— Все!

— Ну...

Мы крепко жмем друг другу руки.

— Смотри, будь осторожен на спуске. Главное—не спеши.

— И ты!

— Прощай!..

И острая кромка хребта нас разлучила.

Было примерно одиннадцать часов, когда я начал спускаться.

Я спускался по южному склону гребня. Сюда выходили те же самые сланцевые породы, из которых были сложены скалы северного склона основного хребта. Они были сильно разрушены и наполовину погребены под обломочным материалом, покрывавшим в виде огромных осыпей весь склон хребта. Осыпь была не очень крутая, но подвижная и неустойчивая. Спустился я по ней без особых затруднений.

Выйдя на фирновое поле, я присел на камень, чтобы отдохнуть. И тут мне пришла в голову несчастная мысль: попытаться спуститься с фирнового поля не кружным путем, по скалам противоположного от меня левого берега, как я наметил, изучая ледник сверху, а кратчайшим путем, непосредственно по леднику. Каков был путь по леднику—я сверху в подробностях не видел, ибо ледопад был тогда скрыт от меня выступом основного хребта. Но с фирнового поля мне показалось, что ледопад сравнительно короток и большого падения не имеет. «Если будет трудно,—думалось мне,—выберусь на берег—и все».

Сперва падение ледника действительно было небольшим. Но чем ниже я спускался, тем ледник становился круче. Слева и справа от него поднимались черные выветрившиеся скалы. Внизу под ногами в сотне-другой метров лежала долина, в которую мне предстояло спуститься.

Скоро мне пришлось остановиться, чтобы вытащить и надеть кошки. Удвоив бдительность, я медленно и осторожно спускался вниз.

Трещина. Потихоньку обхожу ее сбоку. За ней другая, Она разрезает ледник по всей длине. Высматриваю ледяной мостик. Тщательно проверяю его прочность. Перебираюсь...

Все возрастающая крутизна падения ледника возбуждает тревогу. Если так пойдет дальше, то надо выбираться с ледника на берег. Но выбраться, оказывается, не так просто. Как это часто можно наблюдать на Памире, между льдом и береговыми утесами образовался широкий коридор. Ледник тянется вдоль этого коридора сплошной стеной в двадцать-тридцать метров высоты. Спуститься с этой стены нет никакой возможности.

Пробую спуститься по леднику ниже, чтобы найти проход к берегу в ледяной стене. Ледник дальше падает вниз

гигантскими ступенями. Преодоление верхней из них отняло у меня чуть не полчаса времени: потребовалась ледорубная работа. Без ступенек, не имея охранения, спускаться здесь было уже рискованно.

Работа моя оказалась напрасной: ледяная стена, которой обрывался по бокам ледник, дальше была еще менее доступной, и последующий спуск по леднику оказался невозможным из-за крутизны широких поперечных трещин. А дальше ледник раскалывался на отдельные ледяные глыбы, высотой в десятки метров....

По сделанным мною ступенькам я вскарабкался обратно, заглядывая в каждую щель в поисках выхода с ледника. Мне везет: в одном месте край ледяной стены под давлением сверху нагнулся над отделяющим лед от береговых скал коридором. От края стены до дна коридора здесь метров пять-шесть: можно спуститься по веревке, если на поверхности ледника найдется, за что ее зацепить. Иначе я вынужден буду ползти по леднику на самый верх, к фирновому полю, и с него переходить на скалы. Это означает потерю по крайней мере полусуток. А я и без того потерял массу времени из-за рубки ступеней.

Неподалеку от бокового края ледника натыкаюсь на продольную коротенькую трещину. Давление ледника далеко выдвинуло ее верхний край над нижним. Оба края спаяны друг с другом широкими ледяными сосульками. Я выбираю из них одну, диаметром в двадцать-тридцать сантиметров, пропускаю за нее веревку. Концы веревки бросаю вниз, через край ледяной стены. Я зажимаю веревку в кулаке и, держась за нее, спускаюсь по крутому ледяному скату к краю ледника.

Немного акробатики, и наконец я чувствую под ногами камни. Дело нескольких минут снять кошки. Дергаю веревку, и она сваливается к моим ногам. Вытираю выступивший на лбу пот: с этим проклятым ледником пришлось-таки повозиться! И понесла меня нелегкая пойти на ледник, а не спускаться берегом!

После пережитого напряжения хочется отдохнуть. Но сидеть некогда. Вперед!

Я снова закатываю кошки в ватник, надеясь, что ни кошки, ни веревка мне больше не понадобятся.

Но путь по желобу между ледником и скалами оказы-

вается не из легких. Падение ледника очень крутое. Приходится спускаться очень осторожно, чтобы не свалить на себя неустойчиво лежащие камни.

Проходит еще час. Спуск становится мягче, я перехожу со скал на боковую морену ледника. Еще полчаса, и я уже внизу—в той самой долине, которую так хорошо было видно сверху, с основного хребта. Ледник висит позади в скалистых берегах, напоминая снизу грязное полотенце. Здесь я ясно вижу то, чего не мог рассмотреть сверху: ледник, по которому я спускался, не доходит до основного ледника, заполняющего долину. В этот основной ледник он вливался, видимо, недавно, но потом отступил и теперь отделен от главного ледника большой конусообразной мореной в полкилометра длины. А главный ледник огибает тот самый хребтик, который загоразивал мне сверху вид в сторону «белого пятна», и смыкается своими верховьями с верховьями Курай-Шапака. Разделяющий эти ледники гребень отходит от основного хребта, на котором мы были с Сережей, и тянется непосредственно к пику Крупской. Как раз по нему и возможен переход и с Хадырши и с Курай-Шапака к этому пику.

Я поворачиваюсь к «белому пятну» спиной и торопливо шагаю вниз по долине. Она сильно напоминает долину Хадырши. Ледник, заполнявший ее раньше всю, теперь отступил к югу. Он тянется вдоль левого края долины. Правая ее половина так же, как на Хадырше, представляет собою широкое ровное плато, ограниченное с одной стороны стенкой того хребта, с которого я спустился, а с другой—высокой боковой мореной современного ледника. Плато тянется вдоль ледника на протяжении нескольких километров. По середине его течет речка, вытекающая из того ледника, по которому я только что спустился.

Застану я на сагранской базе Николая Васильевича или нет? Этот вопрос не дает мне покоя. Время— часа два или три. Мне надо поторапливаться, если я хочу засветло добраться до нашей базы: еще неизвестно, сколько времени потребует у меня путь до базы по ущелью Саграна, в которое я должен спуститься. Ведь если передо мною лежит не Бырс, а Шини-Бини, этот путь будет довольно-таки длинный.

Мало-по-малу плато становится уже. Боковая морена

ледника подходит вплотную к скалам северного склона хребта. Падение долины становится более крутым. Горный поток, мирно журчавший на плато, становится шумным и грозным. Наконец плато переходит в узкую каменную щель между мореной и стенкой хребта. Ледник горбится, и, образуя множество трещин, грязным, заваленным моренными обломками ледопадом падает вниз.

Спуск возможен только по морене, крутой и очень неровной. Ее склоны поросли лесом. Арча перемешивается с листовыми породами. Местами заросли настолько густы, что мне приходится через них продирааться с риском порвать в клочья и одежду и кожу на руках. Трава выше пояса.

Хочется есть. Но я уже давно съел последние обломки галет и куски сахара, какие у меня были. Несколько ниже я натываюсь на куст черной смородины. Она совсем поспела и как бы ждет, чтобы ее кто-нибудь попробовал.

Высота три тысячи метров. Я в долине Саграна. С высокого камня оглядываю окрестности. Ледник, вдоль которого я спускался, до Саграна не доходит. Теперь все ясно: я спускался по леднику Бырс.

Убедившись в этом, я вытаскиваю из кармана полевую книжку и делаю на составленной утром схеме необходимые пометки. Теперь она уже полностью закончена, перестала быть схемой и целиком сомкнута с имеющейся картой не только со стороны ледника Хадырша, но и со стороны Саграна и Бырса. Благодаря тому, что мне удалось исследовать ледник Бырс сверху и пройти его от верховьев до самого низу, он приобрел на карте совсем иные очертания, нежели имел раньше. Я не напрасно пошел на риск путешествия в одиночку: в дело географического познания высочайшего хребта Дарваза, каким является хребет Петра Первого, внесена еще одна лишняя подробность. Риск полностью оправдан достигнутыми результатами.

Вторая половина поставленной задачи: заставить Николая Васильевича на базе и доказать ему нецелесообразность восхождения по Шини-Бини после одержанного нашей группой успеха. Если бы это мне удалось, наша экспедиция сэкономила бы по крайней мере три дня работы....

Увы! На песке, оставшемся от какого-то высохшего потока, я вижу следы. Здесь совсем недавно прошли вверх по

долине люди, повидимому не дальше, как вчера. Прошли альпинисты: передо мною отпечатки подошв горных ботинок, подбитых гвоздями. Среди них отпечатки подошв совсем маленького размера. Обратных следов нет. Сомнений нет: здесь прошел Николай Васильевич со своей группой. Повидимому, ему удалось очень быстро перейти с Хадырши на базу. Не задержавшись ни на один день, он ушел вверх по Саграну на Шини-Бини. Он оказался гораздо более подвижным, чем предполагали мы с Сережей. Я опоздал.

Я выхожу на узенькую полузаросшую травой тропинку, которая ведет вдоль долины Саграна с Пешего перевала к Муук-су. Теперь я уже «дома». Еще пара-другая километров—и я вижу на противоположной стороне ущелья палатки, дым костра, людей.

Мост через бурный Сагран, грозно пенящийся в узкой каменной щели, крутой подъем вверх—и я среди своих.

Меня обступают со всех сторон, засыпают жадными, нетерпеливыми вопросами: почему я пришел сверху, а не снизу, что с Сережей, что мы с ним видели с перевала...

Вместо ответа я вытаскиваю и с торжеством показываю товарищам свою схему. В этой схеме—результаты упорного, тяжелого труда нашей экспедиции, конец последнего «белого пятна» Памиро-Дарваза, наш успех, наша победа.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
I. В УЗЛЕ ГАРМО	
<i>Часть первая.</i> Таджикистан	
Глава I. Гарм	13
» II. В пути	19
<i>Часть вторая.</i> Во льдах Гармо	
Глава I. На базе	31
» II. Вверх по Гармо	38
» III. На хребте	53
» IV. Первые итоги	67
<i>Часть третья.</i> Вторая разведка	
Глава I. По Ванч-даре	74
» II. Пулковский перевал	87
» III. Снова вместе	93
<i>Часть четвертая.</i> Кольцевой поход	
Глава I. На Ванч	99
» II. Печальный финал	126
» III. Итоги	136
II. РАЗГАДКА УЗЛА ГАРМО	
<i>Часть первая.</i> Опять по предгорьям Памира	
Глава I. Темпы, темпы!	141
» II. Через Тупчек	143
» III. По Муук-су	150
» IV. По Фортамбеку	168
<i>Часть вторая.</i> У ледяной стены	
Глава I. Первая разведка	184
» II. Вверх по Турамысу	228
<i>Часть третья.</i> Решение проблемы	
Глава I. На Хадыршу	278
» II. На Сагран и Шини-Бини	290
» III. На бурдюках	319
<i>В. Воробьев</i>	
Ледяной дорогой	328

ОТВАРЖЕНИЕ

Редактор *И. Трусов*
Технический редактор *З. Лившиц*
Корректор *Л. Руднев*

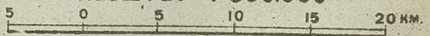
Москва. Уполном. Главлита Б 40899. Зак. изд. № 158
X—11. Тираж 7000. 82×110 1/32. 32000 п. з.
в 1 л. Сдано в набор 14/VI 34. Подп. к
печ. 17/XI 34 г. Заказ № 667.22 п. л.

71°20' 71°40' 72°00' 72°20' 72°40' 73°00' 73°20'

КАРТА СЕВЕРНОГО ПАМИРА (Высокогорный Памир)

Масштаб 1:500.000

Маршруты:

- Сов. Германской экспедиции 1928г.
- Отрядов Н.В. Крыленко 1929г.
- " " 1931г.
- " " 1932г.
- " " 1933г.

Условные знаки:

- x Перевалы.
- == Дороги с возможностью автодвижения
- - - Вьючные тропы.
- o 3197 Высоты в метрах.

71°20' 71°40' 72°00' 72°20' 72°40' 73°00' 73°20' Оформлял Дорейко